

ISSN 1999-2629

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЛИНГВИСТИКА**

POLITICAL LINGUISTICS

4(30)'2009

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

4(30)'2009

Научное издание

Екатеринбург 2009

УДК 409.34
ББК Ш 107
П 50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, проф. А. П. ЧУДИНОВ (Екатеринбург)

Заместители главного редактора:

кандидат филол. наук, доцент Э. В. БУДАЕВ (Нижний Тагил)

Члены редакционной коллегии:

доктор философии, профессор Р. АНДЕРСОН (Лос-Анджелес, США)

доктор филол. наук, профессор В. Н. БАЗЫЛЕВ (Москва)

доктор философии, профессор Д. ВАЙС (Цюрих, Швейцария)

доктор философии, профессор Дж. ДАНН (Глазго, Великобритания)

ректор УрГПУ, доктор пед. наук, профессор Б. М. ИГОШЕВ (Екатеринбург)

доктор философии, профессор И. ИНЬИГО-МОРА (Севилья, Испания)

доктор филол. наук, профессор Э. ЛАССАН (Каунас, Литва)

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА (Екатеринбург)

доктор философии, профессор П. СЕРИО (Лозанна, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор В. В. ХИМИК (Санкт-Петербург)

доктор филологии, профессор П. ЧЕРВИНЬСКИ (Катовице, Польша)

Технический редактор: А. И. СУЕТИНА,

Выпускающий редактор: кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА

Политическая лингвистика / Гл. ред. А. П. Чудинов; ГОУ ВПО
П 50 «Урал. гос. пед. ун-т» – Екатеринбург, 2009. Вып. 4(30). – 192 с.
ISSN 1999-2629

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает четыре основных раздела – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура» и «Классика политической лингвистики». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 409.34
ББК Ш 107

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
ВЫПУСК 4 (30)

Подписано в печать 15.12.2009. Формат 60x84/16.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Усл. печ. л. – 24,00. Тираж 500 экз. Заказ 3849.

Оригинал макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета

620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.ru

ISSN 1999-2629

© ГОУ ВПО «УрГПУ», 2009

© Политическая лингвистика, 2009

Ural State Pedagogical University

POLITICAL LINGUISTICS

4(30)'2009

Editor-in-Chief

Anatoliy P. Chudinov, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)

Deputy Editor-in-Chief :

Edward V. Budaev, Ph.D., Assoc. Prof. (Nizhniy Tagil)

Editorial Board

Richard Anderson Jr., Ph.D., Prof. (Los Angeles, USA)

Vladimir N. Bazylev Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)

Petr Cerwinski Ph.D., Prof. (Katowice, Poland)

John Dunn, Ph.D., Prof. (Glasgow, the UK)

Boris M. Igoshev, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)

Isabel Iñigo-Mora, Ph.D., Prof. (Seville, Spain)

Vasiliy V. Khimik, Ph.D., Prof. (Saint-Petersburg, Russia)

Eleonora Lissan, Ph.D., Prof. (Kaunas, Lithuania)

Natalia B. Ruzhentseva, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)

Patrick Seriot Ph.D., Prof. (Lausanne, Switzerland)

Daniel Weiss, Ph.D., Prof. (Zurich, Switzerland)

Ekaterinburg 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ		8
РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ		
Карасик В.И. Волгоград, Россия	Концепт как индикатор эпохи («очковтирательство»)	9
Лассан Э. Вильнюс, Литва	Лирическая песня как идеологический феномен	14
Малышева Е.Г. Омск, Россия	Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация	32
Синельникова Л.Н. Луганск, Украина	Политическая лингвистика: координаты междисциплинарности	41
Червиньски П. Катовице, Польша	Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц (4)	48
РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ		
Бушев А.Б. Тверь, Россия	Политический дискурс в материалах периодической печати фактографических и художественных жанров	72
Дементьева М.К. Москва, Россия	Языковые средства выражения оценки в современном российском официальном политическом дискурсе	82
Добрич Н. Нови-Сад, Сербия	Метафоры в политическом дискурсе Сербии – президент и образ великодушного отца	93
Завьялова Н.А. Екатеринбург, Россия	Черты современного политического дискурса Японии и их языковая манифестация	100
Керимов Р.Д. Кемерово, Россия	Метафорические образы в речах президента ФРГ Й. Рау	104
Кириченко В. Киев, Украина	Концептуализация политического пространства (на примере анализа образа Запада в дискурсе президентов Украины и Беларуси)	117
Красильникова Н.А. Новоуральск, Россия	Жертва или злодей? Метафорический образ Грузии в дискурсе общественности на сайтах СМИ Великобритании	128
Собиянэк К. Лодзь, Польша	Прогнозирование будущего России в романе-антиутопии В.Г. Сорокина «День опричника»	133
Трошина К.В. Екатеринбург, Россия	Архетипический компонент как составляющая президентской риторики Барака Обамы	138

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Билялова А.А. Набережные Челны, Россия	Рекламное коммуникативное пространство	142
Кушнерук С.Л. Екатеринбург, Россия	Прецедентные имена как актуализаторы текстовых миров в рекламе	145
Надель-Червиньска М. Катовице, Польша	Язык совдепии и мотивация семантического переноса в маргинальных средах: имена собственные в польском и русском уголовных жаргонах	148

РАЗДЕЛ 4. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Лейтес Н. Галина, США	Политбюро глазами Запада	164
Кейлз Р.М. Каламазу, США	Язык Пентагона – это разновидность новояза	177

РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Будаев Э.В. Нижний Тагил, Россия	Дискурс и политика	181
Веснина Л.Е., Григорьева Н.И., Тарасенко Е.О. Екатеринбург, Россия	Международная научная школа для молодежи «Политическая коммуникация» (Екатеринбург, октябрь 2009 г.)	183
Ворошилова М.Б., Чудинов А.П. Екатеринбург, Россия	Международная научная конференция «Современная политическая коммуникация» (Екатеринбург, сентябрь 2009 г.)	185
Правила предоставления рукописей авторами в журнал «Политическая лингвистика»		189

CONTENTS

EDITORIAL		8
PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS		
Karasik V.I. Volgograd, Russia	A Concept as an Epoch Indicator (“Show Off in the Report”)	9
Lassan E. Vilnius, Lithuania	Lyrical Song as an Ideological Phenomenon	14
Malysheva E.G. Omsk, Russia	Ideologem as Lingo-cognitive Phenomenon: Definition and Classification	32
Sinel’nikova L.N. Luhansk, Ukraine	Political Linguistics: Coordinates of Interdisciplinarity	41
Chervinsky P. Katowice, Poland	Language of the Soviet Reality: Semantics of Positive in Designation of Persons (4)	48
PART 2. POLITICAL COMMUNICATION		
Bushev A.B. Tver, Russia	Political Discourse in Mass Media Materials of Different Genres	72
Dementyeva M.K. Moscow, Russia	Linguistic Means of Evaluation Expression in Current Russian Official Political Discourse	82
Dobrich N. Novi Sad, Serbia	Metaphor Choice in Serbian Political Speech – The President and the Image of the Benevolent Father	93
Zavyalova N.A. Ekaterinburg, Russia	Features of the Contemporary Political Discourse of Japan and Their Manifestation in the Language	100
Kerimov R.D. Kemerovo, Russia	Metaphorical Images in the Speeches of the German President J. Rau	104
Kirichenko V. Kiev, Ukraine	Conceptualizing Political Space (Analysis of Images of the West in the Presidential Discourse in Ukraine and Belarus)	117
Krasilnikova N. A. Novouralsk, Russia	Georgia: Victim on Villain? Metaphorical Image of Georgia in Public Discourse on British Web-sites	128
Sobijanek K. Lodz, Poland	A Prognosis for Russian Future in an Antiutopian Novel by Vladimir Sorokin “Day of the Oprichnik”	133
Troshina K.V. Ekaterinburg, Russia	Archetypical Component as a Constituent of Presidential Rhetoric of Barack Obama	138

PART 3. LANGUAGE – POLITICS – CULTURE

Bilyalova A.A. Naberezhnye Chelny, Russia	Publicity Communicative Space	142
Kushneruk S. L. Chelyabinsk, Russia	Precedent Names as Triggers of Advertising Text Worlds	145
Nadel-Chervinsky M. Katowice, Poland	Soviet Language and Motivation of Semantic Transfer in Lexicon of Marginal Groups: Proper Names in Criminal Jargon in Polish and Russian	148

PART 4. FROM THE HISTORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Leites N. Galena, Ohio, USA	The Politburo Through Western Eyes	164
Keils R. M. Kalamazoo, Michigan, USA	Pentagon English is a Sort of Newspeak	177

PART 5. REVIEWS. CHRONICLE

Budaev E.V. Nizhny Tagil, Russia	Discourse and Politics	181
Vesnina L.E., Grigorieva N.I., Tarasenko E.O. Ekaterinburg, Russia	International scientific school «Political communication» for young scholars (Ekaterinburg, october 2009)	183
Voroshilova M.B., Chudinov A.P. Ekaterinburg, Russia	International Scientific Conference “Modern Political Communication” (Ekaterinburg, september 2009)	185
Manuscripts requirements		189

ПРЕДИСЛОВИЕ

Редакционная коллегия представляет тридцатый выпуск «Политической лингвистики». Мы верны своим традициям и сохраняем узкую специализацию с ориентацией на максимально широкий круг читателей. Наши авторы представляют различные научные школы и направления в России (Волгоград, Омск, Москва, Кемерово, Екатеринбург, Пермь, Челябинск) и в других странах (Украина, Литва, Польша, Сербия, США).

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса. Мы считаем, что сам факт анализа политических текстов, созданных Биллом Клинтонем, Борисом Немцовым, Кондолизой Райс, Александром Прохановым или Геннадием Зюгановым, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с политическими взглядами соответствующего политического лидера или журналиста.

Нам приятно, что для очередного выпуска предложили свои публикации известные специалисты профессора В.И. Карасик (Волгоградский государственный педагогический университет), Э. Лассан (Вильнюсский университет, Литва), Л.Н. Синельникова (Луганский государственный университет, Украина), П. Червиньски (Силезский университет, Польша), докторанты Э.В. Будаев (Нижний Тагил) Е.Г. Малышева (Омск) и А.Б. Бушев (Тверь), доценты Н.А. Завьялова (Екатеринбург), Р.Д. Каримов (Кемерово), Н.А. Красильникова (Екатеринбург), С.Л. Кушнерук (Челябинск), М. Надель-Червиньска (Катовице, Польша).

В разделе «Из истории политической лингвистики» представлены широко известные американские ученые середины прошлого века – Н. Лейтес и Р. Кейлз.

Как всегда, наш журнал публикует статьи молодых лингвистов: нам прислали свои работы молодые исследователи К. Собиянэк (Лодзь, Польша), Н. Добрич (Нови-Сад, Сербия),

Л.Е. Веснина, Н.И. Григорьева и Е.О. Тарасенко (Екатеринбург).

В разделе «Из истории политической лингвистики» представлены две статьи, созданные американскими профессорами в середине прошлого века. Н. Лейтес – широко известный специалист по квантитативной семантике. Р. Кейлз выступают как один из ранних представителей направления, которое позднее станет известным как критический анализ дискурса.

С содержанием предшествующих выпусков данного журнала можно познакомиться на сайте cognitiv.narod.ru, а также на сайте Уральского государственного педагогического университета uspu.ru. На сайте cognitiv.narod.ru размещены также другие публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики. Мы готовы удовлетворить заявки и на пересылку этого и предшествующих выпусков в отпечатанном варианте.

Контакты. Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны (343) 2357612 (кафедра); (343) 3361592 (главный редактор А.П. Чудинов).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ar_chudinov@mail.ru.

Приятно сообщить, что наш журнал включен в Каталог Роспечати и можно оформить подписку на него в любом почтовом отделении России (индекс 81955).

Наш журнал включен также в международную систему научных журналов (ISSN), где имеет индекс ISSN 1999-2629.

В январе 2009 года журнал «Политическая лингвистика» был включен в состав базы данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

**С уважением и надеждой
на сотрудничество:**

профессор Анатолий Прокопьевич Чудинов,
доцент Эдуард Владимирович Будаев,
доцент Мария Борисовна Ворошилова,
техн. редактор Анастасия Игоревна Суетина.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Карасик В.И.
Волгоград, Россия

КОНЦЕПТ КАК ИНДИКАТОР ЭПОХИ («ОЧКОВТИРАТЕЛЬСТВО»)

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

Аннотация. *Анализируется концепт «очковтирательство», обозначающий обман (обычно в отчете) с целью приукрашивания действительности. Обсуждаются понятийные и образные признаки данного концепта, выступающего индикатором советской эпохи, когда обман государства был предметом эмоционального переживания.*

Ключевые слова: *концепт, индикатор эпохи, советская эпоха, обман, эмоциональное отношение.*

Сведения об авторе: *Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии.*

Место работы: *Волгоградский государственный педагогический университет.*

Контактная информация: *400005, г. Волгоград, пр. Ленина, д. 32, кв. 55.*

E-mail: *vkarasik@yandex.ru.*

Лингвокультурный концепт представляет собой квант переживаемого опыта и моделируется как трехмерное образование, в составе которого можно выделить понятийные, образные и ценностные характеристики [Карасик, 2002]. Будучи смысловой единицей, концепт неразрывно связан с типичными обстоятельствами, в которых это ментальное образование актуализируется. В этом плане концепты являются индикаторами этнокультурных или социокультурных норм, исторических условий, жанровых канонов и когнитивных стилей. В данной работе рассматривается один из концептов, который был актуален в русском языковом сознании Советской эпохи. Речь идет об очковтирательстве.

Для анализа понятийных характеристик этого концепта обратимся к словарным дефинициям.

Очковтирательство – *Разг.* Намеренное введение в заблуждение, обман. *Заниматься очковтирательством* [БТС 1998]; *втирание очков (разг. втереть очки – посредством обмана представить кому-н. что-н. в выгодном, желательном для себя освещении), обман с целью представить что-н. в более выгодном положении, чем на самом деле. Объявить решительную борьбу очковтирательству* [Ушаков 2001]; *разг.* введение в заблуждение, представление чего-л. в лучшем виде, чем есть на самом деле. *Мы обвиняли его в погоне за количеством, в показухе, в очковтирательстве* [МАС 1981]; *Намеренное скрывание недостатков, изображение чего-либо в более выгодном свете, чем есть на самом деле; обман. [Полозов] заявил, что новый срок выпуска первой турбины – нереальный срок, очковтирательство и откладывает ради него важнейшие дела безответственно и губительно для цеха. Руководители*

Karasik V.I.
Volgograd, Russia

A CONCEPT AS AN EPOCH INDICATOR (“SHOW OFF IN THE REPORT”)

ГСНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.19

Abstract. *The concept of institutional show off is analyzed. It means a deception (usually in the report) aimed at showing the results of one's activity in a better light than they really are. The article deals with definition and exemplification of this concept which is an indicator of the Soviet epoch when facts of deception of the state were emotionally taken.*

Key words: *concept, epoch indicator, the Soviet epoch, deception, emotional attitude.*

About the author: *Karasik Vladimir Ilyich, Doctor of Philology, English Philology Department, Professor and Chairman.*

Place of employment: *Volgograd State Pedagogical University.*

то здесь – народ бывалый, умеют товар лицом показать. В одной МТС у них [в районе] колхозы богатые, всех гостей туда возят. Старая болезнь – очковтирательство [БАС 1950-1965].

Анализ приведенных определений дает возможность выделить следующие признаки в содержании данного концепта: 1) обман (намеренное введение в заблуждение), 2) с целью представить что-либо в более выгодном положении, чем на самом деле, 3) с целью скрыть недостатки.

Обратившись к этимологии выражения «втирать очки», мы находим несколько объяснительных версий этого устойчивого словосочетания. Это выражение «восходит к жаргону шулеров-картежников начала XIX в., имевших фальшивые порошковые карты. При помощи особого клейкого состава они наносили на карты дополнительные очки из порошка красного и черного цвета. При необходимости эти очки незаметно стирались и шулер-игрок мог незаметно для партнера превратить цифру 5 в 6 или в 4 и т.п., изменяя тем самым количество очков. Втирая очки, он добивался выигрыша». Другое истолкование связывает данное выражение с речью шулеров, но объясняет его иначе: «На зеленом сукне карточного стола мелом записывались выигранные очки, и нечестный игрок мог приписать себе очки дополнительные, чтобы потом незаметно стереть маленькую цифру». Иная версия – «смотреть через неверно показывающие очки». Другой вариант – «заставить кого-л. смотреть в чужие очки (не своими, чужими глазами)». Еще одно истолкование – «ассоциация обмана с закрытыми, запорошенными, замазанными грязью и т.д. глазами» [Русская фразеология 2005]. Этимоло-

логические версии, как можно видеть, связывают выражение «втирать очки» с нечестной игрой в карты, с искажающим действительность оптическим прибором и с обманом как следствием неверного зрительного восприятия.

Интересны иллюстрации употребления этого словосочетания во фразеологическом словаре А.И. Федорова: «*Неужели весь этот пафос – одна только фикция, видимость, втирание очков нашему брату*» (Д. Фурманов); «*Ездовые пытались как-нибудь объезгорить комзвода и старшину. Те сообща втирали очки командиру роты, эти соответственно обрабатывали комбатом*» (П. Вершигора) [Фразеологический словарь 2002]. Суть втирания очков – в противопоставлении видимого и реального. Заслуживает внимания контекст, в котором четко прослеживается специфическая характеристика этой разновидности обмана – намеренное введение в заблуждение вышестоящих со стороны подчиненных.

Для определения системного места концепта «очковтирательство» в ряду единиц, обозначающих различные варианты обмана, необходимо рассмотреть соответствующие слова в синонимических словарях и тезаурусах. В «Словаре синонимов русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой приводится 31 единица, уточняющая глагол «обмануть» – *провести, обвести, обойти, объехать, оплести, надуть, обдуть, одурачить, оболванить, околпачить, обморочить* и др. Большинство единиц стилистически маркированы как просторечные. Лексикографы устанавливают следующие смысловые различия между этими глаголами: 1) совершить обман, поступить недобросовестно, по отношению к кому-, чему-л., 2) хитро, ловко обмануть, 3) поставить обманутого в глупое положение, пользуясь его доверчивостью и простодушием; 4) обмануть при денежной, торговой или иной сделке [ССРЯ 2001]. В этом же словаре дается ряд глаголов со значением «говорить неправду» – *лгать, врать, обманывать, сочинять, брехать, заливать, травить*. Эти единицы в большинстве своем так же относятся к просторечным и разговорным словам. Смысловые дистинкции между ними носят стилистический характер, хотя в семантике глаголов «сочинять» и «заливать» наличествует и идеографический признак «явная неправда». В словаре синонимов З.Е. Александровой выделяется подгруппа единиц со значением «обманывать без корыстной цели или в шутку» (*разыгрывать, мистифицировать*) и подгруппа слов со значением «обманывать для получения выгоды, с целью наживы» (*мошенничать, плутовать, жульничать, жилить*), в последнем случае противопоставляется обычное и мелкое мошенничество. Приводится и группа слов, обозначающих рискованный и крупный обман: *афёра, шахер-махер, панама*. Обратим внимание на то, что эти слова являются заимствованными.

В «Идеографическом словаре русского языка» О.С. Баранова интересующие нас концепты рассматриваются под разными рубриками. Под рубрикой «Порок» приводится список слов, характеризующих обман, мистификацию (включая шарлатанство), ложь (включая вымысел), подделку, создание видимости (показуху), лесть. Под рубрикой «Недостоверность» рассматриваются вымысел, миф, пересуды и т.д. [Баранов 1995].

Тематическое поле «обман» в русской лингвокультуре уточняется, как следует из приведенных данных, в следующих направлениях: 1) с целью получения выгоды, наживы, 2) без корыстной цели или в шутку, 3) хитро и ловко, 4) пользуясь доверчивостью и простодушием обманутого, 5) в мелких размерах, 6) в крупных размерах, 7) выдавая себя за авторитетного человека, 8) имитируя подлинность вещей, 9) говоря неправду, 10) приукрашивая действительность. Суть очковтирательства состоит в приукрашивании действительности, т.е. в представлении ее другому человеку в более выгодном положении, чем на самом деле, и в затушевывании недостатков. Заметим, что хотя существует самообман, вряд ли возможно втирание очков самому себе, поскольку субъект знает о действительном положении дел и преследует корыстную цель повысить свой статус в глазах другого человека, выступающего адресатом для очковтирателя. Очковтирательство проявляется в виде показухи, т.е. действий, рассчитанных на внешний эффект. Ярким примером показухи являются известные потёмкинские деревни, построенные князем Г.А. Потёмкиным в Крыму в 1787 г. перед посещением полуострова Екатериной II, эти деревни представляли собой декорации процветающих селений и были сделаны с целью убедить царицу в созидательной деятельности князя.

Очковтирательство представляет собой институциональный обман. Если обиходный, бытовой обман нацелен на получение выгоды и преимуществ, на сокрытие неприятного положения дел или на осмеяние и унижение адресата, то институциональный обман в дополнение к этому направлен на поддержание внешнего благополучия того или иного института в ущерб реальной ситуации и на статусное повышение того агента института, который рапортует о фиктивных достижениях. Поддержание положительного имиджа организации является одной из важных институциональных задач этой организации. Когда поддержание позитивного имиджа страны превращается в важнейшую политическую цель, неизбежно происходит смещение приоритетов у людей, занимающих ту или иную ответственную должность, поскольку объективная информация может быть воспринята их руководителями как нанесение ущерба имиджу организации или страны в целом.

Можно выделить два типа институционального обмана, которые можно условно обозначить как рапорт и плакат. Примерами первого типа очковтирательства являются рапорты о выполнении предприятием плана на 100%, когда это не соответствует действительности, о завышенной успеваемости в школах и вузах, о раскрытии всех преступлений правоохранительными органами на определенной территории, о голосовании, в котором приняло участие 100% населения. Во всех таких случаях статусный вектор отправителя речи – от нижестоящего к вышестоящему. Очковтирательство другого типа – создание позитивного образа организации посредством средств массовой информации. Это сообщения о производственных успехах, о поступивших в редакцию письмах трудящихся с поддержкой курса партии и правительства или с осуждением тех, кто выступает против этого курса. Здесь статусный вектор не актуализируется. Оба типа очковтирательства взаимосвязаны.

Официальное отношение власти к очковтирательству-рапорту всегда бывает отрицательным. Директоров заводов снимали с должности за показуху, в фельетонах клеймилась полировка действительности, тема борьбы с очковтирательством постоянно находилась в центре внимания, что свидетельствовало о том, что это явление было распространенным (обратим внимание на иллюстрацию в словаре под ред. проф. Д.Н. Ушакова, вышедшем в свет в 1935-1940 гг.). Очковтирательство-плакат есть официальная позиция власти, поэтому критика этого типа институционального обмана была возможна в виде анекдотов либо внешних оценок из-за рубежа.

Обратившись к примерам употребления слова «очковтирательство» в Российском национальном корпусе на сайте www.ruscorgo.ru, можно установить следующие диагностирующие контексты для рассматриваемого концепта.

Суть бюрократического очковтирательства состоит в демонстрации количественных показателей успехов: *Перегибы эти заключаются в бюрократическом омертвлении идеи соревнования, в увлечении цифровыми результатами и сводками, создающими почву для развития очковтирательства, для глубокого развращения ученика и целых классов групп (А. Макаренко).*

Обратим внимание на слово «перегибы», часто используемое в Советскую эпоху и обозначающее недостатки вследствие крайности, неумеренности в какой-либо деятельности. В самом слове уже содержалось смягчение оценки этим недостаткам: хотя результат был отрицательным, исходный энтузиазм заслуживал поощрения. Цифры в отчетах нужны, но увлечение цифрами могло повредить делу.

Внимание только к количественным показателям приводит к замещению сути дела его формальной презентацией: *Мы обвиняли его в*

погоне за количеством, в показухе, в очковтирательстве (Д. Гранин).

Перевод результатов работы в денежный эквивалент может привести к очковтирательству: *Выполнение плана учитывается не в физическом объеме, а в рублях. На этой почве процветает очковтирательство... (Л. Брежнев).*

В своих мемуарах Генеральный секретарь ЦК КПСС раскрывает экономическую причину обмана государства.

В основе очковтирательства лежит формальное отношение к делу: *Было немало и других примеров очковтирательства и формализма (В. Баранец).*

Бесконтрольность порождает возможность для совершения обмана: *...отсутствие должного контроля за работой разведывательных органов снижает их активность, а иногда создает условия, располагающие к переоценке трудностей ведения разведки и очковтирательству (Сб. боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 8).*

Снижение активности работы объясняется трудностями ведения этой работы. В данном случае очковтирательство служит прикрытием бездеятельности.

В некоторых случаях в качестве очковтирательства рассматривались любые действия, которые не совпадали с интересами определенной группы: *Они всерьез считали, что освоение самого процесса жизни и работы на орбите, исследования и эксперименты в космических полетах, не преследующие военных целей, – это чистое очковтирательство, нахальная попытка залезть к ним в карман с целью вытянуть деньги, которые еще к ним в карман не попали, но почти наверняка рано или поздно попадут (потому что все деньги непременно должны идти на оборону!) (К. Феоктистов).*

Космонавт с горечью констатирует, что в основе космической программы лежали не научные, а военные интересы.

Типичным контекстом для слова «очковтирательство» является его сочетаемость с его синонимами:

– Только, пожалуйста, без баянства, – предусмотрительно подчеркнул Волька. – И без очковтирательства. То есть без обмана (Л. Лагин).

Командирам и политорганам изжить позорнейшее явление в условиях нашей Красной Армии – вранье и очковтирательство (Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 8).

Очковтирательство объясняется в тексте как обман или вранье.

В ряде примеров уточняются характеристики данного типа обмана: *Что это такое, я выяснил к концу службы: очковтирательство, показуха и обман государства (В. Катанян).*

Показуха представляет собой способ обмана, государство выступает в качестве жертвы обмана.

Очковтирательство расценивается как преступление: *В практике золотопромышленности в царское время очковтирательство и вообще мошенничество не составляли редкости (В. Обручев).*

Очковтирательство является неизбежным следствием бюрократизации жизни: *Сколько сил и нервов стоила ему не утихающая ни на день, ни на час борьба против тупоумных партбюрократов, зазнавшихся и зажравшихся партвельмож, против комчванства и комхамства, очковтирательства и подхалимства...* (Б. Ефимов).

Его фельетонами не завершались, а начинались дела о злоупотреблениях, безобразиях, фактах очковтирательства, бюрократического тупоумия, чиновничьей черствости, унижения человеческого достоинства... (Б. Ефимов).

Автор, известный карикатурист, упрекает бюрократов в тупости, черствости, высокомерии, очковтирательстве и подхалимстве. Обратим внимание на объектов критики – это партийные бюрократы, которым была свойственна особая лицемерная надменность, получившая ироническое наименование «комчванство» (коммунисты по определению должны были вести себя скромно).

Чиновники, которым нет дела до простых людей, – объекты критики публицистов: *Место скромное, но очень ответственное – некий эпицентр, в котором сходились все проблемы бесхозяйственности и безответственности, головоуятия и очковтирательства* (А. Инин).

В одном ряду перечисляются неумение организовать дело, отсутствие ответственности, предельная глупость и обман с целью представить ситуацию в лучшем свете.

С позиций руководства страны определялись типичные пороки представителей разных социальных групп: *Климат, который рождал бы стремление работать эффективнее, производительнее, лучше, создавал обстановку нетерпимости к прогульщикам и лодырям, к каждому факту халатности и бесхозяйственности, очковтирательству и припискам* (Л. Брежнев).

Для рядовых работников такими пороками, по мнению лидера страны, были прогулы и лень, для руководителей на местах – равнодушие, неумение организовать дела и обман государства в виде завышенных показателей – приписок.

Заслуживает внимания пример сочетания внешних признаков успешного прохождения испытания в военном училище: *Я верно понял дух училища и уделил большое внимание чисто внешней манере, как держать себя перед экзаменаторами, стараясь понравиться им отчетливостью ответов, бравою, веселой выправкой и тактичным очковтирательством, которое у меня удавалось замечательно* (В. Трубецкой).

Для экзаменаторов была важна только форма ответа: отчетливость, молодцеватость и приятные сведения.

Очковтирательство в ряде примеров рассматривается как органическая черта бюрократии как социального класса: *История умчалась в прошлое, а контора с ее бумажками, печатями, скукой, званиями, распределением по чинам, воло-*

китой, очковтирательством и прочими прелестями осталась (А. Зиновьев).

По мнению известного диссидента, бюрократия мимикрировала в новых общественных условиях, однако суть ее не изменилась.

Таким образом, очковтирательство контекстуально уточняется как органически присущий бюрократам обман государства, состоящий в подмене качественных характеристик явления его формальными количественными показателями с целью создания благоприятного впечатления о положении дел и сочетающийся обычно с безответственностью, некомпетентностью и высокомерным равнодушием к людям, зависимым от бюрократов.

Для выявления понимания и осмысления этого концепта в сознании современных носителей русской лингвокультуры был проведен опрос информантов, которым было предложено ответить на вопрос: «Какие образы или ситуации приходят к Вам в голову, когда Вы думаете об очковтирательстве?» Было опрошено 100 человек – студентов и преподавателей волгоградских университетов. Результаты опроса подтвердили предположение о том, что рассматриваемый концепт не актуален для наших современников. Большинство опрашиваемых смутно различают очковтирательство и показуху, при этом трактуют данные концепты сугубо в личном плане, например, «*Это когда на рынке ты наденешь позорный пуховик, а вокруг тебя бегают продавцы и говорят, какой он шикарный и сшит исключительно на тебя; это когда кто-то останавливается на шикарной машине, взятой у отца, с таким видом, что это – его автомобиль; это когда приглашают гостей и угощают так, чтобы вызвать зависть*». Такие ответы были характерны для молодых респондентов. Были зафиксированы случаи полного непонимания слова «очковтирательство»: «*Это когда какой-нибудь ботаник в очках нам что-то заумное навязывает...*». Ботаниками на современном жаргоне называют обычно молодых людей не от мира сего, увлеченных учебой или наукой. В единичных случаях информанты (большой частью в возрасте от 50 лет и старше) приводили примеры очковтирательства как институционального обмана: «*Это ситуация типа: «Сколько собрали с гектара? Восемь центнеров? Пиши одиннадцать!»; это когда детей в школе готовят к открытому уроку, когда они заранее все проделают, а затем просто показывают на публику спектакль*». Заметим, что носители английского языка смогли найти только один эквивалент для обозначения этого концепта – show, т.е. спектакль, представление. В этом эквиваленте не акцентируется институциональный смысл обмана.

Подведем основные итоги. Концепт «очковтирательство» является уходящим концептом в современной русской лингвокультуре и ассо-

цируется с бюрократическим стилем поведения в Советскую эпоху. Этот концепт актуален для старшего поколения нашей страны. Возникает вопрос: почему это ментальное образование потеряло актуальность для наших современников, хотя бюрократия нисколько не изменила своего поведения? Можно переформулировать этот вопрос так: почему при неизменности референта концепт стал неактуальным? По-видимому, произошло смещение базовых ценностей: перенос центра тяжести с коллективных ценностей на индивидуальные привел к тому, что обман государства перестал быть предметом эмоционального переживания.

ЛИТЕРАТУРА

Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. – М.: Сов. Энциклопедия, 1969. 600 с.

Баранов О.С. Идеографический словарь русского языка: 4166 статей. – М.: ЭТС, 1995. 820 с

Большой толковый словарь русского языка [Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов] – СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / СПбГУ [А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова] – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. 926 с.

Словарь русского языка: в 4-х т. [под ред. А.П. Евгеньевой] 2-е изд. – М.: Рус. язык, 1981.

Словарь синонимов русского языка: В 2 т. [Под ред. А.П. Евгеньевой] – М.: Астрель АСТ, 2001.

Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950-1965.

Толковый словарь русского языка: В 3 т. [под ред. проф. Д.Н. Ушакова] – М.: Вече, Мир книги, 2001.

Фразеологический словарь русского литературного языка [Сост. А.И. Федоров] – М.: АСТ, 2002. 720 с.

© Карасик В.И., 2009

Лассан Э.
Вильнюс, Литва

ЛИРИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ
КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

УДК 81'42
ББК Ш 401.7

Аннотация. В статье рассматривается лирическая песня как проводник определенной идеологии. Если понимать под идеологией не собственно политическую доктрину, а совокупность нравственных установок и интеллектуальных навыков и если исходить из того, что в дискурсе индивида сквозят установки группы, к которой он принадлежит, то можно говорить о том, что песенный дискурс следует рассматривать как идеологическое явление. В статье рассматриваются песни советского периода в сопоставлении с песнями конца прошлого века. Исходная установка анализа языка песни состоит в том, что песня в обществах, сознательно исповедующих определенную идеологию, по своей природе является предписывающим дискурсом, как и любой вид идеологического дискурса. В деидеологизированных обществах песня выражает мироощущение социума, во многом обусловленное содержанием бессознательных структур психики его членов. Смена риторических формул песни говорит об изменении идеологии «поющего социума».

Ключевые слова: идеология, риторические формулы, директивный дискурс, «фрагменты речи влюбленного», Я и МЫ-культура.

Сведения об авторе: Элеонора Лассан, профессор, habilitированный доктор гуманитарных наук, главный редактор журнала *Respectus Philologicus*.

Место работы: Вильнюсский университет, кафедра русской филологии, Каунасский гуманитарный факультет, центр социокультурных исследований.

Контактная информация: LT0513 Vilnius, Lietuva
E-mail: eleonora.lassan@flf.vu.lt

Lassan E.
Vilnius, Lithuania

LYRICAL SONG
AS AN IDEOLOGICAL PHENOMENON

ГЧНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.01

Abstract. The article investigates a lyrical song which is supposed to be an expression of the present time leading ideology. In societies domineered by a certain ideology, a song and even a love song is a part of directive discourse since it declares behavioural models which are supposed to be accepted as example models. In societies where ideology is not demonstrated as a political doctrine, a song implies unconscious ideology – it is a set of moral values and schemes of reality interpretations. The analysis is carried out on the basis of distinguishing certain rhetorical formulae and taking into account that the change of formulae implies changes in the social worldview.

Key words: ideology, rhetorical formulae, directive discourse, speech fragments of a person in love, “I” and “we” culture.

About the author: Eleonora Lassan, Professor Dr. Habil., Editor-in-chief of the Journal *Respectus Philologicus*.

Place of employment: Vilnius University, Faculty of Philology, Department of Russian Philology; Senior Researcher at Socio-Cultural Research Centre at Vilnius University, Kaunas Faculty of Humanities.

Один из крупнейших мыслителей XX века Ойген Розеншток-Хюсси считал, что здоровье нации, гигиена ее умственной жизни зависит от четырех устойчивых тенденций: «от того, как мы описываем, тем самым рассекая и расчленивая. Как мы поем и тем самым ликуем, как мы выслушиваем распоряжения и тем самым изменяемся, и от того, как мы благодарим и тем самым увековечиваем реальность [Розеншток-Хюсси 1995: 84]. Эти четыре тенденции, воплощенные в разных видах дискурса, соответствуют четырем основным установкам человека: пластичности, конвенциональности, ликованию, агрессивности – человек пластичен, когда поддается повелительному наклонению, он ликует, поверив открытому внутри себя, и следует конвенциям, когда редуплицирует прошлое, повторяя условные ритуальные формулы и тем самым устанавливая связь между прошлым и будущим. Наконец, человек агрессивен, когда, обозначая, вырывает из континуума действительности ее фрагменты и,

фиксируя их в слове, придает им завершенность и статику, окаменелость [«Мы ему поставили пределом мертвые пределы естества, оттого как в улье опустелом дурно пахнут мертвые слова» (Гумилев)].

Если принять тезис Розенштока–Хюсси как основу для диагностирования состояния общества, то следует ответить на вопрос, каковы же характеристики четырех указанных видов речи в пространстве текста, каким он предстает взору лингвиста в последнее десятилетие XX века и первое десятилетие нового тысячелетия? Ответ на этот вопрос может позволить увидеть симптомы общественных недугов или выздоровления, которые должны проявиться в поведенческих реакциях и мироощущении, уже эксплицитно выраженном в текстах. Кроме того, анализ может показать динамику изменений в мироощущении общества и, если, выкладки верны, почувствовать тенденции, дух времени, возможный вектор общественного движения. Правда, стремясь проанализировать соответствующие

виды дискурсов с позиции обозначенных в них симптомов общественных болезней, требуется, видимо, уточнить, что считать проявлением общественного недуга или, напротив, выздоровления. Попытаюсь ответить на этот существеннейший вопрос в процессе исследования.

В предлагаемом читателю исследовании делается попытка проанализировать на основе песенного дискурса конца прошлого – начале нынешнего века особенности питающих это время и часто не осознаваемых в эксплицитной форме идей, и таким образом очертить то, что в эпоху, заявляющую об отсутствии национальной идеи, составляло ее идеологию.

Употребленное понятие *идеологии* применительно к объекту исследования – песне (и в частности, лирической) – неизбежно требует обращения к спорам о том, что есть идеология. В самом первом приближении я как лингвист позволю ограничиться положениями В. Волошинова о том, что «где нет знака, нет идеологии» [Волошинов 1995: 221]. Позволю себе изложить некоторые положения работы В. Волошинова «Наука об идеологиях и философия языка».

Всякий идеологический продукт... преломляет другую, вне него находящуюся действительность.

Область идеологии совпадает с областью знаков.

Знак противостоит знаку и возникает только между социально организованными индивидами.

Индивидуальное сознание есть социально идеологический факт. Оно складывается в знаковом материале, созданном в процессе социального общения организованного коллектива. Если лишить сознание его знакового содержания, от него ничего не останется.

Слово – идеологический феномен par excellence, оно – чистейший медиум социального общения и способствует все идеологическое творчество.

Всякое идеологическое преломление становящегося бытия сопровождается идеологическим преломлением в слове как обязательным сопутствующим явлением!

СЛОВО – наиболее чуткий показатель социальных изменений, «притом там, где они еще только назревают, где они еще не сложились, не нашли доступа в оформившиеся... идеологические системы Слово способно фиксировать все переходные, тончайшие и мимолетные фазисы социальных изменений» [Волошинов 1995: 231].

Основная идея предлагаемого читателю исследования заключается в общем-то в достаточно тривиальном утверждении о том, что лирическая песня, являясь отражением духа времени, несет в себе специфическим образом воплощенную идеологию этого времени. Эволюция идеологических воззрений, отраженная в песне 50-х – конца 90-х годов ушедшего века, и составляет предмет внимания в данном исследовании. Судить же о характере изменяющихся идеологических установок общества можно на основании внимательного наблюдения за изменениями, происходящими с «чистейшим медиумом социального общения» – словом, используемом в песенном жанре.

В данном исследовании, говоря о лирической песне, мы, видимо, расширяем ее пони-

мание, относя к лирической песне не только те, где выражено эксплицитно переживание отдельной личности (написанные от лица *Я* и повествующие о переживаниях этого *Я*). Существуют эпохи, когда *Я* ощущает теснейшую слитность с *Мы*, и именно это ощущение рождает эмоцию единичности, ликования, общего возбуждения. Разумеется, «Смело, товарищи в ногу» вряд ли можно отнести к лирической песне, так как она оказывает мобилизующее гражданское воздействие. Но разве в поэзии не говорят о гражданской лирике? Будем исходить из того, что и словесный ритм, и, конечно, музыкальный, определенным образом действующие на бессознательные структуры психики, придают особую интенсивность эмоции, возбуждаемой песенным текстом, в силу чего всякая песня, реализующая эмотивную функцию, то есть побуждающая эту эмоцию разделить, преисполниться определенного настроения, может быть признана лирической (напр, «Прощай, любимый город» А. Чуркина, написанная от лица *Мы*). Если же в песне преобладает побудительная функция, ее цель видится в мобилизации слушающих к общему действию, тогда мы можем исключить эту песню из разряда лирических.

Согласно Г. Маркузе, любой текст несет коды мышления и поведения стоящей за автором текста социальной группы [Marcuse 1967: 205-206]. По этой причине разумно предположить, что и песня содержит в себе определенные словесные коды, или, иначе говоря, риторическое выражение стоящей за песней идеологии, как сознательной, так и бессознательной. В обществах, откровенно идеологизированных и берущих искусство под опеку государства, песня не может не выражать его ценностных установок, но делает это в специфической форме: она отражает не столько идеологию, ориентированную на борьбу с Другим, Чужим, сколько психологию, ориентированную на Авторитет, т.е. на утверждение таких моделей поведения, которые почитаются достойными, авторитетными в обществе, стоящем на определенном идеологическом фундаменте.

Цель предпринятого исследования, как уже отмечалось, заключается в том, чтобы проанализировать «словесные коды», т.е. определенные риторические формулы, выражающие, по мнению автора, дух времени, его идеологию в лирических песнях 50-70 гг. и в песнях последнего десятилетия ушедшего века. Песни 50-70 гг. являются до сих пор востребованными текстами и занимают в репертуаре современных исполнителей видное место, что говорит о некоей их вневременной ценности. Конец XX века ознаменовался появлением «радикальной песни», в наибольшей степени порывающей с лирической песенной традицией прошлого («Мумий Тролль», Земфира, «Адо» и др.). Сопоставление «говорения о любви» в песнях середины и конца века предполагает выявление эволюции сценариев речевого песенного поведения и вы-

движение соответствующих интерпретационных гипотез происшедших изменений.

Таким образом, исходная установка анализа языка песни состоит в том, что песня как вид идеологического дискурса, являющегося в обществах, сознательно исповедующих определенную идеологию, по своей природе предписывающим, не может не выполнять общих функций этого дискурса. В обществах деидеологизированных песня, скорее, выражает бессознательную идеологию, или психологию, определенной социальной группы.

1. Песенный дискурс конца века: Я и Мы-культура. Ликование и печаль. По Розенштоку-Хюсси, в песне человек ликует. «Там, где один запекает, а другой подхватывает, созвучия поющих одухотворены одним духом – единодушие выходит на передний план, а все различия сознаний подавляются» [Розеншток-Хюсси 1995: 85].

Это чувство ликования, единодушия в пении, где «один ощущает опору в другом», удивительно подмечено автором «Собачьего сердца» – несмотря на разруху, представители «нового мира» все время поют. Пение становится здесь преобладающим видом общения, создававшим коллективистскую «Мы»-культуру, элиминировавшую различия между «Я» и «Ты».

Значимость песенного дискурса как социального явления стала осознаваться довольно поздно философами, антропологами, лингвистами. В России, начиная с появления проекта «Старые песни о главном» (новогодняя ночь 1996), возникла необходимость социологического объяснения популярности этого культурного феномена – и делалось это в терминах ностальгии по прошлому. В период как будто прощания с духом прошлого, ценностями коллективистской культуры, эпохой несвободы личности вдруг обнаружилось, что нового «главного» или не существует, или оно требует осмысления, или не вдохновляет на создание песен, которые бы вызвали ликование и дарили чувство неодинокости. Понадобился пристальный анализ лирической песни – ее риторики и идеологии, чтобы понять место этого дискурса в выяснении «общих мест» эпохи, выражающих ее дух...

Несколько слов о «духе» конца прошлого века, запечатленном в песенном дискурсе... Конец XX века представляется автору временем, когда общество не создает песен, предназначенных для хорового исполнения. В этот период солирует «Я», отделенное от «Ты» стеной одиночества и не соединяющееся с ним даже в любви

Ты морячка – я моряк,
Ты рыбачка – я рыбак,
Ты на суше, я на море,
Мы не встретимся никак. (О. Газманов)

Здесь разрушение изначальной общности, выражающейся в том, что Он и Она названы

словами с общим корнем, то есть *родственными* (термин школьной грамматики). Подчеркнутое знаком тире проивопоставление обусловливается именно тем обстоятельством, что родственные слова имеют общий корень, но... разные суффиксы. Эта разность служебных частей слова становится достаточно мотивированным выражением причины, по которой «моряк» и «морячка» никогда не встретятся, ибо они обитают в разных мирах («море» и «суша»). Перефразируя Козьму Пруткову сегодня, можно сказать: «зри не в корень, зри в суффикс». Не значимые вещи – ревность, невзаимная любовь, неверность – разводят людей, они не могут встретиться просто из-за «детали», разводящей их по разным пространствам (как тут не вспомнить постмодернистское внимание к детали – к возможности в малом увидеть большое). В простенькой разбитной песенке Олега Газманова проглянул призраком гендерных проблем, одиночества человека современного общества, живущего «в раздробленном пространстве и времени» [Кристева 1998: 257]. Возможно, популярность «старых песен о главном» объясняется тем фактором, что в ситуации, когда история утратила привычные очертания и понятия добра и зла стали не столь определенными, человек потянулся к простому и ясному говорению о том, «что такое хорошо», и в этом говорении было важно единство понимания вечных категорий добра и зла: человек, обращаясь к песням прошлого, обретал искомое единодушие и единство, и ему становилось не так страшно. «Дух оптимизма един для советских песен всех поколений от 30 до 60-х годов» – пишет С. Бойм [2002: 135], отмечая, что советская песня освобождала от рутины повседневности, действительно облегчая жизнь. Да, она была элементом «сталинского спектакля» (об «обществе спектакля» принято говорить в применении к современному обществу потребления). Видимо, С. Бойм права, называя спектаклем ритуализованную действительность советского времени, чей сценарий не допускал отклонения от произведения определенных реплик в соответствующих ситуациях (напр., акты благодарности в адрес партии и правительства или обязательное цитирование марксистско-ленинских источников в научных работах любых отраслей знаний). Эти спектакли были организованы (прописаны) по установленным правилам и, в сущности, не нуждались в особой режиссуре, как не нуждается в ней отработанный ритуал. Благодаря ритуалу, по Розенштоку-Хюсси, как говорилось выше, осуществляется связь прошлого и будущего. В ритуализованной действительности человек не выпадает из времени – когда же ритуал исчезает, связь времен» распадается. Советская песня, будучи элементом такой театрализованной действительности, имела определенный набор тем, вербализуемых в заранее установленном ключе. Этот «ключ» мы рассмотрим ниже, попытаюсь

сравнить трактовку вечных тем в «старых» и «новых» песнях, и тем самым по возможности продемонстрировать смену мироощущения на рубеже веков.

Так, герой советской песни – «не одиночка..., а коллективное советское «Мы», в котором растворены и забыты все отдельные «Я» [там же: 136]. Герой конца века начинает чувствовать свое одиночество – наступает эпоха персоналистской Я-культуры. Путь к ней, как неоднократно, отмечалось, имел длительную историю. Возможно, стоит вспомнить о коллективном субъекте *Мы*-культуры, заявившем в «Интернационале» «мы весь, мы старый мир разрушим». Здесь *Мы* имело своим референтом угнетенную и обездоленную (а значит, большую в понимании субъекта *Мы*-культуры) часть человечества. *Мы* в другой песенной строке – «мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути» – относилось к несколько более ограниченному по масштабу референту: им был народ одной страны. *Я* и *Ты* объединялись в сильном и грозном *Мы* и испытывали ликование от чувства приобщения к этой силе. Так, в *Мы*-культуре выражался человек угрожающий, который, утверждаясь в своей силе, переходил в человека ликующего. (ср. у Ю. Давыдова: «Гимназисты, притаив дыхание, воодушевлялись гордой слитностью своего мизерного, с поротой задницей «Я» и ребросокрушительного «Мы», способного всем языцам дать «карачун» – об уроках истории и учителе, постоянно произносившем «мы взяли», «мы покорили» («Вечера в Колмове»).

Человек ликующий несколько позднее стал ощущать себя сверхчеловеком, продолжая осуществлять тем не менее чисто русскую задачу: «преодолевать пространство».

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью
Преодолеть пространство и простор
Нам Сталин дал стальные руки-крылья
А вместо сердца пламенный мотор (Авиамарш)

Подробный анализ этой песни предложила Светлана Бойм в «Мифологии повседневности». В частности, автор указывает, что песня была написана малоизвестным поэтом П. Германом и композитором Д. Хайтом в 1920 году, но популярной стала спустя 10 лет. Песня была переведена на немецкий (несмотря на то, что была создана людьми еврейского происхождения), «покорив фашистское воображение своей патриотической мелодией». Однако вместо слов «все выше и выше и выше» там пелось «Хайль, Гитлер» и «бей жидов, спасай Германию» [Бойм 2002: 137].

Итак, ликующее *Мы* имело здесь своим референтом наиболее престижную группу советского населения – летчиков, олицетворяющих боевую мощь страны, но припев («все выше и выше и выше»), очевидно, большинство членов советской общности относили к себе. С. Бойм рассказывает в «Мифологии повседневности», как ее живущий в Америке по-

жилой отец напевает эту песню, загружая посуду в посудомоечную машину. Молодое поколение предвоенных лет через *Мы* громко заявило о себе и в поэзии – стихотворение Н. Майорова так и называлось: «Мы» (ср. также более позднее стихотворение С. Гудзенко «Мое поколение»). Таким образом, при разности тональностей, песня на слова Д. Хайта и стихотворение Майорова представляют собой явления *Мы*-культуры, где размышления о личной судьбе возможны только через призму судьбы общей.

В 50-60 годы «Мы» в песенной культуре интимизируется, сужая размеры референтной группы до числа представителей определенной профессии и т.д.: «Не кочегары мы, не плотники...». В это время появляются песни геологов, журналистов, космонавтов, милицейских работников из знаменитого сериала «Следствие ведут знатоки». На первый план в песне выходит человек создающий. И человек угрожающий, и человек ликующий, и человек создающий были членами некоей общности, создававшей платформу единичности и вместе с тем, как представляется, устранявшей ощущение интимной близости, близости двух: человек в любой ипостаси не говорил вполголоса – его должно было быть хорошо слышно. Интересно, что лучшие военные песни – «Темная ночь», «Вьется в тесной печурке огонь» – написаны от лица *Я*: «каждый умирал в одиночку», и потому на рубеже жизни и смерти ритуальные формулы не работали, прорывалось искреннее, естественное чувство.

Знаменитые 60-годы – это годы поэтов-бардов, время магнитофонной культуры. «Самое главное в магнитофонной культуре, – пишет Светлана Бойм – это интонация и формы обращения. Вместо «Мы» громкоговорителей и всенародных хоров здесь мы встречаем интимное «ты». Это авторская песня, обращенная не к анонимному зрителю, а к другу» [Бойм 2002: 143]. Но как же все-таки *Мы*? Оно остается, например, в песнях В. Высоцкого, который пел от имени альпинистов и подводников, десантников и артиллеристов, но вряд ли его строки воспринимались как относящиеся к какой-то социальной группе. Очень многие поодиночке стонали от удушья, многие чувствовали себя волками, на которых «идет охота». У Высоцкого есть песня о том, как его записи тайком слушает большой партийный чин и ощущает себя персонажем песни: «Это ж все про нас, какие к черту волки» («Прошла пора...»), осознавали, что с покоренных вершин предстоит спускаться. «Мы» Высоцкого насыщалось личностными смыслами тех, кто его слушал и слышал. Не все, конечно, слышали, но создавалось особое братство услышавших, и расширялось вновь до размеров человечества, но не «мчащегося в боях», а думающего, осознающего судьбу – свою, страны, законы бытия. Так в песню 60-х входил человек размышляющий. Этот человек хотел тишины:

А мы стоим, мы курим,
Мы должны услышать три
Минуты тишины. (Ю. Визбор)

Здесь *Я* еще более интимизируется, сужаясь до группы близких по духу людей. Это уже не ликующее *Мы*, объединяющее не чувствующих своей «самости» *Я* и *Ты*. *Я* и *Ты* пока близки друг другу, но они уже предчувствуют разъединение.

Я вспоминаю все сначала,
Уже давно убрали трап.
На самом краешке причала
Стоишь ты, голову задрав.
Вода качается и плещет,
И разделяет нас вода.
Но видно вдруг ясней, чем прежде,
Что мы близки, как никогда. (К. Ваншенкин)

Почему К. Ваншенкин в середине 60-х написал не о встрече, соединении *Я* и *Ты* в *Мы*, – а о разлуке (в этой песне нет ни слова о будущем свидании), разъединении *Я* и *Ты*?

Так на сцену истории в 60-е годы выходит *Я*. Вначале это *Я действующее и ищущее* друзей [«Над лодкой белый парус распушу, пока не знаю, с кем» (Г. Шпаликов. Из кинофильма «Я шагаю по Москве»)], затем, в 70-е годы – *Я, утверждающее свою самоценность*, испытывающее свой звездный час [«Прочь, тревоги, прочь сомненья! Я теперь стою на этой сцене!» (И. Резник. «Маэстро»)] и, наконец, в 90-е – *Я*, которое остается одиноким даже в любви, потому что перестает видеть Другого, будучи сконцентрированным на себе. Приведу строфу незатейливой песенки А. Апиной.

Полюбила парня, да не угадала,
Вовсе не такого я во сне видала
Я его слепила из того, что было,
А потом что было, то и полюбила. (М. Танич)

Здесь *Я* – активный субъект любви, создающий свой объект – ситуация, которая может быть описана как прецедентная ситуация «Пигмалиона». Однако она имеет ряд значительных отличий от классической эталонной ситуации. Дело не только в том, что феминистские ветры времени отвели роль скульптора женщине. Дело даже не в том, что «Галатее» лепится не из мрамора, а из того, что было (аллюзия: «когда б вы знали, из какого сора...»). Наступает эпоха эгоцентрического *Я* – объект так и не становится субъектом: заключительными словами песни остаются местоимения «то» и «что», которые не используются в отношении к человеку. Здесь нет личных местоимений, которые «имеют смысл только тогда, когда вы разговариваете с людьми. Все личные местоимения свидетельствуют о достижении единодушия множества людей, принадлежащих к одному кругу»... [Розеншток-Хюсси 1995: 165].

Приступая к анализу песенного дискурса с точки зрения его диагностических возможностей в области морально-психологического климата общества, мы, как уже было сказано

выше, не определили для себя, что есть «душевное здоровье нации», о котором писал Розеншток-Хюсси. Философ видел в пении выражение единодушия и ликования, что свидетельствует, по его мнению, о душевном здоровье нации. Вопрос, который возникает при восприятии этой мысли: до каких пределов должно существовать единодушие и насколько тотальным может быть ликование, чтобы общество квалифицировалось как душевно здоровое? Я думаю, что речь должна идти о некоей пропорции между *Мы* и *Я*, между *Я* и *Ты*, ибо одно *Мы* означает ликвидацию интимной жизни, права говорить о ней. Именно по соотношению *Я* и *Мы*, видимо, в советской идеологии оценивалось произведение искусства – степень гражданственности определялась количеством *Мы*, преобладание *Я* и *Ты* относило поэзию и лирическую песню к разряду салонных или пошлых явлений культуры – таково отношение к поэзии А. Ахматовой («салонная блудница») или к творчеству В. Козина, Петра Лещенко, а в 50 годы – к популярным в народе песням «Тишина» или «Ландыши». Тем не менее нужно сказать, что творчество Козина, Вертинского, Лещенко было популярно в народе, певшем про «пламенный мотор» вместо сердца, потому что здесь и находили выход интимные потребности *Я*. Можно было хаять «Тишину», в которой не было и намек на гражданские мотивы, но нельзя было ее запрещать. Благодаря соблюдению некоторых пропорций между *Мы* и *Я* в песенном дискурсе, видимо, осуществлялось необходимое равновесие между потребностями души в единении и совместном ликовании и потребностью той же души в лирическом опыте индивидуального переживания. Полное же преобладание *Я*, вытеснение *Мы* свидетельствует о времени отсутствия хорового начала, столь необходимого для русского характера («соборность», «симфонический субъект» – философские понятия, оформившие это свойство русской души), эпохе индивидуализма, одинокого *Я*. Хорошо ли это? Если исходить из тезисов французских философ-постструктуралистов, осмысляющих практику постиндустриального общества, то «сосредоточенный только на себе, современный человек нарциссичен, может быть, несчастен, но без угрызений совести. Он сетует, чтобы находить в жалобе определенное удовольствие, которого он безусловно жаждет. Если он не подавлен, то воодушевляется низшими и обесцененными целями... Живущий в раздробленном и стремительном пространстве и времени, он часто страдает, узнавая свое истинное лицо... Это – тело, которое действует часто даже без радости... Современный человек идет к потере собственной души» [Кристева 1998: 257]. О теле в русском песенном (и не только в нем) дискурсе будет сказано ниже. Сейчас же сделаем попытку зафиксировать момент, когда *Я* заявляет свое право говорить о себе, а не о *Мы*, и право не только ликовать, что

было предписано идеологией официального оптимизма, но и печалиться. Возможно, переход от *Мы ликующего, объединяющего и творящего к Я одинокому* был намечен Б. Окуджавой в его знаменитых строках:

Давайте горевать и плакать откровенно,
То вместе, то поврозь, а то попеременно.

Три слова из этих строк – *давайте горевать, поврозь и откровенно* – стали метами последующей песенной культуры, ибо носитель предыдущей, видимо, устал радоваться сообщая. (На смену коммунальным квартирам пришли отдельные в хрущевских многоэтажках, бывшие, по словам С. Бойм, «лабораторией советского быта»). Вырвавшийся и вырванный из коллективного бытия, человек, получивший отдельную квартиру, получил одновременно и возможность задумываться о себе вне «роевого начала жизни».

Вспомним, что одной из первых песен Окуджавы была «Песенка о голубом шарике», спетая о «Номо Lacimans» – *человеке плачущем*: четыре ее строфы начинались повторяющимися фразами, в которых менялся субъект плача, действие же оставалось неизменным, и жизнь представляла непрерывным «гореванием» о несложившемся: «девочка плачет», «девушка плачет», «женщина плачет», «плакала старушка». В песню эпохи вошел *человек плачущий* (вспомним, что знаменитая песня М. Исаковского и М. Блантера «Враги сожгли родную хату» была запрещена в 1946 году за распространение пессимистических настроений и реабилитирована только в 1956: у героя-победителя не могла катиться по щеке «слеза несбывшихся надежд»).

Мы осталось в песне 90-х, но оно, во-первых, стало соотноситься с гораздо более узкой референтной группой, а во-вторых, что связано с первым обстоятельством, испытало смену мироощущения. Эта перемена становится очевидной, если обратиться к метафоре «крылатости». «Крылья» в русском языковом сознании символизируют подъем духа (*окрыленность*), увеличение возможностей (*как на крыльях*), в то время как потеря крыльев означает, как отмечается в МАСе, «потерю живости, бодрости, энергии» (*опустить крылья, подрезать крылья*). *Мы* 30-40-х годов было «крылатым»: «Нам Сталин дал стальные руки-крылья», «Махну серебряным тебе крылом» – *Мы* 90-х эти крылья потеряло. Так, один из альбумов группы «Nautilus Pompilius» называется «Крылья» – но речь здесь идет о крыльях, которых уже нет, а вместе с ними нет и человека ликующего.

Ты снимаешь вечернее платье, стоя лицом к стене.
И я вижу свежие шрамы на красивой, как бархат,
спине.

Мне хочется плакать от боли или забыться во сне...
Где твои крылья, которые нравились мне?

Герой, произносящий (поющий) эти слова, осознает себя представителем потерявшего

что-то важное и потому обреченного *Мы* (в конце прошлого-начале нынешнего века стало принятым говорить о потерянном поколении 90-х: одна из передач на канале «Культура» в феврале 2007 года у А. Архангельского была посвящена вопросу о потерянном / растерянном поколении):

Мы все потеряли что-то на этой безумной войне,
Мы погибнем без этих крыльев, которые нравились
мне.

Объем *Мы* здесь неопределен: оно может относиться к двум людям, персонажам сцены, но может быть стоном поколения, которому «подрезали» (или *отрезали?*) «крылья».

Такова смена мироощущения личности, запечатленная в песенном дискурсе 90-х. Человек поющий, сменив ликование на чувство горечи и обреченности, давал знать, что еще сохранившаяся душа болит. Причины этой горечи, очевидно, следует связывать с изменившимися социальными условиями: потерей великих целей, ясных нравственных установок, чувства сопричастности к *Мы*, но вспоминается и Ю. Кристева, чьи слова были приведены выше: *он (современный человек) сетует, чтобы находить в жалобе определенное удовольствие, которого он безусловно жаждет*.

Песня конца века не знает того, что Розеншток-Хюсси полагал необходимым для общественного здоровья – воодушевления, ослабляется хоровое начало: песне трудно подпевать. Но таким ли бесспорным добром является воодушевление общества? Для меня более близкой является точка зрения знаменитого этолога Конрада Лоренца, возводившего воодушевление к унаследованному от животного мира инстинкту защиты, сопряженному с выбросом внутривидовой агрессии. Послушаем Лоренца: «... воодушевление пробуждается с предсказуемостью рефлекса в... ситуациях, требующих вступления в борьбу за какие-то социальные ценности, особенно за такие, которые освящены культурной традицией... Если наше мужественное выступление за то, что нам кажется высочайшей ценностью, протекает по тем же нервным путям, что и социальные защитные реакции наших антропоидных предков, я воспринимаю это как... чрезвычайный серьезный призыв к самопознанию. Человек, у которого такой реакции нет, – это калек в смысле инстинктов, и я не хотел бы иметь его своим другом; но тот, кого увлекает слепая рефлекторность этой реакции, представляет собой угрозу для человечества: он легкая добыча тех демагогов, которые умеют провоцировать раздражающие ситуации, вызывающие человеческую агрессивность. **Когда при звуках старой песни или какого-нибудь марша по мне пробегает священный трепет, – я обороняюсь от искушения и говорю себе, что обезьяны тоже производят ритмичный шум, готовясь к совместному нападению. Подпевать – значит класть палец дьяволу в пасть**» (выд. – Э.Л.) [Лоренц 1992: 29].

Если принять точку зрения Лоренца на амбивалентность воодушевления, то можно констатировать, что конец прошлого века был сложным периодом: исчезновение воодушевления можно рассматривать как неоднозначный симптом душевного состояния общества – с одной стороны, мы имеем уменьшение внутривидовой агрессии, ослабленную возможность поддаться манипуляции со стороны демагогов, а с другой – нарушение инстинкта к защите социальных ценностей. Общество находилось в точке бифуркации, в «саду расходящихся тропок». Куда... же плыть?

Видимо, время покажет или уже к этому моменту показало, окончательно ли потеряна способность к воодушевлению (когда общество, по Лоренцу, умирает) или воодушевление, как правило, сопровождающееся определенной агрессией, направленной против покушающихся на декларируемую ценность, способно пробудиться в обществе. Вопрос в том, какая ценность сможет его пробудить (от выбора ценности зависит судьба общества – губительность / спасительность пути).

2. Дискурс любви и смерти в песне конца века. В высшей степени смена мироощущения, как представляется, отразилась в «песнях о главном» – о любви. Эти песни тем более показательны, что в 90-е годы место на эстрадных площадках заняли прежде всего молодые певцы: с одной стороны, шоу-бизнес открыл им путь «к звездам», не требуя при этом соответствующего образования и следования определенной традиции (в советское время песенную культуру общества представляли в первую очередь те, кто должен был, при наличии музыкального образования, пробиваться к славе сквозь годы и испытания), а с другой – именно они были свободны от стереотипов говорения об этом чувстве, сложившихся в советской культуре. И они создавали новые стереотипы, поддаваясь «духу времени», который, вполне возможно, юные чувствуют острее.

Дискурс любви заслуживает особого разговора по разным причинам – вспомним, что Н.Г. Чернышевский увидел в поведении «русского человека на randevу» вполне определенные гражданские качества – нерешительности, неспособности к переменам, боязни ответственности. Отсюда любовное поведение в русской мыслительной традиции стало рассматриваться как своеобразный индикатор возможного гражданского поведения, и отношение мужчины к женщине есть показатель таких его свойств, как чувство ответственности, надежности, способности к действию. Очевидно, дух времени, его феминистская окраска, изменяют традиционные социокультурные роли мужчины и женщины, что не может не отразиться на любовном поведении представителей разных полов и, соответственно, их

общественном мироощущении. Исследование «поведения на randevу» таким образом становится социальным исследованием мироощущения того или иного гендера.

Другой причиной, побуждающей увидеть в любовном дискурсе необходимый объект исследования, является его практическая неисследованность с точки зрения его организации – лингвистических структур, отражающих определенное когнитивное состояние (знания, намерения, установки). На это обратил внимание Ролан Барт в книге 1977 года, ставшей практически бестселлером во Франции, – «Фрагменты речи влюбленного» [Барт 1999]. И хотя со времени выхода книги Барта прошло около 30 лет, «язык любви болтливой» так и не удостоился внимания конкретных исследований ни со стороны лингвистики, ни со стороны социологии (антропологии в целом).

В названной выше книге Барт выделил так называемые фигуры – речевые эпизоды, озвучиваемые влюбленными всех времен и народов. Фигуры – это «обломки дискурса» влюбленного: фигуры вычлениваются, когда удается распознать в протекающем дискурсе что-то, что было прочитано, услышано, испытано. Фигура очерчена (как знак) и памятна как образ [Барт 1999: 82]. Анализируя художественные, философские, психоаналитические тексты о любви со времен Платона и до современных психоаналитиков (кстати, не обращаясь к песне), Барт выделил около 80 фигур, которые тематически организуют дискурс влюбленного и покрываются соответствующим полем лексем и целых фраз с типовым значением. По Барту, в глубине фигуры лежит некая синтаксическая «ария», способ конструирования дискурса, который присутствует в нашей памяти – например, если субъект ожидает свидания с любимым объектом, у него в голове бесконечно повторяется ария-фраза «все-таки так нельзя», «все-таки мог бы / могла бы...» [там же: 84]. На языке когнитивной лингвистики, видимо, можно говорить о том или ином «фрейме» поведения влюбленного, который проявляется в наборе стереотипных тем и реализующих их реплик. Назовем некоторые из фигур «любовной» речи, выделенных Бартом: «разлука» (с центральным, по Барту словом *воздыхать*, именующим эмоцию разлуки), «пропасть» (с центральной конструкцией *я пропадаю, гибну*), «самоубийство», «утверждение» и др. Барт не рассматривал специфику распределения фигур любовной речи на том или ином отрезке бытия культуры и не касался их специфического словесного воплощения. Позволю высказать гипотезу о том, что распределение фигур в любовном дискурсе зависит как от национально-культурной принадлежности говорящего влюбленного, так и от мироощущения эпохи, в которую переживается любовное чувство, от когнитивных установок группы, к которой принадлежит «человек поющий», т.е. в конечном счете от

того, что можно назвать бессознательно впитанной идеологией. Естественно, способ говорения определяется эпохой говорения – влюбленный времен рыцарского поклонения прекрасной Даме говорил иначе, чем человек из подворотни, страстно желающий «Нинку», спавшую «со всей Ордынкой» (Высоцкий). Метод, предлагаемый для анализа отраженного в любовной песне мироощущения, связан не с описанием стиля говорения о любви, а с выделением преобладающих в определенный период времени фигур любовной речи – некоторого константного смысла ряда выражений, которыми являются цитаты из песен той или иной эпохи. В свою очередь, на основе песенной метафорики можно выделить концептуальные метафоры, являющиеся глубинной смысловой структурой, обуславливающей ее выражение на поверхностном уровне. Концептуальные метафоры в достаточно сжатой репрезентативной форме позволяют увидеть, как человек концептуализирует мир, в котором живет. Таким образом, мы проводим двойной анализ «песен о главном» – с позиций преобладающих фигур любовной речи и способов их вербализации (на основе сравнения с песнями предшествующих концу века десятилетий), и с позиций структурирующих мышление человека *поющего* концептуальных метафор. При выделении цитат, связанных с той или иной фигурой любовной речи, безусловно, можно впасть в некоторый субъективизм: так, фраза, которая является, на взгляд исследователя, выражением фигуры *встреча* (напр., *я поднимусь к облакам и найду тебя там*), может быть истолкована и как *самоубийство*, ибо «улет» может толковаться как посмертное странствование души. Но как сказал Барт, «лингвисты при некоторых операциях своего искусства, пользуются столь неопределенной вещью, как чувство языка; именно такой вожатый нужен, чтобы образовать фигуры – чувство любви» [Барт 1999: 82]. Положимся при анализе и на чувство языка и всеобщность знаний о любви: «И кто в избытке искушений, когда кипит и стынет кровь, не ведал ваших искушений – Самоубийство и Любовь!» (Тютчев)

Предлагаемое исследование строится на материале молодежной российской песни конца прошлого – начала нынешнего века, в дискурсе которой мы пытаемся вычлнить обозначенные Р. Бартом фигуры и, соответственно, проанализировать специфику их вербализации и употребимости на фоне песенного дискурса предшествующих десятилетий.

Осознавая невозможность обозреть неоглядный в количественном и очень пестрый в качественном отношении песенный дискурс названного периода, мы ограничились анализом текстов песен наиболее популярных в современной молодежной среде исполнителей (Алсу, Земфира, Андрей Губин) и групп, дискурс песен которых представляется нам ради-

кально новым в силу ряда черт, отсутствующих в песнях прошлых лет («Мумий Тролль», «Адо», «Би-2» и др.). Отметим, что общий дух времени не может не сказаться и на песнях исполнителей, которые, в силу сохраняющейся связи их текстов и мелодики с песней предшествующих лет, не могут быть окрещены «радикалами». Поэтому мы обращались и к текстам песен «из другого поколения», если по «арсеналу формул» они могли быть соотнесены с текстами «радикалов».

Мы приступаем к анализу песенного дискурса с фигуры, которая у Роллана Барта в книге представлена (по алфавиту) последней. Она называется

Я люблю тебя. Вот что пишет о ней Барт: «Фигура относится не к объяснению в любви, не к признанию, но к повторяющемуся изречению любовного возгласа. После первого признания слова «я люблю тебя» ничего больше не значат [там же: 405]. <...> Я люблю тебя <...> это действие. Я произношу, чтобы ты ответил [там же: 416]. <...> Тот, кто не говорит я люблю тебя (между губ которого я люблю не хочет проходить), обречен испускать множественные, неопределенные, недоверчивые, скупые знаки любви; он должен позволить себя интерпретировать.

Думается, что разницу между прафразой фигуры **Я люблю тебя** в песне прошедших лет и нынешней песне можно определить как разницу между употреблением формы 1 лица глагола **люблю** и формы повелительного наклонения **люби**. Песенный дискурс прошлых лет включал эту «формулу любви» как регулярно воспроизводимый элемент лирического текста: «Пусть все знают, что я люблю!» / «Рассказать мне надо, не скрывая, не тая, что я люблю тебя» / «И расскажу тебе, если сумею я, как люблю тебя – тысячу раз». В проанализированной нами молодежной песне названного периода мы не встретили ни одной (!) такой формулы. «Человек поющий» 60-70-х прямо обозначал свои чувства, избегая метафор и эвфемизмов, желая, очевидно, быть однозначно понятым. «Человек поющий» конца тысячелетия, живя в эпоху герменевтики, прибегает к метафорам и перифразам, желая быть интерпретированным: «Помоги, помоги, я солдат твоей любви» / «Поймаю ветер, с ним полечу, чтоб надеть на тебя любовь-парчу» / «Кто знает, – может это любовь?». Глагол *любить* используется в современной песне в том случае, когда состояние приписывается адресату, и грамматические формы его использования – индикатив 2-ого лица и повелительное наклонение: «Но только я, как прежде буду верить <...> Что ты все так же любишь меня» / «Если ты еще любишь меня» / «Люби меня, люби жарким огнем <...>, Люби меня, не улетай».

Что следует из указанных различий? Послушаем философа, рассуждающего о латинском глаголе **amo** (люблю): «Тот, кто говорит о себе в первом лице, подвергается риску, <...> опасности вмешательства со стороны <...> Че-

ловек в здравом уме не станет говорить о своих собственных поступках без настоятельной необходимости [Розеншток-Хюсси 1994: 109]. Для того чтобы произнести **amo** (люблю), нужны очень веские причины, побуждающие человека отказаться от необходимости все время оберегать свой мир от вмешательства извне. <...> Человеку из всех предложений труднее всего произнести **amo**, потому что это касается «конечного направления выбора пути, своего предназначения» (там же). Добавим от себя: **я люблю тебя** – не просто фраза, описывающая состояние субъекта, – это своего рода слово-действие, перформативное высказывание, произнося которое субъект берет на себя определенные обязательства в отношении будущей модели поведения (в советское время эта фраза была предвосхищением предложения руки и сердца). Почему же «человек поющий» середины века так легко употребляет **amo** – **я люблю тебя**? Рискнем предположить, что тот «человек поющий» или не ощущал угрозы со стороны мира и не боялся быть осмеянным и отвергнутым («Я люблю тебя так, что не сможешь никак ты меня никогда, никогда разлюбить»), или лирическая песня – только симуляция любовной речи, а не подлинная любовная речь. Думается, что верны оба предположения: в пользу первого говорит декларируемое идеологией того общественного периода единство с миром («Все люди – братья»), в пользу второго – ряд особенностей употребления этой формулы в тексте: в большинстве случаев лирический герой не признается в любви, а сообщает о ней всему свету («Пусть все знают...») или обещает возлюбленной рассказать ей в будущем о своей любви (см. примеры выше). Последняя ситуация была бы абсолютно парадоксальной, если бы адресат находился в одном хронотопе с субъектом, однако она представляется вполне достоверной, если субъект обращается к воображаемому адресату, отсутствующему в момент исполнения песни. (В этом отличие лирической песни XX в. от серенады, исполняемой непосредственно под окном любимой). Возникает некая дематериализация объекта любви – он присутствует как адресат, но отсутствует как референт. Эта дематериализация коррелирует с «бестелесностью» любви в песне прошлых лет, где само слово «тело» было табуированным.

Иным образом обстоит дело в современной молодежной песне. Здесь «человек поющий» не использует **amo** – **я люблю**, видимо, оберегая свой мир от «зависти, ревности, гнева» внешнего мира, но, будучи метафоричным, он тем не менее прямо обозначает свою конечную цель – быть любимым. По Барту, тот, кто говорит **я люблю**, ждет, что ему ответят той же формулой. Современный «человек поющий» обращается к адресату с императивом

люби меня – он ждет не слов, а действий, являющихся проявлением любви. Он иронически относится к словам: «Не говори мне о любви... Так мало времени осталось до утра» / «Если ты меня любишь, крошка, давай поиграем в слова». В этом его отходе от фетишизма слов, логоцентризма состоит принципиальное отличие от «человека поющего» 60-70-х, поклоняющегося «формуле любви» и выражающего это поклонение в своего рода любовном метадискурсе: «Какие старые слова... А как кружится голова <...> Они летят издалека, Сердца пронзая и века».

«Люби меня» – говорит современный «человек поющий», испытывающий потребность в любви. **Ама** (люби) – вот, по мнению Розенштока-Хюсси, главная, первая форма в парадигме изменения глагола *любить*, потому что именно императиву принадлежит особая роль в созидании будущего, которое невозможно, если один человек не услышит побуждения со стороны другого. Посредством императива мы хотим докричаться до другого. Думается, что для современной молодежной песни «синтаксической арией», прафразой является именно этот крик – побудительное предложение «люби меня», выражающее потребность в любви, и его, если можно так сказать, эротические перифразы: «Спи со мной!» – поет молоденькая представительница «прекрасного пола». «Пей меня, пей мою кровь» / «Делай со мной, что хочешь, ломай мои пальцы, целуй мою кожу...». В последних примерах явно мелькнула тень маркиза де Сада или Мазоха, потому что садизм как первоначальный сексуальный инстинкт, по Фрейду, обращенный на себя, есть мазохизм. Симптомы проявления этих инстинктов рассыпаны по современной песне: «Ты пила меня жадно, но плоть устала» / «Убей..., но обещай, больно не будет»... Возможно, прав Виктор Ерофеев, сказавший, что «культура должна пройти через Сада, подбирая подходящие слова для раскрытия эротической стихии» [Ерофеев 1999: 34]. Не вынося оценок происшедшим песенным изменениям, отметим лишь, что песня начала века придала любви телесный характер: в нее вошли табуированные ранее слова *тело*, *постель*, *кровать*: «И тело нежное твое под легким платьем» / «Ты уложишь меня на пустую кровать» / «Щербатая луна и мы не в одной постели». Современный человек поющий сбрасывает сегодня покров моральных табу, которые он считает ханжескими, и обнажает, если говорить по Фрейду, два первичных сексуальных инстинкта – Эроса и Танатоса.

Прежде чем мы перейдем к обсуждению следующей фигуры, отметим, что в современной песне складывается своеобразный дикурс *нелюбви*: «Нелюбимая», «Нелюбовь» – названия достаточно популярных песен. «Я не люблю тебя!» / «И поймешь сама, что ты мне не нужна И я тебе не нужен» / «Может быть, ты больше не хочешь меня, я для рифмы тебя хочу». / И нако-

нец – возглас Земфиры «Ненавижу», шестикратно повторенное в качестве рефрена песни слово, сочетающееся с фразами: «Обесцветь глаза, обезличь тебя – ааа!». Думается, что сам дискурс «нелюбви», т.е. текстовое выражение отсутствия чувства, бывшего в течение веков источником вдохновения, стимулом к порождению текста, является достаточно разнородным с точки зрения причин его появления: здесь и рефлексия *человека поющего* над причинами ухода чувства, и желание в песне «ответить тем же» и тем самым выплеснуть болевую эмоцию, и извечная амбивалентность любви-ненависти, находящая психоаналитическое объяснение в терминах взаимосвязи первичных инстинктов любви и смерти («Там, где первоначальный садизм не подвергается ограничению или слиянию, устанавливается знакомая в любовной жизни амбивалентность: любовь-ненависть» [Фрейд 1991: 183]. В целом же думается, что и в отсутствии **Я люблю**, и в эротизации дискурса любви, и в появлении формулы **Я не люблю** можно усмотреть в современной молодежной песне проявление фигуры, навеянной духом времени и названной Бартом «непристойное». Суть ее, по Барту, в том, что благодаря нынешней инверсии ценностей <...> в любовной сентиментальности и заключается непристойность любви. «Все анахроничное непристойно <...> Любовное чувство вышло из моды. <...> (Исторический переворот: неприлично не сексуальное, а сентиментальное...) Все поймут, что у Х... «огромные проблемы» в сфере сексуальности; но никого не заинтересуют, возможно, существующие у Y проблемы в сфере сентиментальности. Любовь как раз тем и непристойна, что подменяет сексуальность сентиментальностью» [Барт 1999: 213-218]. Это написано французом, пережившим антибуржуазную бурю мая 1968-ого года, создавшую угрозу моральным ценностям отцов. Молодежная российская песня спустя четверть века также отказывается от языка отцов и, не желая употреблять опасную форму первого лица глагола «люблю», она использует формулу **я тебя не люблю**: мир не может помешать **не любить**, нелюбящая личность пребывает в безопасности, но вместе с тем и в одиночестве, поскольку связь времен – распалась. Одиночество *человека поющего*, повествующего о любви-нелюбви, проявляется как на смысловом, так и на синтаксическом уровне текста – по своей грамматической неформальности приближаясь к явлениям внутренней речи.

Мне так мечталось, чтоб люди хотели иначе.

М-м, незадача, попала сам под раздачу.

Там первый снег, даже он ни к чему.

Ты молчишь, а послушай,

Боже ж, я – циник, а ты говоришь про какую-то душу,

Пожалей мои уши. (Земфира)

Существующая в приведенном фрагменте текста синтаксическая неполнота предложений (1 строка), отсутствие формальных средств

связи между ними (между 2-ой и 3-ей, 3-ей и 4-ой строками), смешение субъектов говорения/слушания в 4-ой, 5-ой строке создают впечатление любовного бреда, когда мысль мечется от одного объекта пространства к другому, некоего монолога в «измененном состоянии сознания». Это действительно речь **про себя** не в том смысле, что она не произносится вслух, а в том, что ее объектом является **Я** говорящего и она понятна только ему самому. Эти признаки – **Я-направленность**, **аграмматичность** – если опираться на идеи Мусхелишвили, Сергеева и Шрейдера, являются специфическими характеристиками внутренней речи, форму которой в определенные общественные периоды приобретают некоторые публичные тексты; «Трансформации общества, сопровождающиеся атомизацией и экзистенциальной заброшенностью, вызывают к жизни альтернативную систему коммуникации – депрагматизированный дискурс, являющийся, по существу, экстерииоризацией внутренней речи» [Мусхелишвили, Сергеев, Шредер 1997: 47]. Именно в силу близости песенного текста к явлениям внутренней речи можно сказать, что песня анализируемого периода является не столько симуляцией, имитацией любовной речи, как это было с песней прошлых лет, развертывающейся как традиционный нарратив, сколько самой любовной речью, или во всяком случае речевым явлением, очень близким к ней по дискурсивным характеристикам.

Различие в «языке любви» у отцов и детей станет еще более очевидным, когда мы обратимся к двум последним фигурам, анализируемым в предложенном исследовании. Первая называется у Барта «Утверждением» и суть ее заключается в утверждении любви как ценности: «Вопреки всем трудностям моей истории, вопреки сомнениям, разочарованиям, вопреки побуждениям со всем покончить, я не перестаю утверждать любовь как ценность» [Барт 1999: 395]. *Человек поющий* предшествующих десятилетий осознавал трудности любви, но они казались ему несопоставимыми с доставляемыми ею радостями: «Жить без любви, быть может, просто, но как на свете без любви прожить?» **Не любить – значит не жить** – вот формула, являющаяся прафразой этой фигуры [«Ведь не любить – это значит не жить» (С. Михалков)] / Ценность любви представляется высшей жизненной ценностью, равной ценности самой жизни. На основе многочисленных дискурсивных характеристик любви можно предложить несколько базовых метафор, на основе которых развертывался любовный дискурс и формировалась любовная метафорика: **Любовь – жизненно необходимый элемент** (кислород, свет): «Я дышу, а значит, я люблю, я люблю, а значит, я живу»; **Любовь – всепобеждающая сила**: «Но любовь сильнее, чем расстояния». Для любовного дискурса тех лет характерна явная тяга к гиперболе при выражении возможностей лю-

бящего: «Но любовь и стоит на том, чтоб тропинкой, пусть и завьюженной, до Сатурна дойти пешком и кольцо принести для суженой». Соответственно, и объект любви приобретал для любящего высшую жизненную ценность, без которой жизнь невозможна:

Все, что в жизни есть у меня,
Все, в чем радость каждого дня,
Все, что я зову своей судьбой,
Связано, связано только с тобой.

Прафразу, «синтаксическую арию» тех лет, формирующую «дискурс любимого», можно представить формулой: **Ты – высшая ценность** (ценностное понятие может всякий раз получать свое наполнение в зависимости от иерархии ценностей говорящего): «Ты – мое дыхание» / «Ты – моя мелодия, Я – твой преданный Орфей». Интересно, что тексты, разворачивающиеся на основе метафоры **любовь – жизненно необходимый элемент**, исполнялись и женщинами, и мужчинами. Метафора **любовь – всепобеждающая сила** и следствие из нее **влюбленный может все** ложились преимущественно в основу мужских текстов. Создается впечатление, что советская песня стремилась наверстать традиции трубадуров и тем самым возместить русской женщине отсутствие рыцарского культа поклонения в песенной традиции.

Молодежная песня конца прошлого-начала нынешнего века обсуждаемой фигуры «утверждение» не знает. Анализируемые тексты вообще ставят вопрос о характере ценности любовного чувства. Обнаруженные метафоры «смертоносный снаряд любви утончен, как игла», «топит джонки любовный снаряд», «боевые искусства любви», «точит косу старуха-любовь» позволяют говорить о базовой метафоре **любовь – источник смерти** как концептуализирующей область любовного переживания. Ролан Барт, анализируя любовную речь, выделял такие фигуры, как «Самоубийство» и «Пропáсть», связанные со смертью. «Из-за малейшей обиды, – пишет Барт, – я хочу покончить с собой, любовному самоубийству, когда о нем помышляют, нет дела до мотива» [Барт 1999: 330]. Субъект любви хочет пропáсть не только от уязвленного самолюбия, но и от желания обрести вечное слияние, замкнутую смерть общей могилы. Приведенные выше метафоры связаны не столько с идеей самоубийства, выступающего еще в поэзии Тютчева близнецом любви («Близнецы»), сколько с иным осмыслением любовного опыта, определенные стороны которого затушевывались метафорами **любовь – всепобеждающая сила** и **любовь – необходимый жизненный элемент**, лежащими в основе песенного дискурса прошлых лет. Трагическая сторона любви («но многих, захлебнувшихся любовью, не дозовешься, сколько ни зови» (Высоцкий), боль, причиняемая этим чувством, оказываются в фокусе внимания современного

человека поющего и осмысляются через метафору смерти даже в творчестве исполнительниц, явно далеких от радикальных новшеств современной песни: «Я на трон любви ледяной взошла и замерзла там» (Пугачева) / «Лилии, маки, неживой букет, как твоя любовь – неживой букет» (Буланова). Даже если речь не идет о любви, переосмысляемой в терминах смерти, общая тональность песенного разговора об этом чувстве окрашена в этот период в тона печали: «Скоро любовь, скоро печаль» – поет группа «Отпетые мошенники», и это мироощущение в области любовного переживания принципиально отличает песню конца прошлого – начала нынешнего века от песни прошлых лет, воспевавшей любовь как «сказку наяву». Перед нами, скорее, очень грустная, или даже страшная сказка, и фигура «Пропáсть» является преобладающей в речи нового человека поющего. Трудно сформулировать ее прафразу в силу изощренной метафоричности, к которой прибегает человек поющий, говоря о любви-смерти. Безусловно то, что эта фигура наполняется иным, нежели у Барта, содержанием, – герой рефлексировал над любовным чувством и в его сознании высвечивается мысль о том, что в любви «умирает душа, заключенная в плоть» (Лолита). Метафорическое высказывание «точит косу старуха-любовь» из текстов группы «Адо» вообще побуждает уравнивать любовь со смертью и приписать негативную ценность этому чувству. Правда, эта метафора высвечивает и неожиданные стороны осмысления любви: любовь, персонифицирующаяся в образе старухи, вызывает представление о древности этого чувства, а выражение «точит косу», возникшее на базе эвфемизма «старуха с косой», наводит на мысль о неумолимости, с какой любовь подбирается к своим жертвам, превращая их во влюбленных.

Анализируемая молодежная песня обладает еще одной интересной текстовой характеристикой, в которой можно усмотреть вторжение в дискурс любви дискурса смерти. Приведем примеры из песен разных исполнителей: «Но ты же таешь: Снег. Снег. Таешь. Снег.» / «Мы гуляли там по облакам, Притворились лондонским дождем, Моросили вместе на асфальт»/(Земфира); «Улечу, стану белою пылью небесною»(Ох-хо-хо); «<...> Как звезда, веду тебя И тогда мне кажется, что плывут облака подо мной» (Алсу). Последняя фраза представляется нам в высшей степени показательной, так как в ней явлен механизм кажущегося превращения. Здесь превращение Я в явление из мира неживой природы столь сильно, что Я одушевленное начинает проявлять себя так, как проявляет себя соответствующий неодушевленный предмет. Можно в данном случае говорить об эмпатии, если понимать эмпатию в телесном смысле, когда «Эго осознает себя в теле Другого» [Суровцев 1998: 13]. Но этим Другим является неживой предмет (!): лирическая героиня Алсу, представляя

себя звездой, соответственно моделирует пространство, видя облака под собой, а Земфира обращается к снегу как обычному адресату: использует личное местоимение (*ты*). Личные местоимения, по Розенштоку-Хюсси, «имеют смысл только тогда, когда вы разговариваете с людьми. Все личные местоимения свидетельствуют о достижении единодушия множества людей, принадлежащих одному кругу» [Розеншток-Хюсси 1994: 97].

Таким образом, в сознании человека *поющего* происходит нейтрализация оппозиции *природа – человек* или, что видимо то же самое, *одушевленный – неодушевленный мир*. Нам представляется, что подобного, неаллегорического наделения *Я* чертами мира неодушевленной природы песня прошлых лет не знала. Вербализацию способности *Я* к превращению в неживое мы склонны также рассматривать как осуществление дискурса смерти – *Я* уходит в *инобытие*.

Можно ли, подводя итог проведенного анализа и учитывая то место, которое дискурс смерти занимает в песне «новой волны», говорить о том, что инстинкт жизни, любви – Эрос – вытесняется, поглощается инстинктом смерти – Танатосом? Если вспомнить рефрен знаменитой песни Земфиры «СПИД»:

А у тебя СПИД, и значит, мы умрем.
У тебя СПИД, и значит, мы умрем.
Но у тебя СПИД, и значит, мы умрем.
У тебя, и значит, мы...

то, думается, вывод о поглощении инстинкта жизни инстинктом смерти кажется вполне логичным. Мир в этот период осознается таковым, что в нем и жизнь представляется «смертельной болезнью, передающейся половым путем». И все-таки: «Жизнь вкусна, и я к ней так привязан» – поет самая «черная» группа «Мумий Тролль». А заключительная строфа песни «СПИД» звучит несколько иначе, чем приведенная выше строфа – и в этом маленьком различии, на наш взгляд, скрыты бездны новых смыслов:

У тебя СПИД, и мы далеко.
Но у тебя СПИД, и мы далеко.
Но у тебя СПИД, и мы далеко.
Но у тебя, и значит, мы.

Смерть оказывается не концом, не разлукой без встречи, а путешествием, в котором *Я* и *Ты* сливаются в единое *Мы*. Эта область человеческих представлений может быть концептуализирована метафорой **Смерть – это путешествие, Смерть – это встреча**. Концепт «смерть» обретает в дискурсе анализируемой песни иное содержание: средство соединения влюбленных, локусом встречи которых в песне становится небо, заоблачный мир. Столь разные певцы, из которых далеко не все относятся к «новой волне», поют об этом. Ср. у А. Макаревича – представителя рок-культуры 70-80 г.: «Я поднимаюсь к облакам и найду тебя там. На крыльях любви» (Макаревич) / «Только

там, где звездная сеть, мы воскреснем вдвоем» (Буланова) / «В светлом райском саду цветов, буду я как ребенок мечтать... Закрой глаза и пойдем со мной, не бойся сделать шаг» (Алсу) / «Звони чаще с неба про погоду» (Земфира). Поэтому при всей деромантизации отношений и обнаружения первичных инстинктов песня «нового времени» открывает вертикаль движения любовного чувства – в трансцендентный мир. (Одна из достаточно эпатажных песен, начинающаяся со слов «Я пришла к тебе с цветком в руке, С шляпой на голове и с носком на ноге» (т.е. с описания банальных и обычных деталей), называется так: «Земно-неземная»). Боязнь смерти связывается прежде всего с возможностью оказаться не в одном локусе: «Пожалуйста, не умирай, или мне придется тоже; Ты, конечно, сразу в рай, А я не думаю, что тоже» (Земфира).

В связи с изменением содержания концепта «смерть» иное содержание, как представляется, обретает когнитивная структура «облака», которую, в силу частоты употребления в текстах русской культуры, можно считать культурным концептом [Лассан 2007]. Когнитивная структура «облака», содержащая в себе в качестве ассоциативного слоя представление о вольном, не стесненном движении, теряет эту составляющую и в современной песне становится границей миров или местом существования одного из субъектов любви: «Из облаков небесных <...> посмотришь ты влюбленно» / «Вниз с балкона смотрю, но вижу там облака» / «Я поднимаюсь к облакам и найду тебя там» / «Я и так пойму, что скажет мне небо на языке облаков».

В связи с тем, что в картине мира современного человека *поющего* местом обитания влюбленных являются облака, регулярным элементом песенного текста становится вербализация темы полета, вернее «улета»: «Лиза, не исчезай, не улетай» / «Люби меня, не улетай, не исчезай, я умоляю» / «Она любила летать по ночам» / «Можно слететь, улететь, налетаться». Полет, «улет» – вот способ, которым любящие соединяются или разлучаются, уходя в небо. Выше мы говорили о том, что современная молодежная песня является более естественной формой любовной речи, чем песня прошлых лет, эту речь имитировавшая. Нужно сказать, что она теснее связана с опытом жизни и смерти в том смысле, что иногда самым печальным образом становится зеркальным отражением бытия – так ушел в небо, улетел, выбросившись из окна, один из самых талантливых молодых певцов, «маленькая легенда поколения» – Игорь Сорин. («Я разбежусь – и с окна, я верю – не будет больно, я знаю, как это делать») (Земфира).

Подведем итоги. Дискурс любви в песне конца прошлого-начала нынешнего века имеет ряд ярких особенностей, отличающих его от песенного дискурса прошлых лет:

1) молодежная песня вводит в фокус внимания, по сравнению с предыдущим этапом, иные стороны любовного переживания, концеп-

туализируя сферу любви через метафоры боли и смерти.

2) она упраздняет парафразу **я тебя люблю** в одноименной фигуре, заменяя ее парафразой, имеющей форму побудительного наклонения «люби меня» и его эротизированными парафразами. Она использует парафразу «я не люблю тебя», становящуюся основой развертывания соответствующего дискурса «нелюби». Фигура «непристойное», утверждающаяся в молодежной песне, лишает ее былой сентиментальности и создает сексуализированный дискурс.

3) этот дискурс может получить психоаналитическое толкование в терминах проявления двух изначальных инстинктов человека – жизни и смерти, Эроса и Танатоса. Она (песня) отбрасывает принятые в культуре табу и не скрывает первичных инстинктов, в том числе и садомазохизма, создавая соответствующий дискурс для выражения этих инстинктов.

4) она придает новое содержание концепту «смерть», концептуализируя эту сферу через метафоры путешествия и встречи. Соответственно, высокую частоту употребляемости получают изменившие свое содержание концепты «облака» и «полет (улет)». Доминирующей фигурой, пришедшей на смену фигуре прошлых лет – «утверждению» (ценности любви) – становится фигура «пропасть».

5) несмотря на отказ от сентиментальности, эротизацию дискурса, современная песня именно в истолковании концепта «смерть» сближается с религиозным сознанием. Думается, что найденное в ней определение любви – «это просто душа, заключенная в плоть» – очень точно выражает двоякую сущность любви и как природного инстинкта и как идеальной сущности, лежащей в основе всей культуры.

Происшедшие изменения в песенном дискурсе в известной степени определяются изменившимися общественными условиями – идеология предшествующих лет, придающая ценностные смыслы бытию личности как члену некоего социума, ушла в прошлое, оставив человека наедине с миром, в котором он, брошенный государством, не чувствующий причастности к некоему общему и потому бессмертному существованию, переносит свое одиночество и на любовное чувство, ощущая разность между собой и Другим. Мы уже приводили выше слова Ю. Кристевой о современном человеке, который, будучи сосредоточенным только на себе, чувствует себя несчастным. Именно таким представлен молодой человек «на randevu» в лирической песне конца одного века и начала другого. Но он хочет преодолеть одиночество, и при всех кажущихся кардинальными изменениях, происшедших в песенном любовном дискурсе, лейтмотивом его страстно звучит вечный призыв влюбленных, выраженный самой естественной, изначалью

данной человеку глагольной формой императива:

Люби меня, люби!

Люби меня, люби!

Люби меня, люби!

Назовем этот призыв фигурой «мольбы» (или «молитвы»?). Остается ждать, ощутит ли человек *поющий* вновь радость чувства, обретет ли любовь и объект любви свой прежний статус высшей жизненной ценности.

3. Лирическая песня как предписывающий дискурс.

Время – кожа, а не платье.

Глубока его печать.

Словно с пальцев отпечатки,

С нас – его черты и складки,

Приглядевшись, можно взять.

(А. Кушнер)

Песенный дискурс, как представляется, не принято рассматривать с точки зрения выполняемых им коммуникативных функций. Если приложить к песенному тексту функциональную классификацию сообщений Р. Якобсона, то станет очевидным разнообразие и неоднородность функций песенного текста, из которых одни – эмотивная, контактоустанавливающая, побудительная – претендуют на роль основных, а референтивная и эстетическая – на роль вспомогательных.

Обратимся к общей характеристике коммуникативных функций лирической песни. Как уже говорилось выше, песня становится выражением эмоций, т.е. осуществляет эмотивную функцию, прежде всего благодаря тому, что она является одновременно произведением и словесного, и музыкального искусства – последнее, как известно, ориентировано только на эмоционально-бессознательные структуры психики. Песенный текст – не столько выплеск эмоций, сколько з н а к того, что человек исполнен эмоций или, точнее, «стремится произвести впечатление эмоций подлинных или притворных» [Эко 1990: 198]. Последнее относится к ситуации публичного исполнения песни – непосредственно воспринимающий (аудитория концертного зала или возлюбленная – адресат серенады) призван проникнуться демонстрируемой эмоцией, со-пережить ее, со-чувствовать с субъектом или якобы субъектом эмоции. Эмотивная функция – не единственная в подобных текстах: она теснейшим образом переплетается с контактоустанавливающей, побудительной и референтивными функциями. Действительно, чтобы выразить эмоцию, надо обозначить ситуацию, которая эту эмоцию стимулирует. В песне обычно создается некоторый «возможный мир», к которому осуществляет референцию песенный текст. Этот «возможный мир» может быть картинкой подлинного бытия создателя песни, его мироощущения, но по мере того, как песня отделяется от автора и исходит из уст все новых и новых исполнителей, мир, запечатленный в песенном тексте, становится все более условным,

разыгрываемым по правилам песенного спектакля.

Включаясь в социумную реальность, в мир межличностных связей, песня, обладая эмоциональной и референтивной функцией, способна воздействовать на слушателя, таким образом, что стимулируя в нем адекватную эмоцию, она создает общую платформу единичности, а, вживая слушателя в некий возможный мир песни, побуждает его к определенной модели поведения, формируемой сценарием песенного спектакля. В первом случае реализуется контактоустанавливающая функция песни – история предоставила ей шанс в полной мере осуществиться, например, в период «песенных революций» в Прибалтике. В сущности, вполне справедливым является утверждение: «Скажи мне, что ты поешь, и я скажу, кто твой друг» (или каковы твои ценности). Во втором случае осуществляется побудительная функция песенного дискурса. Как отмечает Умберто Эко, еще со времен пифагорейской традиции, каждый музыкальный лад связывался с определенным этосом, т.е. со стимуляцией определенного типа поведения, в силу чего некоторые произведения в сознании тесно связываются с определенными идеологиями: примером может служить «Марсельеза» или «Интернационал» [Эко 1990: 398]. Но массовая песня является именно **побудительным дискурсом**, т.е. текстом, осуществляющим побуждение к определенному поведению, а не побудительным музыкальным жанром. Почему песню можно приписать эту функцию? Стоит вспомнить обилие предложений с побудительной модальностью в песнях разных лет, как нацеленность песни на побуждение становится очевидной: «Смело, товарищи, в ногу!» / «Вставай, проклятьем заклейменный!» / «Вставай, страна огромная!» / «Не надо печалиться <...>, надейся и жди» / «Не обижайте любимых упреками» и т.д. Приведенные строки в разной мере исполняют эту функцию, совмещаемую с другими; так, побуждение к совместному действию означает и функцию установления контакта внутри членов определенного социума, там же, где отсутствует побуждение к собственно действию, возникает совет, назидание, т.е. стимулируется некая обобщенная модель поведения. Характер побуждения определяется стоящей за песенным текстом идеологией – как уже отмечалось выше, здесь под идеологией понимаются не только сознательно провозглашаемые философские, политические или эстетические установки, но и бессознательно присущая индивиду вся совокупность интеллектуальных навыков (сложившихся стереотипов суждения о различных вещах) и психологических ожиданий.

Исходная установка анализа песни как идеологического явления состоит в том, что песня как вид идеологического дискурса, наде-

ляется функцией внедрения определенных моделей поведения в обществах, сознательно исповедующих определенную идеологию как совокупность норм, ориентирующих общества относительно того, «что такое хорошо, что такое плохо». В обществах деидеологизированных песня, скорее, выражает бессознательную идеологию, или психологию, определенной социальной группы и способна декларировать определенные модели поведения, которые могут стать авторитетными, если песня становится «хитом».

Проследим модели декларируемого речевого поведения в любовных песнях ушедшего века, причем попытаемся сделать это, учитывая различия мужских и женских «арий» и показывая, как влияние определенной идеологии сказывается на гендерных моделях поведения.

Советская песня 50-70-х гг. очень часто представляла собой повествование о некотором вымышленном событии, будь то история встречи, любви, разлуки: «Я встретил девушку» / «Я с тоской ловил взор твой ясный» / «Я уехала в дальние степи» и др. Повествование связывалось с динамической сменой ситуаций, которые песенный герой переживал определенным образом и, соответственно, определенным образом о них рассказывал. Думается, что песня как наиболее доступный и простой для восприятия жанр оказывала моделирующее воздействие на поведение тех, кто слушал и пел вместе: так, песня о парне, который «с милой девушкой на лавочке прощается», формировала модель целомудренного завершения любовного свидания, а песня, где героиня пела: «Я люблю высоко, широко, неоглядно / Пусть тебе это все совершенно не надо», проповедовала стоическое поведение женщины в ситуации безответной любви. Разумеется, для выполнения этой цели должны были существовать целые «сериалы» песен, которые, с одной стороны, отражали дух сознательной и бессознательной идеологии, а с другой стороны, сами формировали ее. Можно говорить об определенных стереотипах, задающих модель песенного речевого поведения, как-то: модель говорения о счастливой / несчастливой любви, модель говорения об объекте любви, модель говорения о самом себе как субъекте любви и т.д. Так, модель говорения о не взаимной любви, озвучиваемая женщиной, предполагала отсутствие жалобы и гордое принятие ситуации: «Я плакать – не плачу, он мне не велит, А горе – не море, пройдет, отболит» / «Ну что же здесь поделаешь, другую встретил ты» / «Все равно счастливой стану, даже если без тебя». Говорение о несчастливой любви со стороны мужчины практически не предполагалось: даже отвергаемый, он уповал на то, что его настойчивость не останется вознагражденной: «Вновь с надеждой взгляд твой ловлю, Ты должна понять без сомнения, Что тебя, как никто, я люблю» / «Шлю я, шлю я ей за пакетом пакет, Только, только нет мне ни слова в ответ, Значит,

значит надо иметь ей в виду, Сам я за ответом приду».

Отсутствие уныния, проявление настойчивости – вот модель поведения, предписываемая «мужчинам любящим» песней 50-70-х годов. Выскажу предположение, что подобный стереотип говорения о невзаимной любви, именно невзаимной, а не несчастной, ибо именно из тех лет пришла фраза, которую можно считать смысловым инвариантом многих текстов – «не бывает любви несчастливой», – был обусловлен характером идеологии, проповедующей безграничные возможности человека – от способности «сказку сделать былью» до способности силой своего чувства вызвать ответную любовь. Мужская инвариантная «ария» этих лет может быть представлена формулой «ты полюбишь меня», женскую же «арию» невзаимной любви, как представляется, можно выразить формулой, коррелирующей с «русской идеей» приятия судьбы: «Ну что же тут поделаешь...».

Ситуация в молодежной песне конца века выглядит принципиально иной. Мы уже говорили выше о том, что установкой молодежной любовной песни этого периода является утверждение *Не бывает любви счастливой*, и любовь осмысливается в «радикальной» песне конца века в терминах боли и смерти... «Смертоносный снаряд любви» / «Точит косу старуха-любовь» – эти метафоры заставляют задуматься о характере ценности, приписываемой любовному чувству. Метафора боли была присуща русской поэзии: вспомним «я любовь узнаю по боли всего тела вдоль» (Цветаева) или «легкий лепет, едва отдающий смолой, проколовший меня смертоносной иглой» (Заболоцкий). Но мир отчаяния и любовной боли, ведущей к смерти, какой открылся в песенных текстах конца века, в ряде случаев по своей изощренной метафорике, приближающихся к поэтическому дискурсу («снаряд любви утончен, как игла, изящной линией делит небо, ароматом жимолости прощен»), кажется, песня раньше не знала.

Как ведет себя человек любящий и нелюбимый в этой песне? Мужская «ария»:

Ты разбиваешь мое сердце,
Мы никогда не будем вместе.
К чему стихи

Я погибаю

Таков сюжет моих страданий. (Лева-Рубинштейн)

Женская «ария» представлена в тексте Земфиры:

Щербатая луна,
и мы не в одной постели
Я разбежусь и с окна,
Я верю, не будет больно,
Я помню, как это делается

Отметим, что если советская песня знала гендерные различия в способах говорения о невзаимной любви, то песня конца века гендерные различия устраняет: и мужчина и женщина в этой ситуации размышляют о смерти.

Как уже говорилось, Р. Барт, анализируя «речь влюбленного», выделяет в ней так называемые фигуры «Самоубийство» и «Пропáсть», – влюбленный всех времен периодически испытывает желание *п р о п á с т ь*, возникающее как от уязвленного самолюбия, так и от желания умереть вместе, обрести замкнутую смерть общей могилы. Советская песня фигуры «Пропáсть», связанной со смертью от любви, не знала, – этого не допускала идеология, разрешающая лишь одну причину смерти – за Родину. «Человек поющий» на рубеже тысячелетий не думает о сопротивлении любовной боли, он думает о смерти. Причем, если бартовский влюбленный утверждает несомненную ценность любви, не зависящую от причиняемых любовью страданий, и изредка думает о смерти, не оставиваясь на способах умирания, герой русской песни продумывает способы смерти и рисует ее картины. Приведем одну из строф песни, принадлежащей группе «Мумий Тролль» (в песне говорится о девушке, испытавшей предательство в любви):

Ушла, раздевшись, насовсем
Сыграла шутку злую ли
Не возвратилась никогда
И, может, умерла
Глаза закрыла, крикнула,
В растрепанные волосы
Кинжал воткнув расплавленный.

На основе приведенных фрагментов песен, очевидно, можно говорить о том, что молодежная песня конца века открыла дверь дискурсу смерти. Какая идеология стоит за приведенными словесными кодами? Разумеется, можно объяснить это явление общим апокалиптическим духом конца тысячелетия – я уже не раз предлагала гипотезу о том, что в период отсутствия какой-либо сознательно проповедуемой идеологии и деконструкции прежних ценностных оппозиций человек оказывается во власти присущих ему инстинктов. Изначально свойственные человеку инстинкты – Эрос и Танатос – определяют и видение мира, и говорение о нем. И дух Танатоса оказался в том, что здесь называется радикальной песней, преобладающим. Сама оппозиция *жизнь – смерть* подвергается деконструкции: «Ах, если бы я выжил, то, значит, точно бы умер» («Мумий Тролль»). Думается, что в господстве первичных инстинктов и проявляется дух – легализация этих инстинктов есть идеология современной песни.

Рассмотрим сценарии говорения о других слагаемых любовной ситуации – например, об объекте любовного влечения. В песне советской эпохи объект любви наделялся исключительно положительными качествами, как внешними, так и внутренними, причем эта синтаксическая ария озвучивалась исключительно мужчинами: «До чего ж ты хороша, сероглазая, как нежна твоя душа, понял сразу я» / «Услышь меня, хорошая, услышь меня, красивая» / «Он назвал меня сво-

ей хорошею и сказал, что я – красивей всех». Представляется, что здесь имела место определенная эволюция описания возлюбленной – от обязательного вначале указания на ее душевные качества, соединенные с внешней привлекательностью, в более ранних по времени песнях, что соответствовало доктрине **любви – дружбы**, до восхищения чисто внешними качествами возлюбленной, что в большей мере соответствовало традиции воспевания женщины в куртуазной культуре. Ср. два фрагмента из песен разных периодов:

Я люблю твой ясный взгляд,
Простую речь,
Я люблю большую дружбу наших встреч <...>
(А. Коваленков – 40-е годы)

И сама не знаешь ты,
Что красотой затмишь любую королеву красоты!
(М. Магомаев – 60-е годы)

Женщине в советской эстрадной песне предписывалось другое речевое поведение: она не говорила о внешних достоинствах избранника, но утверждала его «единственность», озвучиваемую арией: «ты, только ты». Вообще инвариантной мужской и женской арией можно считать фразу «Ты одна / один в моей судьбе». Поиски этого одного/одной могли занимать длительное время («Три года ты мне снилась»), и «человек поющий» склонен был задаваться вопросом: «Ты не тот или тот?» / «Ну как узнаешь, когда встречаешь?». Думается, что ориентация на «ту одну на земле половину твою» могла быть связана с духом идеологии, проповедовавшей единственно возможную истину и единственно правильный путь к ней.

Несомненная ценность объекта любви в песне тех лет определяла и идею подвижничества во имя избранницы – эта идея озвучивалась только мужчинами:

Для тебя, для тебя, для тебя
Самым лучшим мне хочется быть.
Все земные пути я готов обойти,
Все моря я готов переплыть. (В. Шаферан)

Женщина тех лет, воспринимающая мир сквозь призму советского песенного дискурса, могла ожидать от мужчины исполнения всех своих желаний: «Для меня ничего невозможно нет», – заявлял песенный герой. Советская песня словно пыталась реабилитировать «русского человека на randevу», которому не польстила русская классическая литература – мужчина-защитник отечества представал одновременно и рыцарем, способным на подвиги во имя любви.

Нельзя не отметить, что любовь к женщине, как и любовь к родине, интерпретировалась в одних терминах – самоотдачи, готовности к подвигу. Любовь к женщине, понимаемая как творческая, созидательная сила («Посажу я на земле сады весенние, зацветут они по всей стране, а когда придет пора цветения, пусть они тебе расскажут обо мне»), вполне коррелировала с идеологией, требующей от

человека активного участия в том, что называлось строительством социализма. Отождествление этих типов отношений порождало текст «как невесту, Родину мы любим, бережем, как ласковую мать», позволяющий говорить в терминах психоанализа о замещении в бессознательных структурах психики этих двух образов – женщины и родины.

Вместе с тем до определенного момента возлюбленная/ый не представал смыслом и целью всего бытия – им могло быть только благо отечества («Была бы страна родная, и нету других забот»). Однако по мере ослабления идеологических ценностей центром бытия в песне становится любимая/ый: «Все, что в жизни есть у меня, все, в чем радость каждого дня, все, что я зову своей судьбой, связано только с тобой». Пел в семидесятые годы прошлого века ансамбль «Самоцветы». В 90-е годы эта мысль прозвучит в песне группы «Любэ», продолжающей романтические традиции советской песни: современный солдат, сражающийся, видимо, в горах Кавказа, осознает в качестве главной ценности своей жизни именно любимую женщину: «Главное, что есть ты у меня».

Превращение ряда идеологических постулатов в лишившиеся значения лозунги («Партия и народ едины») соотносилось, как представляется, со смысловым опустошением и любовного дискурса. Так, влюбленный 30-40-х осуществлял для «прекрасной дамы» созидательные действия, являющиеся одновременно вкладом в общее дело, и, хотя имела место некоторая гиперболлизация его возможностей («Посажу я на земле сады весенние»), в целом деятельность влюбленного субъекта (*пройти через горы, подняться на крыльях в вышину*) оказывалась в пределах возможного для сообщества людей в целом. По мере того как ведущее место на эстраде занимали вокально-инструментальные ансамбли, говорящие о любви «хором» (такое говорение снимает ответственность с субъекта речи), гиперболлизация возможностей любящего оборачивалась пустой декларативностью: «Ведь любовь и стоит на том, чтоб тропинкой, пусть и завьюженной, до Сатурна дойти пешком и кольцо принести для суженой».

Способ описания предмета любви в песне конца века принципиально изменился (возможно, в силу отторжения от патетических формул прежних лет). Объект любви, который на предыдущем песенном этапе наделялся исключительно положительными качествами, в песне конца века значительно «понижается в статусе», становясь предметом иронического отношения. Показательными в этом смысле являются знаменитые строчки из песни дуэта «Кабаре-академия», которым с удовольствием подпевали зрители: «Отказала мне два раза, не хочу, сказала ты / Вот такая вот зараза девушка моей мечты». Аксиологическая несовместимость субъекта и предиката создает комический эффект, который в сочетании с цитатным выражением из предыду-

щих, романтических дискурсов («девушка моей мечты») являет образец постмодернистской иронии. Для женской арии этих лет характерно также понижение объекта любви, причем возможно использование тех же риторических средств, что и в мужской арии: «Где тебя носит, солнце мое» (совмещение различных стилистических пластов и цитация любовных дискурсов прошлых лет: «солнце мое»).

Если в песне прошлых лет человек *поющий* конституировал себя прежде всего через отношение к объекту влечения, через подвижность во имя него, то в анализируемой молодежной песне человек *поющий* часто занимается самопредставлением: самохарактеристикой, описанием деталей собственного быта (не бытия!). Причем мужские и женские партии здесь разнятся: мужская «ария» строится на бытописании, женская преимущественно на самохарактеристике. Вот голоса мужчин: «После вкусной еды закурю сигарету» (Сюткин) / «Мне нравится есть очень вкусные вещи и обильно их запивать» (А-студио). Женские арии: «Я – королева золотого песка» (Анастасия) / «Я девочка-скандал, девочка-воздух <...> Я девочка-с ума, девочка-вольно» (Земфира). Взглядывание в себя, нарциссическое начало в современной песне вполне коррелирует с идеей прорыва первичных инстинктов в текст и их легитимной вербализации («... Психологический анализ пришел к заключению, что “Я” является истинным и первоначальным резервуаром либидо» [Фромм 1990: 181]).

При подобном отношении человека *поющего* к себе и к объекту влечения, сведенному с пьедестала любовного поклонения, рассказ о «подвигах» во имя возлюбленной почти полностью исчезает из песни конца века. Мужская ария практически не озвучивает мотива подвижничества; разве только молодые певцы, продолжающие предшествующую лирическую традицию, готовы на то, чтобы следовать за своей любимой: «За тобой пойду, за тобой пойду <...>, милая моя, милая» // Сквозь тревоги и ожидания // Через годы и расстояния // За тобой пойду» (Губин). Отметим гендерную смену поведения: следовать за любимым составляло в прошлом модель поведения женщины. С другой стороны, собственно мотива осуществления невозможного, как то было в песнях прошлых лет, в приведенных строках нет – следование за объектом любви есть не столько подвиг, сколько знак верности. Мотив осуществления действий, связанных с риском, выходящих за пределы «нормальных», присутствует в некоторых женских ариях: «Я украду тебя у всех» – пела очень женственная Алена Апиная, «Хочешь, я убью соседей, что мешают спать?» – вопрошает Земфира, готовая даже «взорвать звезды» ради того, чтобы объект любовного чувства не умирал. (И вновь «курс смерти» в песне о любви.)

Подводя итог сказанному, остановимся на следующем: песня прошлых десятилетий была выражением «утешительной риторики» [Эко 1990: 103] – хранилищем устоявшихся формул, стремящихся укрепить адресата в определенных культурных моделях поведения, к которым он был готов в силу проповедуемых идеологией принципов. Песня проповедовала четкое разделение гендерных ролей: формулы «я тобой перестрадаю, ненаглядный мой», «ну что же тут поделаешь? Другую встретил ты», «ты один в моей судьбе», «я тебя подожду», выражали женскую модель пассивного стоицизма и верности; мужская модель задавалась формулами «ты полюбишь меня», «для меня ничего невозможного нет», «ты лучше всех», «я обязательно вернусь», «ты только жди», выражающими активность, оптимизм и созидательный труд во имя любви. И женские, и мужские формулы акцентировали единственность избранника и невозможность повторения любовного чувства. Содержание этих формул коррелировало с духом идеологии оптимизма, веры в будущее и единственно возможной страны проживания – *Родины*, требующей подвигов во имя нее.

Согласно Умберто Эко, утешительная риторика как совокупность апробированных в обществе приемов, симулирует информативность, потрафляя надеждам адресата «и убеждая его согласиться с тем, с чем он уже и так... согласен» [Эко 1990: 103]. Этой риторике противостоит «обогатительная риторика», оспаривающая устоявшиеся предпосылки, исходящая из других постулатов [там же]. Да, песенные формулы 50-70-х гг. были «утешительной риторикой», не открывающей новых истин, и поэтому песенный текст тех лет может быть отнесен к искусству китча. Эти песни давали то, что, по словам Эриха Фромма, можно считать «заместительным любовным удовлетворением, переживаемым потребителями кинокартин и романов с любовными историями, песен о любви» [Фромм 1990: 59]. Но они – эти формулы – были утешительными еще и потому, что соответствовали потребностям человеческой души в верности и надежде. И существующие в них гендерные различия позволяли обществу, только теоретически знавшему разделение на сильный и слабый пол, ощутить прелесть женской кротости и силу мужского начала. Они возвращали каждому свое, и возможно, в этом причина их долгой жизни.

Песня конца века, формулы которой можно соотнести с обогатительной риторикой, не является побудительным дискурсом: нет предписаний в области моделей поведения (хотя в области говорения о любви они, видимо, есть) – они ушли с общественной идеологией, а новые еще не установились в связи с неоформленностью новой морали. Эта песня не дарит надежду. Но может быть, отсутствие надежды не является симптомом общественного нездоровья,

если вспомнить, что в ящике Пандоры надежда была заточена вместе с другими бедами? В песне пограничья тысячелетий чаще, чем раньше, говорит тело (впрочем, в песне прошлых лет тело молчало вообще). Но не реже, чем раньше, а может быть, и чаще в ней повторяется слово «душа». «Я дарю тебе звезду, а ты подари свою душу» – поет «чернушная» Земфира. (Как тут не вспомнить Тютчева: «Душа хотела б быть звездой».) Думается, что к этой песне применимы слова, сказанные о поэзии того же периода: «Даже в самых фальшивых и слабых <ее> нотах звучит одна тема – пусть многократно сниженная и опошленная, но все же грандиозная – прохождение души через горнило плоти <...>» [Вольская 2000: 177].

Новый век начался с новых песен, точнее, новых песен со старой «утешительной риторикой». «Караванами, пароходами я к тебе прорвусь... Это будет не трудно. Это по любви» – поет лидер одной из самых «мрачных» групп конца прошлого века («Мумий Тролль»). А из хит-парадов не исчезала Верка Сердючка со знаменитой фразой «Хорошо. Все будет хорошо! Я это знаю!» Означает ли возвращение «утешительной риторики» и одновременное возвращение связанной с ней идеологии? И возможно ли это в культурной ситуации карнавала, где неясно, кто обещает нам прекрасное завтра – мнимая Верка Сердючка или переодетый Андрей Данилко? Правда, нельзя не отметить, что текст Сердючки / Данилки совпал с установкой партии «Единая Россия», известной в начале века как партия власти: «Мы – партия конструктивного оптимизма...»

(из обращения «Единой России» к гражданам России. 26.12.2003).

ЛИТЕРАТУРА

- Барт Р. Фрагменты речи влюбленного. – М., 1999.
- Бойм С. Общие места. Мифология повседневной жизни. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2002.
- Волошинов В. Философия и социология гуманитарного знания. – СПб, 1995.
- Вольская Т. Поэзия от Фомы // Знамя. 2000. № 4.
- Кристева Ю. Душа и образ // Интенциональность и текстуальность. – Томск: «Водолей», 1998.
- Ерофеев В. Мужчиныё – М.: Издательский Дом «Подкова», 1999.
- Лассан Э. Облака и обрывы русской культуры (о локусах культуры как реализации пространственных координат сознания) // *Respectus Philologicus*. 2007. № 11(16).
- Лоренц К. Агрессия // Вопросы философии. 1992. № 3.
- Marcuse H. L'uomo a una dimensione. – Torino, 1967.
- Мухелишвили Н.Л., Сергеев В.М., Шрейдер Ю.А. Дискурс отчаяния и надежды: внутренняя речь и депрагматизация коммуникации // Вопросы философии. 1997. № 10.
- Розеншток-Хюсси. Речь и действительность. – М.: Лабиринт, 1995.
- Суровцев В. Интенциональность и практическое действие // Интенциональность и текстуальность. – Томск, 1998.
- Фрейд З. По ту сторону принципа наслаждения // Фрейд З. «Я» и «Оно». Кн. 1. – Тбилиси, 1991.
- Фромм Э. Искусство любви. – Минск, 1990.
- Эко Умберто. Отсутствующая структура. Введение в семиологию – т.оо.т.к. «Петрополис», 1990.
- © Лассан Э., 2009

Мальшева Е.Г.
Омск, Россия

Malysheva E.G.
Omsk, Russia

**ИДЕОЛОГЕМА
КАК ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ ФЕНОМЕН:
ОПРЕДЕЛЕНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ**

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. Статья посвящена проблеме определения чрезвычайно значимого для современной лингвистики, в том числе политической, понятия – идеологема. Доказывается возможность рассмотрения идеологема как особого типа многоуровневого концепта, в когнитивной структуре которого выделяются идеологически маркированные концептуальные признаки. Кроме того, в настоящей статье предпринимается попытка классификации идеологем по разным основаниям.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, идеологема, концепт, классификация идеологем.

Сведения об авторе: Мальшева Елена Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент.

Место работы: Омский государственный университет.

Контактная информация: 644074, г. Омск, ул. Ватутина, д. 28, кв. 2.

E-mail: malysheva_eg@mail.ru.

IDEOLOGEM

**AS LINGVO-COGNITIVE PHENOMENON:
DEFINITION AND CLASSIFICATION**

ГЧТИИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01

Abstract. The article is devoted to the problem of defining the concept "ideologem" which is extremely meaningful for modern Linguistics, including political linguistics. We try to prove the possibility of considering "ideologem" as a special type of multi-layer concept, in the structure of which ideologically marked conceptual. Furthermore this article attempts to classify "ideologem" on different grounds.

Key words: cognitive linguistics, ideologem, concept, classification of the ideologem.

About the author: Malysheva Elena Grigorievna, Candidate of Philology, Associate Professor

Place of employment: Omsk State University.

1. Идеология и идеологема: к вопросу о содержании понятий. Термин *идеологема*, впервые, по-видимому, использованный в работах М.М. Бахтина для обозначения объективно существующих форм идеологии [см., напр.: Бахтин 1975; 1994 и др.], сегодня употребляется во многих отраслях научного знания: от философии и истории до культурологии и лингвистики.

При всем неизбежном многообразии подходов к определению данного феномена, продиктованном прежде всего кардинальными различиями в объекте и предмете исследования различных научных дисциплин и направлений, общим местом существующих дефиниций так или иначе остается то, что констатировал как раз М.М. Бахтин: идеологема – это экспликация, способ репрезентации той или иной *идеологии*. Необходимо заметить, что М.М. Бахтин понимал и идеологему, и идеологию в самом широком, даже семиотическом, смысле – недаром многие исследователи говорят о связи взглядов на социум, человеческую сущность и язык М.М. Бахтина и Р. Барта [см. об этом: Косиков 2009].

Кстати говоря, из концепции М.М. Бахтина, которая разработана им в 30-е годы XX столетия («Слово о романе», 1934-1935, «Формы времени и хронотопа в романе», 1937-1938, «Из предыстории романного слова», 1940), следует, что термин *идеология* используется ученым и в исконном значении – идеология как «руководящая идея, своего рода стержень, замысел» [Спиркин 2009], и в значении «приобретенном» – идеология как «совокупность идей, мифов, преданий, политических лозунгов, про-

граммных документов партий, философских концепций» [Новейший философский словарь 2003]. Добавим, что именно так понимаемая идеология, «не являясь религиозной по сути... исходит из определенным образом познанной или "сконструированной" реальности, ориентирована на человеческие практические интересы и имеет целью манипулирование и управление людьми путем воздействия на их сознание» [там же].

Применяя термины *идеология* и *идеологема* прежде всего по отношению к языковой стратификации, М.М. Бахтин придает своей теории мировоззренческий характер: так, «абстрактно единый национальный язык» расслаивается, по мнению исследователя, на «словесно-идеологические и социальные кругозоры», на «языки-идеологема», у каждого из которых – своя «социально-идеологическая смысловая конъюнктура», «свой лозунг, своя брань и своя похвала» [Бахтин 1975: 101, 104], и не один из них «не в состоянии выработать целостного взгляда на мир» [Косиков 2009: 10].

Уместным будет вспомнить, что, подчеркивая необъективный, часто ложный характер разного рода идеологий, Р. Барт приходит к мысли об объединении идеологии и *мифа*, называя их «метаязыками», «вторичными семиотическими системами», «вторичными языками» и не проводя между ними семиотического разграничения. Исследователь определяет идеологию как введенное в рамки общей истории и отвечающее тем или иным интересам *мифическое построение* [см. подр.: Барт 1996].

При всем своеобразии подхода Р. Барта (в частности обусловленного исповедуемыми им

традиционными представлениями о знаке как об ассоциации означаемого и означающего) подчеркнутая им корреляция идеологии и мифа имеет важнейшее значение для современного представления о сути идеологических механизмов. Так, «статус идеологии как воплощение связи дискурса с некоторой социальной топикой описывается в современной философии как ряд отношений правдоподобия» [Новейший философский словарь: 2003]. Подчеркнем: *правдоподобия*, а не реального тождества.

Более того, говоря об идеологии, Н.И. Шестов понимает ее как «получивший санкцию политического института... политический миф» [Шестов 2005: 95], который реализуется как в невербальном (демонстрации, государственная и военная символика и т.п.), так и в вербальном поведении (например при использовании эвфемизмов, ярлыков, стереотипов, политических терминов, лексического повтора, перифразы, параллельных синтаксических конструкций и метафоры и т.п.).

Вообще роль идеологии в XX и в начале XXI века трудно переоценить: идеологизации и политизации подвергались и продолжают подвергаться те области и сферы человеческой деятельности и – шире – человеческого бытия, которые, как казалось, не должны были быть «втянуты» в идеологический круг. Тем не менее философские, культурологические, исторические, социологические, лингвистические исследования доказывают, что даже феномены, ни прямо, ни косвенно не имеющие отношения к сферам политики, государства, власти, идеологии, в тот или иной временной промежуток оказываются идеологизированными [См., напр., рассуждение о трансформации в советской идеологической картине мира культурных концептов в концепты-каноны: Шкайдерова 2007: 19-28].

Впрочем, обо всем этом речь пойдет позднее применительно к идеологеме 'Спорт', а вопрос, интересующий нас в данном разделе, лежит в несколько иной, терминологической и содержательной, плоскости: он в том, феномены *какого порядка и уровня* могут называться идеологемами, то есть выполнять функцию репрезентации идеологии, являться «формой идеологии», идеологическим «знаком»?

Возвращаясь к уже сказанному, можно констатировать, что «родоначальник» термина *идеологема*, философ языка и литературовед М.М. Бахтин, идеологемой мог называть как социолекты в целом, так и языковые и/или концептуальные «маркеры» таких социолектов; однако очевидно, что он вел речь прежде всего об отраженной в этих «языках-идеологемах» картине мира, которая, по его мнению, была «злостно неадекватна действительности», вмещала лишь «кусочек, уголок мира», «мнения», «идеологемы» (выделено мной. – Е.М.), некие «гипотезы смысла» [Бахтин 1975: 105]. Прочитанные высказывания, в каковых со-

держатся теоретические положения, во многом определившие «течение мысли» современных лингвистов и культурологов, предметом исследования которых является, в частности, тоталитарный дискурс и тоталитарный язык, кроме всего прочего, демонстрируют уже отмеченную нами ранее многоаспектность использования термина *идеологема* в работах М.М. Бахтина, по всей видимости, обусловленную крайней неоднозначностью, хотя и операциональной привлекательностью самого феномена.

Итак, повторимся: в современной лингвокультурологии и политической лингвистике (а также в собственно культурологии, политологии, социологии и истории) «всплеск» интереса к феномену *идеологема* связан прежде всего с изучением и описанием специфических языковых и концептуальных черт тоталитарного советского периода и тоталитарного языка советской эпохи [см., напр.: Купина 1995, Торохова 2006, Одесский, Фельдман 2008 и мн. др.].

Однако и в названных выше, и в целом ряде других исследований термин *идеологема* трактуется по-разному.

С нашей точки зрения, среди всего многообразия интересующих нас лингвистических подходов к определению данной универсалии можно выделить два «магистральных» – широкий и узкий – в понимании идеологемы как феномена *собственно языкового*.

Так, определяя *тоталитарный язык*, Е.А. Земская подчеркивает, что это...своего рода *система идеологем*, средство отражения и формирования идеологизированного сознания «советского человека» [Земская 1996: 23], и тем самым демонстрирует широкий лингвокультурологический подход к понятию *идеологема*.

Близкую по существу трактовку описываемого феномена обнаруживаем в работе Т. Новиковой [2006] и в монографии Г.Ч. Гусейнова «Д.С.П. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х» [Гусейнов 2004], где исследователь предпочитает говорить о «формах бытования идеологем», способах текстовой репрезентации идеологем.

Данные формулировки позволяют предположить, что под идеологемой как таковой исследователь понимает единицу неязыкового порядка, единицу концептуальную, которая объективируется разного рода феноменами языковых уровней; однако оказывается, что «формой бытования идеологемы» и являются собственно *идеологемы разного типа*, представленные на всех уровнях текста – от *минимальной единицы, знака*, (идеологема-буква (ерь, б, н, е), идеологема-падежное окончание (измена Родины и измена Родине; Федеративная Республика Германии и Федеративная Республика Германия)) до *идеологемы-имени (топоним, эргоним и т.п.)*, *идеологемы-цитаты* (например, преобразованные высказывания Сталина). Кроме того, к идеологемам Г. Гусей-

нов относит и сферу обценной лексики русского языка, которая рассматривается в доминантной для советского времени, по мнению автора, идеологической функции. *Макроидеологемой СССР для носителей неславянских языков исследователь считает русский (кириллический) алфавит*; выделяет даже *идеологему-акцент* в средствах массовой коммуникации, кино, театре, повседневном обиходе. На примере сталинизмов, или закрепленных в обыденной речи сталинских паремий, ученый показывает динамику идеологической речи вообще и истолковывает «живучесть» *идеологем-сталинизмов* в постсоветском дискурсе.

Таким образом, Г.Ч. Гусейнов, с одной стороны, понимает под идеологемой любую языковую единицу (в том числе текст или сумму текстов), которая «маркирует» для носителей языка советскую идеологию; с другой стороны, для исследователя, видимо, очевидно существование идеологем «инного порядка» – идеологем как концептуальных элементов идеологии, которые репрезентируются в языке вышеназванными разноуровневыми единицами.

Еще более широкое, собственно культурологическое, понимание идеологемы демонстрирует Г. Гусейнов в монографии «Карта нашей родины: идеологема между словом и телом» [2005], посвященной «символической географии»: в ней карта рассматривается как идеологический элемент, своеобразная идеологема, что подтверждается, по мнению автора, привлекательностью образа картографического изображения нашей страны и частотным его использованием в рекламном, политическом, телевизионном дискурсе.

Говоря о лингвистическом определении термина *идеологема* в узком смысле, необходимо сослаться на точки зрения Н.А. Купиной, А.П. Чудинова, Т.Б. Радбиля и др. исследователей, которые сходятся в том, что идеологема – это вербальная единица, слово, «непосредственно связанное с идеологическим денотатом» [Купина 2005: 91], имеющее в своем значении идеологический компонент [Чудинов 2007: 92]; «любое словесное обозначение значимых для личности духовных ценностей, при котором как бы размывается прямое, предметное значение слова, а на первый план выходят чисто оценочные, эмоционально-экспрессивные коннотации, не имеющие опоры в непосредственном содержании слова» [Радбиль 1998: 22].

Итак, Н.А. Купина определяет *идеологему* как «мировоззренческую установку (предписание), облеченную в языковую форму» [Купина 1995: 43], «языковую единицу, семантика которой покрывает идеологический денотат или наплаивается на семантику, покрывающую денотат неидеологический» [Купина 2000: 183].

С этих позиций тоталитарный язык, например, рассматривается как «сверхтекст идеоло-

гем»: «Тоталитарный язык организован системно» и «располагает своим словарем, который можно представить в виде блоков идеологем», которые, в свою очередь, «поддерживаются прецедентными текстами из так называемых первоисточников» [Купина 1995: 138].

Таким образом, в современной лингвистике достаточно устойчиво представление об идеологеме либо как о собственно вербальной единице, репрезентирующей базовые идеологические установки, ценности в языке и особенное значение приобретающей в языке тоталитарном, либо как о единице любого языкового (и даже текстового) уровня, функцией которой становится экспликация системы идеологических доминант.

Однако, на наш взгляд, описываемый феномен прежде всего *универсалия мыслительная, когнитивная* (что, кстати говоря, в целом не противоречит бахтинским представлениям об идеологеме), *единица идеологической картины мира, которая объективируется в тексте (в том числе в тексте креолизованном) и – шире – в дискурсе собственно языковыми единицами разных уровней, а также знаками других семиотических систем.*

По нашему убеждению, вряд ли стоит ограничивать понимание идеологемы рамками слова или иной языковой единицы. Думается, что лексема является одним из основных способов репрезентации идеологемы в тексте, но *только* ею понятие идеологемы вряд ли исчерпывается.

Такого рода «когнитивно ориентированный» подход к исследуемой универсалии репрезентирован, в частности, в исследованиях Н.И. Клушиной и А.А. Мирошниченко.

Последний, являясь автором методики лингво-идеологического анализа [см. подр.: Мирошниченко 1995], предлагает разграничить две единицы – *лингвему* и *идеологему*, определяя их соответственно как «праксеми языка» и «праксеми сознания».

Ценностно-языковое соответствие, возникающее при моделировании между идеологемой и лингвемой, исследователь называет *лингво-идеологемой*, подчеркивая, что лингво-идеологема – это материал и продукт лингво-идеологических парадигм.

С точки зрения автора, определенная идеологема (в ее метафизическом и ценностном значениях) выражается определенной лингвемой. «Это означает, что *идеологема является концептом, а лингвема – индикатором лингво-идеологемы*» (выделено мной. – Е.М.) [там же]. Заметим, что А.А. Мирошниченко справедливо полагает, что лингвемой, то есть средством языковой объективации идеологемы, может являться «любая единица языка, а также любое синтаксическое или семантическое отношение в языке... Индикатором лингво-идеологемы может быть даже значимое отсут-

ствие должной единицы языка или должного структурного отношения (эллипсис)» [там же].

Н.И. Клушина [2008] рассматривает идеологию сквозь призму коммуникативной стилистики, что является определяющим и решающим фактором в ее представлениях о данном феномене.

Автор понимает под идеологией «центральное понятие публицистики», «единицу коммуникативной стилистики», «базовую интенциональную категорию публицистического текста и публицистического дискурса», которая задает «определенный идеологический модус любому публицистическому тексту»; наконец, идеологема, рассматриваемая в парадигме коммуникативной стилистики, – это «основная авторская идея, имеющая политическое, экономическое или социальное значение, ради которой создается текст» [там же: 38-39].

Последнее из приведенных определений нам кажется несколько расплывчатым и неопределенным, однако для настоящего исследования важным оказывается следующее: предпринимая попытку в рамках коммуникативной стилистики разграничить понятия *идеологема*, *концепт* и *ментальный стереотип*, Н.И. Клушина признает, что, во-первых, это смежные единицы одного – ментального, когнитивного – уровня; а во-вторых, что идеологема, так же как концепт и ментальный стереотип, репрезентируется в текстовом пространстве дискурса.

Впрочем, по мнению автора, языковая объективация идеологией происходит вербальными средствами, такими как «мировоззренчески насыщенное обобщающее слово, чаще всего образное слово, метафора, обладающая мощной суггестивной силой» [там же: 38]. Это утверждение, думается, несколько сужает разговор о потенциальных возможностях языковой экспликации идеологией: может быть, стоило говорить о *преимущественном* характере языковой репрезентации идеологией на лексико-семантическом уровне и о том, что данное положение верно прежде всего для текстов печатных СМИ.

Однако справедливости ради надо отметить, что Н.И. Клушина называет и другие способы реализации в публицистическом тексте «определенной заданной идеи (идеологией)», такие как «авторская оценочность, интерпретация действительности, номинации и выбранная адресантом стилистическая манера изложения (речевая агрессия, речевое одобрение или подчеркнутая объективность)» [там же: 5].

В целом разграничение таких когнитивных универсалий, как *идеологема*, *концепт* и *ментальный стереотип*, на наш взгляд, носит в диссертационной работе Н.И. Клушиной по большей части операциональный и прикладной характер, поскольку даже в рамках конкретного исследования не удается избежать определения одного феномена через другой (что диктуется, как кажется, объективной близостью дан-

ных когнитивных единиц, особенно понятий *идеологема* и *концепт*) и выработать какие-либо дефиниции, в которых *по одним и тем же основаниям* дифференцировались бы названные универсалии.

Итак, с нашей точки зрения, под *идеологией* целесообразно понимать единицу когнитивного уровня – *особого типа многоуровневый концепт, в структуре которого (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах.*

Идеологема как ментальная единица характеризуется национальной специфичностью, динамичностью семантики, повышенной аксиологичностью, частотностью и разнообразием способов репрезентации знаками различных семиотических систем, в том числе и языковой. Употребление вербальных маркеров идеологией – ключевого слова, клише, устойчивых метафор и под. – является одним из способов ее языковой реализации.

Идеологема репрезентируется не только в базовых дискурсах (идеологическом, политическом, информационно-массовом, публицистическом), но и в других типах дискурсов: рекламном, спортивном, учебном, научном, религиозном, развлекательном, бытовом; впрочем, даже в рамках большинства дискурсов, для которых идеологема не является содержательной доминантой, названная когнитивная универсалия реализует свою важнейшую суггестивную функцию – «целенаправленное воздействие со стороны адресанта (отправителя речи) на сознание адресата (получателя речи)» [Клушина 2003: 269].

Необходимо еще раз подчеркнуть, что в разряд идеологией в разные периоды существования государства могут попадать концепты, содержательно не связанные с идеологической или политической сферой жизни. Это происходит тогда, когда в структуре данного концепта начинает выделяться уже названный идеологический признак (ср., например, идеологизацию в языке советской эпохи концептов 'Господин' и 'Товарищ' или идеологическую «нагруженность» концептов 'Советский балет', 'Советский ученый', 'Советское языкознание').

2. Классификация идеологией. Создание классификации, или типологии, идеологией, вероятно, является задачей не менее сложной, чем определение «содержательных границ» настоящего феномена.

Как это часто бывает при создании практически любых классификаций, важнейшим оказывается вопрос о верной и точной выработке оснований для ее проведения, а также о том, какое из принятых теоретиками оснований носит характер «главного», «ведущего».

В современных лингвистических работах предлагаются некоторые типологические и видовые классификации идеологем, особенности которых прежде всего определяется целью и объектом конкретного исследования и / или конкретного научного направления.

А.П. Чудинов, рассматривая специфику функционирования слов-идеологем в современном политическом дискурсе, выделяет *два основных вида идеологем* в зависимости от использования их представителями разных политических партий и движений.

Идеологемы первого вида «неодинаково понимаются сторонниками разных политических взглядов» [Чудинов 2007: 92], что отражается в эмоциональной окраске слова, «на которое переносится оценка соответствующего явления» [там же]. В качестве примера ученый приводит, в частности, специфику понимания идеологем *народ* и *свобода*, которые одинаково актуальны в дискурсе сторонников различных политических партий и движений, но содержание которых может кардинально отличаться в связи с политическими убеждениями говорящих.

Идеологемы второго вида «используются только сторонниками определенных политических взглядов, соответствующие наименования передают специфический взгляд на соответствующую реалию» [там же: 93]. В частности, исследователь говорит об идеологеме *страны народной демократии*, объективированной в советском политическом языке и имеющей в нем положительный аксиологический модус, и об идеологеме *советские спутники*, актуальной для языка диссидентов и эксплицирующей отрицательный аксиологический модус значения.

С точки зрения публицистического дискурса выделяет типы идеологем Н.И. Клушина: она отмечает, что в нем актуализированы *социальные и личностные* идеологемы.

Понимая под социальными идеологемами такие когнитивные феномены, которые «отражают установки и ориентиры общества на конкретном отрезке его развития» [Клушина 2008: 39], исследователь, не оговаривая этого специально, дает характеристику видам социальных идеологем в связи с их «временной закрепленностью» (и – сделаем напрашивающийся вывод – в связи с актуальностью содержания идеологемы, а значит, и частотностью и разнообразием языковых способов репрезентации этих универсалий).

Так, на «оси времени» выделяются *исторические, современные и футурологические* идеологемы (выделено мной. – Е.М.), отражающие историю и поиск для общества идей (например, исторические идеологемы *держава, мессианизм* и футурологическая *национальная идея*) в современной российской публицистике» [там же: 40].

«Личностные идеологемы, – пишет Н.И. Клушина, – складываются вокруг руководителя государства, любого значительного политического лидера, героев / антигероев своего времени. Личностные идеологемы складываются, например, вокруг каждого руководителя государства, начиная с образа «царя-батюшки» и заканчивая образом президента. Подобные идеологемы укореняются в массовом сознании с помощью стереотипов, тиражируемых СМИ, например: «вождь мирового пролетариата» (о Ленине), «гениальный вождь и учитель» (о Сталине), «генеральный конструктор» (о Хрущеве), «верный ленинец» (о Брежнев), «архитектор перестройки» (о Горбачеве), «царь Борис» (о Ельцине) и т.п.» [там же].

Не имея принципиальных возражений относительно выделения названных типов идеологем, выразим свое отношение в связи корректностью / некорректностью избираемых исследователем терминов и – главное – того содержания, которое за этими терминами стоит.

Если исходить из узкого значения лексемы «социальный» («общественный, относящийся к жизни людей и их отношениям в обществе» [Ожегов, Шведова 1995: 741], то использование этого слова в качестве дифференциального определения к термину *идеологема* не кажется нам содержательно безупречным, поскольку любая идеологема, в том числе и личностная, в силу специфики данного понятия, является так или иначе социально значимой.

Кроме того, и временная характеристика вовсе не прерогатива так называемых социальных идеологем: личностные идеологемы, как следует из приведенных примеров, могут быть охарактеризованы как минимум по шкале прошлое / настоящее.

Как кажется, автор, в целом не следуя принципам лингвокогнитивного исследования объекта, пытался тем не менее подчеркнуть кардинальные различия в *когнитивной сущности* описываемых концептуальных категорий. Так, социальные идеологемы (даже если принимать во внимание присущее идеологемам тоталитарного языка «опрощение», «клишированность» – вплоть до полной десемантизации – не только языковых средств выражения, но и концептуальных признаков мыслительной универсалии) имеют характер *абстрактных* (в терминологии И.А. Стернина) *концептов – концептов-понятий, концептов-фреймов* или *концептов-гештальтов* – и представляют собой или концепт, состоящий «из наиболее общих, существенных признаков предмета или явления, результат их отражения и осмысления» (*идеологема-понятие*), или «мыслимый в целостности его составных частей многокомпонентный концепт, объемное представление, некоторую совокупность стандартных знаний о предмете или явлении» (*идеологема-фрейм*),

или «комплексную, целостную функциональную мыслительную структуру, упорядочивающую многообразие отдельных явлений в сознании» (*идеологема-гештальт*) [Стернин, Попова 2003: 72-74].

В свою очередь, личностные идеологемы, «идеологические вокативы» (термин Т. Шкайдеровой), которые являются концептами, обозначающими ставшие прецедентными имена «вождей» и «лидеров», являются «основными компонентами общего ядра знаний и представлений» [Шкайдерова 2007: 117] и обладают свойствами такой когнитивной универсалии, как *архетип* [см. подр.: Юнг 1987: 229, Кузьмина 1999: 193]. Характеристика личностных идеологем как *идеологем-архетипов* тем более справедлива, что прежде всего именно они позволяют идеологической картине мира приобретать черты мифологической. Это обстоятельство, кстати говоря, подчеркивается практически всеми исследователями советского тоталитарного дискурса, и в том числе Н.И. Клушиной, которая утверждает, что «любая идеологема таит в себе опасность обернуться мифологемой, так как средства массовой коммуникации являются проводниками определенной идеологии. И здесь сдерживающими механизмами являются свобода слова, открытый доступ к информации и функционирование изданий различной политической направленности» [Клушина 2008: 41]. Впрочем, в современной политическом – и не только политическом – дискурсе в связи с изменением экстралингвистических факторов недавняя «демифологизация» идеологем-архетипов и идеологем других видов имеет тенденцию к «новой» мифологизации [см. об этом: Кузьмина 2007, Малышева 2009].

Итак, проведенный анализ доказывает, что ученые выделяют те типы идеологем, которые являются особенно значимыми с точки зрения того или иного научного направления, тех или иных задач исследования. Но и в этом случае не всегда удается избежать «множественности» оснований при выделении типов изучаемого феномена.

Не претендуя на полноту и законченность, мы предлагаем классификацию идеологем по нескольким базовым основаниям. Так, для выделения типов идеологем релевантными оказываются прежде всего следующие характеристики: специфика концептуализируемой ими информации (данный параметр описания подчеркивает когнитивную природу изучаемого явления); актуальность / неактуальность идеологем в современной идеологической картине мира и в современных дискурсах разного типа (прежде всего в политическом и публицистическом, а также во взаимосвязанных с ними); особенности прагматической и коммуникативной характеристик идеологем (аксиологические характеристики содержания идеологем, специфика ее понимания и восприятия носителями языка и пр.).

Данная классификация – разумеется, как и все немногие существующие, – несовершенна и уязвима для критики (и мы это осознаем), но оправдана с точки зрения предпринимаемого нами исследования и в то же время дополняет и уточняет уже имеющиеся в научной литературе представления о типах идеологем.

Итак, нами выделены:

1. В связи с *характером концептуализируемой информации*:

- *идеологемы-понятия* (такие, как *народ, флаг, гимн, демократия*);

- *идеологемы-фреймы* (*олимпиада, спорт, съезд, Государственная дума*);

- *идеологемы-гештальты* (*свобода, равенство*);

- *идеологемы-архетипы* (*Ленин, Сталин, Брежнев, Горбачев, Ельцин, Путин, Николай*).

2. С точки зрения *сферы употребления и понимания носителями языка*:

- *идеологемы общеупотребительные / понимаемые по-разному* (*народ, свобода*);

- *идеологемы общеупотребительные / понимаемые одинаково* (*спорт, отечество, гимн*);

- *идеологемы ограниченного употребления / понимаемые одинаково* (*советские солдаты-освободители* (ср. *оккупанты*)).

3. С учетом *прагматического компонента* (оценочного потенциала, специфики восприятия носителями языка, в т.ч. представителями разных политических партий):

- *идеологемы с положительным аксиологическим модусом* (*родина, флаг, отечество*);

- *идеологемы с отрицательным аксиологическим модусом* (*террор, фашизм*);

- *идеологемы со смешанным аксиологическим модусом* (*патриотизм, президент, воля, демократия, народ*).

4. В связи с *актуальностью / неактуальностью идеологем в современной идеологической картине мира*:

- *идеологемы-историзмы* (*советский народ, социалистическое соревнование, КПСС, царь*);

- *новоидеологемы* (или *современные идеологемы*) (*финансовый кризис, принуждение к миру, парламент, национальная идея, монетизация льгот, толерантность*);

- *реактуализованные идеологемы* (*губернатор, дума*);

- *универсальные идеологемы* (*Родина, флаг, гимн, патриотизм*).

Прокомментируем данную классификацию, не касаясь первой группы идеологем, поскольку наша позиция относительно выделения именно таких видов идеологем с точки зрения концептуализируемой информации была изложена ранее.

Итак, по нашему мнению, среди идеологем можно выделить идеологемы общеупотребительные и ограниченного употребления. Данное замечание коррелирует с точкой зрения

А.П. Чудинова, который пишет об идеологемах, используемых говорящими – представителями разных политических партий и движений, то есть об идеологемах *общеупотребительных*. Кроме того, у этого же исследователя находим замечание об идеологемах, которые «передают специфический взгляд на соответствующую реалию» и поэтому «используются только сторонниками определенных политических взглядов» [Чудинов 2007: 93]. Такого рода идеологема мы относим к идеологемам *ограниченного употребления*. И если идеологема общеупотребительная может конституировать для носителей языка различные когнитивные признаки (что зависит от партийных взглядов говорящего), то идеологема ограниченного употребления всегда имеет константный набор когнитивных признаков, поскольку используются только представителями одного политического направления, сторонниками одних политических взглядов. Однако любопытно, что концептуальное ядро такой идеологема, как правило, совпадает с концептуальным ядром другой идеологема, которая в «политическом словаре» иной партии или движения обозначает то же самое явление. Принципиальная разница между такого рода идеологемами всегда затрагивает концептуальные слои (Приведем актуальные примеры: идеологема *советский солдат-освободитель* в современном публицистическом и политическом дискурсе России и *окулант* в современных дискурсах того же типа в странах Балтии характеризуются общностью денотата, но кардинально различаются прагматическими и коннотативными признаками; ср.: *чеченские боевики (террористы)* – в современных российских СМИ и *чеченские борцы за независимость* – в современных американских СМИ), в которых представлена прагматическая, прежде всего оценочная, информация об объекте / явлении, что и отражается в прагматическом макрокомпоненте вербального маркера идеологема ограниченного употребления – ключевого слова / словосочетания. Естественно – и этот факт подчеркивается многими исследователями – что идеологема такого типа прежде всего используются как средство манипуляции общественным сознанием и как способ трансформации картины мира адресата.

В отличие от А.П. Чудинова, мы считаем возможным говорить о еще одном виде идеологема в связи с характеристикой сферы их употребления и специфики их понимания говорящими.

Речь идет об общеупотребительных идеологемах «универсального» характера, содержание которых одинаково понимается практически всеми носителями языка, независимо от их партийной принадлежности и политических взглядов. Таких феноменов, думается, немного, но они есть: *Родина, отечество, Россия, флаг*, с недавнего времени – *гимн* – эти и некоторые

другие идеологема частотны, общеупотребительны, обладают общим для большинства носителей языка «набором» концептуальных признаков, в том числе и в их идеологической составляющей, а также характеризуются несомненно положительным аксиологическим модусом значения.

Рассматривая группу 3 в нашей классификации, считаем необходимым прокомментировать выделение идеологема со смешанным аксиологическим модусом. Мы полагаем, что к данному виду идеологических универсалий относятся общеупотребительные идеологема, аксиологический модус значения которых колеблется от собственно положительного до неоднозначного и резко отрицательного.

Так, в оппозиционных коммунистических СМИ, в отличие от «официального» политического и публицистического дискурса, на всех языковых уровнях отражено негативное отношение к таким идеологическим феноменам, как *президент, демократия, власть* и – напротив – положительное к таким идеологемам, как *социализм, коммунизм, Советский Союз*. Впрочем, «колебания» прагматической составляющей той или иной идеологема не всегда обусловлено политической принадлежностью субъекта речи.

«Множественность» оценки, отраженная в языковой репрезентации идеологема, часто объясняется целым комплексом внеязыковых факторов, таких как социально-политическая и экономическая обстановка в стране и в мире, политические настроения в социуме и мн.др. Примерами такого рода идеологема могут служить идеологема *патриотизм*, аксиологический модус которой всегда был неоднозначен в русской идеологической картине мира [см. об этом: (Сандомирская 2001), (Декленко 2003), (Гаврилова 2005), (Ноженко 2008), (Одесский, Фельдман 2008) и мн. др.], идеологема *СССР* или идеологема-архетип *Брежнев*, аксиологический модус которой, по нашим наблюдениям, меняется в связи с трансформацией отношения в обществе к «эпохе застоя».

Чрезвычайно значимой, по нашему мнению, является группа 4 в нашей классификации, где представлены виды идеологема, характеристика которых зависит от актуальности/неактуальности данного феномена с точки зрения современной идеологической картины мира.

Так, с учетом динамики общественно-политической жизни в русской идеологической картине мира нами выделены *идеологема-историзмы* – идеологема, деактуализованные в современном политическом и публицистическом дискурсе и используемые либо в качестве иллюстрации к описанию исторических событий, либо в ситуации поиска исторического «идеологического коррелята» к современным идеологическим реалиям. Ср. частотность упо-

минания Российской империи и Советского Союза в связи с обсуждением темы потенциального и реального могущества современной России, в том числе – в случае с СССР – и могущества спортивного.

В качестве *новоидеологем*, или *современных идеологем*, нами рассматриваются идеологемы, актуальные для большинства носителей языка, общеупотребительные, активно функционирующие в политическом и других дискурсах постсоветской России, такие как *правовое государство, стабилизация экономики, национальное самосознание, национальный проект* и под. Подчеркнем, что, по нашему убеждению, состав современных идеологем весьма неоднороден и непостоянен, граница между этим и другими видами идеологем крайне подвижна и исторически изменчива.

Впрочем, справедливости ради следует заметить, что содержательная специфика и оценочные смыслы, присущие идеологемам разного вида, определяются прежде всего особенностями существующего в стране общественно-политического строя, «типологией» субъектов власти, геополитической и экономической обстановкой в мире.

Еще один вид идеологем, который мы считаем необходимым выделить в связи с влиянием общественно-политической ситуации на идеологическую картину мира, – это *универсальные идеологемы*, актуализированные в идеологической картине мира независимо от общественно-политического строя и воззрений политической элиты. Впрочем, несмотря на практически незыблемую *актуальность* такого рода идеологических феноменов, семантика универсальных идеологем, присущий им аксиологический модус, несомненно, коррелируют с принятой в тот или иной период «системой ценностей» и с политическими и идеологическими представлениями тех или иных носителей языка, в том числе представителей правящей партии.

Но еще раз подчеркнем: система универсальных идеологем – это набор «идеологических констант», которые, независимо от изменения их содержательной специфики и, следовательно, способов их языковой репрезентации, всегда являются современными, актуальными и востребованными как представителями различных политических партий и направлений, так и носителями языка вообще.

Кстати говоря, универсальность вышеназванных феноменов еще и в том, что они обладают сходными признаками и в иных, отличных от русской, идеологических картинах мира, являясь и там *идеологическими константами*, хотя, конечно, могут отличаться некоторым набором национально-специфических концептуальных признаков и, следовательно, частотных способов языковой объективации.

К универсальным идеологемам русской идеологической картины мира, на наш взгляд,

можно отнести концепты *'Патриотизм', 'Родина', 'Флаг', 'Гимн', 'Россия'*.

По нашему мнению, особое место в современной русской (и не только русской) идеологической картине мира занимает универсальная идеологема 'Спорт', которая имеет существенные когнитивные отличия от рассмотренных выше видов идеологем, хотя и может быть охарактеризована по тем же основаниям.

ЛИТЕРАТУРА

Барт Р. Мифологии. – М.: Изд. Сабашниковых, 1996. 312 с.

Бахтин М.М. Слово в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975.

Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. – М.: Алконост, 1994. 172 с.

Гаврилова М.В. Понятие «патриотизм» в русском политическом дискурсе начала XXI века // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке: Материалы Всеросс. науч. конф. (Екатеринбург 14-16 апреля 2005г.) [Под ред. Л.Г. Бабенко]. – Екатеринбург: Изд-во. Урал. ун-та, 2005. С. 489-497.

Грицанов А.А., Можейко М.А., Румянцева Т.Г., Мерцалова А.И. и др. Новейший философский словарь. – М.: Книжный дом, 2003. 1280 с.

Гусейнов Г.Ч. Д.С.П. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. – М.: Три квадрата, 2004.

Гусейнов Г.Ч. Карта нашей родины: идеологема между словом и телом. – М.: «О.Г.И.», 2005. 216 с.

Декленко Е.В. Концепт «патриотизм» в сопоставительном аспекте // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества [Отв. ред. А.П. Чудинов]. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. Т. 11. С. 28-32.

Земская Е.А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 67-79.

Клушина Н.И. Общие особенности публицистического стиля // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования [отв. ред. М.Н. Володина]. – М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 269-289.

Клушина Н.И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000-2008 гг.). Автореф. дис. докт. филол. наук. – М., 2008. 62 с.

Косиков Г.К. «Человек бунтующий» и «человек чувствительный» (М.М. Бахтин и Р. Барт) // Лики времени: Сб. статей. – М.: Юстициформ; Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2009. С. 8-25.

Кузьмина Н.А. Деидеологизация или новая идеологизация? (Идеологемы нового времени) // Язык и стиль современных средств массовой информации. Межвузовский сборник научных трудов Всероссийской конференции, посвященной 80-летию профессора Н.С. Валгиной. – М., 2007. С.192-198.

Купина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. – Екатеринбург-Пермь, 1995.

Купина Н.А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // Русский язык сегодня. Вып. 1. / РАН. Ин-т рус. яз. им.

В.В. Виноградова. [Отв. ред. Л.П. Крысин]. – М.: «Азбуковник», 2000. С. 182-189.

Купина Н.А. Живые идеологические процессы и проблемы культуры речи // Язык. Система. Личность. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2005. С. 90-104.

Мальшева Е.Г. Концепт 'Губернатор' в региональном массово-информационном дискурсе (на материале текстов радиальных и телевизионных СМИ Омской области) // Политическая лингвистика [Гл. ред. А.П. Чудинов]. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009. Вып. 2 (28). С. 76-86.

Мирошниченко А.А. Лингво-идеологический анализ языка массовых коммуникаций: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 1996. 16с.

Новикова Т. Анализ принципов толерантности в текстах СМИ // RELGA. Научно-культурологический журнал. 2006. № 21 (143) URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1314&level1=main&level2=articles> (дата обращения 12.07.2009).

Ноженко Е.В. Этнокультурная специфика стереотипов-концептов национального характера: «Уверенность в себе», «Патриотизм», «Успешность» американской лингвокультуры. Автореф. дис. канд. филол. наук. – Кемерово, 2008. 23 с.

Одесский М.П., Фельдман Д.М. Идеологема «патриот» в русской, советской и постсоветской

культуре // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 109-123.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: «АЗЪ», 1995. 928 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2003. 192 с.

Радбиль Т.Б. Мифология языка Андрея Платонова: монография – М.; Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 1998. 116 с.

Сандомирская И. Книга о Родине: опыт анализа дискурсивных практик. – WIENER SLAWISTISCHER ALMANACH LINGUISTISCHE REIHE HERAUSGEGEBEN VON TILMANN REUTHER SONDERBAND 50, WIEN 2001. URL: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/sandomirskaya-rodina.htm> (дата обращения 13.07.2009).

Торохова М.В. Идеологема «Террор» в ивритоязычной палестинской периодике 1946-1948 гг.: дис. канд. филол. наук. – М., 2006. 189 с.

Шкайдерова Т.В. Советская идеологическая картина мира: субъекты, время, пространство (на материале заголовков газеты «Правда» 30-40 гг.): дис. канд. филол. наук. – Омск, 2007. 237 с.

Шестов Н.И. Политический миф теперь и прежде [Под ред. А.И. Демидова; Рец.: Р.Ф. Матвеев, В.И. Коваленко] – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 412 с.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика. Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2007. 254 с.

© Мальшева Е.Г., 2009

Синельникова Л.Н.
Луганск, Украина

Sinel'nikova L.N.
Luhansk, Ukraine

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА:
КООРДИНАТЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ**

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. В статье акцентируется факт междисциплинарности как методологии политической лингвистики. Междисциплинарность расширяет представление об объекте исследования и меняет видение предмета наблюдения, границы его интерпретации лингвистом. Прагматика дискурса концентрирует признаки междисциплинарности. Основным показателем является характер адресант-адресатных отношений, которые определяют признаки политических дискурсивных практик (выбор номинаций, толкование понятий, направление словопреобразований и др.).

Ключевые слова: политическая лингвистика, междисциплинарность, прагматика дискурса, дискурсивные практики, политический фрейм.

Сведения об авторе: Синельникова Лара Николаевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета (Украина).

Место работы: Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко.

Контактная информация: 91011, Украина, г. Луганск, ул. Матросова, д. 2-а, кв. 10.

E-mail: larnics@luguniv.edu.ua.

**POLITICAL LINGUISTICS:
COORDINATES OF INTERDISCIPLINARITY**

ГЧНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The fact of interdisciplinarity as a methodology of political linguistics is emphasized in the article. Interdisciplinarity expands the idea about the subject of research and changes the vision of the observed object, the bounds of its interpretation by a linguist. The pragmatics of discourse concentrates the signs of interdisciplinarity. The main indicator is the character of addresser-addressee relations, which determine the signs of political discourse practices (choice of nominations, interpretation of notions, direction of word transformations etc).

Key words: political linguistics, interdisciplinarity, discourse pragmatics, discourse practices, political frame.

About the author: Sinel'nikova Lara Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Linguistic Studies and Communicative Technologies of Luhansk National University (Ukraine).

Place of employment: Luhansk Taras Shevchenko National University.

*Говорить – это само по себе политическая акция.
А политическая акция всегда соединяет
новые события со старыми формами жизни.
(О. Розениток-Хюсси)*

Политическая лингвистика относится к числу относительно новых на постсоветском пространстве исследовательских направлений, всё более укрепляющих свой собственный научный статус. Осуществлён переход от описания отдельных фактов, любопытных «частностей» к типологическим характеристикам, к выявлению закономерностей языковой представленности политически ориентированного мышления. Главное – определены предмет и объект исследования и выработан и продолжает совершенствоваться адекватный объекту инструментарий [Будаев, Чудинов 2006; 2009]. Сформировался статусный список персоналий – исследователей политического дискурса, представляющих резонансные научные школы (Екатеринбургская, Волгоградская, Санкт-Петербургская, Воронежская, Краснодарская). Об очевидных достижениях лингвистов в изучении политического мышления по языковым данным говорит активно пополняющийся разножанровый библиографический список, перечень аспектных научных конференций. О широте проблематики и разнообразии подходов к соответствующему материалу можно судить по содержанию журнала «Политическая лингвистика» (Екатеринбург, Уральский гос. пед. ун-т; гл. редактор – доктор филологических наук, профес-

сор А.П. Чудинов), который, как сказано в аннотации, «призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества» и действительно немало этому способствует. Широко обсуждается методология исследования политического дискурса [Методология исследования политического дискурса 2002], психологические аспекты политических коммуникаций [Политическая психология 2001; 2007]. Проблемы политической коммуникации всё активнее рассматриваются в контексте политической культуры [Кравченко 2004; Евсеева 2006]. Показательно также создание учебников и учебных пособий по политической лингвистике, что свидетельствует о достигнутом уровне знания в этой области о возможности его системной интерпретации [Романов 2002; Чудинов 2003, 2006, 2008; Чернявская 2006].

Сфера политики в самых разных её составляющих перестала быть табуированной, и интерес к политической лингвистике обозначился на всём постсоветском пространстве. Более того, обнаружилось, что учёные разных стран описывают политические коммуникации по одним и тем же направлениям, что доказывает универсальность ряда признаков феноме-

на власти как таковой. Универсальное не исключает этнокультурной и этнолингвистической специфики политических коммуникаций и их исторической обусловленности. В зависимости от «политической целесообразности» варьируются способы убеждения, меняется соотношение прямого и косвенного говорения, при смене власти инверсируются оценочные характеристики, выявляется предпочтение тех или иных манипулятивных технологий, согласованных с личным вкусом политических фигурантов и ожиданиями «групп поддержки».

Политика – феномен общественного сознания, которое формируется в результате разнообразных политических коммуникаций, «это мир, сотканный из выпусков телевизионных новостей, газетных статей, разговоров на кухне, это особая, в каком-то смысле «виртуальная» реальность, отражающая существование отдельного социального поля, обладающего своими законами и правилами игры» [Зорин 2007: 397-398]. Цель политической лингвистики – изучение особенностей политического мышления по языковым данным.

Интерпретация языковых данных в таком виде деятельности, как политика требует междисциплинарного подхода – органической включённости информации из смежных наук в инструментарий анализа. Междисциплинарность не просто расширяет представление об объекте исследования, но и меняет предмет наблюдения, его местонахождение в пространстве гуманитарного научного знания и границы интерпретации. Уже перечень наук, влияющих на объём и направление интерпретаций политического дискурса, говорит о сложности выработки адекватного инструментария анализа: лингвистика, риторика, коммуникативистика, культурология, социология, социоллингвистика, этнография, этнолингвистика, политология, политическая психология. Расширяется сфера применения результатов анализа политической коммуникации: журналистика, юриспруденция, межкультурная коммуникация, переводческая деятельность, связи с общественностью (политический менеджмент), имиджология, конфликтология. В каждой из этих сфер обнаруживаются специфические признаки политической коммуникации.

Формирование политической лингвистики как самостоятельной области знания в значительной мере объясняется операциональностью понятия «дискурс», благодаря которой оказалась возможной интерпретация деятельности говорящего субъекта, имеющего отчётливые установки, намерения, заставляющие особым образом организовывать коммуникацию, расставлять акценты, приспособлять язык к адресату, балансировать на грани реального и виртуального, правды, не всей правды и лжи. Дискурс как устный и письменный документ такого рода деятельности и составил

предмет политической лингвистики. Освоение современной гуманитарной наукой понятия «дискурс» обеспечило возможность междисциплинарного интегрированного подхода к описанию политического языка как языка политики, политиков и власти в целом. Дискурсивный подход дал возможность типологизировать наиболее важные и устойчивые особенности политических коммуникаций, определить их жанровое пространство. Идеологемы, мифологемы, метафорические группы, знаки вербальной агрессии, культурно-языковые концепты (*власть, политика, политик, демократия, электорат, кризис* и др.), политическая афористика, эвфемизмы и дисфемизмы и мн. др. – все эти проявители свойств и особенностей политической коммуникации подтверждают динамичность объекта, его способность к продуцированию новых функций языковых единиц и приёмов их организации.

Социально-психологические характеристики политических коммуникаций и коммуникантов в значительной мере основываются на восприятии лингвистических признаков, речевых (риторических) умений и предпочтений. Прагматика политического дискурса определяется личностью адресанта и социально-психологическими признаками адресата. В роли адресанта могут быть а) политики, б) журналисты, пишущие о политике и политиках, в) политики, оценивающий других политиков, г) политологи как профессиональные аналитики, д) представители народа или, точнее, разных сегментов общества, е) писатели, пишущие на политические темы (в том числе писатели-юмористы, сочинители анекдотов и под.). Адресат, как правило, идентифицируется идеологической направленностью, политическими пристрастиями, которые, в свою очередь, определяют его статусными (возрастными, образовательными, гендерными и др.) характеристиками. Субъектно-субъектные отношения (кто пишет и для кого) определяют характер модальной рамки политического дискурса, уровень эмоционального напряжения, степень ответственности за вербальное поведение и, соответственно, типологию языковых признаков, направление языковых рефлексий. Таким образом, наблюдения над политическим языком вообще могут быть существенно дополнены при условии конкретизации вида политического дискурса по факторам адресанта и адресата. И тогда окажется, что изобретателями большинства политических метафор являются журналисты и, следовательно, это презентация их творческого сознания. Речи политиков – плод совместных усилий имиджмейкеров, спичрайтеров и, конечно, в той или иной мере дополненный ораторским талантом исполнителя; так называемое «выпадение из имиджа» – речевой «прокол», скорее, принадлежит самому политику, хотя и в этом случае есть основания подоз-

ревать хорошо подготовленную импровизацию. Лингвист, привычно стоящий над такого рода информацией, включаясь в лингвополитологические наблюдения, не может не дифференцировать попавший в его поле зрения языковой материал.

Политический дискурс как собирательное понятие складывается из многочисленных дискурсивных практик, каждая из которых «раскрывает существование на данный момент тенденции использования сходных по функции альтернативных языковых средств для выражения определённого смысла и замысла» [Романов 2002: 4]. Определённая дискурсивная практика как вид (жанр) политической коммуникации может быть описана по параметру адресанта как субъекта действия – политик как персоналия, политическая партия как обобщённо-собирательный субъект и т.д. и по адресату – сегмент общественности, целевая группа, адресат-оппонент, народ, нация и т.д. Политический дискурс зависим как от адресанта, так и от адресата. Зависимость от адресата проявляется в выборе типа общения, в предпочтении тех или иных языковых средств и приёмов. Разный адресат – разный политический дискурс.

Зависимость от адресата – это и стремление ему угодить, как можно более соответствовать его ожиданиям. Такого рода «угодничество» ярко выражено в дискурсиях националистического характера, для которых характерна абсолютная категоричность суждений (в том числе касающихся критериев плохого и хорошего, приемлемого и неприемлемого), ограниченность эмоциональных реакций по отношению к другому (только гнев, презрение, угрозы), завышение значимости одних событий и игнорирование других. Всё это сопровождается навешиванием ярлыков, обзыванием и другими знаками вербальной агрессии. При этом диалог как основа политической этики в демократическом обществе не предполагается. Все позиции маркируются как витально значимые и должны быть безоговорочно приняты всеми как таковые. Так, в журналистском интервью, названном «Экзистенциальный обед после революции» (ж. «Публичные люди», 2005, № 9) представлены такие высказывания собеседников: *«Обрати внимание на то, какую колоссальную зависть чувствуют теперь по отношению к нам кацапы, хотя прикрывают её «доброжелательным» предостережением: вы, романтики, не понимаете, чем для вас это обернётся»; «Правильность «кацапских размышлений» определяется территорией, где они в данный момент находятся. Есть «правильный кацап» Сева Новгородцев, но он уже 30 лет живёт в Лондоне»; «Просто «нелюбовь» к ним в понимании кацапов – это уже преступление»; «Враг или раб – вот их исчерпывающая формула, или многих из них, или российских правящих политиков»; «Мы не могли допустить, чтобы уголовник управлял нами»; «Это очень старая, ещё досоветская проблема; кацапы всегда зорко следили, чтобы*

здесь не было никакой элиты, потому что быдлом легче управлять». Отрицательная оценка «другого» возведена в конструктивный политический принцип – такова дискурсивная доминанта агрессивного (националистического) политического дискурса.

Тоталитарный дискурс – это не только дискурс тоталитарного государства, но и дискурс тоталитарной герменевтики, заданной резко означенным адресантом и адресатом. В политических дискурсиях, строящихся в расчёте на тоталитарную герменевтику, в полной мере действует *эффект плацебо* (плацебо от лат. *placere* – нравиться; термин используется в медицине и психотерапии для контроля за ролью внушения в действии лекарственного препарата) – социально-психологический эффект, обусловленный верой людей (и соответственно внушением) в позитивное действие каких-либо факторов. В политике результат плацебо-эффекта – психологическое ощущение положительных действий «наших» как единственно правильных.

Каждая из дискурсивных практик по-своему резонирует с реальностью. Более того, в зависимости от характера субъектно-субъектных отношений формируется своя реальность, предлагаемая как уже существующая или такая, которая может быстро перейти из желаемой в действительную при соблюдении определённых правил и рекомендаций. Моделирование реальности по собственным образцам – одна из основных целевых установок власть предержащих и власть ищущих.

Политический дискурс может интерпретироваться как часть публицистического и по характеру адресата – широкая аудитория, и по основной установке – воздействовать на адресата, убеждать его в декларируемой правде собственной позиции и справедливости оценок оппонентов. О многих политических дискурсиях есть основание говорить как о политической публицистике, творимой по большей части журналистами и в меньшей степени самими политиками. Эта позиция подтверждается фактом широкого использования риторических ресурсов для создания «поля напряжённости». Но только в политическом дискурсе функции воздействия подчиняются все другие функции языка – информативная, когнитивная, оценочная. Политический дискурс имеет в качестве автора абсолютного суггестора, стремящегося всеми средствами оказать как можно более сильное впечатление и влияние (и получить как можно более зримый эффект (в рейтинговой позиции, в разных видах поддержки общественности и под.). При этом формируется свой блок аргументации с особой иерархией аргументов по принципу «все средства хороши», специфицируется свойство бинарности дискурса (свой – чужой, мы – они, толерантность, политкорректность, эмпатия – конфронтация, вербальная агрессия). Борьба за власть – особое состояние

сознания, регулирующее ролевое поведение субъектов политического дискурса, делающее их заложниками собственных установок, ищущих поддержки в языке и одновременно рискующих быть разоблаченными через язык благодаря его способности верифицировать сказанное как правду или ложь, реальное или желаемое, искреннее или лицемерное и т.д. Политический дискурс кинематографичен: в нём всегда используется принцип скрытого монтажа, позволяющего жонглировать смыслами, менять акценты, инверсировать иллюзии и реальность. Выявление «речевых полиграфов» – одна из общественно значимых задач политической лингвистики.

Значимость лингвистического фактора в политической лингвистике бесспорна. Именно лингвисты, реализуя принцип экспланаторности (совмещения описания языковых фактов и их объяснения на основе данных других наук), могут ответить на многие интересующие современное общество вопросы: как вербализуются тоталитарные или демократические идеологические установки, с помощью каких приёмов (риторических, нейролингвистических) пропагандируются и внедряются в сознание граждан политические идеи, как устроены политические транзакции, проявляющие суггестивные, манипулятивные, номинативные, фатические, аттрактивные функции языка, и мн. др.

Политологическая филология (термин В.З. Демьянкова) синтезирует наблюдения микроуровневого характера – синтактика, семантика, прагматика политических дискурсов и их макроструктуры – смена и мотивация сюжетов, мотивов, жанров и т.п. [Демьянков 2002: 35]. Микроуровневые признаки проявляют себя в макроструктуре, от которой зависит их интерпретация. Так, *пространное* и *неясное* определяет речевой почерк большинства современных политиков. Возможно, в этом случае действует психологическая установка: «Всегда говори меньше, чем кажется необходимым». Американский журналист Роберт Грин придаёт этой установке статус закона и формулирует его так: «Желая произвести впечатление своими речами, помните: чем больше вы наговорите, тем больше покажетесь ординарным и не имеющим реальной силы. Даже произнося банальности, вы будете выглядеть оригинальным, если ваши речи будут неясными, незавершёнными и загадочными, как речи сфинкса. Влиятельные люди производят впечатление и внушают страх тем, что не договаривают. Чем больше вы говорите, тем выше вероятность того, что вы скажете глупость» [Грин 2005: 30]. Политики не любят конкретных определений. Отсюда тенденция к семантическому выхолащиванию слов, конъюнктурное их толкование, приспособливание к своей идеологии любой ценой и любыми способами, проявляющими неуважение к биографии слова, а значит, и к культуре в целом. Но-

минации *демократия, народ, правовое государство, цивилизованные отношения, рыночные реформы, европейский выбор* исследователи относят к фантомным, словам-симулякрам. Особенность такого рода номинаций в их референтной нетождественности. Слова-симулякры образуют семантическое пространство игры, в которой важны не реалии референциальной сферы, основывающиеся на семантике денотата, а законы Зазеркалья, где действует семантический принцип Шалтая-Болтая: «Когда я беру слово, оно означает то, что я хочу, не больше и не меньше». Напрашивается вывод: размытость семантики слова выгодна политикам. Это один из способов косвенного говорения, которое в этом случае можно синонимизировать с безответственным речевым поведением, что, в свою очередь, понижает уровень доверия к политической информации.

В политическом дискурсе происходит борьба за термины, сопоставимая с борьбой за территории влияния. На Украине всё ещё не утихают споры относительно содержания терминов *сепаратизм* и *федерализм*; перегруппировываются компоненты смыслового объёма понятия *соборность* и оспаривается статус Дня соборности, объявленного праздником (в православной среде соборность – определитель духовного единства, в новой украинской интерпретации – признак унитаризма, противопоставленного федерализму, то есть происходит перенос термина из духовной и философской сферы в административно-территориальную с политическим оттенком); нет единства в определении содержания понятий *нация, этнос, народ* и многих других. Нельзя не согласиться с мнением социолога: «Язык управляет человеком, тем более – группами людей. Поэтому термин необходимо замещать. Вариантов предостаточно. Ведь словосочетание «гражданская нация» во многом тавтологично, и «народ, обладающий государством», – это граждане. А «нация» в русском или украинском языке – это скорее «этнос, обладающий государством». Языковая традиция, никуда не денешься от социолингвистики; термин «народ» воспринимается действительно как менее одиозный. Поэтому термин «нация» надо оставить термином сугубо научным; незачем запускать его и культивировать в публичном дискурсе» (А. Литовченко. Враг украинской государственности // Еженедельник 2000. 22.09.2006). Противоречия в лингвистической историографии, селективный отбор данных – свойство политического дискурса.

Принцип «не лгать, не лжесвидетельствовать» применительно к философии языка может быть обозначен как деонтологическая норма: не создавай имён, в которых лишь частичная правда, не искажай толкование имён и мыслей другого. В арсенале политиков и жур-

налистов, пишущих о политике, время от времени возникают слова, которые можно назвать тренд-вёртерами (trend – тенденция, Worter – слова) – номинациями, отражающими новые общественные, культурные и научно-технические направления развития, тенденции актуального стиля, эстетики и т.п. (Н.Г. Комлев. Словарь иностранных слов. – М: ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 362). Политические тренд-вёртеры быстро превращаются в мифологемы: *путь реформ, либеральные ценности, цивилизованное общество* и под. Мифологемы, по Р. Барту, представляют собой метаязык власти. Отличительной чертой политической мифологемы является её амбивалентность – сочетание конкретности и абстрактности, однозначности и аморфности, что позволяет приспособлять мифологизированную номинацию к конструируемому политиком информационному полю, заполнять приемлемые для определённой идеологии кластеры.

В политической коммуникации активны языковые категории, природа которых позволяет приспособить их к целям оценки и, следовательно, к целям воздействия. К числу такого рода средств относятся тропы, и прежде всего метафора. Политическая метафора – существенная часть политического дискурса «от журналистов». Интерпретируя метафоры в русле лингвополитологического подхода, нельзя обойти вопрос «Кому выгодно?», тем более что именно метафора как непрямая номинация, представляющая нечто на границе иллюзии и реальности, быстрее всего оказывается средством манипуляции и демагогии. Политическая метафора содержит существенную информацию о позиции говорящего и оказывается объектом активного восприятия: *оранжевые иллюзии, шароварные лозунги, безыдейные прилипалы, грантовый паразитизм, дракончик национализма, политическое недержание, языковая вакханалия*. Метафора в русле идей лингвосинергетики оценивается как универсальный аттрактор, преодолевающий неопределённость в использовании языка и освобождающий от энтропии смысла [Герман 2000: 348]. Метафорическая номинация в политическом дискурсе может противостоять энтропии симулякров. Сравним: *европейский выбор* и *европейский предбанник*.

Исследователи политической коммуникации обращают внимание на её театрализованность. Формы проявления этого признака разнообразны – от кандидатов-двойников до технологий «самострела», когда политик устраивает покушение на самого себя. Лингвистическая театрализованность имеет метафорическое и перифрастическое выражение. Несколько примеров театрализованных номинаций, возникших под пером журналистов: *герой маячных войн* (о руководителе студенческого братства, ведущего борьбу за крымские маяки), *Айболит украинской политики* (о Конституци-

онном суде), *политический дерибан* (о недостойном, дерзком и агрессивном поведении), *девушка своей мечты* (о Ю. Тимошенко).

Театрализованный политический дискурс – это уже не отдельная метафора или перифраза, а целая модель действий, сценарное ранжирование, дающее в итоге новую оценочную категорию. Несколько примеров: *«Бросая время от времени идеологические косточки в сторону Западной Украины, они позволили элитам юга и востока делать свой бизнес»; «Начался XX век с большой иллюзии: интеллектуалы мечтали о Соединённых Штатах Европы, о братстве народов, к которому якобы на всех парусах плывёт парход современности, а на самом деле в историческом тумане этот парход уже поджидали айсберги национализма, на которые «Титаник» европейской цивилизации и налетел на полном ходу»; «Титульные нации новых стран с удовольствием нацепили платье национализма (так слуги торопятся наряжаться в одежду уехавшего барина), не заметив, что оно давно уже вышло из исторической моды и что в XXI веке нелепо выглядит камзол»* (примеры из Еженедельника 2000).

Язык – существенный фактор политического ритуала и политических манипуляций. На всестороннюю реализацию функции воздействия направлены коммуникативные технологии манипулятивного характера, строящиеся по принципу «цель оправдывает средства». В организации манипулятивных технологий принимают участие все акторы политических действий, поэтому, видимо, поле политических манипуляций расширяется. Можно даже сказать, что политические манипуляции в варианте «безпредел пределов манипуляции» – едва ли не основное достижение демократии в постсоветских государствах, ведущих целенаправленную обработку общественного мнения в разных направлениях. Игра без правил на политическом поле всё больше приобретает характер невротического соперничества с привлечением виртуозной риторики и стилистики. Трансакции манипулятивного характера предлагаются в виде алгоритмизированных рецептурных рекомендаций, жизнеспособность которых подтверждается многочисленными историческими примерами. Такие трансакции именуются *стратагемами* – стратегиями поведения (в том числе речевого), обеспечивающими возможность эффективного воздействия на людей. Политические дискурсии оказываются полем военных действий. Вот одна из стратагем, описанных в книге А.И. Воеводина «Стратагемы – стратегии войны, манипуляции, обмана». Название стратагемы «Обмануть императора, чтобы он переплыл море». Сущность стратагемы такова: открыто проводятся действия, маскирующие действительную цель; противнику путём повтора определённых действий навязывается шаблон восприятия; устанавливается зависимость от шаблона, в результате чего теряется бдительность и адекватное восприятие ситуации. Проверен-

ная на поле военных действий стратагема экстраполируется на мирную жизнь, где она тоже подтверждает свою эффективность: *в бизнесе* компания может объединиться с конкурентом для создания общего проекта, но параллельно разрабатывает собственный проект, который заканчивает раньше совместного, превращая последний в неактуальный; *в криминальном мире* знание шаблона розыска преступника даёт возможность последнему, чтобы не быть пойманным, делать всё наоборот, ни от кого не прятаться, легально входить в доверие; *в спорте* можно несколько раз применить одну и ту же последовательность действий для выработки у противника шаблонной реакции, а затем неожиданно поменять программу; *в политике* также можно сформировать шаблон восприятия действий, но в определённый момент разыграть новый вариант и тем самым вывести противника из борьбы [Воеводин 2003: 11].

Политическая лингвистика интегрирует разные виды информации. Одно из направлений интеграции может быть объективировано фреймовым подходом. Фрейм – структура репрезентации знаний в условиях стереотипных (однотипных) ситуаций; фиксированная система параметров, описывающих тот или иной объект или событие. Политический фрейм – это оязыковлённая когнитивная модель, обусловленная идеологической позицией субъектов речи. Описание политического фрейма – результат наблюдения за текстами, посвящёнными одной проблеме. Набор языковых признаков выявляется эмпирическим путём. Фиксируются типичные, часто повторяющиеся способы вербального представления определённого события.

Контент-анализ политического фрейма позволяет определить языковые маркеры той или иной концептуальной составляющей. К числу лингвистических показателей относятся слова, словосочетания, фразеологизмы, тропы, риторические фигуры и приёмы, политические термины, цитаты, семантика и частота появления которых могут помочь выявить «маршрутную линию развития ситуации» [Романов 2002: 136]. Каждый фрейм в вербальном отношении состоит из слов, словосочетаний – как прямого, так и метафорического характера, группирующихся вокруг смыслового инварианта фрейма, соотносящихся с ним в семантическом отношении. Вербальная представленность политического фрейма содержит информацию о стратегии и тактиках субъектов политического дискурса, представленную в семантике ключевых слов, в коннотативных признаках наименований, в характере модальных оценок – всё это знаковые репрезентанты политических фреймов. Признаки общего лингвистического фрейма могут варьироваться в конкретных текстах, дополняться новыми характеристиками.

Показателем также такой параметр фрейма, как клиширование представлений о том или

ином общественно важном событии. Клишированные речевые тактики выражают состояние массового сознания и одновременно формируют его. Структурирование фреймов на слоты даёт возможность описать типы ментальных установок, обусловленных исходной позицией акторов политического дискурса, и в то же время выявляют прагматические смыслы, характерные для современного общества (образец детального рассмотрения фреймов и слотов метафорической модели «Россия – это преступное сообщество» представлен в учебном пособии А.П. Чудинова «Политическая лингвистика»).

Тенденции актуального политического стиля нередко формируются на основе эмоциогенных проблемных тем. На Украине политическим приоритетом обладают темы: НАТО, Евросоюз, ОУН-УПА, голодомор, газовый вопрос, Крым и Черноморский флот, языковая политика (русский язык), регион, региональность, региональный имидж (с позиций географического расположения, истории формирования, традиций, особенностей культуры, экономики и политических пристрастий). В пространстве этих тем складывается новая мифология (типа «НАТО – будем жить богато») и формируется оппозиционный политический дискурс.

Так, фрейм «Восток – запад Украины» имеет такие языковые маркеры: *географические Украины, раскол Украины, разлом, географический детерминизм, языковой барьер, местечковость, местечковый национализм, местечковое самоуправление, территориальное сообщество, тоталитарная демократия, «западенцы» «схидняки», игра в толерантность, просвещённый запад, рабочий восток, «заповедник разума», сознательный запад, русифицированный восток, официальная украинизация, федерализация, федералистский проект, болезнь федерализма, сепаратисты, раскольническая угроза, «соборная» Украина, жёсткий унитаризм, враг украинской государственности, антигосударственное мышление, окраинные экстремисты, регионализация, региональная эффективность, восточноукраинская элита, двуязычие, автохтоны (коренные жители), соборность как «акт злуки» (сравним: «Соборность» как фактор раскола» – название статьи Владимира Корнилова, 2000, 26.01.2007).*

Фрейм «Языковая политика» представлен следующими языковыми маркерами: *двуязычная страна, вялотекущий лингвоцид, статус русского языка, государственная гуманитарная политика, поддержка русской культуры, права русскоязычных граждан, Европейская хартия национальных языков, имплементация, региональный статус русского языка, русофобская концепция языковой политики, двуязычные украинцы, автохтонный (коренной).*

Бинарность политических фреймов определяется вербальным представлением концептуальной переменной: положительное – отрицательное, демократическое – недемократическое, своё – чужое (чуждое). Формируются клишированные речевые тактики, утверждающие идеологическую позицию того или иного сообщества.

Лингвистические маркеры политических фреймов помогают выявить «маршрутную линию развития ситуации» (А.А. Романов). Клишированные речевые тактики обыгрываются оппонентами в виде цитат, аллюзий, с их помощью создаётся ироническая оценочная тональность. В билингвальной среде сформировался уникальный способ дискурсивного представления «другого»: «чужое» слово в русской прессе предаётся на украинском языке, а в украинской – на русском.

Таким образом, политический дискурс конструирует политическую реальность во многих её составляющих. В итоге можно сказать: каков политический дискурс – таков и предъявляемый обществу образ власти. И всё-таки политический дискурс необходимо оценивать как часть культуры определённого времени, если считать, что в культуру входят все виды социально значимой деятельности, все поведенческие модели (паттерны), направленные на реализацию конкретных и специфических задач для удовлетворения человеком своих насущных потребностей. Политический дискурс как культурологический феномен акцентирует такие культурологические понятия, как мифологизация (неомифологизм наиболее проявлен именно в политической сфере), карнавализация (политика как шоу и имиджи политиков как игровые маски). Одно из действительно демократических завоеваний нашего времени – снятие табу на интерпретацию политической деятельности в разных её проявлениях. Политическая лингвистика – безусловно демократическая дисциплина, способная – при условии ответственных усилий учёных-гуманитариев – перевести предзнание в обсуждаемое и, значит, реально существующее знание.

ЛИТЕРАТУРА

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Современная политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2006. 267 с.

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Лингвистическая со- ветология: Монография. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009. 291 с.

Воеводин А.И. Стратегемы – стратегии войны, манипуляции, обмана. – М.: Белые альвы, 2003. 256 с.

Герман И.А. Лингвосинергетика. – Барнаул: Изд-во Алтайской академии науки и права, 2000. 170 с.

Грин Роберт. 48 законов власти: Новая краткая редакция. – М.: РИПОЛ классик, 2005. 288 с.

Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – М.: ИНИОН РАН, 2002. № 3. С. 32-43.

Евсеева Л.И. Информационная власть: анализ взаимодействия политики и коммуникации // Актуальные проблемы современной политической науки. – СПб.: Санкт-петербургский гос. политехнический ун-т, 2006. С. 50-60.

Зорин В.А. Проблема восприятия образа политика в контексте изучения его личности // Политическая психология: Хрестоматия [Сост. Е.Б. Шестопал] – М.: Аспект-Пресс, 2007. С. 394-405.

Кравченко В.И. Политическая культура как отражение политико-коммуникативной реальности общества // Актуальные проблемы теории коммуникации: сб. науч. тр. – СПб.: Изд-во СПбГПУ: РКА, 2004. С. 135-153.

Методология исследования политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов [Под общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой]. Вып. 3. – Минск: Белорусский гос. ун-т, 2002. 360 с.

Политическая психология: учеб. пособие для вузов. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001.

Политическая психология: Хрестоматия [Сост. Е.Б. Шестопал] – М.: Аспект Пресс, 2007. 448 с.

Романов А.А. Политическая лингвистика: Функциональный подход. – Москва; Тверь: ИЯ РАН, ТвГУ, 2002. 191 с.

Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие. – М.: Флинта, 2006. 136 с.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. – М.: Флинта, 2008. 256 с.

Источник иллюстративных материалов

Еженедельник «2000». www.2000.net.ua.

© Синельникова Л.Н., 2009

Червиньски П.
Катовице, Польша

ЯЗЫК
СОВЕТСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ:
СЕМАНТИКА ПОЗИТИВА
В ОБОЗНАЧЕНИИ ЛИЦ (4)

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. Статья содержит разработку последующих параметров фрагмента системной модели, лежащей в основе советского образа и представления действительности в отношении позитивных признаков человека. В своей семантике и отношении к месту в модели описываются номинативные единицы двух соотносимых параметров, определенных как принадлежность (активист (член актива), правдист, известинец, кировец, пролеткультовец, красноармеец, интербригадовец, кухаркины дети, подписчик, штабист и др.) и нужность (плановик, кадровик, агроном, председатель, мастер, бригадир, монтажник, высотник, пограничник, дружинник и т.п.). Представленная как многоуровневая система может служить примером идеологических и политических вербально-концептуальных и смысловых построений.

Ключевые слова: язык советской действительности, обозначения лиц, семантика позитива, советская языковая картина мира, язык и идеология, парадигматическая модель описания.

Сведения об авторе: Червиньски Петр, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка.

Место работы: Силезский университет.

Контактная информация: ul. Grota-Roweckiego, 5, 41-206, Sosnowiec, Poland.

E-mail: czerwinski.piotr@gmail.com

Chervinsky P.
Katowice, Poland

LANGUAGE
OF THE SOVIET REALITY:
SEMANTICS OF POSITIVE
IN DESIGNATION OF PERSONS (4)

ГСНТИ 16.21.27

Kod BAK 10.02.01

Abstract. The article contains elaboration of subsequent parameters of a fragment of system model underlying the Soviet image and representation of reality concerning the positive attributes of a man. In their semantics and position in the model units of two correlated parameters are described defined as belonging and necessity. Introduced as multilevel the system can serve an example of ideological and political verbal-conceptual and semantic constructions.

Key words: language of the Soviet reality, designation of persons, semantics of a positive Soviet language world picture, language and ideology, paradigmatic model of description.

About the author: Chervinsky Petr, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of the Russian Language.

Place of employment: Silesian University.

Соотносимую пару предлагаемых для описания в настоящей статье параметров рассматриваемой парадигмосистемы [см. Червиньски 2008/3; 2009/1; 2009/2; 2009/3] будут составлять охарактеризованные в отношении обозначаемых лиц принадлежность / нужность. Их место в парадигмосистеме было определено как такое, которое предполагает обозначение человека как представителя некоторого объединения, коллектива, группы, массива, множества или числа, с отличием в признаках имманентного (кумулятивного) для принадлежности и придаваемого (аддитивного) в отношении нужности свойств.

Принадлежащим, тем самым, следовало бы рассматривать в указанном отношении такое лицо, которое определяется в приписываемом ему лексическим способом обозначении как представитель, член определенным образом действующего, выполняющего задание, наделяемого какими-то социальными функциями объединения, коллектива. Нужным – лицо не столько как представителя коллектива (коллектив может подразумеваться, но в обозначении не актуализироваться), сколько как направ-

ляемого, назначаемого, предполагаемого в коллективе, нужного в нем для нормального функционирования, исполнения возлагаемых обязанностей и заданий, функционера и исполнителя соответствующей общественной роли. Отличие между тем и другим отношением к коллективу и в коллективе, членом и представителем которого данное лицо выступает, можно было бы воспринимать как внутреннее, находящегося в самом коллективе, внутри, в нем самом, как его равноправный член и участник, и внешнее, приписываемого, придаваемого ему для его, коллектива, привычных заданий и исполнительских целей. Примерами слов со значениями принадлежности могли бы быть *активист* (как член актива, понимаемого как группа и коллектив, наделенный определенными свойствами), *правдист* (как член редакции газеты «Правда»), *штабист* (работник, один из работников штаба, воспринимаемого как коллектив, группа лиц). Примерами слов со значениями нужности, соответственно, *плановик*, *кадровик*, *агроном*, *бригадир*, *председатель* – как такие работники и представители коллектива, определяющим смыслом, чертой которых является

не то, что они в него входят, являются его частью, а то, что они ему необходимы как обеспечивающие, направляющие, реализующие нормальное его функционирование, общественные позиции и места.

Предметом типологического различения и семантических группировок внутри разбираемых параметров должны быть такие характеризующие предполагаемую дифференциацию условия, которые могли бы дать представление об особенностях парадигматического устройства, особенностях концептуализации объектов реального мира, типичных и свойственных для языка советской действительности. Трудность такой задачи состоит в неизбежном, как естественным образом возникающем, так и намеренно реальным и понятийным объектам приписываемом совмещении того, что является следствием общего, не отмеченного и не сугубо советского обозначения, с тем и таким, которое следует из советской специфики. Различение, в известном смысле и отношении важное и не случайное, позволяющее делать выводы и судить на примере описываемой парадигмы о том, что собственно представляет собой советизированное насыщение семантики языка в его словарных, полусловарных, речевых узальных и контекстуальных употреблениях и номинативах.

Попробуем на примере подобных номинативов, отнесенных нами к параметру принадлежности, выявить некоторые особенности, влияющие на их характер как в отношении проявляемого в них и свойственного им признака советизированной отмеченности, так и в отношении типологического разграничения, позволяющего их вписывать и относить к какому-то месту в описываемой структуре, уточняя, тем самым и одновременно, ее самоё. Особенности эти будут иметь характер, связанный с внешними языковыми, оформляющими слово, чертами и признаками, с такими же языковыми, но внутренними, т.е. семантическими, а также с признаками, соотносимыми с концептуализируемой под советским углом представления и восприятия действительностью либо уже и устроенной, организованной под этим углом. Действительность эта будет иметь, в силу смысловых особенностей разбираемого параметра, вид советского общественного и социального бытия. Общественное и социальное в данном случае можно рассматривать как соотносимую пару того, что продукт и проекция (общественное бытие), к тому, что выступает, проявляет, ведет себя как продуцирующее продукта и проявляющееся в проекции общественного бытия (социальная организация, устройство, его институты, что принято было обозначать как *советское общественное устройство*, в смысле организующих общественное пространство учреждений, структур и связей).

Интересующее нас типологизирующее проявление в отношении семантических признаков

описываемого параметра, отраженных в семантике выбранных слов, можно усматривать в характере типа объединения (коллектива, группы, массива) и представительства, т.е. того, членом, частью, элементом какого множества лиц, какого вида и типа данного множества, является обозначаемый человек и каким представителем, репрезентативным видом и типом, он предстает в отношении к данному объединению и обществу в целом через него. Характер рассматриваемого значения, отображаемого в типе объединения и представительства, будет учитывать, по мере возможности, тип и характер, а также, отчасти, и степень советскости, заключенный *implicite* в обозначении.

Попробуем разобраться с поставленными вопросами для большей их ясности на примерах, учитывая как словообразовательные (структурные и производящие) признаки слова, так и его мотивирующие, семантические и концептуальные основания, проявляющие себя, осознаваемо или нет, для носителей языка советской действительности. Прежде чем взяться за эту задачу, в результате которой, на базе полученной типологии степени и характера советизированности значений, можно будет с большими к тому основаниями и объективностью разрешить стоящую перед нами парадигматическую проблему пятивалентного в основе своей, с выделением уровней, описания значений (семантических признаков) параметра принадлежности, представим недифференцированным пока что списком номинативные единицы, отнесенные нами к описываемому параметру, с тем чтобы увидеть их все. К единицам этим были отнесены (для наглядности даны в алфавитном порядке) *активист* (член актива), *боец стройотряда*, *вхутемасовец*, *гражданин*, *довженковец*, *досаафовец*, *жактовец*, *женотделка*, *жилтоварищ* (член жилтоварищества, объединения жильцов дома, жилого массива), *известинец*, *интербригадoveц*, *каждый* (как член советского общества), *квартирант* (жилец коммунальной квартиры), *кировец* (рабочий Кировского завода), *койко-больной*, *комфут* (коммунистический футурист), *конармеец*, *конноармеец*, *конногвардеец*, *красноармеец*, *красногвардеец*, *краснопутиловец* (рабочий завода «Красный путиловец»), *краснофлотец* (рядовой Военно-морского флота), *красный*, *кухарка* (как представитель народа, которого надо было привлечь к управлению государством), *кухаркины дети*, *напостовец* (член группы писателей «На посту»), *низовик* (член низовой организации), *осводовец* (член общества спасения на водах), *осоавиахимовец* (член общества содействия обороне и авиационно-химическому строительству), *партийный*, *подписчик*, *подпольщик*, *политотделец*, *политотдельщик*, *правдист*, *правленец*, *пролетарий*, *пролеткультовец*, *пролетписатель*, *рабочий*, *рабочкомец*, *рапповец*, *сельсоветчик*, *советский* (представитель власти), *совписатель*, *социа-*

лист, сочувствующий, тассовец, товарищ (как каждый член советского общества), *управленец, фабзавкомовец, фабкомовец, член* (сознательный общества, ВЛКСМ, КПСС, почетный бригады), *чоновец* (боец частей особого назначения по борьбе с бандитизмом), *штабист* (член комсомольского штаба ударной бригады, стройки).

Первое, на что следовало бы обратить внимание, разбирая представленные к анализу единицы, это на разный характер их внутренне-го устройства и отношения к ощущаемой в них степени советизированной привязки. Высокой степенью подобной привязанности, поддержанной формой, обладают образования от характерных для новых явлений действительности аббревиатур инициально-буквенного (*досаафовец, жактовец, рапповец, тассовец, чоновец*) и сокращенного типа (*вхутемасовец, интербригадовец, комфут, конармеец, осволовец, осоавахимовец, политотделец, политотдельщик, пролеткультовец, пролетписатель, рабочкомец, сельсоветчик, совписатель, фабзавкомовец, фабкомовец*); образования от имен собственных – фамилий известных деятелей (*довженковец, кировец*), названий газет (*известинец, правдист*) и творческих объединений, журналов (*напостовец*). Если в первой группе носителями новых явлений, тем самым советскости, можно считать аббревиатурные обозначения обществ, объединений, организаций, т.е. сами такие общества типа ОСОАВИАХИМ, ДОСААФ, ЖАКТ, РАПП, ТАСС или ЧОН, то во второй есть такие, которые (ВХУТЕМАС, ОСВОД), не имея в своем структурном, буквенном и инициальном, составе ничего сугубо советского, возникнув в советское время, к таким новым явлениям, вызванным к жизни советской действительностью, советской концепцией жизни, примыкают, равно как и наряду с ними такие, которые свою советскость передают в элементах начала, имеющих соответствующее значение, происхождения и хождение и непосредственно связываемых с советской действительностью, следующих из нее: *интер(национальный), ком(мунистический), кон(ный), полит(ический), пролет(арский), рабоч(ий), ком(итет), сель(ский), сов(етский), фаб(ричный), зав(одской)*. И хотя сами эти начальные элементы можно по-разному трактовать в их советской заряженности (одно дело, скажем, прямо идеологизируемые *интер-, ком-, полит-, пролет-, раб(оч)-, сов-* и другое вроде бы *кон(ный), ком(итет), сель(ский), фаб(ричный), зав(одской)*, такой прямой отнесенности не имеющие), с точки зрения смысла действительных отношений различие это малосущественно. Поскольку *кон(ный)* не просто *конный*, имеющий отношение к лошадям, а Конной Армии, гражданской войны, героический, командармов, тот, который вытянул, выигрывал битвы, способствовал установлению советской

власти, имеющий ведущее значение для победы и ведения войны в тот период, а *ком(итет)* устойчиво связывается с советской властью, ее строительством и партийно-советскими организациями, *сель(ский)* – не просто *сельский*, а нового, советского села, где советское крестьянство, колхозы, совхозы, колхозный строй, фронт работ, хлеб, жатва, уборка, зерновые, приложение сил, обеспечение города сельхозпродуктами, где вечно нужны трудовые руки, а потому это крайне важное с точки зрения советской власти звено участия, заботы, (воз)действия по причине постоянных на селе нехваток и недостатка. Соответственным образом также *фаб(ричный)* и *зав(одской)* становятся носителями идеологизированных значений, связываемых с пролетариатом, рабочим классом как ведущим и передовым, сознательным строителем социалистического общества, воспитанием нового человека труда и трудом, с идеей индустриализации, ставкой на развитие промышленных отраслей, пятилетками, трудовыми буднями-подвигами, рабочими достижениями, соцсоревнованием и т.п.

Особо следовало бы как образования рассмотреть слова *женотделка* и *жилтоварищ*. Если первое можно было бы рассматривать как суффиксальное образование от *женотделец*, с заменой суффикса (*женотдел – женотдел(ец) – женотдел(к)а* по типу *комсомол → комсомолец → комсомолка*), чего, впрочем, сделать с полным основанием невозможно в силу специфики женского отдела, а потому образование *женотделка* логичнее было бы относить к образованиям через ступень [о чересступенчатом словообразовании см.: Валгина 2003: 144] (*женотдел → ... → женотделка*), то второе, *жилтоварищ*, только внешне выглядит как аббревиатура. Логичнее его представить следствием усечения аббревиатуры *жилтоварищество* с мотивацией (вторичной, подкрепляющей) имеющегося, советски отмеченного, *товарищ*, поскольку в слове *товарищество*, а также *жилтоварищество* такой отмеченности нет. В пользу такого направления мотивации (*жилтоварищ / ество → жилтоварищ*, хотя без элемента *жил-* будет *товарищ → товарищество*, но в этом последнем случае *товарищ* используется в другом значении – ‘содельщик, пайщик, соартельщик, компаньон’) говорит и то, что, если слово *жилтоварищество* нейтрально, то *жилтоварищ* окрашено стилистически (разг.-ирон., насмешл.) и в семантическом отношении по сравнению с *товариществом* смещено. *Жилтоварищи* – это не просто члены жилищного товарищества как объединения жильцов, это советское явление, глухое и опасное объединение самоуверенных, неприязнательных, необразованных и бесцеремонно-грубых *товарищей* – хозяев жизни, дома и всех его обитателей.

Еще одну группу образуют слова, советизированность которых следует из типичности,

активности модели словообразования, характерной для языка советского времени того или иного периода, сочетающейся с а) ощущаемым в слове, его внутренней форме и мотивации, отображением концепции человека – характерным для советизированного сознания отношением к нему, следующим из вырабатываемого в условиях и на основе экзистенциально-идеологического опыта представления о нем, либо с б) идеологической и пропагандистской отмеченностью производящих основ соответствующих словосочетаний и слов, от которых было образовано данное слово. Примером случая (а) может послужить образование *койко-больной* (проф. 'единица счета больных в стационаре медучреждения' [ТСЯС]), полученное сложением по типу *человекодень, человекочас, трудодень*, а также *койко-день, койко-место* и заключающее в себе советизированно отмеченное представление о человеке как о месте и единице, привязываемой к месту, связываемой с местом. Примерами (б) – *конноармеец, конногвардеец, красноармеец, красногвардеец, краснопутиловец, краснофлотец*, полученные суффиксально-сложным либо сложным (*краснопутиловец*) способом из соответствующих идеологически отмеченных словосочетаний *Конная Армия (Гвардия), Красная Армия (Гвардия), Красный путиловец, Красный флот*.

Третья группа представлена суффиксальными образованиями *правленец, управленец, низовик* (первые два в знач. 'член правления, управления', а не 'работник сферы управления как отрасли', поскольку в этом другом значении слова следовало бы относить не к рассматриваемому параметру принадлежности). Советизированность их следует как из активизации словообразовательных моделей, в языке советского времени широко употребительных (*лишениец, пораженец, просвещенец, назначенец / плановик, передовик, фронтовик*), хотя и не специальным образом (ср.: *ополченец, переселенец, примиренец, приспособленец / ломовик, домовик, лесовик*), так и, что более значимо, из активизированной типичности мотивирующих явлений – сопровождаемых особым отношением и смыслом всякого рода советских командно-административных образований и форм.

И, наконец, последнюю, четвертую группу представляют слова, образование которых (*активист*) либо семантика (*боец стройотряда, красный, партийный, штабист*), либо употребление (*гражданин, каждый, квартирант, кухарка, кухаркины дети, подписчик, подпольщик, пролетарий, рабочий, советский, социалист, сочувствующий, товарищ, член*) связывается со сдвигами идеологизирующего характера, являющимися следствием новых явлений в действительности либо совершенно иного, типично советского, отношения к ним.

Для иллюстрации сказанного покажем это на ряде примеров. *Активист*, 'член актива ка-

кой-л. организации' в интересующем нас отношении, а не просто 'ее активный и деятельный представитель; общественник' возникает в советское время на базе меняющегося значения слова *актив*. (Что показательно, это первое, и только его, 'член актива', дает ТСУ. В свою очередь МАС, БТС, РСС его не содержат, давая только второе. В «Новом словаре» Т.Ф. Ефремовой то первое приводится через точку с запятой после второго. Из чего можно сделать два вывода – о порядке по времени появления: 'член актива организации' → 'активный ее представитель' → 'общественник' и о дальнейшем вытеснении, замещении первого вторым, вследствие которого это первое может не осознаваться носителями как самостоятельное, не выделяясь из второго и третьего или даже не воспринимаясь как таковое). *Актив* в советское время, на что указывают пометы в ТСУ (полит. нов.), развивает значение 'наиболее передовая, политически закаленная и деятельная часть членов партийной или другой общественной организации', даваемое в этом и последующих словарях как первое, т.е. ведущее и основное (ср. у Даля единственное: *Активъ купца или банка* 'именье, наличность', оттесняемое в советское время на вторую позицию). Тем самым, интересующее нас слово в его первичном значении (*активист* 'член актива') возникает как суффиксальное образование на основе регулярной модели (суф. *-ист*) от значения слова *актив*, появившегося и ставшего основным в советское время.

Слова *боец (стройотряда)*, в знач. 'член отряда, группы, организованной для выполнения определенной работы, какого-л. задания' [ТСЯС]), *красный*, в знач. 'представитель восставших революционных масс, сторонник советской власти', *партийный* ('член коммунистической партии'), *штабист* ('член комсомольского штаба ударной комсомольской бригады, стройки' [ТСЯС]) советизированными делает их семантика, являющаяся следствием возникновения соответствующего значения у слов, существовавших и существующих в русском языке также и в других своих, не советизированных, хотя бы и оттесненных (для *красный, партийный*), значениях.

Не простым и не однозначным может поэтому выглядеть их отличие от другой группы слов, советизированность которых смещается все же, скорее, в сторону не столько семантики, сколько употребления (смещенность семантики следует из него). Но не окказионального и(ли) каким-либо образом ограниченного, скажем, профессией или средой, а общего речевого употребления, т.е. узуального и типичного. Основное отличие слов этой третьей подгруппы от предыдущей, как представляется, заключается в том, что отмеченность их возникает как следствие не столько знания соответствующих советских реалий (надо знать, что такое штаб комсомольской стройки, что такое советская

власть и компартия для советской действительности, какие бывают работы, задания для молодых и т.п.), сколько втянутости в аранжированный, заряженный, коннотирующий контекст. *Гражданин* становится тем, о чем речь, т.е. членом советского общества, частью советского организма и представителем коллектива, когда он воспринимается или тянет за собой такие комбинаторные вариации, как *гражданин страны Советов (Советского Союза), все как один гражданин, настоящий (советский) гражданин, каждый гражданин обязан знать (верить, участвовать, соблюдать, чувствовать, понимать), обязанности гражданина (гражданин), советский гражданин должен быть бдительным (показывать пример)* и т.п. С точки зрения значения, это то же, что и *гражданин* как таковой и вне указанных контекстов, т.е. 'лицо, принадлежащее к населению какого-л. государства, пользующееся всеми правами и исполняющее все обязанности, установленные законами государства' [ТСЯС]. В рассматриваемых употреблениях оно же, это слово, в неизменяемом и не смещаемом в целом значении, становится знаком, меткой особого назначения, роли, сопровождаемых целым шлейфом позитивно коннотируемых морализаторских, пропагандистских, воспитательных, эмоционально-чувственных и пр. компонентов, в том числе смысловых.

Таким же образом возможно представление слова *каждый*, усиливающего, подчеркивающего важность, ответственность, критичность, политическую или публицистическую остроту момента и обращения в контекстах типа *Это должен знать каждый! Знать всех и каждого. Обращаться к каждому. Каждый обязан обществу, в котором он живет (которое его воспитало)! Дойти до каждого! С мыслью о каждом. Всех и каждого (охватить, это касается). От каждого по способностям, каждому по труду (по потребностям). Каждый – обществу, обществу – каждому!* Как и *гражданин*, слово *каждый* предполагает подразумеваемым смыслом идею советского коллектива как целого, идею такого общественного устройства, которое предполагает сплоченность, единство цели, наличие общих ценностей, единый для всех несомнительный императив морали и поведения. *Каждый* из тех, кто связан особыми узами, понятным и признанным всеми общественным договором, распределенными и известными всем обязанностями, кто является членом и представителем создаваемого и созданного отчасти уже коллективного организма, заряженного и действующего в своем устремлении к общей цели (*opus finitum*).

Объективно тем самым выходит, что смысл представителя по параметру принадлежности предполагает своим объяснением отнесенность к характеру множества, объединения, коллектива, элементом и частью которого обозначает

мое лицо выступает. Как репрезентант, он получает свое объяснение в соположении, отнесении к репрезентируемому им коллективу. В определенном смысле это касается слов и других рассмотренных групп, точнее подгрупп, таких, как *боец (стройотряда), партийный, красный, штабист, управленец, низовик, красноармеец, красногвардеец, известинец, вхутемасовец, досаафовец* и др., но там выразительная структура либо семантика слова своей устойчивостью для языкового сознания не предполагали необходимость контекстно-репрезентантного определения-погружения как основного. Для слов, назовем так условно, контекстного ряда, советизированный их смысл для параметра принадлежности, следуя из употребления и воплощаясь в нем, не в структуре и не в семантике, осознаваемой носителями вне речевого использования, для этого ряда слов контекст, о котором шла речь, оборачивается фактически представлением о понимании характера того коллектива, которого называемый определяется как представитель, (при)надлежащая данному множеству элементная часть. Контекст, тем самым, становится для этих слов контекстом (как знанием) того или иного советского коллектива. Не обязательным должен быть, в результате, сопровождающий слово вербальный контекст, поскольку его имеет смысл понимать скорее как контекст окружения и погружения. Погружения, или вхождения в обстоятельства, знание соответствующего фрагмента действительности, элементом и объясняющей частью, ее оправданием, является соответствующий коллектив – советского государства, как организованно-дисциплинируемой и управляемой, направляемой массы трудящихся, трудящихся масс, в отношении *гражданин*; советского общества, как объединения сходным образом мыслящих, т.е. идейно, морально, ценностно и устремленно заряженных и ориентированных индивидов, для *каждый* и пр.

Квартирант, соответственно, в контексте сказанного предстает и должен восприниматься не как тот, точнее не столько как тот, кто снимает где-то и(ли) у кого-то квартиру, и даже не просто как 'жилец коммунальной квартиры' [ТСЯС], а как представитель, часть коллектива таких же, как он, хоть других (как следствие их коммунальности), элемент и явление коммунально-общественного существования и нового (а потом и не нового) советского коллективного бытия [ср.: Утехин 2004]. То есть как репрезентант коллективно-советского быта или, что то же, но как бы с другой стороны, бытового советского коллектива. *Кухарка* таким же образом и *кухаркины дети* не просто как те, кто приходят после 1917 года на смену прежним чиновникам и государственной власти, а как представители нового социального слоя, захватившего или, в зависимости от знания и убеждения го-

ворящего, именем и под предлогом которого (здесь идея знака и символа) большевиками была захвачена власть. *Кухарка, кухаркины дети*, тем самым, воспринимаются как представители первоначально, а также и с определенных позиций, не значащего и не подготовленного, а потому управляемого и направляемого тем, кому надо, социального большинства, способного задавать тон, при условии внушения ему идеи его ведущей и определяющей роли, братья не за свое, но ответственное и серьезное в возможных последствиях дело, быть ударной силой и рупором, готовыми, если не всех и не всё, то очень многих и многое, в основном по незнанию и недоумию, в государстве и обществе смять, испортить и закричать. *Подписчик*, аналогичным образом, должен восприниматься как представитель советского общества адресатов партийно-советских журналов-газет, как тот, кто их выкупает, должен их выкупать, поддерживая и обеспечивая циркуляцию пропагандистского сектора, важное и обязательное звено партийного финансирования и государственной экономики, а также и потому ответственный, правильно ориентированный и сознательный член, объект и участник организованного общественного строительства. В связи с подобного рода словами может возникнуть вопрос относительно их возможности отнесения к лексике советского позитива, имеющий отношение, как представляется, не только к диахронической, т.е. исторической, или идеологической, но и узуальной проекции. Изначальная либо приписываемая их позитивность со временем или в связи с позицией говорящего могла и может меняться на ироническую, неприязненную и осуждающую как проявление неприятия, неодобрения, недовольства. Эпатирующий характер номинатива, за которым легко угадывается ведущий лозунг устанавливающей себя новой власти *кто был ничем, тот станет всем*, проявляя себя в представлении «даже те, о ком принято было думать с точки зрения их социального положения и подготовленности, и те способны и могут, поскольку каждый, любой представитель низов, в том числе и меньше других, с позиции прежнего отношения и восприятия отживающих, эксплуататорских, классов, к тому приспособленный, должны, в состоянии теперь, после захвата большевиками власти, управлять государством», – этот смысл формирует идею, которая, будучи в силу своей полемичности, сгущенной и двойственной, легко оборачивает себя двумя полюсами. Для наших целей достаточным было бы представление о любом, в том числе и едва ли не в первую очередь, самом не подходящем для этого представителе социальных низов как потенциальном участнике в осуществлении власти, которое (представление) призвано перевернуть в сознании, языковом и общественном, прежнее воображение о должном, возможном и правильном.

Помимо значимости характера репрезентируемого лицом коллектива в интересующем нас отношении важным следовало бы также считать некий векторный (он же, видимо, и валентностный) смысл, заключенный в обозначении. Смысл этот можно было бы воспринимать как валентностно-векторный в том отношении, что он исходит от некоего когнитивно-оценочного представления как центра, одновременно с этим и возвращаясь к нему. Проекция этих смыслов, расходясь, определяют ориентируемую к советской действительности семантику словоупотреблений (чтобы не говорить семантику слов), ощущаемую, чувствуемую, понимаемую, хотя не всегда до конца рефлекслируемую и осознаваемую в ее характерности и присутствии как дополнение, примесь в сплаве лексического значения. Сходясь, они же, эти проекции, формируют, складываясь в пучок, этот самый, полученный, получаемый из отрезков, осколков, из себя излучаемый когнитивно-оценочный центр. Метафорически это можно представить как шар, обклеиваемый осколками зеркала, вбирающий, принимающий на себя, на эти осколки, затем отбиваемый, отражаемый, так же и в тех же осколках, свет, не целым падающим на него лучом, а разбрызгиваемыми по сторонам пучками, так что и падающий откуда-то луч (лучи) представляется сыплющимися световыми кусками.

Для слова *подпольщик*, тем самым, таким световым пучком, отражаемым и вбираемым вектором, предполагая в значении употребления представление о соответствующей организации, активно действующей и сбитой конспиративно в кулак, был бы смысл и коннотация отваги, неподдаваемости, неустрашимой решительности, готовности идти до конца во имя общей революционной, затем советской, как ее продолжение, а потому благородной и светлой, идеи. *Пролетария* можно было бы в интересующем нас отношении, соответственно, воспринимать как представителя класса, наделяемого признаками решительности и твердости, готовности последовательно и активно бороться за светлое будущее всех угнетенных, как сознательного и бескомпромиссного, надежного и передового, в его историческом назначении и классово обусловленной психологии, строителя социализма, опору и авангард советского общества. *Рабочего* – как того, кто в силу специфики фабрично-заводского производительного труда, а также своей принадлежности классу, знает себе цену, твердо стоит на ногах, является носителем здравого смысла и верной оценки, наиболее крепкий, устойчивый и надежный в социальном и психологическом отношении представитель советского общества, строитель социализма, воплощаемая в человеческом материале идея начатков создаваемого будущего. Слово *советский* в интересующем нас повороте следовало бы определять и рассматривать как обозначение представителя и сторонника

установившейся после октября 1917 года власти и проводящегося ею в жизнь государственного и общественного устройства, идейно, политически, социально и психологически детерминированного в отношении чувства уверенности в своем исключительном праве в связи с этим иметь, устанавливая и решать, хозяина нового строя и положения. Данное представление является следствием последовательного развития семантики слова *советский*. У В.И. Даля слово это, имеющееся в его словаре, трактуется только как 'к совету, как учреждению, относящийся' (*Государственный совет. Совет министров. Советские члены*). Значения в ТСУ и последующих словарях – 'имеющий отношение, связанный с организацией власти Советов и общества' (1), 'находящийся, происходящий в СССР, свойственный стране советов' (2), (а также 'людям Страны Советов' в МАС), 'соответствующий мировоззрению и задачам рабочего класса, преданный советской власти' (3), 'связанный с деятельностью в советах как органов управления' (4) и т.п. – представляют собой развитие семантики слов *совет(ы)*, *советский*, имевшихся также и ранее, в последовавшее за 1917 г. время. *Советский* – как представитель, принадлежащий и наделенный особыми признаками по сравнению с другими, теми, кого так назвать нельзя, этот смысл следовало бы, по-видимому, определять не как значение, а как употребление, складывающееся на базе выделяемых ТСУ четырех взаимосвязанных семантических проявлений и расширяющееся, сопровождаемое, дополняемое соответствующими концептуальными и коннотативными уточнениями. Различного рода другие грани и проявления слова *советский*, неизбежно активного и разнообразного в словоупотреблениях, также можно было бы трактовать не столько в словарно-языковом, сколько в устно-речевом отношении, поскольку семантика их неизбежно предполагает окрашивающий и вписывающий контекст и позицию говорящего [Ср. также рассуждения о семантике слова *советский* в связи с понятием советизма: Купина 2009: 35-36]. Хотя, возможно, вопрос этот стоило бы решать исторически, поскольку меняющиеся и развивающиеся грани его семантики, заметные из сопоставления словарных материалов ТСУ и МАС, не говоря уже о других словарях, несомненно, предполагают проекции времени.

В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина в своем словаре (ТСЯС) 4-м пунктом, в *знач. суш.*, для *советский* дают 'представитель власти, партийный, советский работник', приводя пример из М. Зощенко *Старые счеты у попа с советскими*. *Очень уж много обид и притеснений*. Описываемое нами значение употребления тяготеет к данному, представляя собой его продолжение и развитие. Пример из Зощенко предполагает а) отнесенность ко времени периода ус-

тановления советской власти (20-30-е годы), т.е. в известном смысле является семантическим архаизмом; б) позицию говорящего – того, кто советским себя не считает, равно как и ими, *советскими*, не принимается за своего. Нечто подобное можно увидеть и в анализируемом случае – 'уверенный в своем социальном и историческом праве иметь и решать, преисполненный чувства своей такой отличительности' (хорошо это или плохо – вопрос иного порядка). Данное представление есть не что иное, как внутренняя и себя развернувшая, осознавшая и социально осознанная, выставившая на передний план, сторона того, кто имеет особое отношение к власти и с властью, чувствует себя с нею, является ее представителем. Не только (что было скорее в начале) и, может быть, даже не столько как руководитель-функционер, сколько как идейный, общественный и политический соучастник, сторонник и порождение, преданный, ею воспитанный и соответствующим образом подготовленный. При этом позиция говорящего, окрашивающая употребление слова, может быть как включающей (*Мы все здесь советские. Я советский. Насквозь советский. Советский в хорошем смысле*.), так и исключающей (*Чего с него взять, с советского. Советские, они все такие. Я не советский. Отец мой совсем советский. Здесь, я вижу, одни советские собрались*.). А то и другое предполагать равным образом позитивные – гордость, поощрение, одобрение, похвалу, негативные – неодобрение, неприятие, осуждение, пренебрежение, иронические – горестные, насмешливые и констатирующие оттенки, имеющего место, состоявшегося, произошедшего исторически и потому неизбежного факта.

Социалист, рассматриваемый и определяемый, тем самым, в интересующем нас ключе как принадлежащий, т.е. представитель течения, направления, учения, стремящегося к построению общества на соответствующих началах, предполагает приписываемыми ему в языке советской действительности проявлениями признаки, связываемые с убежденностью в необходимости упразднения частной собственности как источника эксплуатации, несправедливости и неравенства между людьми. Революционный, решительный, бескомпромиссный характер действительного, близкого духу советского (т.е. реализовавшего себя в государственной власти и потому направляющего общественные оценки, добившегося своего) большевизма, этот характер чистого, не испорченного *социалиста*, последовательно противопоставляясь буржуазному, от запятанной себя социал-демократии, предполагает в определенном смысле тождество *большевику*. Одно не отрицает и даже предполагает другое, с тем отличием, может быть, что понятие *большевик* включает *социалиста*. *Большевик* должен быть *социалистом* по мировоззрению,

в то время как *социалист*, действительный, чистый, *социалист* признаваемый, организационно не *большевик*, но одобряет и признает правильность действий и методов, поддерживает, а потому также способствует и используется партией более воинствующих, решительных и потому в авангарде стоящих большевиков. *Социалистом*, следовательно, в этом контексте, может и должен считаться тот, кто стремится к цели, общей у него с большевизмом, не останавливаясь перед насилием по отношению к представителям угнетающих классов, равно как и всяких других, препятствующих и на пути стоящих (диктатура пролетариата в лице большевистской партии и ее руководства), перед возможными жертвами как неизбежно из этого следующими: *Лес рубят – щепки летят* и *Не разбив яиц, не приготовишь омлета*. Тем самым, *социалист* наделяется признаком непримиримости, беспощадности, классовой нетерпимости в оценке людей и жизненных обстоятельств. *Социалиста* в каждом из представителей советского общества, таким образом, следует воспитать. Каждый *советский* должен быть *социалистом*, ибо этот последний и есть, по своим убеждениям, тот, кто способен в необходимом и заданном направлении действовать, кто готов одобрить, признать целесообразность и правильность, социальную, политическую, историческую, стратегических и тактических мер, приемов, кампаний и мероприятий коммунистической партии большевиков. В известном смысле, тем самым, *социалист* при таком понимании есть желательный получаемый продукт, орудие достижения цели, опора и человеческий материальный ресурс в отношении как прокламируемых, так и достигаемых целей субъектов власти, а с этим всем и заявляемого ими *opus finitum*.

Сочувствующего в этом ряду можно определять и рассматривать как того, кто, в целом поддерживая, но не являясь для партии власти своим, характеризуется неготовностью принимать и поддерживать всех ее целей и действий безоговорочно и до конца. На *сочувствующего* невозможно рассчитывать, но можно и нужно использовать его психологический, социальный, моральный и творческий потенциал, стараясь, где надо, нейтрализовать возможные в нем колебания, неприятие и неодобрения, особенно их общественный резонанс, манипулируя, изолируя и перетолковывая одно и другое. Признаками *сочувствующего* в рассматриваемом ключе, таким образом, становятся следствия его промежуточной принадлежности к не пролетарской и беспартийной массе стоящих рядом, пассивных, не противоречащих, не врагов, но и не тех, на кого можно и следует положиться, определяемые как нерешительность, колебания, неактивность, при внутреннем согласии и признании, связываемые с необходимостью приложения дополнительных манипу-

лятивных усилий и ограниченными возможностями общественного использования применительно к политическим целям.

Товарищ и *член* (но какой-то сугубо советской организации, объединения, группы – профсоюза, компартии, комсомола, ячейки, актива, кооператива и пр.), применительно к рассматриваемому параметру принадлежности, акцентируют в себе в первую очередь признаки полноты отнесения, бессомнительности вхождения, тождества с коллективом. Эмоционально заряженного единения-тождества в первом случае (для *товарищ*), из чего следует его собственный побуждающий к этому, зова, призывания, убежденности, императив, либо подчеркнуто констатирующего (для *член*), из чего, в свою очередь, следуют сознательность и ответственность для него как следствия его собственного и добровольного выбора. *Товарищ* при этом воспринимается и должен быть объяснен как советский и свой, организменный, свойственный, принадлежащий всему, что советское, в его общественном целом и по отдельностям – структурным, организационным, различных объединений и групп. *Член* – как относящийся, принадлежащий данному (обществу, организации, коллективу, группе), связанный с ним, его составная и составляющая, а потому обязательно неразрывная, необходимая часть.

Отношения между семантикой отдельных номинативов, по-разному в разных контекстах и употреблениях, в том числе обусловленных временем и коммуникативной задачей, представляемых, и семантикой выводимых, отчасти на их основе, параметров парадигмосистемы могут быть не прямыми и не однозначными. Характер подобного отношения в определенном, хотя бы и не случайном смысле, представляет следствие выбора, отображающего реализующуюся возможность, которая при ином повороте и соположении может быть также другой. Положенная в основу парадигматического описания, выстроившаяся в результате анализа пятивалентность сопологаемых признаков, нередко выборочно реализуемых и дифференцируемых по уровням, также неполным и не обязательным в реализациях, вместе с тем предполагает необходимость соотнесения выводимых семантических признаков между собой. Соотнесения, представляющегося следствием выявления закономерности, действующей как продуцирующий и ощущаемый при восприятии механизм устройства семантики изучаемого целого – кодовой парадигмосистемы языка советской действительности.

В связи со сказанным хотелось бы в последующем за этим фрагменте предприняемого описания рассмотреть проявление в указанных семантических признаках параметра принадлежности, на данном этапе пока что вне возможного и предполагаемого соотнесения их с представленной перед этим семантикой слов. Определение этих признаков следовало бы по-

этому воспринимать как поиск динамизирующего начала, пускающего в движение и ход механизмы производства и восприятия смыслов, которые, акцентируясь, сочетаясь и оборачиваясь, способны входить, насыщая собой, в семантику явных и скрытых оттенков, сторон и проекций оценочно-когнитивных номинативов – слов языка советской действительности. Соотнесение этих валентностно соотносимых признаков когнитивного целого с узуальной семантикой (какой-то одной из возможных во временном и интенциональном пределе) советизированных слов, как поиск еще одного допустимого поэтому видится необходимым и неизбежным рассматривать как отдельную и самостоятельную задачу, не напрямую связанную с одним и другим в силу возможных различных причин и следствий такого взаимодействия.

Для начала попробуем подойти к проблеме парадигматического описания рассматриваемого параметра принадлежности с точки зрения представительства – отношения называемого словом лица к тому коллективу, частью которого он выступает и, так или иначе, себя в нем как эта часть обнаруживает. Иными словами, стоило бы обратить внимание на характер того коллектива, той группы, объединения или множества, который (характер), будучи разным для разных входящих в него составов и лиц, различие это свое обнаруживает как а) парадигматическое и потому валентностно соотносимое с другими того же ряда по основанию, выбранному как пятивалентное и описываемое последовательно для данной системы; б) типологическое и потому способное служить объяснением для входящих в него единиц в их отличиях и соотношениях с другими того же общего ряда и, тем самым, предполагаемое, ожидаемое и неслучайное, и, наконец, в) обусловленное советской ментальной действительностью, связываемой с характерными и типичными для нее проявлениями и признаками. Собственно говоря, этим третьим (в) и должно объясняться два предыдущих и все остальное в каких-то следствиях, хотя, возможно, не явно и не так прямо, поскольку речь идет о внутреннем, не всегда осознаваемом и не поверхностном уровне, объясняющем и регулирующем действия и проявления ментальной картины, а с нею вербальной семантики изучаемых слов.

Прежде всего имело бы смысл обратиться к понятию коллектива в интересующем нас отношении, с тем чтобы уточнить его вероятно себя проявляющий для всего дальнейшего вид. Вполне понятно, что коллектив, определяемый, скажем, словом *актив* или *штаб*, *стройотряд*, и объединение лиц в понятие и представлении слова (сочетания слов) *РАПП* или *Красный Флот*, *компартия*, либо, скажем, все те, кого относят к таким категориям, как *советские писатели*, *кухарки*, *сочувствующие*, *подписчики* или обозначаемые как *члены*, *товарищи* (лю-

бые потенциально возможные советские члены и товарищи = граждане) – все эти группы и виды объединения лиц в организационном, точнее было бы говорить, организуемом своем отношении не одинаковы.

Затронутая проблема номинативной дифференциации, влияющая на характер как понятийного, так и затем лексического и грамматического оформления и представления смыслов и слов, восходит к тому, что в лингвистике принято изучать и рассматривать в приложении к категории и типологии множеств в их отношении к семантике категории числа. Поскольку, однако, не этот аспект проблемы нас будет интересовать, возможную по этому отношению типологию множеств (с представлением человеческих множеств, или объединений, также и в том числе) оставим здесь без внимания, отослав читателей к специально посвященной этим вопросам работе [Ляшевская 2004], с подробным анализом и литературой рассматриваемых ею проблем. Необходимым, однако, для интересующего нас подхода представляется, от чего также хотелось бы оттолкнуться в дальнейшем, различие, последовательно используемое О.Н. Ляшевской, дискретных и недискретных множеств, или (последних) совокупностей. Множества она определяет в отношении к функции, объединяющей членов состава: *артель* (ср. *рабочие*), *делегация* (ср. *делегаты*), *библиотека* (ср. *книги*), *пачка* (ср. *листы бумаги*). И добавляет к этому предполагаемые признаки единства места и обозримого количества элементов, оговаривая, что «Число элементов а priori не фиксировано, но каждое понятие включает представление о примерном числе элементов (в норме)». [Ляшевская 2004: 161] Важным показателем для представления множества является также время: «В ряде случаев появление элементов разнесено во времени, и одновременно сосуществование элементов невозможно, однако принцип единства места сохраняется (например, *сериал* – множество серий, демонстрируемых по телевизору через определенные интервалы времени...)» [там же: 162]

В отличие от множеств, совокупности представляют собой понятия иной природы. Это объединения, основывающиеся, по ее определению, не на естественных группировках элементов, а на «категориальном членении воспринимаемого человеком мира». Имена совокупностей не предполагают связи единством места и времени. «Совокупности – это классы, задаваемые определенным набором признаков. Такой класс не содержит конечное число элементов, но про каждую единицу можно сказать, относится она к данному классу или нет. Отнесение нескольких предметов к совокупности означает наличие у них общих признаков» [Ляшевская 2004: 162]

Опираясь на представленную в связи с различием множеств и совокупностей логику,

попытаемся типологически подойти к интересующему нас объекту – коллективам (или объединениям, классам, или чему-то еще, поскольку не все, что имеется как их включающее, можно было бы как-то так называть) тех представителей, которые получают обозначение, определяемое нами как принадлежность внутри изучаемой парадигмосистемы. Это типологическое распределение позволит на следующем шаге более точно определить их позиции, место в системе устройства параметра и отношения друг к другу. Основу деления должны составлять дифференцирующие наборы семантических признаков, воспринимаемые как такие, которые связаны с представлениями о естественных группировках элементов (множества) либо с понятиями, отражающими представление о категориальном членении воспринимаемого человеком мира (совокупности).

В основе рассматриваемого деления лежала бы в качестве первого противопоставления оппозиция такого способа представления лиц в отношении к их параметру принадлежности, которое можно бы было представить идеей собранного, объединяемого, собрания или собрания, назовем это словом *массивы* (*massiva*), другому способу, полагаемому не то чтобы противоположной, но все же иной по характеру своего воплощения идеи, которую можно увидеть не в собрании, а в распылении, рассеянии, рассыпании, расхождении, назовем их *дисперсности*, или *дисперсивы* (*dispersiva*). Массивы затем, в свою очередь, можно было бы разделить на *объединения* и *приобщенности* (*приобщения*), а дисперсивы – на *дескриптивы*, или приписываемости (приписанности), и *отнесенности* (отнесения).

Если идею массива дает представление об организуемом множестве представителей, объединяемом по общему основанию и ограничиваемому как внешнее (объединения) либо не ограничиваемому как внутреннее, кумулятивное и приписываемое им свойство-ориентир (приобщения), то идею дисперсностей – знаковый, отличающий, отграничивающий, отделяющий от других (дескриптивы), и потому так же, как и для объединения, внешний характер признака либо, напротив, относящийся к единому общему, и потому приобщающий, также отчасти кумулятивный и внутренний, признак не организуемого, не ограничиваемого, а потому и не множества и в общем-то и не совсем совокупности, поскольку скорее рассыпанности, но какого-то отнесения (отнесенности).

Попробуем эту сложную, может быть, без иллюстрации мысль дать несколько более обстоятельно и на примерах. Первый ряд из представленных четырех мог бы быть составлен из номинативов, объединяемых по признаку обозначения 'тот, кто входит в объединение', является его репрезентантом, и это объединение представляет собой ограниченный и легко осознаваемый в числе своего состава органи-

зованный коллектив. То есть, по определению словарей (и здесь мы подходим к понятию коллектива), 'совокупности людей' (однако не в строгом значении этого слова, поскольку скорее множества, если исходить из рассуждений об их отличии; МАС, избегая понятия совокупности, дает 'группа лиц'), 'объединенных общей работой, общими интересами' [СИС] (в МАС 'общей деятельностью, общими интересами'). То есть выполнением общей функции и объединенных местом и временем, по крайней мере воображаемыми (если исходить из того, что сказано по этому поводу у О.Н. Ляшевской). К ряду подобных и, забегая вперед, можно сказать, что коллективы в рассмотренном смысле через своих представителей оказались отображены именно в этом первом ряду, следовало бы отнести из отобранных нами слов для параметра принадлежности *вхутемасовец, довженковец, правдист, известинец, комфут, кировец, краснопутиловец, напостовец, пролеткультовец, рапповец, тассовец, конармеец* (боец Конной Армии Буденного), *конноармеец, жактовец, женотделка, житловарищ, политотделец, политотдельщик, правленец, рабочкомец, сельсоветчик, управленец, штабист, активист* (член актива), *фабзавкомовец, фабкомовец* (если иметь в виду, начиная от *жактовец*, членов соответствующих объединений, коллективов, а не работников какой-то отрасли).

Номинативы второго ряда, по признаку приобщения, объединяют в качестве обозначаемых тех, кто, может быть и объединяемые общей деятельностью и интересами, в строгом смысле не составляют ограниченной местом и временем организованной группы. Точнее было бы это определить в отношении отображаемой в значении слова ориентированности, заряженности неким свойством, следующим из отношения обозначаемого словом лица к некоему массиву (не обязательно представляемого числом) ему подобных и так определяемых лиц. Называемый в этом случае проявляет себя не как 'тот, кто входит' в объединение, а как 'тот, кто носитель' и воплощение объединяющих некую массу подобных ему представителей свойств. К словам подобного ряда можно было бы отнести из отобранных для параметра принадлежности *красный, партийный* (в том числе также и тот, кто не обязательно является членом партии, но выступает носителем ее свойств, проводником и последователем ее целей, идей), *пролетарий* (как один из таких же, как он, пролетариев, носитель и воплотитель, заряженный кумулятив приобщенности массе, к которой принадлежит, а не просто определитель его социального положения в отличие от других, т.е. не пролетариев, что делало бы его дескриптивом дисперсности), *пролетписатель, рабочий, социалист, сочувствующий, активист* (как политически активный), *штабист* (как носитель соответствующих признаков, ср. *типичный шта-*

бист), управленец (обыкновенный управленец).

Третий ряд можно было бы определить по признаку 'один из числа таких же', как он, причем такое его определение не предполагает закрытости ряда, организованности, ограничения местом и временем (что может быть следствием речевого контекста, но не лексического значения). В отличие от признаков двух предыдущих рядов обозначаемый соответствующим словом не выступает носителем свойств своей массы, скорее свойств своего положения. Масса таких же, как он, собственно говоря, и не мыслится как некий массив или масса, скорее, наоборот, как рассыпанное, дисперсное проявление во времени и в местах неких свойств занимаемого такими, как он, положения, воплощением которого, как позиционного проявления и явления (и, соответственно, представителем, одним из таких же, как он), обозначаемый выступает. Из отобранных для параметра принадлежности к этому ряду можно было бы отнести слова *гражданин, каждый, квартирант, койко-больной, подписчик, подпольщик* (как тот, кто занимается подпольной деятельностью), *советский* (как представитель власти), *совписатель, кухарка, кухаркины дети, низовик*,

И, наконец, четвертый ряд представляет лицо в отношении 'тот, кто выступает, обнаруживает себя, проявляет, наряду с другими и равный другим таким же', будучи выделен, взят, обозначен как обособленный и отдельный (дисперсный поэтому) представитель, возможно некоей массы или объединения, коллектива, множества и совокупности: *товарищ* (как свой, представитель советского общества в целом либо какой-то организованной части его, партии, организации, коллектива, близкий по духу, позиции, месту и равный другим), *член* (какой-либо советской организации, объединения, коллектива). Сюда же можно было бы отнести слова *гражданин* и *каждый*, если иметь в виду для них представление типа *Высокое звание (советского) гражданина обязывает* или *Каждый (в Советской стране) способен на подвиг; Это близко сердцу каждого* и т.п.

Необходимым видится выделение еще одной разновидности взятых вне употребления номинативов, объединяющих оба противоположаемых показателя, массива и дисперсности, своего рода дисперсно представляемых массивов, т.е. таких, которые предполагают в обозначаемом проявление признака отнесенности к массе, распыленной, рассыпанной в объединениях как своих репрезентативах. Масса, объединение мыслится как существующая в виде дисперсных, распыленных, разделенных объединений (коллектив коллективов, организация, массивы, группы групп). На этом основывалось бы отличие, скажем, таких не рассыпанных (мыслимых как единое) объединений, как ВХУ-ТЕМАС, киностудия имени Довженко, ТАСС,

редакция газеты «Известия» и, соответственно, *вхутемасовец, довженковец, тассовец, известинец*, как их представителей, от объединений типа Красная Армия, отряды чрезвычайного назначения, стройотряды, интербригады, Конная гвардия, Красный флот, предполагающих проявления чего-то единого во множественном и реально не одном. К этому пятому ряду можно было бы тогда отнести номинативные единицы *чоновец, боец стройотряда, красноармеец, красногвардеец, интербригадовец, конногвардеец, краснофлотец, жактовец, женотделка, политотделец, политотдельщик, правленец, рабочкомец, сельсоветчик* (если иметь в виду, начиная от *жактовец*, работников соответствующих отраслей), *активист, управленец, штабист* (как представители соответствующего общественного звена), *досаафовец, осводовец, осоавиахимовец*.

Проявившие себя в рассмотренных соотношениях отличия совокупности и множества; коллектива, массива и дисперсности; объединения, приобщения, приписанности и отнесенности, в употреблении для некоторых слов предполагающие возможность переходов, неполную или неясную реализованность, основываются, как представляется, на том, какой показатель выступает тем объединяющим признаком, на основе которого производится обозначение лица. На том, фактически, какого рода представления у носителей языка, знающих советскую действительность и ориентирующихся в ней (поскольку речь о ее словах), имеются о подразумеваемом в обозначении лица, стоящим за ним, скажем так, массиве (за неимением более подходящего общего определения для совокупности либо множества лиц). Одно дело, скажем, такое объединение, как завод имени Кирова или редакция газеты «Правда», представителем, членом которых является данное обозначаемое лицо (*кировец, правдист*), как организованного и ограниченного местом и временем коллектива. Другое дело *красноармеец* и *красногвардеец*, близкие первым в идее выразительно значимого, знакового можно даже сказать, представительства в отношении массы таких, как они (Красной Армии, Красной гвардии), при различии характера ображаемой массы, неограниченной и дисперсной, но все же организованного, массива. И третье, отличное от первых двух, представление о массе, стоящее за словами, можно заметить в таких единицах, как *красный, социалист, кухарка*. Представление, не сразу, не прямо и не обязательно возникающее, поскольку в данном случае на первое место выносятся семантика не то, чтобы представительства, сколько признака, отличающего данное лицо от других. Тем самым, *красные, социалисты, кухарки* в сознании советского говорящего воспринимаются не столько в объединяющем их массиве-числе, сколько как противоположаемые не крас-

ным, не социалистам и не кухаркам, т.е. так же, как формы единственного числа для отдельных лиц, хотя и то и другое не расчлененно. Стоящие все же за представлением все те, кто красные, социалисты или кухарки, не воспринимаются ни как дисперсности, собственно, ни как массивы, ни, тем более, как организованные объединения-коллективы лиц. Семантику объединяющего их признака можно было бы описать и представить как флукутирующе вычлениющую – разлитую в своем качающемся, неопределенном определении, выделяющем своих представителей из всего числа человеческих (советской действительности) лиц. И, наконец, совершенно иное соотношение с объединяющим большим следовало бы отметить для слов типа *гражданин, товарищ, каждый*, для которых значение представительства, равно как и воображение о массе-числе может, но не обязательно и не в первую очередь должно иметь сколько-нибудь ясно воспринимаемый характер. Такое соотношение можно было бы определить как значение наделяюще-выделяющего обособления-выбора из некоей не определяемой далее и не до конца представимой, а потому и не массы-числа, но скорее чего-то похожего на мыслимый в человекоподобии пространственно-временной проектив действительности, своего рода советизированный антропохроно-топ.

Параметр принадлежности, таким образом, содержит внутренне признаки организованного и не организованного, выделяющего, разлитого, приписывающего, отличающего, обособляющего и, напротив, присоединяющего отношения данного к большему – значимому и представляемому в обозначаемом, равно как и нет. Общие, универсальные свойства, накладываясь на свойства, следующие из опосредуемых языковым сознанием представлений советской действительности, объединяясь с ними, дают в своем результате то, что будет предметом определения в описываемой парадигмосистеме. Опуская возможные и не всегда однозначные связи указанных соотношений, различным образом к тому же объединяемых в признаках для разных единиц и их употреблений (рассмотрение этих связей, соотношений, признаков предполагало бы обращение отдельно к каждой из единиц в ее употреблениях, прежде чем вывести общее и типологическое), – опуская все это, вернемся к стоящей задаче – пятивалентному представлению проекций параметра применительно к советской его специфике.

Вид его, не без учета ранее сказанного, но без упорядочивания и разнесения всех составляющих по возможным местам, мог бы быть следующим:

1. Принадлежность большему, включающему в свой состав обозначенное лицо как своего представителя по признаку его вхождения, отношения к коллективу (т.е. ограниченному числом, по месту, времени и организованному

объединению, кругу лиц) – **вынесения** (особенный, специфический, исключительный, носитель особых, советски значимых, отмечаемых, либо советской действительностью вызванных к жизни свойств, – тем самым, точка исхода, выдвижения в рассматриваемой пятивалентной схеме): *вхутемасовец, довженковец, правдист, известинец, комфут, кировец, краснопутиловец, напостовец, пролеткультовец, рапповец, тассовец*.

2. Принадлежность большему по признаку общего обладания свойствами, характеризующими, советски ориентированными или востребуемыми, массива (т.е. не воспринимаемого как ограниченного временем, местом, числом, не обязательно также каким-то образом организуемого) – **наделенности** (тем самым, точка готовности, заряженности, ориентированности, направленности): *красный, партийный, пролетарий, пролетписатель, рабочий, советский* (как представитель власти), *совписатель, социалист, сочувствующий, кухарка, кухаркины дети, подпольщик* (но не как член какой-то подпольной организации, скажем, как в употреблениях типа *За этим стояла организованная группа подпольщиков. Это было сделано подпольщиками. Подпольщики действовали осторожно. Подпольщиков выдали гестапо. или Он был и остался (в своей душе) подпольщиком*, т.е. тем, кто, имея опыт и память деятельности в сплоченной, связанной опасностью и общими целями организации, привык мыслить, действовать и чувствовать соответствующим образом, сохранил в себе свойственные таким героям самоотверженность, решительность, порядочность по отношению к товарищам, умение выходить из сложных ситуаций, быть постоянно начеку, не выдавать своих намерений и т.п. В первом случае (член организации) подпольщика следовало бы отнести к первому ряду, как того, кто входит в некое объединение-коллектив, во втором – ко второму, как носителя свойств, объединяющих некую массу таких же представителей. Подобного рода расхождения, обуславливаемые контекстами употреблений, позволяют, с одной стороны, говорить об известного рода открытости лексических значений, их способности входить в соотносимые парадигматически (и валентностно) отношения смыслов, о проявленности (реализованности) и потенциальности для них какого-то ряда (рядов) семантических параметризаций (признаков). И о различии в характере устройства вербальной, лексической, комбинаторно-флукутирующей, и не вербальной – виртуальной, отражаемой в вербальной, моделируемой как концептуальная и дифференцируемая в параметрах, семантики, с другой.).

3. Принадлежность большему по признаку отнесенности организуемому массиву, представляемому дисперсно и не дисперсно, как отдельному коллективу (Конармия, стройотряд, отряд ЧОН, интербригада как отдельная группа

лиц), так и собранию, объединению коллективов (Красная Армия, отряды ЧОН, стройотряды) – **призвания**, задания, назначения (точка, позиция осуществления выхода, ударной направленной силы, реализации, претворения, овеществления революционных заданий социалистического строительства): *чоновец, боец стройотряда, красноармеец, красногвардеец, интербригадовец, конармеец, конноармеец, конногвардеец, краснофлотец.*

4. Принадлежность большому также по признаку отнесенности к коллективу или организуемому массиву, собранию коллективов, как в позиции 3, – **поддержки**, обеспечения, осуществления, реализации не прямо направленного, а сопровождающего, подхватывающего участия (позиция возвращения как сохранности осуществленного выхода): *досаафовец, осводовец, осоавиахимовец, фабзавкомовец, фабкомовец.*

5. Принадлежность большому по признаку представительной отнесенности к некоему воображаемому образованию (представляемому и нет) как к реальности советского общественного устройства, советского общества в целом, его структуре и ее составным частям, организациям, общему ряду – **охвата** (а потому как бы оформленного общественного советского результата, позиция 5): *гражданин, каждый, квартирант, койко-больной, подписчик, товарищ, член, жактовец, женотделка, жилтоварищ, низовик, политотделец, политотдельщик, правленец, рабочкомец, сельсоветчик, управленец, штабист, активист.*

Дальнейшее подразделение по группам внутри позиций выделось бы следующим:

1.1. Позиция исхода, активизации, выдвижения – заявляющие о себе, о своей отдельной такой особенности, осознающие ее в себе и воспринимаемые как таковые: *вхутемасовец, довженковец, правдист, известинец, комфут.*

Деление последующего уровня, представляющегося отражением последовательно ориентированных смыслов – 1) вызванные к жизни советской властью, социалистическими условиями и обществом (выдвинутые ими в своей особенности, позиция активизации выдвижения); 2) заряженные, ориентированные, подготовленные ею (подготовившие себя, заявившие об этом) в своем предполагаемом участии в общем деле революционных преобразований общества и социалистического строительства (позиция заряженности выдвижения); 3) реализующие в своей активно направляемой ими деятельности возложенные на них советским, социалистическим призванием задания и цели (позиция поддержки выхода, направленной ударной силы – поддержка выдвижения); 4) обеспечивающие, сопровождающие, создающие необходимую защиту, расширение, опору в массах (позиция поддержки возвращения – обеспечение, сохранность реализуемого выдвижения); 5) результируемые в своей со-

веткости как получаемые в ее итоге (позиция результата выдвижения), – это возможное деление для рассматриваемых слов следует считать весьма условным. Об условности такого рода, впрочем, неоднократно говорилось как о следствии в различии семантики вербальной, языковой и речевой, от семантики когнитивных и концептуальных представлений (что не всегда одно и то же, если иметь в виду мыслительный и мировоззренческий аспекты отражения действительности, реализующей себя в сознании как действительность советская). Что, в результате, дает как минимум четыре различия – вербального языкового, вербального речевого, когнитивного и концептуального (не говоря о возможных других) – тем самым, условно, а в ряде случаев не допуская однозначно точного определения смысла.

Предлагаемое, таким образом, деление на 1.1.1. *вхутемасовец*; 1.1.2. *комфут*; 1.1.3. *правдист*; 1.1.4. *известинец*; 1.1.5. *довженковец* не следует рассматривать ни как единственное, ни как настаиваемое и вводимое, поскольку, если взять другим основание, деление может быть и другим. Демонстрация в позициях потребует только для того, чтобы на примере слов попробовать показать возможную специфику ориентированных отношений, порядков следования смыслов, для отдельного фрагмента заряженного соответствующими представлениями сознания.

Специфика эта видится как реализующая себя для выбранного расположения следующим образом. *Вхутемасовец* воспринимается в отношении к позиции (1) как тот, кто принадлежал к объединению, группе художников, вызванных к жизни новой эпохой, выдвинувших себя на волне произошедших общественных перемен, заявлявших о себе как о представителях принципиально иного, основываемого ими на социалистических началах искусства (1918-1926 гг.). *Комфут*, соответственно, с позиции заряженности выдвижения (2) – как принадлежащий к тому и такому идейно-художественному и общественному направлению, которое видело, находило себя в особом, преобразующем, мобилизующем, динамизирующем (идея заряда, заряженности) отношении к миру, искусству, что объявлялось ими как идейное усиление, коммунистическая ориентация футуризма. *Правдист* – как активно действующий на идеологическом фронте социалистических перемен, представитель ведущего, передового, проверенного редакционного коллектива партийно-советского руководства (поддержка осуществляемого им выдвижения – 3). *Известинец*, соответственно, как представитель своей газеты, выполнявшей сопровождающую по отношению к «Правде» роль, поддерживавшей производимые этой первой инициативы и идеологические усилия, мог бы восприниматься в системе советских знаний в от-

ношении обеспечения, сохранности (4) совершаемого «Правдой» поддерживающего выдвижение ударного действия (поддержка поддержки, – обеспечение, защита и сопровождение, своего рода замыкание в капсулу, обволакивание предшествующего в 3 направленного движения). *Довженковец* в отношении замыкающей схему движения в 5 мог бы быть объяснен с точки зрения идеи охвата (советским киноискусством новой действительности в ее проекции к построению социализма, советского человека и советского общества) и одновременно осуществленной реализации результата, т.е. реализованной, давшей способность для реализации, результировавшей и результировавшейся, воплотившей себя советской организации жизни и общества в киноискусстве и студии, носящей имя Довженко, стремившегося в своем творчестве к принципиально новому изображению новой, рожденной советской властью, действительности и ее человека.

1.2. Позицию заряженной, ориентированной готовности можно было бы видеть в контексте рассматриваемого (предполагающего знание советских институционных, идеологически проговариваемых и расставляемых реалий) на примере отобранных слов в значениях *кировец* и *краснопутиловец*. Отличие между тем и другим можно было бы интерпретировать как историческое. Не каждый носитель советизированных представлений, разве что житель бывшего Ленинграда, должен был знать, что «Красный путиловец» и завод имени Кирова, или Кировский, одно и то же промышленное предприятие. «Красным путиловцем» Путиловский завод становится в 1922 году (см. БСЭ-53), после активного участия его рабочих в отражении Юденича в 1919-м, подавлении Кронштадтского мятежа в 1921-м и восстановлении и запуске разрушенной гражданской войной производства. Кировским он становится с декабря 1934 года.

Попробуем, опираясь на взятые из БСЭ цитаты, увидеть вводимый официальным источником информации идейноориентированной советской картины мира характер возможных предполагаемых (предлагаемых?) соотношений *кировца* и *краснопутиловца* как представителей славного своим советским, а также революционным прошлым коллектива. «Благодаря постоянным заботам партии и правительства «Красный путиловец» сыграл громадную роль в техническом прогрессе социалистической индустрии, в освоении новых видов сложнейших изделий, в завоевании и упрочении технико-экономической независимости СССР. «Красный путиловец» является пионером по освоению в СССР массового производства тракторов. 17 дек. 1934 заводу присвоено название «Кировский завод». За годы Советской власти завод был оснащён новейшей техникой. Возрос ассортимент и объём продукции. Освоен выпуск мотовозов, тягачей, 30- и 75-тонных кра-

нов, проходческих щитов для метрополитена, моторов для комбайнов и т.д. Коллектив завода сыграл выдающуюся роль в выполнении ленинского плана электрификации. К 1939 заводом выпущено более 150 мощных турбин. ... за достижение высокой производительности труда К. з. награждён ... За образцовое выполнение производственных заданий по укреплению обороноспособности страны он награждён... Во время Великой Отечественной войны (1941-1945) коллектив завода самоотверженно боролся... была создана Кировская дивизия народного ополчения, бойцы к-рой плечом к плечу с частями Советской Армии защищали Ленинград. ... Несмотря на артиллерийский обстрел и бомбёжки, завод досрочно выполнял фронтвые заказы. ... После разгрома немецко-фашистских войск под Ленинградом в короткий срок были восстановлены цехи ... В годы четвертой пятилетки (1946-1950) производственные мощности завода значительно расширены ... Работники Кировского завода неоднократно выступали инициаторами всесоюзного социалистического соревнования и новых методов труда» [БСЭ-53, 21: 128].

В сжато концентрированном виде просматриваемую модель соотношений можно увидеть в приветствии Сталина работникам завода: «Поздравляю и приветствую коллектив рабочих, работниц, инженеров, техников и служащих со 150-летием Кировского (бывшего Путиловского) завода ... Завод сыграл историческую роль в революционной борьбе русского рабочего класса в установлении Советской власти и укреплении хозяйственной и оборонной мощи нашей Родины. После Великой Отечественной войны коллектив завода добился серьезных успехов в восстановлении завода и освоении производства важнейшей продукции для народного хозяйства. Желаю Вам, товарищи кировцы, дальнейших успехов в Вашей работе по выполнению заданий партии и правительства» (газ. «Правда», 1951, 3 апреля, № 93, стр. 1) [БСЭ-53, 21: 129].

Подчеркивается, называясь прямо, роль в революционной борьбе, в установлении советской власти, в укреплении хозяйственной и оборонной мощи; достижение успехов в восстановлении и освоении продукции народного хозяйства, что далее и в завершении обозначается как выполнение заданий партии и правительства. Порядок по времени, в истории *краснопутиловец* → *кировец*, представляемый как преемственность, движение к последующему, на новом историческом этапе связываемом с достижениями строительства социализма, обозначается в своем развитии как **переход** от роли в революционной борьбе, в установлении советской власти и в укреплении мощи к дальнейшему укреплению и расширению в восстановлении и освоении производства важнейшей продукции для народного хозяйства. То есть, тем самым, можно бы увидеть в этом, как осоз-

нанно отмеченное, соотношение позиции 2 (мобилизация готовности) с переходом и объединением к 3 (активно действующая направленная сила) и 4 (обеспечение, сопровождение, сохранность). Идея выполнения заданий была отражена в точке 3 для первого уровня членения (*чоновец, боец стройотряда, красноармеец, красногвардеец, интербригадовец*). С коллективом *кировцев*, однако, она связывается не прямо, а как дополнение и сопровождаемое последствие, не так, к примеру, как для отрядов ЧОН, строительных, интербригад, Красной гвардии и т.п., специально создаваемых для выполнения соответствующих заданий, в связи с чем может служить дополнительно усиливающей, поддерживающей, но не определяющей позицию для *краснопутиловца* и *кировца*.

На основании сказанного можно было бы интерпретировать их соотношение как 2 с переходом и движением к 3 (2 → 3) для *краснопутиловца* и дальнейшее, поддерживаемое и расширяемое, усиливаемое на последующем историческом этапе, движение для *кировца* от 3 к 4 с обращением (т.е. 3 → 4, или 3 ← 4, или возможно также 3 ↔ 4), в зависимости от фазы, характера участия (война, опасность – мирное строительство) или приписываемого, предлагаемого, подразумеваемого значения.

Рассмотренные соотношения, однако, были выведены на основании исторических и отчасти специализируемых сведений. Необходимо было обращение к поясняющим источникам и идеологически ориентирующей информации, в данном случае к БСЭ 1953 года. Сознание носителя советской языковой картины мира далеко не всегда в достаточном объеме располагает для своей ориентации в ней такого рода сведениями как обыденными и повседневными. Не случайным поэтому и не безосновательным представляется вопрос о том, как соотносится идеологически ориентированное, опирающееся на официоз, значение, погружаемое в оболочку в нужном направлении интерпретируемых сведений, с тем представлением, которое бытует в сфере не нагруженного такими сведениями сознания. Отвлекаясь от знания того, что *краснопутиловец* и *кировец* – работники исторически одного завода, а также от того, что роль их в борьбе, установлении, укреплении, восстановлении и пр. была в рассмотренном соотношении сопоставима и от одного к другому переходна, можно было бы предположить, что ассоциативное сопровождение *краснопутиловца*, вследствие какого-то советского объема представлений общего характера, тяготеет к прошлому, к истории, к началу, к становлению и борьбе (типа *авроровцы* – *краснопутиловцы* – *краснофлотцы* как некий общий ряд). То есть, тем самым, к позиции заряженной готовности (2), с ощутимым переходом в 3 (направленность усилий). Восприятие *кировца*, как воплощения советской полноты и мощи – объявлен-

ный к 1935 году, после убийства Кирова, построенный в СССР социализм, последовавшее за этим, в ознаменование связываемых с Кировым идей, огромное количество всего его имени и кировского как торжество, триумф, необратимость достижений, советский трактор «Кировец», – все это подводило бы к позиции ударной силы (3) и обеспечения (4), каким-то образом взаимодействующим и связанным. Тем самым, на основе не обремененных дополнительными знаниями представлений и по другому мотивирующему основанию можно получить соотношение такое же, как и в предыдущем случае, может быть, с меньшим несколько акцентом к 3 у *краснопутиловца* и к 4 у *кировца*. Не стоило бы на одном примере обобщать, но подобное совпадение представляется в целом неслучайным, будучи следствием некоего резонирующего, отраженного и наведенного единства, хотя и строящегося нередко на разных основаниях, картины действительности, существующей в советских головах, и картины, намеренно и препарированно создаваемой источниками информации и пропаганды, прорисовываемой в своих значениях и мотивациях.

1.3. Позиция поддержки выхода, направленной силы выделась бы в проявлениях значений у слов *напостовец, пролеткультиловец, рапповец, тассовец*. Дальнейшее различие между ними, во многом условное, можно представить как воплощение представлений о большей – меньшей активности (чтобы не говорить агрессивности) первых трех в отношении отстаиваемых ими идейных принципов, защитниками и проводниками которых они себя объявляли, а также о роли тех и других (не исключая последнего) применительно к делу строительства социализма в СССР и всего того, что с этим вопросом связано. Опорой в этом дифференцирующем по четырем из пяти возможных позиций решении будет не столько знание уточняющих исторических обстоятельств, которое можно вывести, обращаясь к источникам советизированной информации, сколько общее представление о каждой из этих групп.

Первые три, с учетом сказанного, могли бы выступить как соотносимые между собой в таком порядке:

1.3.1. *Пролеткультиловец* – как тот, кто собой открывает следующий за ним ряд, отнесением себя, **выдвижением** к новой, подчеркнута пролетарской, культуре, отличающей его, как и то, что он собой представляет, от прежнего и от другого, с идеей намеренного отделения, отсечения, непризнания, неприятия, как своего рода начатая, объявленная, объявляемая им точка отсчета инокультурного проявления и бытия.

1.3.2. *Напостовец* – как тот, кто всегда «На посту», начеку, в своей **мобилизующей** себя и других **готовности** стоящий на страже завоеваний нового, новых идейных и социальных путей общественного и литературно-художествен-

ного развития, способный в этом, следуя принятым на себя самого групповым обязательствам, к решительным и бескомпромиссным действиям, сидящий с группой своей в засаде, на рубеже возможной борьбы, себя зарядивший, способный, будучи *на посту – напасть* (ассоциатив, по-видимому, не случайный).

1.3.3. *Рапповец* – известный своими неприятельскими и беспощадными методами политизированной борьбы со всеми, кто объявлялся ими идейно и классово чуждым новому обществу и представляемой ими пролетарской литературе, упорный, твердый, решительный в своих агрессивных действиях и проявлениях, уверенный в своей такой исключительности и правоте, а потому выступающий в роли, им принятой на себя, **ударной, направленной силы** действительно, истинно социалистического (потому как по-настоящему пролетарского) направления в советском искусстве.

1.3.4. *Тассовец* – не стоящий в соотношении к первым трем, поскольку воспринимаемый как бы в ином временном измерении, по роли и по своему отношению к *известинцу*, представляя с ним внутренне общий (советской языковой картины мира) функциональный парадигматический ряд, мог бы быть отнесен к позиции сохранения, обеспечения, защиты, не нападения, тех идеологических, политических, информационно-идейных и агитационно-пропагандистских рубежей, которые не он создает, не он формирует, но он отстаивает и ограждает.

В определенной ранне группе 2 массива заряженной наделенности, или направленно-сти, дальнейшее подразделение можно представить следующим образом:

2.1. К позиции исхода относилось бы *пролетарий*, если подразумевать в этой его семантике то отношение к определяемому как конечная цель построению общества (*opus finitum*), которое можно укладывать в представление – тот, кто причина, повод, начало начал, ради которого и во имя которого предпринимается. Основа, краеугольный камень, открывающий новую эру в истории, воплощение смысла и провозвестник, ключевая идея того, что призывается, что должно наступить, руками (по декларативному заявлению) и во благо которого все это делается. Тот, кто отрывает одновременно собой, обрывает связи с прежним, несправедливым, неправильным, несовершенным, основанном на подавлении, угнетении, уничтожении человека, отодвигая его в историческое небытие и начиная новый этап, открывая следующую страницу истории человечества. Абстрактность идеи, ее историческая привязываемость, неконкретность в конкретном для пролетарской массы в ее представителе и вместе с тем мотивирующая причинность заявленного большевиками преобразования общества – все это позволяет видеть в определяемом так значении проявление позиции выдвижения, выхода как начала, основы последую-

щего. *Пролетарий*, тем самым, воспринимается не только и даже не столько как некто отдельный и наделенный определенными свойствами, сколько как воплощаемая в нем и через него продвигаемая, выдвигаемая и распространяемая идея, нередко прямо с ним не соотносящаяся и непосредственно в своей обусловленности к данному и не только данному представителю отношения не имеющая. Будучи точкой, исходом такого начала, источником и ведущей причиной, *пролетарий*, в этом своем обособлении, видимо не случайно, в параметре принадлежности для позиции наделенности, оказался без валентностно обусловленной связи с другими значениями, один.

2.2. К позиции заряда, готовности заряженной наделенности (повтор в данном случае неизбежен, поскольку речь идет о проявлении заряженности в заряженности, как своего рода готовность готовности, о чем говорилось на материале предшествующих параметров) – к этой второй позиции последующего уровня для второй позиции уровня предыдущего можно было бы отнести значения, отображаемые в словах, из отобранных, *красный, партийный* и *пролетписатель*, предполагая в них воплощением объединяющую их идею мобилизованности, втянутости, готовности себя проявить, заявлять о себе, принимать участие, не столько прямое, сколько организующее, агитационное, поднимающее других, в необходимое русло и направление. Различие между ними можно было бы уложить в последовательность 2.2.1 с переходом в 2 (1 → 2) для *красный* – как исходной точки имеющегося в нем заряда, начала признака (1) и постоянной готовности, следующей из него (2); 2.2.2 с переходом в 3 (2 → 3) для *партийный* – готовность, заряженность, мобилизованность, как условие и показатель партийности, постоянная необходимость быть в центре событий и начеку (2), связываемые с направленным, действующим, накладываемым партией как обязанность, проявлением в участии (3); 2.2.4. для *пролетписатель* – позиция, предполагающая и требующая от него поддержки, обеспечения, оправдания действий, осуществляемых во имя революционных, преобразующих, социалистических целей и идеалов.

2.3. Группу позиции действия, ударной направленной силы можно представить в последовательности 2.3.1. *рабочий* – как тот, кто есть сам и одновременно во имя кого осуществляет совершение, кто составляет основу, причину, исход (1) и вместе с тем основную силу (3) направленного преобразования общества с точки зрения своей принадлежности большему по основанию ее наделенности (2) как рабочей массы необходимыми свойствами для достижения целей; 2.3.2. *подпольщик* – заряженный, постоянно готовый к возможному действию (т.е. 2 с переходом в 3). Отношения между тремя остальными значениями, отнесенными к данной группе (*советский* как представитель власти,

кухарка, кухаркины дети), будут зависеть от вероятной их интерпретации.

Кухарка, если определять ее как представителя неподготовленных масс, не ориентированных и в целом далеких от реализации государственных дел и задач, на которых, однако, новая власть ориентируется в своих расчетах ее для подобных целей использовать и на нее полагает, в силу своей обращенной на простые массы специфики, положиться, такая *кухарка* в ее такой своеобразной позиции могла бы быть определена в напряжении между точками 2 и 4 (2 ↔ 4) – заряжаемых, подготавливаемых, мобилизуемых (2) как поддержка (4) возникающей в соединении того и другого, на стыке и у вершины, необходимости действия, применения ударной силы (3), но скрыто, не прямо, в предположении, а потому не проявленно и исподволь (из чего следует ее, этой точки 3, присутствие в явном виде, но имплицитная неизбежность из направляемых друг к другу 4 и 2).

Кухаркины дети, как следствие и продолжение предыдущего, могли бы быть интерпретированы в таком же взаимодействующем расположении, но последующих, точек 3 и 5 (3 ↔ 5) – как ударная сила, те, кто используются и действуют (3), представляя собой достижение советской власти, ее социальный и воплотивший себя результат (5), из чего, как подразумеваемое следствие, возникает из соединения двух проявляемых точек стоящая между ними 4 – как те, кто поддерживает, масса отпрысков, порождений кухарки, на которых советская власть в силу того, что их как силу вызвала к жизни и произвела, может по праву рассчитывать и способна, по замыслу, положиться. Кухаркины дети должны ее как свою поддержать, как дающую им от себя, их поддерживающую и как свое порождение обеспечивающую.

Советский (как представитель власти) мог бы быть интерпретирован в отношении 2.3. (4 ← 5) – как тот, кто, будучи прямым порождением, созданием, результатом, воплощенным итогом советской власти, наглядным ее представительством, в силу такой неотъемлемой связи с ней, является, должен являться тем, кто ее неизменно поддерживает, будет поддерживать, на кого она ставит и опирается, кто выступает гарантией обеспечения, на кого она может в любых своих действиях и начинаниях как на поддерживающее и сообщающее звено положиться.

2.4. Группу позиции обеспечения в ее составляющих можно представить в такой последовательности: 2.4.2. *совписатель* – как вызванный к жизни советской властью, а потому ей преданный, готовый действовать, мобилизуя и направляя в нужное ей идейное русло народные массы, воспитывая и подготавливая их соответствующим путем; 2.4.3. *социалист* – как тот, кто в силу своих убеждений должен и мо-

жет проявлять себя в необходимом действии; 2.4.4. *сочувствующий* – как тот, кто, будучи предрасположен, в целом готов оказать поддержку, способен поддерживать, на кого, в определенных условиях и при соблюдении ряда предохранительных тактик, страхующих от неудачи и обеспечивающих успех, можно рассчитывать и полагаться.

3. В группе массива призвания как точки ударно-направленной силы дальнейшее подразделение для представляемых в словах значений можно было бы показать в соотношениях вертикали и горизонтали (см. табл.), смысл которых усматривался бы в развертывающемся уточнении от 1 к 3 для вертикали и от 1 к 2 по первому, 1 к 4 по второму и 1 к 3 по третьему ряду для горизонтали.

3.1.	1. <i>чоновец</i>	2. <i>красногвардеец</i>		
3.2.	1. <i>боец стройотряда</i>	2. <i>конногвардеец</i>	3. <i>красноармеец</i>	4. <i>краснофлотец</i>
3.3.	1. <i>интербригадовец</i>	2. <i>конноармеец</i>	3. <i>конармеец</i>	

Объяснением такого, а не иного, возможно, расположения может служить нижеследующее:

3.1. В точке 1. *чоновец* – как позиция вынесения, обособления, отрыва от прочего, изолированная отдельность, особенность, исход, начало, поставленность надо всем и одновременно во всем, вне всего; в точке 2. *красногвардеец* – отдельная обособленность, выделенная исключительность, претворяемая в идею готовности, заряженности, мобилизованности для выполнения заданий, к которым призвана Красная гвардия.

3.2. Позиция направления, мобилизации и готовности – в ее обособлении, начале, особенности для 1. *боец стройотряда*; в ее напряжении, силе готовности для 2. *конногвардеец* (представления о гвардии и о конном, о том, что есть и чем были кони как несущая сила всадников); в ее участии, действии, продвижении в 3. *красноармеец*, а также в обеспечении, обороне внешних, морских, пространственных рубежей, охвата, защиты от окружения, от иного и внешнего для 4. *краснофлотец*.

3.3. Позиция активного действия, направленной силы выхода – в ее особенности, отдельности, исключительной специфичности в *интербригадовце* (1); в готовности действовать (2) в *конноармееце* и в собственно действии (3) в *конармееце* – как более динамичном, насыщенном, а потому и частотном, активном номинативе по сравнению с предыдущим дублетным своим вариантом, отнесенным поэтому к точке 2.

4. Группа массива поддержки, обеспечения, сопровождающего, а не прямого участия (позиция возвращения как сохранности осуществленного выхода) могла бы выглядеть в своих

составляющих следующим образом (незаян-тость позиций 4.1., 4.3. и 4.5. для параметра принадлежности в группе поддержки отнюдь не случайна):

4.2.1. *досаафовец* – как выделяемый, отмеченный, стоящий особо (1), в своей мобилизующей его (2) на поддержку, содействие (4) авиации, армии и флоту и ожидаемой, вероятной и добровольно им выбранной (2) деятельности; 4.2.2. *осволовец* – как готовый и подготовленный (2) для возможной в случае необходимости (2) деятельности по защите, спасению (4) граждан от бед на воде; 4.2.3. *осоавиахимовец* – как направленный (3) в своей предполагаемой, ожидаемой (2) деятельности по защите-содействию обороне и авиационно-химическому строительству (4). Отличие ДОСААФ от ОСОАВИАХИМ, выглядящее как малосущественное, состоит в перемене акцентов: добровольное общество, авиация, армия, флот, в первом случае, и без добавления «добровольный» в названии, оборона, авиационно-химический, во втором. Смещение в сторону большей у ОСОАВИАХИМ по сравнению с ДОСААФ направленностью, акцент в сторону не столько направленности, сколько отдельности положения в мобилизации на содействие для ДОСААФ, позволяют дифференцировать их представителей в указанном отношении, соответственно, как 4.2.3. и 4.2.1. для одного и другого.

4.4. Аналогичным образом незначительное смещение акцента в сторону большей в своем охвате для *фабзавкомовца* представительности по сравнению с меньшей *фабкомовца* позволяют для них различить внутри 4.4. позицию 2, как мобилизующую, организующую, готовящую, включающую, для первого, и позицию 4 – как обеспечивающую и поддерживающую, с объединением того и другого в подразумеваемом 3, для второго.

5. Принадлежность большему по признаку представительной отнесенности к некоему образованию внутри советского общества в целом, его структуре либо ее составным частям как достигнутый результат предполагало бы в своих составляющих примерно такое возможное подразделение:

5.1. Достигнутый результат в его изначальной, устроительно организующей и организующей далее, в своих продолжениях по вертикали и горизонтали, точке в порядках 1. *гражданин* (как исходное); 2. *каждый* (мобилизуемое); 3. *товарищ* (направленно-силовое); 4. *член* (поддерживающе-обеспечивающее).

5.2. Достигнутый результат в его точке мобилизации как собирания в расположении 1. *женотделка* (особенность ролевого структурного назначения); 2. *сельсоветчик* (мобилизующее в его готовности); 3. *управленец* (нацеленное на желаемый результат); 4. *низовик* (поддержка снизу, обеспечение надежности); 5. *правленец* (оформленная результативность).

5.3. Достигнутый результат в точке верши-

ны как направляемого к цели структурного устроения: 1. *политотдельщик* (выделенный, наделенный особыми полномочиями); 2. *политотделец* (он же, с акцентом к организующей мобилизации); 3. *активист* (как член актива, тот, кто призван, назначен, избран для действия); 4. *штабист* (член комсомольско-молодежного штаба, призванный обеспечивать и поддерживать необходимую деятельность); 5. *рабочкомец* (воплощение идеи рабочего управления, его итог, ощущаемый результат).

5.4. Достигнутый результат с позиции поддержания, обеспечения, сохранения, упорядочивания, порядка созданного: 1. *квартирант* (исходное, начало, точка имеющегося – данное как представитель имеющегося, того, что есть); 2. *койко-больной* (организуемое, упорядочиваемое, считаемое, воображаемый, представляемый объект, единица счета); 3. *жактовец* (активно действующее, распоряжающееся, всем и вся ему вверенным управляющее и управляющееся); 4. *жилтоварищ* (имеющий, располагающий, полноправный член, а потому заинтересованный, обеспечивающий и поддерживающий – гарант и охранная грамота жилищного и не только жилищного руководства); 5. *подписчик* (потенциал, опора, масса всего имеющегося людского ресурса, его оформленный и оформляемый, подстраиваемый, подтягиваемый к нужному виду и проявлению, направлению, управлению результат).

5.5. Достигнутый результат как итог итога, желательная оформленность создаваемого устроения общества в своих возможных проекциях оказались незаянтыми.

Кумулятивность vs. аддитивность, противопоставляемые как основания отличия параметра, определенного нами как нужность, от рассмотренного в своих проявлениях параметра принадлежности, связываемые с имманентным для принадлежности либо приписываемым для нужности отношением к большему – коллективу, группе, объединению, множеству – отображаются в различающем их характере данного отношения. Если в параметре принадлежности заложена и дает себя ощутить идея включения, части большего, его элемента, а потому представительства, то параметр нужности предполагает нечто иное. Нужный воспринимается в отношении к группе включенного большего (что, впрочем, и не всегда обязательно) как занимаемая позиция и осуществляемая функция, придающая смысл, сообщающая движение данной сфере общественной деятельности. Как нужный поэтому тот, кого называют, определяется в отношении к включающему и большему через идею осуществляемых этим большим задач применительно к обществу, т.е. всей советской системе. Средства массовой информации и пропаганды постоянно подчеркивают эту общественно и функционально значимую черту, связывающую всех сидящих и находящихся на своих местах с необходимостью общего дейст-

вия во имя стоящей перед советским обществом и народным хозяйством цели.

Количественный состав параметра, по-видимому, неслучайно оказавшийся обширным, не позволяет с достаточной подробностью остановиться на анализе отдельных случаев с целью выявления описывающих и дифференцирующих признаков. Имеет смысл поэтому показать возможность разрешения такой задачи процедурно на каком-то примере. Следствием такого проективно-методического представления могло бы быть не исключющее применимость обобщение, на основе которого можно было бы осуществить попытку, но не описания, а вписывания всех остальных номинативных единиц параметра в полученную в результате обобщения парадигму. Основанием парадигмы были бы две пересекающихся проекции к третьей, в своем пятивалентном для каждой различении позиций представляющие, объединяясь в признаках, значение, смысл определяемого номинатива, точнее занимаемое им семантическое знаковое место – в параметре и парадигме целого (парадигм-системе фрагмента советизированной языковой картины мира).

Основу пятивалентного различения позиций для каждой из трех проекций составляет общая, принятая в качестве определяющей для парадигмы целого и составляющих ее подпарадигм, идея запуска, сообщения движения, запуска в ход в пяти выделяемых фазах выхода, напряжения, направленной силы, обеспечения и достижения. Тремя проекциями, в условиях рассматриваемого параметра, можно считать а) советское общество в его целенаправленном устремлении социалистического строительства (система целого); б) данное объединение, группу, организацию, коллектив, совокупность, множество лиц, ограничиваемое каким-то признаком-показателем их число (составная часть, проектив системы целого); в) сфера, область, проективное поле их строительной социалистической деятельности (составная часть устремления целого). Четыре точки, с учетом двувёршинности первой (советское общество // в его устремлении), раскладывающейся на показатель массы-числа и заряженную модальность желаемого построения (оптативный императив финитива, конечной цели советского общества, – соответственно, квантум и модус его состава), с их отражениями в проекциях к б) и в), – эти четыре точки предполагают, объединяясь, пятую, вбирающую их в себя. Точкой этой является человек, лицо, единица части и целого, называемая и определяемая номинативом, словом и словосочетанием изучаемого языка. В основе проекций, тем самым, с учетом сказанного, но уже как бы не к горизонтали, а к вертикали, лежит тот же принцип пяти позиций, взаимодействующих и внутренне связанных между собой в соотношениях

и показателях.

Пять указанных фаз разворачивающегося и направляемого движения-запуска в зависимости от того или иного параметра, а также проекций внутри него, могут проявлять себя, обнаруживаясь и представляясь, по-разному. Более или менее точное определение признаков описания будет зависеть от предполагающих соотношения распределений всех составляющих, что не всегда достижимо (если вообще достижимо) при изолируемом от целого рассмотрении некоторого фрагмента. В связи с этим предпринимаемые нами попытки подобного определения носят характер условный и не окончательный.

Рассмотрим возможный характер предполагаемого по трем проекциям пятивалентного в пересечении (5 x 5) описания на примере такого слова, как *агроном*. Тремя указанными проекциями для него будут а) в отношении к советскому обществу, занятому социалистическим созиданием – обеспечение того и другого (общества в его созидании) посредством своего в этом общем процессе участия продуктами сельского производства, точнее было бы говорить, способствование нормальному ходу, течению, осуществлению такого обеспечения; б) в отношении к части, показателю квантум состава целого, это был бы советский колхоз, совхоз, коллектив сельскохозяйственных производителей, *агрономом* которых он выступает; в) в отношении сферы, области проявления в деятельности, показателю модус состава целого, это было бы полеводство, сельское хозяйство, сельскохозяйственная продукция, обеспечение ее производства. Объединяющей, фокусирующей точкой, искомой позицией в парадигме параметра, таким образом, можно вывести нужность его, *агронома*, как того, кто своей ролью, позицией в коллективе способствует осуществлению стоящих, ставящихся перед ним как советским сельскохозяйственным коллективом задач социалистического строительства (по обеспечению советского общества сельхозпродукцией). Роль его в этом способствовании представляется ролью внутри коллектива, распространяющей себя, проявляемой в нем. Как обеспечивающий обеспечение, в сельхозколлективе, *агроном* может рассматриваться в отношении ведущего, управляющего, знающего, того, без которого невозможен нормальный процесс сельхозпроизводства, фактически это его запускающий, исходная точка движения (1). Роль *агронома* по отношению к сельхозколлективу может быть понята применительно к представлению его в душе любого крестьянина, в человеке, ср.: *Агрономом может быть, должен быть каждый работающий на земле; В душе каждого земледельца живет агроном; Какой же крестьянин не агроном? Сам себе агроном* и т.п.

Позиция *агронома*, следовательно, может

в параметре нужности представляться в том отношении, что это ведущая, запускающая точка движения (1) по обеспечению (4) производства (3) сельхозпродукции (4). Первая точка позиции (1) выводится из отношения к сельхозколлективу, роли в нем (проекция б). Вторая, по обеспечению (4), и четвертая, сельхозпродукции (4) – из отношения к советскому обществу в его квантум и модус (проекция а). И третья, производства (3), по отношению к сфере, области, проективному полю деятельности (позиция в). В итоге всего получаем такое его представление, которое бы укладывалось в комбинацию признаков 4.1.4., с позицией, местом 1 на пересечении горизонтали и вертикали 4 : 4 (см. табл.). Смысл подобного представления заключался бы в том, что а : в, через общество и сферу деятельности, как объемлющие, охватывающие, концентрируются, соединяясь, в б-роль объясняемого в его деятельности с точки зрения советской действительности лица, его роль в функционирующей, проецирующей а и в для себя, для него непосредственной, составляющей целеустремленного в своем квантум и модус целого. Квантум и модус целого отражен в проекции а); модус целого – в проекции в), а квантум части, проекции, но не собственно целого, с ее собственным проективным модусом – в б). На этом основана логика предлагаемого нами порядка и матричного ее представления.

Позиция *председателя*, для сравнения, могла бы быть определена комбинацией 2.3.1. – как ведущая, открывающая, *предстоящая*, *председательствующая* роль (1, для проекции б, в отношении включенного большего для него и показателю квантум состава целого) в мобилизации этого квантум состава, т.е. советского, возглавляемого им коллектива, привидении его,

поддержании в состоянии рабочей готовности (2, для проекции а, в отношении к системе целого, советскому обществу в его целевом устремлении, квантум и модус целого) с предполагаемой желаемой направленностью к выполнению стоящих, ставящихся перед возглавляемым им коллективом задач (3, для позиции в, в отношении области проявления в деятельности, показателю модус состава целого).

Позиция *плановика*, соответственно, определялась бы комбинацией 3.5.2. – как организующая планированием в производственном коллективе (2, для проекции б) его целенаправленную деятельность (3, как проявление к проекции а) в ожидаемом, планируемом, закладываемом результате (5, в отношении к сфере деятельности, т.е. в проекции к в).

Пограничника можно было бы представлять в его роли комбинацией 4.2.3. – как активного действующего (3, для проекции б, в отношении к группе, квантум состава целого) по защите советских границ (4, в проекции к а), всегда готового дать отпор, обязанного быть начеку, в состоянии постоянной бдительности (2, в отношении к в, т.е. сфере его проявления в деятельности).

Дальнейшее представление номинативных единиц характеризуемого параметра нужности предполагает сходную в своей основе и процедуре модель, в связи с чем, для наглядности, имело бы смысл отразить его в виде таблиц(ы) (см. далее). По горизонтали позиции точек отображают проекцию а, по вертикали – проекцию в. Проекция б – показатель роли для квантум состава целого, как ближайшая и внутренне характеризующая, отмечалась бы цифрой в клетках пересечений.

а в	1	2	3	4	5
1				3. горняк	
2			2. деятель*	3. <i>пограничник</i> 4. дружинник	
3		1. <i>председатель</i>		1. звеньевой** 2. <i>экономист</i>	2. инженеры человеческих душ
4	3. <i>высотник</i>	3. <i>монтажник</i> 5. <i>кадровик</i>	1. землероб	1. <i>агроном</i> 3. <i>полевод</i>	2. <i>воспитатель</i>
5		4. <i>мастер</i>	1. <i>бригадир</i> 2. <i>плановик</i>		

* (политический, общественный, партийный, профсоюзный, заслуженный)

** (на производстве)

Для пояснения и примера значения некоторых номинативов (обозначены в табл. курсивом) можно было бы отобразить с опорой на параметризацию признаков в предлагаемых индексах (возможных, но не единственных):

Кадровик (2.4.5.) интерпретировался бы как тот, кто описывает, следит, наблюдает имеющуюся кадровую обстановку (5, идея сложившегося результата для б) в целях лучшей организации, мобилизации, поддержания ее в состоянии готовности (2 для проекции а) ради

целей обеспечения (4) производственного процесса.

Мастер (2.5.4.) – как тот, кто поддерживает, служит необходимым гарантом, обеспечением (4, для б) состояния организованности, мобилизации, рабочей готовности (2, для а) коллектива для выполнения им возложенных на него задач, для достижения необходимого результата (5, для в).

Бригадир (3.5.1.) – как тот, кто руководит, направляет (1 для б) работу (3, для а, осуществ-

вление производства) своих подчиненных на выполнение поставленных перед ними задач (5, для в, достижение результата).

Монтажник (2.4.3.) – как тот, кто своей работой, проявлением в действии (3, для б) формирует, создает необходимые сооружения (2, для а), цель которых служить обеспечением (4, для в) последующего производственного процесса.

Высотник (1.4.3.) – как тот, кто выполняет работу (3), рискуя жизнью, в исключительных по сравнению с другими условиях, на высоте (1), обеспечивая, тем самым, возможность реализации (4) каких-то заданий.

Полевод (4.4.3.) – как тот, кто, работая в поле, возделывая, обрабатывая его (3), обеспечивает (4) страну продуктами сельскохозяйственного производства (4).

Экономист (4.3.2.) – как тот, кто, будучи специалистом в финансово-материальной сфере (2), способствует (4) осуществлению (3) стоящих задач.

Воспитатель (5.4.2.) – как тот, кто, воспитывая, формируя подрастающие поколения, готовит (2) строителей будущего (5) страны, обеспечивая, тем самым, преемственность и продолжение (4).

Дальнейшее подразделение для большей наглядности (но не подробности) можно было бы произвести в три этапа, определив вначале

возможное распределение, но без пояснений, номинативов по пяти вертикальным позициям – в отношении а, т.е. к советскому обществу в целом в его целевом устремлении (см. табл. ниже). Затем – в отношении к в, к полю деятельности (последующая табл.). И, наконец, в отношении к б, коллективу (завершающая табл.). Условным критерием подразделения в пяти точках было бы уже многократно характеризовавшееся представление обозначаемого словом (словосочетанием) как 1) того, кто открывает движение, сообщает ход, начало, наблюдает его, стоит впереди, смотрит вперед (придание хода движению); 2) того, кто организует, мобилизует, собирает движение либо тех, кто должен, призван его совершать, придает направление, осуществляет этап подготовки, выводит на подготовительную позицию (придание напряжения); 3) того, кто действует, осуществляет движение, производит его, выполняет, реализует намеченное, наполняет, насыщает действием (реализация силы осуществления); 4) того, кто обеспечивает, сопровождает, поддерживает осуществляемое движение, придает ему защитный характер, предохраняет его (поддержка защитной силой); 5) того, кто собирает, окончательно формирует, результирует, формулирует, подводит, получает, доставляет итог (достижение, получение, предоставление результата).

кооператор кормач* совслужащий спец трудящийся глашатай (революции) гонец (революции) звеньевой (пионер) рабочие-изобретатели комгруппорг комиссар комсорг контрпропагандист новатор передовик	коммунальник коммунальщик леспромовец просвещенец хозяйственник агитатор горнист барабанщик знаменосец вожатый избач книгоноша культурмеец культторг культурник массовик массовик-затейник организатор педагог-организатор политрук пропагандист трибун (революции)	каракулевод каучуковод козовод коноплевод кроликовод кукурузовод куровод мараловод соболовод табаковод тутовод цитрусовод червевод	культпросветработник культработник милиционер нарпитовец профработник трудовик** финработник вахтовик дозорный (молодой, границы, рубежей, неба) мичуринец наставник	обществовед производственник прораб профсоюзник работник*** сбытовик сеносдатчик снабженец совработник хлебосдатчик военкор нотовец**** полквоенкор
--	--	---	--	---

* Работник колхоза, совхоза, на обязанности которого лежит кормление животных. [ТСЯС; БАС]

** Разг. Учитель труда в школе. [ТСЯС]

*** (ответственный, номенклатурный, руководящий, партийный)

**** Человек, работающий в соответствии с требованиями, установками научной организации труда (НОТ). [ТСЯС]

а в	1	2	3	4	5
1	глашатай гонец (революции) рабочие-изобретатели новатор передовик	просвещенец горнист барабанщик знаменосец трибун (революции)	кукурузовод соболовод кроликовод	вахтовик дозорный	прораб нотовец

2	звеньевой (пионер) комгруппорг комиссар комсорг	коммунальник коммунальщик агитатор организатор педагог-организатор	козовод куровод	профработник трудолик финработник	профсоюзник совработник
3	кооператор спец	леспромовец хозяйственник мас- совик массовик-затейник	каракулевод каучуковод	мичуринец наставник	производственник сбытовик сеносдатчик хлебосдатчик
4	кормач трудящийся	вожатый избач книгоноша политрук	коноплевод мараловод табаковод туовод	милиционер напитовец	работник снабженец
5	совслужащий контрпропагандист	культурмеец куль- торг культурник пропагандист	цитрусовод червевод	культпросветработ- ник культработник	обществовед военкор полквоенкор

а в	1	2	3	4	5
1	1. глашатай 2. гонец (революции) 3. рабочие- изобретатели 4. новатор 5. передовик	1. горнист 2. барабанщик 3. знаменосец 4. просвещенец 5. трибун (револю- ции)	2. кроликовод кукурузовод (3.) 4. соболевод	1. дозорный 3. вахтовик	1. прораб 2. нотовец
2	1. комиссар 2. комсорг 3. комгруппорг 4. звеньевой (пионер)	1. агитатор 2. организатор 3. педагог- организатор 4. коммунальщик* 5. коммунальник*	2. козовод 3. куровод	1. профработник 2. финработник 4. трудолик	2. совработник 4. профсоюзник
3	2. кооператор 3. спец	1. массовик 2. массовик-затейник 3. леспромовец 4. хозяйственник	2. каракулевод 3. каучуковод	1. наставник 3. мичуринец	1. хлебосдатчик 2. сеносдатчик производственник (3.) 4. сбытовик
4	3. трудящийся 4. кормач	1. политрук 2. вожатый 3. книгоноша 4. избач	2. коноплевод 3. мараловод 4. табаковод 5. туовод	2. милиционер 4. напитоковец	3. работник 4. снабженец
5	3. совслужащий контрпропагандист (4.)	1. пропагандист 2. культторг 3. культурмеец 4. культурник	2. червевод 4. цитрусовод	культпросветработ- ник (2.) 4. культработник	2. обществовед 3. полквоенкор 4. военкор

* Отношения между тем и другим, укладываясь в представление активности – актуальности, в чем-то сходны различиям *конармейца* и *конноармейца*, отмеченным ранее. Языковое частотное в определенном смысле влияет, по-видимому, на характер воображения и о предмете, в сторону большей либо меньшей его активности при условии совмещения дублетных номинативов. Данное положение, впрочем, не следовало бы воспринимать как правило, однако для языкового представления советской действительности, динамизированного и заряженного в своей активности, оно может быть далеко не случайным.

При соединении данных последней таблицы с материалом, представленным ранее (*агроном, председатель, пограничник* и др.), получающиеся совпадения в позициях, предполагали бы (как и в другом каком-нибудь аналогичном случае) либо перераспределение внутри позиций с учетом возникших соотношений, либо дальнейшее различие на последующих подуровнях с уточнением векторного, двойственно-переходного, перемещающегося характера входящих определений. Характер и процедура таких уточнений были показаны в предыдущих статьях, в связи с чем останавливаться на них еще раз не имело бы смысла. Из сказанного следует относительность, точнее

было бы говорить соотносительность, получаемых определений, связанная с идеей взаимодействующих, тянущих одно за другое, узлов общей, единой сети, каковой выступает описываемая парадигматика, предметом которой являются не слова и не семантика слов, а те семантические определители советского позитивного представления о человеке, которые отражаются, могут затем отражаться в семантике слов, но различным образом, в далеко не всегда однозначных и точных соединениях как в исходных своих, вертикальных, значениях, так и в значениях речевого и текстового, узуального или контекстного, употребления.

ЛИТЕРАТУРА

Большая советская энциклопедия. (БСЭ). 2-е изд. Гл. ред. Б.А. Введенский (т. 1-51). – М.: Гос. науч. изд-во «Большая советская энциклопедия», 1949-1958.

Большой толковый словарь русского языка. (БТС) [Гл. ред. С.А. Кузнецов] – СПб.: Норинт, 2000.

Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Логос, 2003. 304 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Русский язык, 2000.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный (т. 1-2). – М.: Русский язык, 2000.

Купина Н.А. Советизмы: к определению понятия // Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28). С. 35-40.

Ляшевская О.Н. Семантика русского числа. – М.: Языки славянской культуры, 2004. 400 с.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. (ТСЯС) – СПб.: Фолио-пресс, 1998.

Русский семантический словарь. (РСС) Толковый словарь, систематизированный по классам слов

и значений. [Под общей ред. Н.Ю. Шведовой]. Т. I. – М.: Азбуковник, 1998.

Словарь иностранных слов. (СИС) 9-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1982.

Словарь русского языка в 4-х томах. (МАС) [Гл. ред. А.П. Евгеньева] 2-е изд. – М.: Русский язык, 1981-1984.

Толковый словарь русского языка. (ТСУ) [Под ред. Д.Н. Ушакова] (т. I-IV). – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935-1940.

Утехин И.В. Очерки коммунального быта. 2-е изд., доп. – М.: ОГИ, 2004. 277 с.

Червиньски П. Семантика советского позитива в контексте продуцируемого представления действительности (на материале обозначения лиц) // Политическая лингвистика. 2008. № 3 (26). С. 110-127.

Червиньски П. Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц // Политическая лингвистика. 2009. № 1 (27). С. 132-147.

Червиньски П. Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц (2) // Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28). С. 46-62.

Червиньски П. Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц (3) // Политическая лингвистика. 2009. № 3 (29). С. 69-86.

© Червиньски П., 2009

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Бушев А.Б.
Тверь, Россия

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС
В МАТЕРИАЛАХ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ
ФАКТОГРАФИЧЕСКИХ
И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЖАНРОВ

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

Аннотация. Настоящая статья посвящена особенностям политического дискурса в текстах периодической печати разных жанров. Выделяются типичные языковые средства создания смыслов в информационных и аналитических жанрах (на основе анализа националистической риторики в европейских и российских СМИ в 2005 г): оценочность, эвфемия, клишированность. Показательны языковые и риторические особенности политической риторики в текстах СМИ с художественным заданием (небанальная метафорика, ирония, аллюзии, использование творческих возможностей языка).

Ключевые слова: масс-медиа, политическая риторика, дискурс-анализ, стереотипы, художественные жанры СМИ.

Сведения об авторе: Бушев Александр Борисович, кандидат филологических наук, доцент.

Место работы: Филиал Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета в городе Твери.

Контактная информация: 170037, г. Тверь, ул. Орджоникидзе, д. 25"В".
E-mail: alex.bouchev@list.ru.

Bushev A.B.
Tver, Russia

POLITICAL DISCOURSE
IN MASS MEDIA MATERIALS
OF DIFFERENT GENRES

ГЧТИИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.19

Abstract. The article is dedicated to rhetorical and linguistic characteristics of mass media texts of different genres. Under close scrutiny are the axiological and euphemistic techniques as well as the phenomenon of clichés in the discourse of fact-portraying genres of political discourse in mass media. The material under study includes mass media discourse dealing with nationalism issues in France and Russia in 2005. The revealed techniques are compared with the linguistic and rhetorical characteristics of creative genres in mass media (new metaphors, irony, allusions, creative potential of the language).

Key words: mass media, political rhetoric, discourse, stereotypes, creative genres in mass media.

About the author: Bushev Alexander Borisovich, Candidate of Philology, Associate Professor.

Place of employment: The Branch of Saint-Petersburg State Engineering and Economy University in Tver.

Кредо политической риторики – исследование смыслов общественно-политического дискурса, ораторики, партийных программ, дебатов, материалов СМИ и Интернета. Язык коммуникативный здесь часто имеет автоматизированную форму, поскольку внимание направлено на содержание, передающее внеязыковую реальность.

В исследовании специфики массовой коммуникации (тексты политических выступлений), языковых средств информации и убеждения, рассчитанных на массовую аудиторию, при важности сжатого представления информации и воздействия на слушателя, отсутствии возможностей контекстуальных предпочтений, подготовки и обдумывания проявляется **специфика стилеобразующих факторов такого дискурса** [Арнольд 2002: 343-344]: стереотипии в номинации. Роль стереотипии в передаче оценочности и воздействия несомненна. Предвзятость суждений, штампы и стереотипы мышления и речи, эмоциональная вербовка на стандарт – существенные риторические «результаты работы» этих стилеобразующих факторов.

Отдельные виды речевых произведений, как раз построенные по принципу использования стереотипии, выделяли многие жанроведы. Среди лингвистических трудов, затрагивающих

проблематику такого рода, стоит упомянуть труды Н.М. Разинкиной.

Рассмотрение политической риторики проводилось нами в исследованиях медиа-текстов, посвященных военным операциям США в Афганистане и Ираке. Результаты исследования обобщены в серии работ [Бушев 2004, 2008, 2009, 2009] В понимании смысла «стереотипность сказанного» большое значение имеют клишированность, узуальность коллокации, речевые стереотипии (автоматизации). В идущем в филологической и культурологической науке от Я. Мукаржевского понимании актуализации и противостоящей ей автоматизации (стереотипии) еще не написана главная глава. Автоматизированное употребление языковых элементов изучено еще слабо и в стилистическом, и в риторическом плане.

Примеры в первой части нашей статьи взяты из медийного дискурса, посвященного современной проблематике нации. Мультикультурализм изучался нами в теоретическом плане [Бушев 2007]. Дискурс мультикультурализма изучался на примере публикаций о беспорядках во Франции и обсуждается нами в предпринятом исследовании, посвященном изучению социальных представлений о мультикультурализме.

I. Языковые аспекты дискурса о беспорядках во Франции. Посмотрим на обществен-

ный дискурс, связанный с результатом политики построения мультикультурального общества во Франции – массовыми беспорядками во французских городах осенью 2005 года. В нашем исследовании используются методы контент-анализа и семантико-интерпретационные методы. Материал представляет собой актуальные публикации периодической печати (Зотов 2005, Касель 2005, Проханов 2005, Рогозин 2005, Oliver 2005, Bridge 2005, материалы сайтов французских телевизионных каналов и др.).

1. Четко выделяются **голос правых и левых**, голос доминирующих и протестующих.

Публичные политики представляют определенные политические и социальные силы и зарабатывают баллы к предстоящим выборам на вербализации своей позиции:

♦ *Nicolas Sarkozy, qui a vu sa popularité grandir à droite mais aussi à l'extrême droite et même à gauche, estime que les trois semaines d'"émeutes urbaines" valident sa théorie de la "rupture" en 2007.*

Широко представлена точка зрения на истоки кризиса правых (наркотрафик и законы преступных стай), воплощаемая фигурой Н. Саркози (обратим внимание на риторическую фигуру, подчеркивающую всю сентенцию):

♦ *Devant les nouveaux adhérents du parti, samedi à Paris, le président de l'UMP a donné sa vision des événements. "La première cause du chômage, de la désespérance, de la violence dans les banlieues, ce n'est pas la crise économique, ce ne sont pas les discriminations, ce n'est pas l'échec de l'école. La première cause du désespoir dans les quartiers, c'est le trafic de drogue, la loi des bandes, la dictature de la peur et la démission de la République", a-t-il affirmé.*

Отлична точка зрения его оппонента (демонстрируется «рынок публичной политики»):

♦ *Et Dominique de Villepin de livrer des événements une analyse radicalement différente de celle que fera le lendemain Nicolas Sarkozy. Pour le Premier ministre, le malaise des quartiers sensibles est dû à "la crise des valeurs", au chômage, à un "urbanisme inhumain" et au recul des services publics.*

2. Голос арабов и мусульман, сколь бы этого не хотели видеть правые политологи, все же входит как составная часть в голос протестующих, объединенных скорее требованиями, социальной базой, организацией, мобильной связью, образованием (низким), местом жительства, социальным статусом, резентментом. Так, левые старательно подчеркивают, что к потомкам иммигрантов присоединялись белые бедняки из французских окраин, имеющие, впрочем, как и большинство современных потомков католиков, «костяющую религиозность» (white working-class post-Christian French).

3. Как мы уже отмечали в своих публикациях, любой социально-политический (идеологический) дискурс чрезвычайно широко использует **штампы, клише, речевые стереотипы, эвфемизмы, избитые метафоры и эпитеты,**

языковые оценочные коннотации, неясность терминов, перенасыщенность (включаемую нами в семантико-синтаксическое явление сверхсатиции), определенные риторические приемы. Оценим некоторые из них.

Семантика номинации участников. Используется в зависимости от политической позиции средства масс-медиа или комментатора в ряду «восставшие – погромщики».

Оценим характерные номинации – часть из них имеет положительные коннотации, часть нейтральна, часть имеет отрицательную характеристику. Сравним типичные номинации в их семантическом потенциале:

♦ *Sans-papiers, immigrants, rioters, extremists, gangsters, arsonists, attackers, young gangsters, protesters .gangs of youths, present-day brownshirt, blood-crazed goons.*

Сравним номинации Д. Рогозина:

♦ *Местные мигранты-молодчики.*

♦ *Несколько сотен приезжих, которым что-то не понравилось.*

♦ *Рабы-гастарбайтеры (Д. Рогозин о таджиках, для которых установлен безвизовый режим въезда в Россию).*

Из многочисленных работ по политическому дискурсу известно, что иногда действительно использование прямой диффамации – ср. **бандиты, мухолобы-человеконенавистники, провокаторы, подонки, наймиты.**

Рисуеться социальный портрет участников движения. Место жительства описывается **коннотационно отягощенными словами**, создающими цветистый ряд: *ghettoes = impoverished banlieues = shacks = miserable slums = urban inequities = dilapidated housing projects.*

В ходу прямые и косвенные **оценки:**

♦ *Весь мир увидел безнаказанность вандализма приезжих, объединившихся в банды мародеров и поджигателей Франции.*

Феномен политических оценок известен. Сравним известное – *левацкий, близорукий, буржуазный, люмпенский, мелкобуржуазный, уклонист, демократический, прогрессивный, либеральный.*

♦ *The loud-mouthed ideological intolerance, the contempt for democratic institutions, the Anti-Americanism, the even more vicious anti-semitism, the ever-present willingness to resort to violence, the obvious organised nature of their «spontaneous demonstrations»...*

Характерна **семантика номинации** самих выступлений: *violences urbaines, la crise des banlieues, les trois semaines d'émeutes urbaines tension, revolution, violence, unrest, Muslim uprising, extremists, riots, insurrection.* Используется термин *intifada* – так, как известно, транслитерированным заимствованием с арабского обозначается палестинское восстание на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа, начавшееся в 1987 году.

Власть называет выступление *urban crisis*, журналист Associated Press К. Оливер – *a nationwide insurrection by disillusioned suburban youths, spontaneous demonstrations*.

Такая номинация выполняет определенную **стигматизацию**. Оценим ее:

◆ *A poor neighbor hood with a high immigrant population.*

◆ *Rampage.*

◆ **An act of rage.**

◆ *Mayhem.*

Сами участники действия и дискурса – против стигматизации:

◆ *Il faut éviter certains amalgames (...) Une majorité des populations de ces quartiers ne veut pas être stigmatisée (...) Les habitants ne veulent pas que leur quartier soit frappé du sceau de l'infamie", a-t-il affirmé, mettant en garde contre la recherche d'une "cause unique" à la colère des banlieues.*

Сравним с **безоценочной констатацией**:

◆ *Des attaques contre des commissariats et des supermarchés, des incendies de voitures, des incidents touchant les transports en commun, ainsi que diverses formes de violence dans les écoles se sont incorporés au quotidien des banlieues.*

Часты оппозиции, антитезы, оппозиция «свой – чужой», «друг – враг», «христиане – мусульмане». Скажем, в большинстве репортажей первой характеристикой погибшим подросткам – детонаторам событий 2005 года является следующая: *of Mauritanian and Tunisian descent*

◆ *'Obviously if the criminals and thugs do not like our security policy', – Sarkozy said, as quoted by the Financial Times, – "The French support it".*

Противопоставление проводится по линии **authorities = officials versus rioters**:

◆ *these boys will march until they get what they want or until they-re stopped...*

Использование антитез может быть маркировано **противительными конструкциями**:

◆ *Although many of the French-born children of Arab and black African immigrants are Muslim, police say the violence is not being driven by Islamic groups.*

Постоянны избитые **«сильные» эпитеты** типа *irrational, blatant, exceptional, destructive, worst riot-hit*.

В дискурсе власти присутствует **эвфемизация**: *marginalised = underrepresented = effectively shut*.

Эвфемизация чрезвычайно широко распространена в политическом дискурсе, практически это характерное его свойство, ее роль двоякая. Приведем характерные примеры:

◆ *dans les quartiers difficiles, les quartiers défavorisés, démantèlement des bandes.*

◆ *Inflammatory language, the tense atmosphere, the violence erupted (=violences qui avaient éclaté dans les banlieues).*

◆ *The victims were physically pursued.*

◆ *President Chirac warned that «an escalation of disrespectful behaviour would lead to dangerous situa-*

tion» and asserted that "there can be no area existing outside the law" in France.

Семантика сообщения привлекает внимание рекуррентностью, семантической изотопией.

Описание состояния бастующих (погромщиков = поджигателей = революционеров) – через строчку в газетах кочуют слова семантической группы «гнев»: *frustration, anger, rage, resentment, resignation, discontent, oppression, direct clashes.*

Стандартны упоминания о проблемах участников беспорядков – **семантическое поле «страдание»:** *suffer from explicit and implicit racism, discrimination, poor housing and education, long ignored.*

Вербализуются критика, негодование, резентмент всякого рода:

◆ *He sparked outrage.*

◆ *His latest remarks unleashed a tempest of indignation.*

◆ *Shrillest criticism coming from leftist opposition.*

Алармизм власти проявляется в заголовках газет:

France on fire или *Another night of violence...*

Широко проводится описание действий погромщиков:

◆ *To smash the windows.*

◆ *To torch the vehicles to set schools ablaze.*

◆ *To set smth on fire, nightly battles.*

◆ *Vandalise.*

Используются количественные данные, суждения о подъеме / спаде для заклинания («*Волна насилия спадает*») или с целью запугивания (*чрезвычайно высокие масштабы бедствия*).

В ходу данные о жертвах, разрушениях и т.д.

◆ *Torched vehicles and vandalised businesses litter streets across the nation while 36 policemen sustained injuries, two from gun-shot wounds in the southern Paris suburb of Gridny. The two officers were in the hospital but their injuries were not life threatening.*

◆ **The violence shows no sign of abating.**

Статистические данные – неперенный атрибут и аргумент сообщений масс-медиа подобного рода:

◆ *French media reported that 274 towns experienced attacks and police made 395 arrests.*

Характерно **использование избитых метафор** типа *desperate and moody winds of human frustration, to clean out the rabble, an attempt to extinguish a rampage, shocking discovery, still raging fires, violences qui avaient éclaté dans les banlieues.*

Политические заявления также содержат **штампы**:

◆ *Le ministre de l'Intérieur Nicolas Sarkozy avait alors noté "un progressif retour au calme, même si rien n'est encore définitivement acquis.*

Характерна сама **постановка вопроса о представленности голоса** (в традиции представительской демократии):

♦ *The immigrants are denied any representation politically, culturally or economically.*

Стереотипен дискурс угнетенных: «У меня учиться нет денег, а у белых и так все это есть, потому что они белые. Французы угнетали сто лет мою страну, выкачали из нее богатства... Пуская теперь отдадут все, что украли, иначе мы их тут всех сожжем. И полицейские в наших районах пусть будут только мусульмане – мы не пустим к себе неверных, нас это оскорбляет. Эх, жалко, у нас оружия нет – мы бы им всем показали!» (Зотов 2005)

В сообщениях используется **религиозная символика и религиозный фактор**:

♦ Журналист популярного еженедельника (Зотов 2005), оказавшийся в эти дни в Париже, свидетельствует: бросают коктейль Молотова с криками «Во имя Аллаха! Аллах акбар!».

♦ *Парижане в шоке: они не понимают, как проглядели ситуацию, что рядом со столицей возник «пояс» исламских эмигрантов, где реальная власть – не мэр-француз, а имам местной мечети* (Зотов 2005).

♦ Корреспондент пишет, что арабские подростки спрашивали его, какого черта «белой свинье» надо в их районе. (Он отмечает, что цитата из Корана, что гостей посылает Аллах, слегка смягчает ситуацию).

Корреспондент пишет, прибегая к интересному сравнению: «До Парижской Чечни – департамента Сен-Дени – можно за полчаса доехать на метро от Елисейских полей». Французской речи не услышишь, торговцы сидят на земле на стихийных рынках в пестрой национальной одежде. Характерен невербальный язык: граффити – горящая христианская церковь.

События широко трактуются всеми силами политического спектра. Например, левые широко трактуют события:

♦ *"Nous refusons de réduire (les) événements (dans les banlieues) à un problème d'ordre public alors qu'ils témoignent de la crise sociale et des dégâts du libéralisme", poursuit le texte, qui devait être soumis à l'approbation des congressistes dimanche en fin de matinée.*

В стандартных новостных форматах сообщается о принятых мерах со стороны государства – констатации типа нижеприведенной:

♦ *L'état d'urgence avait été décrété le 9 novembre sur l'ensemble du territoire métropolitain pour faire face aux violences qui avaient éclaté dans les banlieues. Il est prolongé pour 3 mois à partir du 21 novembre. Il permet notamment de restreindre la circulation dans des lieux déterminés, d'interdire des réunions et de perquisitionner de nuit.*

Ставятся общие задачи, **высказанные общими словами**, мало увязанные с действиями погромщиков:

♦ *To gain rights and respect.*

♦ *Dialogue and mutual respect* (отношение корреспондента демонстрируется путем сочетаемо-

сти – *бормотать о взаимном уважении = to mumble about the dialogue and mutual respect*)

Традиционно отводится много места выводу общества из создавшейся ситуации – с политической кнута и пряника.

Левые ориентируются на социальную политику преодоления дискриминации: в их дискурсе частотны *welfare state, social programs*. Традиционно в либеральном дискурсе ведется речь о демократических процедурах: *enabling democratic politics in order to marginalise violence, grassroots level, deligitimize violence*. Трудно понять, что скрывается за словами *tactics of appeasal: policies of redevelopment and reconciliation* (феномен эвфемизации и семантической неясности). Много слов посвящается плану реализации широких социальных программ:

♦ *Une grande majorité d'entre eux soutiennent cependant aussi la création d'un service civil volontaire annoncée le 14 novembre par le président Jacques Chirac et ses propositions en matière de construction de logements sociaux.*

Тактика со стороны государства описывается так: *strong arm tactics, law and order, repression, state of emergency, curfew*. Правые – за усиление полицейских мер, высылки (*upping the enforcement*). Традиционные метафоры, используемые истеблишментом: *to clean out the suburbs etc.*

Публикуются мнения опросов, легитимирующих определенные меры, – например, высылки:

♦ *Dans un sondage CSA pour Le Parisien dimanche, 68% se disent favorables à la prolongation pour trois mois de l'application de la loi de 1955 sur l'état d'urgence, votée la semaine passée par le Parlement. 55% des sondés se déclarent favorables à l'expulsion des étrangers, même en situation régulière, s'ils ont été condamnés pour violences urbaines.*

В обществе дискутируются изъяны законодательства, позволяющие искать правовые меры выхода из кризиса:

♦ *56% des sondés sont favorables à une définition plus restrictive de l'application des règles du regroupement familial pour les travailleurs étrangers, dans lequel des dirigeants de droite ont dit ces derniers jours voir une des causes de la crise des banlieues (29% contre).*

Сами сообщения об убийствах, арестах, погромах, беспорядках представляют собой фон, рисующий в сознании стереотипии, связанные с этой проблемой.

Тогдашний возможный кандидат на пост президента Н. Саркози называет революционеров *scum*, потом признает факт дискриминации по «нефранцузской фамилии». Потом толкует о высылках – демонстрируется многообразие мнений.

Избита метафоризация дискуссии – избилует штампами типа *their voice is not heard, deep-seated issues of racism and economic ineq-*

uity, citizenship must no longer be a white preserve, policies of color-blindness.

Метафоризация политического дискурса банальна:

- ◆ *An explosion of new immigrants.*
- ◆ *Tempers must calm down.*
- ◆ *To halt unrest.*
- ◆ *The mayhem sweeping the neglected and impoverished neighborhoods.*
- ◆ *To confront anger building for decades.*
- ◆ *To accelerate return to calm.*

Постоянна **ссылка на мнения**, высказанные на страницах престижных качественных газет, отражающих точку зрения и истеблишмента.

Характерно **цитирование**, особенно знаковых личностей (типа «лучше прямое выступление, чем угнетение» – идея Кеннеди = Ибаррури = Маркса).

Показательна представленность различных точек зрения – от Ле Пена до мусульман-профессоров Оксфорда, высказывающихся по вопросам мультикультурализма в Британии и Франции.

В ходу семантика вероятности: *apparently, accidental, may have evaded, evidently, after an apparent break-in at a building site, accidental death, allegedly attempting to escape police.*

Для общественного дискурса в России характерно политическое прогнозирование и сравнение:

◆ *Государство в целом оказалось не готово дать отпор бандам незаконных мигрантов. Все крики об угрозе фашизма в России искусственны. Не фашизм представляет угрозу для России. Угрозу для России представляют исламские фундаменталисты, религиозные фанатики, проникающие на территорию России через наши дырявые границы, как тараканы, и прочие чуждые враги России (Рогозин 2005).*

Используются риторические вопросы:

- ◆ *Did the French deserve this carnage?*
- ◆ *Откликаясь на «огненное действие», учиненное выходцами из мусульманских стран в окрестностях Парижа, российские СМИ сами задыхались: «Не ожидают ли, упаси бог, Россию подобные погромы? Что прикажете делать с нашествием в Москву кавказцев и азиатов? Не являются ли они, как сказано в писании, мифологическим народом «Гога и Магога»? (Проханов 2005).*

При проведении параллелей социологами и политиками традиционно указывается статистическая информация типа:

В правовом дискурсе ведется речь о законах о гражданстве, о воссоединении семей, о мультикультурализме.

Постоянно подчеркивается неблагодарность потомков иммигрантов:

- ◆ *Мы понастроили им бесплатного жилья, платим пособия на детей (а в семьях по десять отпрысков). Пособия по безработице – и что получили в ответ?*

◆ *Европейцы думали, что выходцы из нищих стран, которые миллионами селились у них, будут благодарны за хлеб и жилье, примут их культуру и стиль жизни, но все случилось по-другому – «гости с юга» требуют, чтобы Европа жила по их правилам.*

Такой дискурс выплескивается и в собственно политический дискурс. Не надо забывать, что обсуждение этих вопросов социально значимо и ответственно.

II. Межкультурная коммуникация в дискурсе СМИ

Роль лексического компонента политического дискурса в СМИ изучалась нами на материале межкультурного водораздела – переводов российской газеты на английский язык. Исследование советской политической риторики проводилось нами на примере иноязычного представления советских реалий в серии публикаций, исследующих англоязычные переводы газеты «Московские новости» [Бушев 2006].

В газете велась рубрика, знакомившая читателя с советской историей. В ней под подзаголовком *Colloquial Chronicle* велась речь о перестройке. Обращает на себя внимание как внимание автора С. Роя к рассказу о местных, специфических явлениях (реалиях общественно-политической и частной жизни), большое количество объяснений, описаний, транслитераций. Нельзя не отметить стереотипизации, неизбежно присутствующие при попытке с позиции личного опыта и личной правды взглянуть на недавнюю историю (типа *Gorbachev cleans the Augean stables of entrenched gerontocracy*).

Редакторская жизнь позволяет С. Рою поделиться авторскими оценками персонажей: *Probably the most scathing characteristic of Tikhonov I ever read was given by Academician Georgy Arbatov: "I am convinced that appointing [under Brezhnev] to the extremely important post of chairman of the country's Council of Ministers N.A. Tikhonov, an illiterate and dull-witted person (also one of Brezhnev's old cronies), was a most absurd and simply incredible occurrence. He made a great contribution to the economic ruin of our state".*

Проблемы межкультурных параллелей и эквивалентности перевода находят свое воплощение в этом дискурсе: так, рассказывая про Рыжкова, который намеревался с Горбачевым вдохнуть новую жизнь в советскую экономику (*to breathe new life into the Soviet economy*), должность Рыжкова на Уралмаше была переведена как *this former manager of the enormous Uralmash machine tool complex in the Urals*. Осуществляется и транслитерация крылатых фраз русского языка.

Отставка Тихонова описывается как a long-awaited event greeted with sighs of **davno pora** "high time".

Ryzhkov and his team tinkered with plans to improve the management of the economy and with experi-

ments in polny khozraschet 'complete self-accounting' and other socialist ways of cheating humanity's market instincts, Tikhonov ran the faltering Soviet economy strictly along Stalinist lines, using administrative command methods and nothing but.

Отставка главы Москвы В.В. Гришина вспоминается в рамках борьбы за власть между Горбачевым и старой гвардией: *It wasn't all that difficult. There was so much mud around to sling at Grishin that all you had to do was pick it up and sling it. The whole systema trgovli 'trade system' in Grishin's kingdom. Moscow, was in fact a system of backdoor deals and kickbacks thriving on shortages.*

При изображении нашей прошлой жизни используются транслитерированные и объясненные реалии – пути поиска эквивалентности, концептуализации экстралингвистического в таких реалиях прекрасно описаны в многочисленных переводоведческих учебниках: *houses s nedodelkami, Sobes, Sovetskaya Rossiya – at that time a pretty progressive paper.*

Существует вопрос, насколько это интересно, насколько это однобоко. Это, очевидно, нужно – не всякий современный читатель, очевидно, может похвастаться знанием голосования за единого кандидата из блока коммунистов и беспартийных, очередями за необходимыми товарами потребления и т.д.

Оппозиционный блок был достаточно разношерстным, но его прочно объединяло неприятие таких «ценностей» советского строя, как отсутствие демократических свобод, цензура, ограничение прав личности [Леонов 2002: 9]. Люди устали стоять в очередях за самыми необходимыми товарами потребления. Провозглашалась рыночная экономика – это щадящее слово вместо грозного слова «капитализм», о котором было решено вообще не упоминать, чтобы не травмировать общественное сознание [Леонов 2002: 69]. В хронике тех лет, восстановленной на страницах газеты, проводится идея, что советское руководство уже начинало предпринимать шаги в направлении разрешения частной собственности в легальной экономической жизни России. В этой связи упоминаются первые начинания: кооперативы, право хозяйственного ведения, аренда с правом выкупа, закон о социалистическом предприятии (объединении). Становится ясно, что осуществлен грандиозный рывок. Однако отметим и сегодняшние проблемы.

Демонстрируется представление актуального для исторической реальности тех лет, давно ушедшей.

Those were the years when people you' never see near the Conservatory developed taste for classical music. Whenever lightweight entertainment on TV and radio was hurriedly replaced by Haydn, Mozart or Beethoven, folks sat up and took notice. Phones started jangling all over Moscow and countless cryptic conversations were held which, however, were crystal clear to everyone, including eavesdropping KGB "Heard any-

thing? "DA" 'Which? First? Second? Definite? Yaeh? When? "Yesterday" "And in his place?" "A, I guess But tune in at ten". Decoded, this meant that the questioned individual had got to his short-wave radio first and had heard through the jamming some vrazhiy golos ('enemy voice') report that No.2 in the Politburo hierarchy, Michael Suslov the day before and that his place would most likely be taken by Yury Andropov.

Труден подбор эквивалентов:

Psikhushki = loony bins.

Zakruchivanie gaukek = 'tightening the screws'.

Ills – slackness, graft, corruption, drunkenness, thievery, nepotism, pokazukha.

Приводятся воспоминания о времени Аганбегяна, Арбатова, Богомолова, Заславской, Абалкина, Белоусова, Петракова, Ситаряна. Используются показательные отрывки из мемуаров политических деятелей былой эпохи. Так, ответ Андропова на заявление Рыжкова и Горбачева о том, что они хотят понимать ситуацию с госбюджетом, цитируется по книге М. Горбачева «Жизнь и реформы»: *«You don't want much, do you. No, I am not letting you into the budget secrets».*

Роль метафоризации в передаче оценочности и воздействия несомненна: *«Вот и получается, что сам Б. Ельцин не мог породить идею «дикой приватизации», А. Чубайс в «дореволюционное время» даже не интересовался данной идеей, других претендентов на авторство этой затеи в России не объявилось. Значит, семена сей напасти занесены политическими ветрами из далеких заморских стран, откуда когда-то дополз до России колорадский жук»* [Леонов 2002: 100].

Персоналии прошлого также находятся в центре внимания газеты (Эйзенштейн, Уланова, Колчак, Курчатов). Это отражение практики «личность как коммуникация».

В связи с вышеприведенными примерами отметим, что проблема **осмысления языковых средств, воплощающих языковую практику периода социализма**, не нова.

До эпохи перестройки активному изучению подвергался язык победившего социализма, советизмы, испытывалась гордость от интернационализации слова спутник, декларировался новый социолингвистический характер ономастики, исследовалась казуистика имен в честь борцов революции и феноменов революционной борьбы. Подробно трактовались лингвострановедческие реалии в брошюрах и словарях общественно-политической лексики (русско-английский словарь общественно-политической лексики конца восьмидесятых годов), лингвострановедческих пособиях, пособиях по практике иностранных языков (взять хотя бы знаменитое пособие по практике разговорного английского Купера и Рубальского).

Шли поиски **путей адекватной передачи безэквивалентной советской лексики**. Скажем, журналист и переводчик С. Рой в серии статей «The Crash of the Empire» в «Moscow News»

(1998-2000 г.) дает указанные слова транслитерированными и петитом, тем самым подчеркивая их безэквивалентность и уникальность стоящих за ними явлений **samizdat, obkomz, reskomz, otdely, khozyain, sozsorevnovanie**.

В последнее время возникает новый подход, который можно назвать констатирующе-критическим. Новояз советской эпохи предстает как отражение тоталитаризма, рассмотрение идейного мифотворчества, бытовавшего в советской печати. Newspeak имеет свои характерные черты, которые подвергаются описанию и осмыслению (работы Б.А. Зильберт, М.В. Горбаневского, Н.А. Купиной, Б.Я. Шарифуллина, Г.Г. Почепцова). В газетных текстах тех лет находят отражение все свойственные языку прошлого феномены: **минимизация активного словарного запаса; идеологизация, политизация нейтральной лексики** (партия, народность, идейность); **тяга к аббревиатурности; клишированность речи; специальная фразеология и паремиология; лозунговость в языке и ментальности**. Все эти явления обсуждаются в работах по политической семантике.

Понимания требуют целые жанры былой эпохи – передовица типа «*нынче вряд ли найдется в нашей стране человек, не поверяющий себя решениями Апрельского (85) пленума ЦК КПСС*».

Жанр газетных текстов – прекрасная модель рефлексии над ценностями уходящей эпохи.

Газетные тексты представляют образцы текстовой рефлексии над феноменами прошлых лет: «*Она оставила мне для знакомства старенькую косметичку с газетными вырезками и удостоверениями – ударника разных пятилеток, победителя бесчисленных соцсоревнований, ветерана труда, лучшего дворника Москвы, орденосца...*» («Вечерняя Москва» 2000).

К XI Всемирному фестивалю молодежи и студентов на московские здания срочно наводили марафет, обшивая свежим тесом гнилые бараки и расписывая цоколи под мрамор» (Там же).

III. Специфика художественных медийных жанров

Маргинальные жанры политического дискурса – художественные масс-медийные жанры. Интерес в теории жанроведческого описания представляют собой синтетические жанры (об этом пишут В.И. Провоторов, И.С. Алексеева, М.П. Брандес, Г.М. Стрелковский, Н.М. Разинкина, Ю.М. Скребнев).

Одним из жанров, где сочетаются публицистичность, газетность, присущая функциональному стилю газетной публицистики, и художественность, неявность смысла, метафоризация, присущие языку художественной прозы, является **художественная публицистика**.

Вариантов жанров художественной публицистики много: например, памфлет, эссе – произведения, несущие печать неповторимой авторской оригинальности. Характеристика, прав-

да, скорее риторическая, а не лингвистическая, художественно-публицистических жанров представлена в работе А.А. Тертыхного (2000). Автор представляет характеристику очерка, фельетона, памфлета, пародии, сатирического комментария, житейской истории, легенды, эпиграфа, эпитафии, анекдота, шутки, игры. Данная проблема представлена в аспекте дидактики профессионального мастера журнала.

Представляет интерес **языковая характеристика жанра** – прежде всего, **языковые корреляты газетности, коллоквиальности, художественности и их комбинация**.

Необходимо показать, что понимание языка тоталитаризма есть не только **понимание феноменов**: очередь, колбаса, характеристика в Болгарию, час пик в метро, радость добычи консервированного компота «Хунгароплод», сменная обувь, черная суббота, «за мной не занимать», «больше двух в одни руки не давать», но и **проблема понимания текста**.

Звонок телефона был неожиданным и резким, как выстрел.

Я вскочил. К окнам прилипла темнота, часы показывали шесть утра.

- Да?

- Спишь? – спросил меня на том конце провода мой товарищ из милиции Витя Пашковский.

- В некотором роде. А что случилось?

- Ничего особенного. Просто хочу сообщить, что концрта к Дню милиции не будет.

- Ну и что?

- Думай.

И хотя думать было нелегко, потому что мы начали отмечать милицейский праздник накануне, я сразу догадался, что наша великая страна осиротела.

Я вышел на кухню, достал из холодильника бутылку чешского пива, огромный дефицит по тем временам, и включил «Маяк».

Бодро и радостно диктор сообщил мне о том, что на Челябинском тракторном заводе вступила в строй новая линия, потом мне рассказали, как военнослужащие «ограниченного контингента советских войск в Афганистане» вместе с простыми дехканами посадили первые деревья будущего сада «Дружбы», потом я выяснил все о происках американского империализма в Африке.

Все. Более никакой информации.

По музыке определить политическое состояние державы было нелегко. Так как после новостей бодрый голос певца поведал мне и всем остальным соотечественникам, что «вновь продолжается бой, и сердцу тревожно в груди, и Ленин такой молодой, и юный Октябрь впереди»...

И наконец заиграла печальная музыка по телевизору, и стране объявили о тяжелой утрате. («Московский Комсомолец 14 апреля 2000 г; «Ужин с Галиной Брежневой» Э. Хруцкий)

При прочтении такого текста работает и техника жанроопределения (газетные мемуары, ироничные байки); и техника определения

внутритекстового рассказчика (рефлексирующий над жизнью и языком советского быта журналист, работавший в те годы), техника понимания образа автора, его цинизм а posteriori (подтверждаемый нижеследующим по тексту: «Грех говорить, но сообщения о том, что человек навсегда покинул нас, с нетерпением ожидало большинство населения страны»). Работают и другие техники, задействующие рефлексию над текстовыми средствами лексики, риторико-стилистическими особенностями.

Байки как концентрации смыслов и своеобразный жанр со своими законами не могут не заинтересовать исследователей:

Я все это проходил: нельзя здороваться с Зоценко. С детства. Я помню, как мы жгли чучело Зоценко на костре. Это же все вокруг меня варилось. Помню Шостаковича, опального, который приходил пить «Боржоми» с папой. И как мы стояли в очереди за сыром «Рокфор», который «выбросили» в магазине в Комарово. За нами стоит мужик в кожаном пальто и говорит про сыр: «Как Шостакович – с гнильцой». (А. Герман)

Хейфец жил в Комарово в нашей бане, потому что был проитрафившийся. И он с двумя лауреатскими значками выходил из нашей бани. Спрашивали: Кто это? – Дважды лауреат Сталинской премии! На него рассердился Сталин, потому что он снимал Советскую Мордовию и старался, как мог. За ними ездил грузовик с костюмами и галстуками, которые они надевали на всех трактористов. А промышленность он ездил снимать совершенно в другую республику, потому что в Мордовии не было выразительной промышленности. Но Сталин рассердился и сказал: Не такая Мордовия! И Хейфец улетел в нашу баню (А. Герман).

Состав на мавзолее с годами медленно менялся, правое его крыло всегда плотно заполняли военные, в центре и чуть слева – главные люди страны. И не только общеизвестные. Были такие, которых по фамилиям вроде бы знали, но они как-то сливались, не были резко выражены, как сейчас бы сказали, или общим списком: Кириленко, Кириченко, Коротченко... Примкнувший говорил: «Красиво мерзнуть на параде». Хрущ ему: «Как это можно красиво мерзнуть?» А ведь это Пушкин. Примкнувший-то культурный был. – А Михаил Андреевич? – СуслО? Нет, он идеолог. (К. Ваншенкин)

Или когда Лера Новодворская раскидывала листовки перед началом спектакля «Октябрь» – оперы Ванно Мурадели – в Кремлевском дворце. Опера была плохая, ее ставили только на 7 ноября. Лера была плохая, ее ставили только на 7 ноября. Лера кинула листовки за пять минут до начала спектакля. Был выходной день, и КГБ было уже пьяное. Ее даже арестовать было некому. – Но она же хотела, чтобы ее арестовали? – Ждала... (Из интервью А. Караулова «Новой газете» 2000 г.)

Шеф ТАСС В. Игнатенко рассказывал про свою первую статью в центральной газете про Херсон «Солнце опускается в море». А в Херсоне моря нет. Смеялись полгода. Это подвигло его на серьезное изучение географии.

Метафора давно занимает исследователей и как «сопряжение далековатых идей» (М.В. Ломоносов), и как «силки мышления» (Аристотель), и мощное риторическое средство, и способность сказать нечто новое. Метафоризация в сообщении и в воздействии представляет процесс изменения курса направленности рефлексии реципиента, приводящий в конечном итоге к усмотрению определенных запрограммированных автором смыслов.

Изучение метафоризации в политических мемуарах проводилось нами на примере публицистики Н.С. Леонова «Крестный путь России», посвященной политической истории России после 1991 года. Автор – живой свидетель и участник описываемых событий – опирается на свой богатый опыт аналитики, вскрывает подоплеку многих событий, покрытых мифами и пропагандисткой шелухой. Мемуары рассматриваются нами с целью выявления функций метафоры как средства тексто- и смыслопостроения в политическом дискурсе и разработки методики анализа политического дискурса, основанной на обращении к герменевтическому подходу и выявлении функциональных возможностей метафоризации.

Найдены характерные примеры протрагированных метафоризаций в политических мемуарах.

Стандартные («автоматизированные метафоры»): *Большой Дворец набит охраной и челядью... Эта эпоха – генетический разлом в судьбе страны и народа... Россия в самостоятельном плаваньи... выпустил из рук рычаги... беспомощно барахтался в потоке событий, увлекаясь в гибельный водоворот... ресурс доверия был исчерпан.*

Нестандартные, актуализирующие смысл, оценочность: *На М. Горбачева обрушились потоки жесткой критики, «партократы» уже чувствовали запах приближающегося пожара, дали волю своему раздражению... Но когда вконец измотанный Горбачев поставил вопрос о своей отставке с поста Генерального секретаря, члены ЦК дрогнули, испугались своей «смелости» и стали даже просить Горбачева остаться на капитанском мостике. Именно на этом Пленуме была потеряна последняя возможность сбросить с ног изношенные в конце горбачевские лапти и попробовать пойти, как встарь, босыми ногами по росистой траве. Но сил уже не было... мало кто заметил, что на Пленуме забыли, что собрались для того, чтобы наметить пути развития страны. Наступал маразм.*

Ряд концептуальных положений вызывает интенсивную научную рефлексию (имплицитность позитивных характеристик в метафоре как вариант косвенной оценочности, смысл «мы-они» как основа в смысловой иерархии метафоризированных смыслов, прогнозирующая функция метафоры, соотношение функций экспликации и актуализации в метафоре, идеальное в дискурсе, использование метафор как для экспликации, так и для завуалирования ка-

тегоричности и баланс оного, свойства метафоры политического дискурса).

Прочтение политических мемуаров заставляет обращаться к учению о речи – риторике, а именно к категоризации смыслов гражданской речи, выполненной для потомков Аристотелем – топики.

Четко показано, что метафоры поэта и политика принципиально разнятся, поскольку разнятся тип дискурса (функциональный стиль), разная языковая личности адресанта и адресата, разные цели, разные смыслы, есть или нет фактор массового адресата, разная языковая личность политика и художника. Многие (едва ли не все) метафоры политики банальны, стереопипны. Притчами говорил и Христос. Какова особенность политических и гражданских метафор? Почему метафоры так легко номинировать – (Дж. Лакофф. А.Н. Баранов)?! Все вышесказанное приводит к разделению метафоризации и актуализации (не всякая метафора значима). Отмечая функции метафоры, многие авторы отмечают когнитивную функцию, но не выделяет коммуникативную. Базируясь на функциях языка, знаменитой классификации Р. Якобсона, на наблюдениях за метафоризациями в речи, было бы несправедливо отказать метафоре в коммуникативной функции.

Приведем отрывок из газетного выступления Т. Толстой «Кошелек интимнее обнаженного тела» (АиФ, № 5, 2002).

Новые правила

Такая же необъяснимая ненависть охватывает граждан, особенно женщин в шубах, если бабка у метро якобы задамывает цену на квашеную капусту: «Совсем обнагдела!» Совершенно не важно при этом, почем капуста. Важно, что бабка вот прямо на глазах женщины в шубе зарабатывает живые деньги. И с каждой минутой становится все богаче и богаче – это до чего же можно дойти! Вот она уже строит себе дом с башенкой, вот она уже рубит баньку, вот расширяет угоды, вот бабка скупает пахотные земли, вот забил нефтяной фонтан... вот бабка с мигалкой едет в Кремль на совещание к президенту, и расступаются народы, и бабкин кортеж, совершенно обнаглев, переезжает женщину с шубой прямо всеми колесами! А там и контрольный выстрел!

Раздавленная и простреленная, женщина в шубе возмущенно платит за полкило квашеной и направляется домой, где попадет и мужу, и дочке-вертихвостке с ее дурацкой музыкой. А соседи сверху тоже обнагдели и делают ремонт, причем прямо с утра начинают стучать и сверлить так, что голова пухнет! А в метро обнагдели и набились, как сельди в бочке! А на улице обнагдели и ездят сплошным потоком!»

Наука создала интеллектуальные инструменты, целый методологический подход к толкованию текстов. Истолкование, интерпретация, поиск скрытого смысла в смысле очевидном должны не только стать целевой установкой прочтения текста (герменевтика), но и най-

ти свои техники методологические приемы эффективного прочтения текста. Текст, контекст, связи – эта техника соотнесения с другими текстами, в том числе текстами живой речи, находит отражение во всех попытках поиска методологического аппарата толкования. Это и обращение к поясу МК в СМД-методологии у Г.И. Богина, и поиск интертекстуальности, и смешение стилей (*clashes of styles*) в традиции классической стилистики.

Посмотрим на следующий текст Т. Толстой и определим те элементы, которые заставляют нас проецировать его по смыслу «привычность осуждения в бытовых разговорах, пародирование стандарта завистливой речи»

В России все хотят разбогатеть, но не любят разбогатевших. Причем не только за пределами и вызывающе богатых, не только очевидно живущих на несправедные средства, но любого, кто, у всех на глазах, тяжко трудясь на незavidной работе, накопил себе денежек и покупает, ест или строит. Не любят, например, челноков, чей труд на редкость безрадостен и опасен: их и грабят, и «кидают», и обворовывают, и турецкое барахлишко их, убогое и само по себе, все норовит выйти из моды, разорив торговца. Только привез полную фуру тупоносых сапожек «стреч» – ан глядь, барышни носят уже узконосые на шнуровке. Нет, конечно, пока они волокут свои клетчатые сумки, надрываясь под тяжестью груза, или перетаптываются на морозе, их можно и пожалеть. Но как только челнок заработал себе на квартиру, или ремонт, или корову, он сейчас же становится куркулем и жлобом, спекулянтом, нахапавшим вон сколько, напозволявшим себе ишь что».

Нуждаются в четкой делимитации критерии коллоквиальности, критерии художественности, критерии газетности. Показательны пути создания синтетических жанров, особенно в постмодерне. Это не праздный вопрос, не только филологически релевантный. Ведь богатство стиля, способность овладения наибольшим количеством стилей приравнивается к богатству языковой личности, связывается с богатством понимания и способностью интерпретировать окружающую действительность, а значит связано с возможностью выразить себя и понять окружающих.

ЛИТЕРАТУРА

Бушев А.Б. Риторический анализ паблик рилейшнз Пентагона при освещении операции в Ираке // Актуальные проблемы теории коммуникации: Сборник научных тр. – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. С. 280-298.

Бушев А.Б. Риторика межкультурной проникаемости в периодике // Зарубежная и российская журналистика: актуальные проблемы и перспективы развития. Материалы Международной научно-практической конференции. [Отв. ред. доц. Н.В. Бергер]. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2005. С. 20-27.

Бушев А.Б. Дискурс мультикультурализма и беспорядки во Франции 2005 года: некоторые язы-

ковые и социально-психологические аспекты // Речевая коммуникация на современном этапе: социальные, научно-теоретические и дидактические проблемы. Материалы Международной научно-метод. Конф. [Ред. колл.: Н.Д. Бурвикова и др.]. Ч.1. – М., 2006. С. 123-129.

Бушев А.Б. Дискурс мультикультурализма // Социум и власть. 2007. № 4. С. 12-19.

Бушев А.Б. Англоязычные качественные СМИ о современной России: динамика социальных представлений // Филологические науки. Известия ЮФУ. № 3. 2008. С. 125-137.

Бушев А.Б. Трансляция религиозных ценностей как этнокультурная и этнополитическая проблема // Общество и этнополитика. Материалы Международной научно-практической Интернет-конференции (1 апреля – 15 июня 2008 г.) – Новосибирск, 2008. С. 211-218.

Бушев А.Б. Медийное и художественное моделирование // Вестник Читинского государственного университета № 3 (54). С. 154-160. – Чита, 2009.

Бушев А.Б. Элементы дискурс-анализа для оценки манипуляции в глобальных средствах массовой коммуникации // Вестник Бурятского университета. Выпуск 6а. С. 301-306. – Улан-Удэ, 2009.

Зотов Г. Париж: «Ребята! Не Москва ль за нами?» // Аргументы и факты. № 46. 2005.

Кассель П. Париж в огне // Завтра № 45, ноябрь 2005.

Леонов Н.С. Крестный путь России. – М., 2002.

Проханов А. Москва поскользнулась на арбузной корке // Завтра. № 46, ноябрь 2005.

Рогозин Д. Ответ клеветникам // Завтра. № 46, ноябрь 2005.

Тертычный А.А. Жанры периодической печати. – М.: Добросвет, 2000. 384 с.

Oliver C. French Hoping Curfews Bring End to Unrest // AP Writer Nov., 8, 11: 12 AM ET, URL: www.yahoo.com.

Bridge R. France on Fire // The Moscow news. № 43, 2005.

© Бушев А.Б., 2009

Дементьева М.К.
Москва, Россия

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ
ОЦЕНКИ В СОВРЕМЕННОМ
РОССИЙСКОМ ОФИЦИАЛЬНОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

Аннотация. Языковой образ политика отражает его когнитивно-речевые стратегии, его «картину мира», аксиологические установки. Особой общественно-коммуникативной значимостью отличается профессиональная речь президента. Одним из главных актов оценки, формирующих картину мира официального политического дискурса, является ежегодное послание президента РФ к Федеральному собранию. Использование средств открытой и скрытой оценки на всех языковых уровнях (риторических приемов, лексемы-узла «одобрять», прагмем, окказионализмов, метафор) актуализирует и закрепляет изменения в активном словаре общества.

Ключевые слова: политический дискурс, оценочность, риторический прием, прагмема, окказионализм, метафора.

Сведения об авторе: Дементьева Марина Константиновна, аспирант, ассистент преподавателя.

Место работы: Московский государственный университет печати.

Контактная информация: 140003, Московская область, г. Люберцы, ул. 3-е почтовое отделение, д. 88, кв. 94.

E-mail: thebukvica@gmail.com.

Dementyeva M.K.
Moscow, Russia

**LINGUISTIC MEANS OF EVALUATION
EXPRESSION IN CURRENT RUSSIAN
OFFICIAL POLITICAL DISCOURSE**

ГСНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.01

Abstract. Politician's language image reflects cognitive strategies of his speech, his world view and axiological attitudes. President's speech is of great social value. Annual President's Letter to Congress is one of the most important appraisal reports which form world view of official political discourse. Using of explicit and implicit means of evaluation (rhetorical methods, lexeme "approve", pragmatical units, occasional words, metaphors) actualizes changing of active vocabulary of society.

Key words: political discourse, evaluation, rhetorical methods, pragmatical units, occasional words, metaphors.

About the author: Dementyeva Marina Konstantinovna, Postgraduate Student, Assistant Lecturer.

Place of employment: Moscow State University of Printing Arts.

Языковое сообщество склонно к построению собственного **дискурса**, формированию особого узнаваемого «языка», состоящего из типического набора элементарных смыслов. Если дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [ЛЭС: 136-137], то политический дискурс есть совокупность «политических дискурсов (социально дифференцированных речевых практик) социума: дискурсии власти, контрдискурсии, публичной риторики, закрепляющих сложившуюся систему общественных отношений либо дестабилизирующих ее» [Методология исследований... 1998: 12]. Главной интенцией, базой политического дискурса являются вопросы приобретения и сохранения власти [Шейгал 2000: 43], причем «узловой точкой борьбы за власть является борьба за власть номинаций» [Современный русский язык 2008: 502]. Как властный инструмент, политический дискурс сочетает в себе динамичность и консервативность. Актуальность его исследования обусловлена тем, что политический дискурс напрямую или косвенно влияет на все сферы жизни общества: речевое воздействие здесь является основной целью коммуникации.

Образ политика, создаваемый языковыми средствами, обладает определенной спецификой. Согласно Ю.Н. Караулову, структура языковой личности состоит из трех уровней: вер-

бально-семантического (как совокупности языковых средств выражения определенных значений), когнитивного (как системы понятий, идей, концептов, составляющих «картину мира», которая отражает иерархию ценностей) и прагматического (как совокупности целей, мотивов, интересов, установок и интенциональностей) [Караулов 1989: 3]. В языковой личности политика третий, прагматический, уровень является преобладающим. Перед каждым политиком встают три базовых вопроса, почерпнутые из античной риторики: *Что сказать? Где сказать? Как сказать?* Ответы на эти вопросы кроются в прагматическом потенциале языковых единиц. К прагматике политического дискурса относится область поведения знаков в процессах политической коммуникации.

Образ политика отражает его когнитивно-речевые стратегии. Особой общественно-коммуникативной значимостью отличается профессиональная речь президента. Перед ним стоит задача выстраивать коммуникативную стратегию таким образом, чтобы консолидировать общество, согласовывать интересы различных социальных групп, эффективно представлять страну в мировом сообществе. Вместе с тем, он не может быть только функционером, важно, чтобы его образ был узнаваемым, чтобы комплекс составляющих его языковых и рече-

вых средств вызывал определенную когнитивную и эмоциональную реакцию аудитории. Став президентом РФ, Б. Ельцин выстраивал свой дискурс на контрасте к дискурсу советских лидеров. В. Путин, которого Б. Ельцин выбрал своим преемником на президентском посту, довольно скоро отграничил собственный, «молодой», «динамичный» дискурс от «консервативного» ельцинского. Перед Д. Медведевым стоит более сложная задача: ему необходимо подчеркнуть преемственность собственного дискурса по отношению к путинскому и одновременно сделать его индивидуальным, узнаваемым. В сравнении с образом В. Путина образ Д. Медведева кажется более сдержанным.

Образ политика есть отражение его «картины мира», его аксиологических установок. Оценка как выражение *одобрения / неодобрения* в процессе коммуникации характерна для социального взаимодействия вообще, но в политической коммуникации она играет особую, структурообразующую роль. Без оценки невозможна экспансия политических взглядов. Из трех базовых составляющих системы ценностей – конкретно-исторической, личной и общечеловеческой – политический дискурс чаще оперирует конкретно-исторической. В основе политического дискурса – утилитарные, морально-этические ценности.

Оценка – многоаспектная категория, состоящая из четырех компонентов: субъекта, объекта, основания и предиката оценки [Арутюнова, Вольф, Маркелова]. В своем послании президент выступает в качестве субъекта оценки, основанием оценки являются его идеологические взгляды, интенции. В качестве объекта выступают основные события жизни страны за год. Оценочный предикат реализует ценностное отношение, в котором интегрированы политик и личность. В политическом дискурсе оценка особенно динамична, она меняется с изменением политической ситуации, а значит, объектов и даже субъектов оценки; ее значения наслаиваются друг на друга.

Оценочная функция в политическом дискурсе есть репрезентация ценностного отношения автора текста к событиям, фактам, частным и групповым актантам. Успешность коммуникативного акта в политическом дискурсе зависит от того, способен ли реципиент перенести сообщение в свою парадигму, почувствовать, что оно адресовано ему, соотносить его с собственными ценностями – т.е. сформировать собственное оценочное суждение с минимальными интеллектуально-временными затратами. Адресант добивается того, чтобы его сообщение было усвоено адресатом, воспринималось им как собственное мнение, собственная оценка.

Одним из главных актов оценки, формирующих картину мира официального политического дискурса, является ежегодное послание президента РФ к Федеральному собранию. Это

устоявшийся жанр государственной политической коммуникации, текст, подводящий итог развития страны за год и ставящий стратегические и тактические задачи. Президент, с одной стороны, отбирает особенно важные для жизни страны и мира события, с другой стороны, самим фактом отбора делает эти события значимыми: в политическом дискурсе расставляются символические акценты, совокупность которых моделирует картину мира [Почепцов 2000: 85]. Актуализируется определенный тематический, а следовательно, и лексический пласт в политическом дискурсе и дискурсе СМИ, вводятся и закрепляются изменения в активном словаре общества: «**Конструирование события**» происходит посредством именованного и интерпретации и включает в себя операцию категоризации – встраивания события в дискурс, в общий тематический, концептуальный, стилистический ряд» [Современный русский язык 2008: 502]. Президент расставляет события на **оценочной шкале**, присваивая им статус «очень хорошо» – «довольно хорошо» – «хорошо» – «нормально» – «плохо» – «довольно плохо» – «очень плохо».

Президент в своем главном ежегодном обращении должен не только представить собственную точку зрения на положение в стране и в мире, но и артикулировать интересы нации, выразить ее ожидания, чтобы добиться максимального перлокутивного эффекта. Здесь важна апелляция к ценностной сфере каждого индивида и нации в целом. Ежегодное послание выступает как маркер, показатель языковой моды в официальном дискурсе: в политическом дискурсе «анализ языковых структур <...> дает возможность проводить лингвистический мониторинг общественного сознания и выделять в нем быстро меняющиеся и стабильные составляющие» [Баранов 1994: VII-VIII].

Сравним послания 2007 и 2008 годов. В. Путин и Д. Медведев реализуют разные речевые стратегии. В своих посланиях они активно используют средства открытой оценочности. Д. Медведев дистанцируется от путинского дискурса в первую очередь выбором событийных узловых точек, вокруг которых он выстраивает композицию собственного выступления. Так, В. Путин выступал в относительно благополучный период, о чем свидетельствует оценка «очень хорошо» («*Россия не только преодолела длительный спад производства, но и вошла в десятку крупнейших экономик мира*»), Д. Медведев же занял президентский пост в сложный момент, свидетельство тому – оценка «плохо» («*Произошли события, ставшие <...> серьезным испытанием для всей России*»). В соответствии с этим строится композиция выступлений.

В. Путин выстраивает прямую композицию: ему важно проследить вектор развития страны. Для этого он использует глагольные конструкции в трех временных планах: прошлом (отдает

дань памяти Б. Ельцина, в эпоху которого «был заложен фундамент будущих перемен»), настоящим (в его основе «духовное единство народа и объединяющие нас моральные ценности») и будущим (к осуществлению которого ведут стратегические планы: «это формирование дееспособного гражданского общества, это строительство эффективного государства, обеспечивающего безопасность и достойную жизнь людей, это становление свободной и социально ответственного предпринимательства, это борьба с коррупцией и терроризмом, модернизация Вооруженных Сил и правоохранительных органов, это, наконец, значимое укрепление роли России в международных делах»). Все три временных плана тесно взаимосвязаны в выступлении, прослеживается тенденция «строительства светлого будущего» «всем миром, сообща», о чем свидетельствует оценка «очень хорошо». Абстрактные существительные в роли однородных членов усиливают воздействующий эффект.

Д. Медведев вынужден постоянно возвращаться к мировому финансовому кризису, он начинает и заканчивает свою речь словами о конфликте в Южной Осетии. Обоим событиям присвоена оценка «очень плохо»: «Это варварская агрессия против Южной Осетии», «экономика Соединенных Штатов потащила за собой вниз, на траекторию спада, финансовые рынки всей планеты». Кольцевая композиция послания подчеркивает значимость конфликта как показателя расстановки сил в современном мире. Стратегическая цель послания Д. Медведева – уверить аудиторию в том, что страна уже стоит на пути выхода из кризиса и что для этого нужен личный вклад каждого. Провозглашаемым целям и средствам их достижения Д. Медведев присваивает оценку «очень хорошо»: «Наш приоритет – это производство (а в перспективе – и экспорт) знаний, новых технологий и передовой культуры. А значит, достижение лидирующих позиций в науке, в образовании, в искусстве. Мы обязаны быть на переднем крае инноваций в основных сферах экономики и общественной жизни. И на такие цели ни государству, ни бизнесу скупиться не стоит – даже в непростые финансовые периоды».

Послание президента – главное обращение к аудитории страны. Президент в нем выступает от имени высших властных институтов. Употребляя **личные местоимения**, президент особой доверительной интонацией фиксирует внимание на проблемах, о которых говорит как о значимых лично для него: В. Путин о фонде: «Я помню, когда мы начинали заниматься этой темой, сначала вообще было, по-моему, в 2004 году, 300 миллионов, потом по миллиарду выделяли, в этом году – опять миллиард». Элементы разговорного стиля усиливают доверительную интонацию В. Путина. В отличие от В. Путина, Д. Медведев избегает разговорных конструкций, особо подчеркивая собственную ответственность за принятые решения: «Я утвердил но-

вую конфигурацию облика Вооруженных Сил нашей страны».

Мощными средствами оценки являются **парадигмы «мы-инклюзивное» и «мы-эксклюзивное»**. Включение политического субъекта, события в одну из них мгновенно маркирует субъекта и событие, относит их к «лагерю» «свой» или «чужие», «хорошо» или «плохо».

В парадигму «мы-инклюзивное» В. Путин включает руководство страны («мы осознанно пошли на этот, по сути, революционный шаг, по-серьезному демократизировали избирательную систему», «Мы с вами должны с полной отдачей сил до последней минуты наших законных, конституционных полномочий и эффективно использовать то время, которое нам подарила судьба, чтобы послужить России»), российское общество («При этом мы понимаем, что находимся, конечно, только в начале трудного пути к подлинному возрождению страны. И чем более сплоченным будет наше общество, тем быстрее и увереннее мы сможем пройти этот путь»), весь народ («духовное единство народа и объединяющие нас моральные ценности»). Градационный ряд **ФС, наше общество, народ** создает впечатление, будто его члены – синонимы. Мифологизация общественного сознания происходит за счет того, что идеологизированному клише здесь соответствует мнимый денотат [Современный русский язык 2003: 162].

Д. Медведев парадигмой постулирует консолидацию российского общества в тяжелых условиях: «Отрадно отметить (и говорю это с искренней благодарностью), что по событиям на Южном Кавказе (типичный для речи чиновников оборот, отражающий закон речевой экономии) крупнейшие политические движения страны действовали солидарно». Д. Медведеву нужно подчеркнуть, что в кризисных условиях Россия не будет руководствоваться только собственными интересами, приостанавливать процесс интеграции в мировое сообщество, поэтому в парадигму «мы-инклюзивное» он включает весь мир: «Свойство некоторых проблем становится всеобщими характерно для нашего взаимосвязанного мира», – говорит он об общемировом пространстве и уже в следующем предложении переходит к внутривоспитательному, употребляя то же самое местоимение: «Мы давно сделали свой выбор в пользу глубокой интеграции в мировое хозяйство». Включение **мирового сообщества** в градационный ряд **правительство («основу нашей политики...»)** – **граждане России («Это то, что дорого вам, дорого мне, дорого нам всем»)** – прием включения адресата в «свой» круг – Россия («наша страна») воспринимается как преувеличение.

В парадигму «мы-эксклюзивное» В. Путин включает две группы «врагов». Действия всех трех групп В. Путин помещает в область «очень плохо» на градационной шкале оценок. Во-первых, это внутренние враги (прежние элиты): «Прямо скажу: не всем (исключение из парадигмы "мы-инклюзивное") нравится (создает

образ оппонента, "врага" и дает отрицательную оценку развитию страны от его имени) *стабильное поступательное развитие нашей страны* (положительная оценка вектора развития страны). *Есть и те, кто, ловко* (от: "ловкий: находящий выход из любого положения, хитрый, изворотливый" [Ожегов 2007: 229]) *используя псевдодемократическую* ("псевдо...: первая часть сложных слов в значении мнимый, ложный" [там же: 444]) *фразеологию* (т.е. используя клише, а не создавая новые знаки), *хотел бы вернуть недавнее прошлое: одни – чтобы, как раньше, безнаказанно разворовать* ("разворовать – то же, что расхитить: похитить по частям, в разное время, занимаясь воровством, хищениями" [там же: 471]) *общенациональные богатства, грабить* ("грабить: отнимать силой что-нибудь у кого-нибудь, разоряя" [там же: 100]) *людей и государство, другие – чтобы лишить страну экономической и политической самостоятельности* (ценностей, закрепленных Конституцией); *«Кое-кто не гнушается* ("гнушаться: испытывать чувство отвращения к кому-нибудь, чему-нибудь вследствие презрения, брезгливости" [там же: 95]) *и самыми грязными* ("грязный: покрытый грязью, запачканный, нечистый" [там же: 105]) *технологиями, пытаюсь разжечь* ("разжечь: довести до высокой степени, крайне усилить" [там же: 455]) *в нашей многонациональной демократической стране межнациональную и межконфессиональную рознь* ("рознь: вражда, ссора" [там же: 482]). Во-вторых, внешние враги: *«Растет и поток денег из-за рубежа, используемых для прямого вмешательства в наши внутренние дела».*

Д. Медведев относит к внутренним врагам тех, *«кто хотел бы нажить* ("нажить: постепенно накопить, собрать, получить какую-нибудь прибыль" [там же: 263]) *на глобальном экономическом кризисе "лёгкий" политический капитал* (слово расширило сочетаемость: не только финансовый, промышленный, но и политический, человеческий), *кто настроился на популистскую болтовню* ("болтовня: бессодержательные разговоры, пустословие" [там же: 39]), *кто хотел бы дестабилизировать* (антоним "стабилизировать: привести в устойчивое положение, состояние" [там же: 535]) *общество, чтобы удовлетворить личные амбиции*». Внешние враги более конкретизированы, чем в речи В. Путина. Это руководство Грузии: *«Нападение* (от: "напасть: выступить против кого-нибудь, чего-нибудь с целью разгрома, уничтожения, нанесения ущерба" [там же: 268]) *грузинской армии* ("армия: вооруженные силы государства" [там же: 22]) *на российских миротворцев* ("миротворец: тот, кто способствует поддержанию мира, устранению войн" [там же: 247]) – хотя "российские миротворцы также были вооружены"»)» (перлокутивный эффект достигается за счет использования контраста),

«локальная авантюра ("авантюра: беспринципное, рискованное, сомнительное по честности дело, предпринятое в расчете на случайный успех" [там же: 14]) *тбилисского режима обернулась ростом напряжённости* (от: "напряжённый: неослабевающий, требующий сосредоточения сил, внимания; беспокойный, готовый разразиться чем-нибудь неприятным" [там же: 270]) *далеко за пределами региона, во всей Европе, во всём мире».*

Парадигму «мы – эксклюзивное» Д. Медведев строит на контрасте к парадигме «мы-инклюзивное», оценивая ее отрицательно: *«Россия готова вместе с другими странами противостоять и тем трудностям, к которым ведет её замедление. Но необходимо создать механизмы, блокирующие ошибочные, эгоистические, а подчас просто опасные решения некоторых членов мирового сообщества. Ведь что греха таить, трагедия Цхинвала стала, помимо прочего, следствием самонадеянного, не терпящего критики и предпочитающего односторонние решения курса американской администрации».*

Присущая российской культуре ориентированность на коллектив [Добросклонская 2000] нашла отражение в выступлениях обоих президентов. Однако в большей мере она характерна для выступления В. Путина: он обращается к поискам русской идеи, упоминая в этом контексте план развития экономики, позднее названный «планом Путина». Пользуясь тем, что у термина "русская идея" нет строгой дефиниции, В. Путин определяет его по-своему, отождествляя с экономическим планом, оцененным «очень хорошо»: *«Однако есть нечто такое, что объединяет всех без исключения: все хотят, чтобы это были перемены к лучшему. Но не все знают, как этого добиться. А мы с вами, те, кто собрался сегодня здесь, в Кремле, не только обязаны это знать – мы обязаны сделать все для того, чтобы выработать план практических конкретных действий. Мы должны сделать все для того, чтобы убедить в эффективности этого плана подавляющее большинство граждан страны и сделать их реальными соучастниками общего созидательного процесса».*

В отличие от В. Путина, Д. Медведев апеллирует к каждому конкретному индивидууму. При этом Д. Медведев не использует личные формы глаголов, в его речи возникает абстрактный, символический индивидуум, о котором президент говорит в третьем лице: *«Основу нашей политики должна составить идеология, в центре которой – человек. Как личность и как гражданин, которому от рождения гарантированы равные возможности. А жизненный успех которого зависит от его личной инициативы и самостоятельности. От его способности к новаторству и творческому труду. И сейчас это для нас важнее, чем когда бы то ни было».* В этом контексте он обращается к Конституции как символу обновления страны, смены точек зрения, перехода от

оценки «очень плохо» к оценке «очень хорошо». Д. Медведев делает акцент на контрасте: не человек для государства, а государство для человека: *«В России на протяжении веков господствовал культ государства и мнимой мудрости административного аппарата. Конституция предопределила путь обновления России как государства свободной нации»*. Стремясь отграничить собственный, «либеральный», дискурс от путинского, «силового», Д. Медведев использует «юбилей» российской Конституции как информационный повод обратиться к ценностям (оценка «очень хорошо»), закрепленным в основном законе, и подчеркивает: *«Теперь вопрос не в том, быть или не быть демократии в России, как это было ещё совсем недавно, 15 лет назад. Понятно, что быть. Очевидно. С этим никто не спорит. Теперь вопрос в том, как должна развиваться дальше российская демократия»*. Парцелляция, употребление наречий «понятно, очевидно» символизируют уверенность Д. Медведева в незыблемости ценностей.

Сознательно уходя от стилистики путинских выступлений, Д. Медведев старается «выстроить» собственный дискурс. Он подчеркивает, что занимается сугубо практической работой: *«Не собираюсь никому читать мораль или пускаться в абстрактные рассуждения. Президент России – это очень конкретная и практическая работа»*. Вместе с тем, воспринимается обращение к теме Конституции, свободы слова как лирическое отступление, что вызвано в том числе морфологическими средствами. Там, где В. Путин насыщает свою речь числительными: *«за период с 2007 по 2009 год увеличение среднего размера пенсий должно составить не менее 65 процентов»*, – Медведев вводит отвлеченные существительные: *«Принято также решение о повышении тарифов пенсионного страхования до уровня, позволяющего достичь европейских стандартов пенсионного обеспечения»*.

И В. Путин, и Д. Медведев избегают конструкций с **прямой оценочной лексикой**, за редким исключением, которое свидетельствует об эмоциональной реакции говорящего и тем самым становится средством «выдвижения» смысла. Примером может служить личная оценка «очень плохо», данная В. Путиным современному состоянию ЖКХ: *«Невнимание государства к этим проблемам вообще считаю аморальным»*. В. Путин противопоставляет тематическому пласту, связанному с государственными задачами и проблемами, группу слов, относящихся к этике общения («невнимание», «аморальным»). Создавая эффект неожиданности, В. Путин сталкивает общеупотребительную («государства») и разговорную лексику («вообще»). Доверительный характер сообщения создается использованием инверсии. С морфологической точки зрения в предложении доминируют существительные, наложение падежных конструкций свидетельствует о «преступном» бездействии государства. Ему проти-

воставлен личный глагол «считаю» в составе именного сказуемого. Предложение односоставное, определено-личное. Отсутствие подлежащего в структуре предложения усиливает его динамику, экспрессию.

В отличие от В. Путина, Д. Медведев не сочетает личные глаголы с оценочной лексикой: *«Но необходимо создать механизмы, блокирующие ошибочные, эгоистические, а подчас просто опасные решения некоторых членов мирового сообщества»*. Как и В. Путин, Д. Медведев сталкивает различные тематические пласты (госуправления и этики общения). Но если В. Путин усиливает контраст обращением к разговорной лексике, то Д. Медведев выдерживает обвинение в рамках лексики общеупотребительной. Синонимический ряд («ошибочные», «эгоистические», «опасные») выстроен по градационному принципу, что усиливает воздействие на аудиторию. С морфологической точки зрения преобладают существительные и прилагательные. Вместо того чтобы назвать «врагов», Д. Медведев вводит в текст неопределенное местоимение («некоторые»), предоставляя аудитории возможность домыслить отсутствующий элемент, заполнить пропущенный денотат. Предложение начинается с противительного союза «но», что усиливает экспрессию. Предложение односоставное, безличное, синтаксическая конструкция носит книжный характер.

Как любой политический дискурс, современная официальная политическая риторика строится на базовых оппозициях старое / новое, свое / чужое, истинное / ложное, которые представляют собой частный случай действия **лексемы-узла «одобрять»** [Маркелова 1999]. Политический процесс представляет собой согласование различных интересов, что объясняет распространенность в политическом дискурсе глагола «одобрять», его синонимов и антонимов. Употребленная в жанре президентского послания, эта лексема-узел символизирует отсутствие социального паритета говорящих и официальный тип коммуникации [там же: 82]. Иллокутивный акт одобрения выражается глаголом «одобрять», которого и В. Путин, и Д. Медведев избегают, и его синонимами.

К ним относится средства оценки со значением согласия. В. Путин совершает акт одобрения и настаивает на том, что его мнение верно, призывает к нему присоединиться. В. Путин употребляет краткое прилагательное («согласен с этим предложением»), полное прилагательное («согласованной работе исполнительной и законодательной власти») и производный предлог («согласно которой»). Глагольный предлог («согласно которой»). Глагольные формы представлены глаголом несовершенного вида прошедшего времени: *«Россия согласовывала свои действия с партнерами»* – в данном предложении В. Путин подчеркивает процессуальность, длительность действия; глаголом третьего лица будущего времени: *«думаю, многие согласятся со мной»*

в том, что» – здесь В. Путин выступает в речевой роли пророка, предрекая будущие оценки неэксплицированных субъектов; глаголом повелительного наклонения: «*Согласитесь также, разве можно беспомощно взирать на разрушающиеся мостовые переходы*» – здесь важна не субъективная модальность желания, а интенциональное значение перформативного инфинитива [Формановская 2007: 293].

Словообразовательный блок «согласен» в речи Д. Медведева в основном представлен именными конструкциями, что лишает ее динамики: это существительные в характерной для речи чиновников цепи родительных падежей («*участвовал в разработке и согласовании этого документа*», «*условием согласия в нашем обществе*») и полное прилагательное («*к согласованной позиции по*»). Единственная глагольная конструкция дана в предположительной модальности: («*Думаю, многие со мной согласятся, что*»).

К синонимам глагола «одобрять» относится также конструкции с глаголом «принимать». В официально-деловой и идеологической коммуникации закреплены шаблоны формулировок, сообщающих о принятом решении. Это конструкция «модальное слово + инфинитив с семантикой интенции» («*необходимо принять соответствующую программу*», «*Нужно незамедлительно (интенсификатор) <...> принять инвестиционные программы развития российских портов*» – В. Путин, «*надо принять пакет законов*» – Д. Медведев), полные и краткие причастия в страдательном залоге («*принятой по инициативе президента Ельцина*», «*в результате принятых в последние годы мер*» – В. Путин, «*принято также решение о повышении тарифов пенсионного страхования*» – Д. Медведев) и существительные («*вопрос о принятии специальной программы развития аэропортовой сети*» – В. Путин, «*принятие в 1993 году Основного закона*» – Д. Медведев).

Глагол «принять» в официальной коммуникации тесно связан с перформативом «прошу»: у В. Путина: «*прошу ускорить принятие поправок в законодательство*». В официальной политической коммуникации глагол «прошу» является своего рода эвфемизмом: к денотативному значению собственно просьбы добавляется коннотативное «обязательно к исполнению».

Еще одна модель, синонимичная конструкции с глаголом «одобрять», – конструкции с глаголом «утверждать». Здесь обнаруживается синтаксический параллелизм с уже описанными конструкциями. Так, В. Путин употребляет в речи схему «модальное слово + инфинитив» («*считаю необходимым утвердить программу развития дорожной сети*»), включает модальное слово в состав именного сказуемого («*Она должна быть утверждена Правительством*»).

Д. Медведев использует прямой порядок слов в предложении: «*именно Конституция утверждает свободу и справедливость, человеческое достоинство и благополучие, защиту семьи и Отечества, единство многонационального народа – не только как общепризнанные ценности, но и как юридические понятия*». Говоря о планах, Д. Медведев использует страдательный залог: «*Стратегия развития российского образования в целом скоро будет утверждена Правительством*», – что создает образ бюрократического механизма, машины для принятия решений. Этот образ Д. Медведев укрепляет, употребляя составное именное сказуемое: «*мы начинаем реализацию утвержденной программы*».

И В. Путин, и Д. Медведев используют в речи синонимы лексемы-узла «одобрять», но тщательно избегают ее антонимов, предпочитая отрицательные оценки облекать в безличную форму. В. Путин чаще использует личные глагольные формы, Д. Медведев оперирует именными конструкциями, вводит пассивный залог, которые лишают его речь динамичности, вызывая ассоциацию с шаблонами документов.

В качестве средства воздействия выступают **глаголы с семами уверенности, убеждения**: они призваны передать аудитории мнение политика, которым он делится в доверительной интонации. Так, в речи В. Путина пять раз употреблен глагол «убежден», в речи Д. Медведева – только единожды. ФСП «уверен» в речи Д. Медведева представлено шестью личными глаголами и прилагательным («*уверенными в себе людьми*»), в речи В. Путина – глаголом («*если наши граждане <...> будут уверены в том, что все усилия государства направлены на защиту их кровных интересов*»), существительным («*могу с уверенностью сказать*») и сравнительным прилагательным («*тем быстрее и уверенней мы сможем пройти этот путь*»).

И В. Путин, и Д. Медведев в своих посланиях используют многие **риторические приемы** [Дейк; Чернявская]: создание эффекта «всеобщего мнения», приклеивание ярлыков, прием опоры на авторитет, прием двойных стандартов, введение пресуппозиций.

Чтобы подчеркнуть целесообразность какого-то действия, оба оратора создают **эффект «всеобщего мнения»** генерализацией субъекта действия. Так, в речи и Путина, и Медведева есть конструкции с пассивным залогом: «*будет решаться вопрос о преемственности государственной политики*», «*был заложен фундамент будущих перемен*» (В. Путин), «*Конфликт на Кавказе был использован как предлог для ввода в Чёрное море военных кораблей НАТО*» (Д. Медведев). Эффект «всеобщего мнения» создают также указательные местоимения («*Тем, кто хотел бы нажать на глобальном экономическом кризисе "лёгкий" политический капитал, кто настроился на*

популистскую болтовню, кто хотел бы дестабилизировать общество, чтобы удовлетворить личные амбиции» – Д. Медведев), неопределенные местоимения («Кое-кто не гнушается и самыми грязными технологиями» – В. Путин), олицетворения («Растет поток денег из-за рубежа, используемый для прямого вмешательства в наши внутренние дела» – В. Путин). Медведев использует также прием **приклеивания ярлыков**: «*Это варварская агрессия против Южной Осетии*», «*локальная авантюра тбилисского режима*», **указания на круг потенциальных адресатов речи** – не только внутри страны, но и за ее пределами: «*Урок ошибок и кризисов 2008 года показал всем ответственным нациям...*».

Прием **опоры на авторитет** В. Путин и Д. Медведев используют по-разному. В. Путин цитирует Д. Лихачева; Д. Медведев – П. Столыпина, правоведов Н. Коркунова и Б. Чичерина. Путин обращается к традиции, опирается на авторитет Д.С. Лихачева в вопросе соотношения государственного суверенитета и культурной ориентации нации: «*Государственный суверенитет определяется в том числе и культурными критериями*», – Д. Медведев же «обращается за помощью» в вопросе о сущности права как «*условия истинно человеческого существования*» (Б. Чичерин), вопросах поиска гражданской идентичности: «*Прежде всего надлежит создать гражданина, и, когда задача эта будет осуществлена, гражданственность сама воцарится на Руси. Сперва гражданин, а потом гражданственность. А у нас обыкновенно проповедают наоборот*» (П. Столыпин), противодействия чиновничьему произволу: «*установление законности всегда чувствуется как стеснение произвола властвующих*» (Н. Коркунов).

Обвиняя другие страны в использовании приема **двойных стандартов**, Д. Медведев сам его применяет: «*откровенно предвзятой выглядит позиция наших партнёров, ещё недавно приложивших максимум усилий, чтобы в обход норм международного права добиться отделения Косова от Сербии и признания этого самопровозглашённого региона в качестве субъекта международного права, а теперь как ни в чём не бывало критикующих Россию*». При этом Д. Медведев использует **прием умолчания**, не упоминая о позиции России в балканском конфликте.

Д. Медведев задает **пресуппозиции**: «*Ведь что греха таить, трагедия Цхинвала стала, помимо прочего, следствием самонадеянного, не терпящего критики и предпочитающего односторонние решения курса американской администрации*». В высказывании содержится как минимум две пресуппозиции, которые могут быть подвергнуты оценке:

1 Трагедия Цхинвала стала следствием курса американской администрации.

2 Курс американской администрации – самонадеянный, не терпящий критики и предпочитающий односторонние решения.

Вторая пресуппозиция подана в предложении как тема, первая пресуппозиция – как рема. Вводный оборот является здесь маркером пресуппозиции, подразумевается, что эта информация не является спорной, общеизвестна.

Ядро оценочной картины мира составляет **прагмема** (идеологема) – «наименьшая доступная пониманию единица анализа антагонистических дискурсов различных социальных групп или классов» [Методология политического дискурса 2000: 459]. М. Эпштейн определяет прагмему как «лексема с закрепленной за ней устойчивой прагматической установкой». В прагмеме предметное и оценочное значения предстают «как бы склеенными, жестко связанными» [Эпштейн 1991: 22]. Прагмема – это концентрат смысла, «свернутое суждение», «слово, которое говорит само за себя» [там же: 25]: «объект суждения соотносится с денотативным содержанием слова, а предикат – с оценочным содержанием, которое в структуре лексического значения имеет характер сигнификата» [Маркелова 1996: 185]. Благодаря этому прагмема обладает высоким потенциалом воздействия на адресата и особенно широко используется в политическом дискурсе.

В. Путин и Д. Медведев употребляют сходные прагмемы. Чересчур часто они используют «модные» прагмемы, заменяя ими более уместные в контексте синонимы, что свидетельствует о расширении синтагматики слова. Ср. в речи Медведева: «*каждый рубль должен тратиться эффективно*» («эффективный: дающий эффект, действенный» [Ожегов 2007: 636]) – вместо традиционного «разумно». Путин вводит в текст олицетворение: «*запустить сам механизм создания объединений эффективных собственников жилья*». Прагмема участвует в процессе метафоризации: «*работа по этим проектам* [еще один пример языковой моды: употреблен предлог "по" вместо нужного "над"] *требует особой управленческой схемы, или, как мы сейчас часто говорим, "ручного" управления*». Кроме того, здесь слово входит в состав метаязыкового высказывания.

Д. Медведев употребил в речи окказиональную прагмему «*Бюрократия периодически "кошмарит" бизнес*» (от «кошмар: тяжелый сон с гнетущими видениями; нечто тягостное, неприятное, отвратительное» [там же: 211]), которая затем вошла в языковую моду: «*Дума в первом чтении запретила МВД "кошмарить бизнес"*» [URL: <http://lenta.ru/news/2008/09/17/duma/>], «*В распоряжении "МК" оказался документ, содержание которого вряд ли обрадует тот самый бизнес, который первые лица страны требуют "не кошмарить"*» [Гришин URL: <http://www.mk.ru/blogs/MK/2008/12/23/society/387563/>], «*Налоговикам запретили "кошмарить" бизнес дважды*» [Клин URL: http://www.izvestia.ru/russia/article_3126413] (кавычки свидетельствуют о том, что глагол «кошмарить» еще не стал нарицательным, он упот-

ребляется как прецедентный текст, понятная читателю цитата из речи президента). О превращении словосочетания «кошмарить бизнес» во фразеологизм свидетельствует его употребление уже без кавычек: «*Не, надо кошмарить бизнес*» [Гришин URL: <http://www.mk.ru/blogs/МК/2008/12/23/society/387563/>] (заголовок статьи ссылается не только к речи Д. Медведева, но и к вариантам постановки запятой в цитате «Казнить нельзя помиловать» из детской книги Л. Гераскиной «В стране невыученных уроков» и снятому по ней мультфильму), «*Лужков решил не кошмарить бизнес. Теперь кошмарят мэра*» [Бероева URL: <http://www.kp.ru/daily/24255.4/452569/>] (глагол «кошмарить» расширяет сочетаемость: «кошмарят» уже не только бизнес, но и мэра).

Прагмема *реальный* («реальный: действительный, существующий, не воображаемый; осуществимый, отвечающий действительности; практический, исходящий из понимания подлинных условий действительности» [Ожегов 2007: 473]) также расширила свое значение, что следует из речи В. Путина: не только «*реальная угроза безопасности*» и «*реальные доходы*», но и «*реальная демократия*». Прагмема «выдвигается» в рамках текста: «*Темпы строительства Союзного государства зависят только от насыщенности и реальной – реальной – глубины интеграционных процессов*». Популярны прагмемы часто являются избыточными в высказывании: «*реально [не мифически?] показать народу*» – здесь Д. Медведев использует плеоназм как средство эмоционального воздействия.

После «хаотичных 90-х» стабильность – одна из основных ценностей в политическом дискурсе («стабильный: прочный, устойчивый, постоянный» [там же: 535]): у В. Путина: «*Политическая и экономическая стабильность*», «*стабильное поступательное развитие нашей страны*», «*стабилизировать материальную ситуацию в творческой среде*», «*решение о создании Стабилизационного фонда*», «*поддержание макроэкономической стабильности*». Грамматический потенциал слова возрастает, о чем свидетельствуют примеры из речи Д. Медведева: «*дестабилизировала основы глобального порядка*», «*меры, направленные на стабилизацию экономики*», «*тем прочнее и стабильнее должны быть фундаментальные институты демократии*», «*кто хотел бы дестабилизировать общество*», «*способствовать устранению очагов нестабильности в сопредельных регионах*». Д. Медведев вслед за В. Путиным использует экстралингвистические средства «выдвижения» смысла: слово *стабильность* он выделяет интонационно.

Вошедшая в языковую моду в политическом дискурсе прагмема *развитие* («развитие: процесс перехода из одного состояния в другое, более совершенное, переход от старого качественного состояния к новому качествен-

ному состоянию, от простого к сложному, от низшего к высшему; степень сознательности, просвещенности, культурности» [там же: 453]) расширила сочетаемость: у В. Путина: «*Государственную поддержку получают именно те направления развития, которые связаны с использованием и внедрением самых передовых технологий*», у Д. Медведева: «*Их интеллектуальная энергия, творческая сила – это главное богатство нации и основной ресурс прогрессивного развития*», «*... тем безопасней и устойчивей будет глобальное развитие*».

Прагмема *демократия* («демократия: политический строй, при котором власть принадлежит народу; способ руководства каким-нибудь коллективом, при котором обеспечивается участие и влияние всего коллектива» [там же: 112]) носила положительную оценку в перестроечную эпоху, в путинскую эпоху она приобрела негативную окраску: демократическая риторика набилась оскомины, В. Путин выстроил свой дискурс «сильной руки» на противодействии «хаосу 90-х»: см. негативно окрашенное за счет выбора паронима «*сегодня на вооружение берутся демократизаторские лозунги*». Д. Медведев стремится снова изменить знак оценки (об изменении знака оценки [Лотман, Успенский 1994: 221]): «*нужно постоянно доказывать дееспособность демократического устройства*», «*мы будем создавать подлинно демократическую модель отношений*», «*Они ровесники новой, демократической России*». Медведев делает лингвокультурологический вывод: «*В наши дни, уже на новом этапе развития, российское общество подтверждает приверженность демократическим ценностям Конституции. Оно в основном освоило навыки, практики и процедуры демократии. И в отличие от недавнего прошлого демократическое устройство уже не ассоциируется у наших граждан с хаосом, с бессилием, с деградацией*».

Прагмему *единство* («единство: общность, полное сходство; цельность, сплоченность; неразрывность, взаимная связь» [Ожегов 2007: 130]) актуализировал В. Путин («*духовное единство народа*», «*является базой для укрепления единства и суверенитета страны*», «*мы единственная страна, которая имеет так называемые фланговые ограничения на юге и на севере*»). В речи Д. Медведева она может носить как положительную («*политическое единство государства*», «*Единство разнообразных культур*», «*единство многонационального народа*», «*условием <...> единства российской нации*»), так и отрицательную оценку, которая дана в рамках парадигмы «мы-эксклюзивное» («*представление о собственном мнении как о единственно верном и неоспоримом*» [О США]).

Д. Медведев постулирует пять «собственных» прагмем, которые он заявляет как политическую стратегию и моду на которые вводит в политический дискурс: «*Наши действия в экономике будут базироваться на уже заявлен-*

ной концепции четырёх "И" – институты ("институт: название некоторых высших учебных и научных учреждений; совокупность норм права в какой-нибудь области общественных отношений, та или иная форма общественного устройства" [там же: 176]), *инвестиции* ("инвестировать: вложить капитал в предприятие, находящееся за пределами страны, за границей" [там же: 174]), *инфраструктура* ("инфраструктура: отрасли экономики, научно-технические знания, социальная жизни, которые непосредственно обеспечивают производственные процессы и условия жизнедеятельности общества" [там же: 177]), *инновации* ("нововведение, преобразование в экономической, технической, социальной и иных областях, связанное с новыми идеями, изобретениями, открытиями" [URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Инновация>]). *Такой подход закреплён и в подготовленной Правительством концепции развития до 2020 года. Реализовать его нужно в полном объёме. Добавив к нему, как я уже об этом как-то говорил, пятую составляющую – интеллект* ("мыслительная способность, умственное начало у человека, определяющее деятельность его" [там же: 176]).

Однако предполагаемый эффект новизны не возникает, т.к. В. Путин уже употреблял все пять прагмем, актуализируя их за счет расширения сочетаемости слов. В словосочетании «*капитализация институтов развития*» В. Путин употребляет сразу две прагмемы: *институты* и *развитие* – это же словосочетание есть в речи Д. Медведева. Остальные словосочетания с этой прагмемой в речи Д. Медведева построены по шаблону: «*социальные институты*», «*общественные институты*», «*зрелость демократических институтов*» и т.п.

Д. Медведев употребил прагмемы *инвестиции* и *инфраструктура* в своей речи единожды – только рассказывая о «концепции четырёх "И"», хотя повтор помог бы закрепить их в сознании адресата. Путин же 5 раз употребляет прагмему *инвестиции* и 8 раз – прагмему *инфраструктура*.

Прагмаема *инновации* в речи В. Путина также обладает более широкой сочетаемостью, чем в речи Д. Медведева: «*конкурсом инновационных вузов*» (В. Путин), «*будущей инновационной экономике*» (Д. Медведев).

Прагмаема *интеллект* употреблена в речи обоих ораторов в традиционном поле сочетаемости: «*основанной на интеллекте и знаниях экономики*» (В. Путин), «*интеллектуальная энергия, творческая сила*» (Д. Медведев).

Входящие в состав концепции четырёх "И" прагмемы Д. Медведев представляет как собственный проект, новацию в российском политическом дискурсе. Однако их более частое и смелое с языковой точки зрения употребление В. Путиным опровергает этот тезис и мешает их актуализации Д. Медведевым.

Прагмемы в речи политиков максимально быстро отражают изменение знака оценки событий, явлений в политическом дискурсе. Прагмаема как средство открытой оценочности – это самый быстрый способ закрепления нужного смысла в языковой моде, актуализации его в дискурсе. Расширение сочетаемости прагмем В. Путин использует как способ актуализации их в дискурсе. Д. Медведев употребляет их в рамках норм сочетаемости, что не добавляет его речи индивидуальности, запоминаемости.

Вершиной оценочной шкалы [Маркелова 1996: 96] является **метафора** – «наиболее пространственный троп, основанный на принципе сходства, аналогии, реже – контраста явлений» [Литературная энциклопедия терминов и понятий 2003: 504]. Метафора выступает в качестве ядра скрытой оценочности. Метафора в политическом дискурсе выполняет особую оценочно-ориентирующую функцию – создать у адресата яркий, зримый образ, суггестивно влияющий на принятие решения.

Исследовать метафоры можно на примере метафорических моделей. Метафорическая модель – это существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: «X – это Y» [Чудинов 2003]. Важно отметить, что «концептуальная политическая метафора отражает национальное сознание и существующие в данной стране представления о структуре государственного управления. <...> В частности, <...> президент "Нового света" может быть представлен как commander-in-chief (главнокомандующий), prizefighter (боксер-профессионал). <...> Президент для американцев – это не монарх, святой или полновластный владетель страны, а нанятый народом управляющий» [Чудинов 2008: 221]. В российском же политическом дискурсе, как доказал А. Чудинов, «важное место в системе образов занимает концептуальная метафора "президент – это царь" [там же: 213]».

В послании В. Путина и Д. Медведева Федеральному Собранию метафор немного, что подчеркивает «серьезность» жанра, его намеренную строгость. Вместе с тем, в посланиях представлены все четыре разряда русской политической метафоры, выделенные А. Чудиновым [2003].

К разряду антропоморфной метафоры относится метафорическая модель болезни «*надо прежде всего пробить образовавшиеся в экономике "финансовые тромбы"*» (Д. Медведев). Негативные эмоции, связанные с моделью болезни, трансформируются в положительные в модели медицины как деятельного процесса преодоления болезни.

К разряду природоморфной метафоры относится модель насекомого: «*а не искать только блох на постсоветском пространстве*» (В. Путин). Этой метафорой, употребленной в рам-

ках парадигмы «мы-эксклюзивное», В. Путин подчеркивает незначительность, неактуальность проблемы, которая волнует «врагов».

«Авиаметафору» Д. Медведева «*турбулентность мировой экономики*» можно отнести к модели перемещения в пространстве в рамках социоморфного разряда метафоры. Выстраивая метафору на контрасте к одной из основных ценностей современного политического дискурса – стабильности, – Д. Медведев акцентирует внимание на неустойчивом, подвижном, а стало быть, рискованном положении для «самолета» мировой экономики.

Метафорическая модель дома, относящаяся к артефактному разряду метафоры, – одна из базовых в культуре и языке, она естественным образом репрезентирует представления говорящего о мироустройстве. Фрейм конструкция дома включает слот фундамента, без которого невозможно построить крепкий дом: *«тем прочнее и стабильнее должны быть фундаментальные институты демократии, ее, образно говоря, несущие конструкции, на которых держится все здание демократического государства»* (Д. Медведев). Фрейм строительства особенно популярен в путинском дискурсе: *«Темпы строительства Союзного государства»* (В. Путин).

В политическом дискурсе метафора представляет собой способ осмысления меняющейся реальности, способ быстрого, скрытого внедрения оценки, подчас минуя сознание адресата. В. Путин употребляет метафоры, относящиеся к природоморфному разряду, вызывая отрицательную оценку деятельности актантов из парадигмы «мы-эксклюзивное». Д. Медведев же вводит в свою речь метафоры из антропоморфного и социоморфного разряда. Метафоры эти вызваны кризисным состоянием современной экономики и призваны актуализировать способы его преодоления: к положительной оценке через преодоление отрицательной. Оба оратора обращаются к метафоре из артефактного разряда как понятной каждому жителю страны.

Таким образом, послание президента к Федеральному Собранию – это жанр, характерный для современного российского политического дискурса. В нем президент подводит итог развития страны за год и ставит стратегические и тактические задачи. Актуализируется определенный тематический, а следовательно, и лексический пласт в политическом дискурсе и дискурсе СМИ, вводятся и закрепляются изменения в активном словаре общества. Послание президента должно быть запоминающимся, используемые в нем обороты – потенциально «модные» речевые единицы. Как преемственность, так и новаторство в политическом дискурсе выражается средствами оценки. Перед Д. Медведевым стоит сложная задача: на языковом уровне показать себя преемником В. Путина на президентском посту и подчеркнуть при

этом свою политическую, а следовательно, и языковую самостоятельность. Д. Медведев часто выбирает те же единицы, использует те же риторические приемы, что и В. Путин. Стараясь дистанцироваться от дискурса В. Путина на разных уровнях: лексическом, тематическом (выбор основных событий, их актуализация в политическом дискурсе), синтаксическом и т.д., – Д. Медведев выбирает стандартизированные, шаблонные средства, которые в русском языковом сознании ассоциируются с речью чиновников: *«по событиям на Южном Кавказе крупнейшие политические движения страны действовали солидарно»*.

Политический дискурс в большей степени по сравнению с другими дискурсами стремится отграничить себя от других. Традиционным средством деления мира на «своих» и «чужих» являются парадигмы «мы-инклюзивное» и «мы-эксклюзивное». В версии Д. Медведева парадигма «мы-инклюзивное» шире, чем в версии В. Путина: Д. Медведев делает акцент на том, что в условиях кризиса Россия не приостановит процесс интеграции в мировое сообщество, поэтому в парадигму «мы-инклюзивное» он включает весь мир, что звучит актуально, но не совсем правдоподобно.

В. Путин и Д. Медведев выбирают похожие средства оценки – как открытой, так и скрытой.

И В. Путин, и Д. Медведев используют в речи синонимы лексем-узла «одобрять», но тщательно избегают ее антонимов, предпочитая отрицательные оценки облекать в безличную форму. В. Путин чаще использует личные глагольные формы (в том числе глаголы с семами уверенности, убежденности), Д. Медведев оперирует именными конструкциями, вводит пассивный залог, которые лишают его речь динамичности, вызывая ассоциацию с шаблонами документов: *«Стратегия развития российского образования в целом скоро будет утверждена Правительством»*.

Прагмемы в речи политиков максимально быстро отражают изменение знака оценки событий, явлений в политическом дискурсе. Прагмема – это самый быстрый способ закрепления нужного смысла в языковой моде, актуализации его в дискурсе. Расширение сочетаемости прагмем В. Путин использует как способ актуализации их в дискурсе: *«капитализация институтов развития»*. Д. Медведев употребляет их в рамках норм сочетаемости (*«зрелость демократических институтов»*). Входящие в состав концепции четырёх "И" прагмемы Д. Медведев представляет как собственный проект, новацию в российском политическом дискурсе. Однако их более частое и смелое с языковой точки зрения употребление В. Путиным опровергает этот тезис и мешает их актуализации Д. Медведевым. Удачным ходом стало употребление Д. Медведевым в речи окказионализма *«кошмарить»*, который в составе сло-

восочетания «не надо кошмарить бизнес» вошел в языковую моду и стал прецедентным текстом.

В своем послании к Федеральному Собранию и В. Путин, и Д. Медведев избегают чрезмерного употребления метафор как способа скрытого внедрения оценки в сознание реципиента. Они обращаются к традиционной для политического дискурса метафорической модели дома. Кризис побуждает Д. Медведева обратиться к метафорической модели болезни. На метафорическом уровне дискурс В. Путина воспринимается как более динамичный и даже агрессивный: «а не искать только блох на постсоветском пространстве».

Можно говорить о том, что образ демократичного лидера, чиновника во главе государства (Д. Медведев: «Президент России – это очень конкретная и практическая работа»), который апеллирует к конституционным ценностям, пока не стал в российском политическом дискурсе более популярным, чем образ «царя», «сильной руки», что особенно важно в кризисных условиях. Ожидания аудитории связаны с харизматичным, нешаблонным отражением волевых решений в языке.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. – М., 1994. 330 с.
- Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989.
- Добросклонская Т.Г. Тексты массовой информации в культурологическом аспекте // Публицистика и информация в современном обществе. – М., 2000. С. 70-83.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность – М.: Наука, 1987. 263 с.
- Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. – М., 1989. С. 3-8.
- Лингвистический энциклопедический словарь [под ред. В.Н. Ярцева] – М.: Советская энциклопедия, 1990.
- Литературная энциклопедия терминов и понятий [под ред. А.Н. Николюкина] – М.: Интелвак, 2003. 1600 стб.
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1. – М., 1994.
- Маркелова Т.В. Лексема-узел «одобрять» // Филологические науки. № 3. 1999. С. 76-87.
- Маркелова Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке: дис. д.ф.н. – М., 1996.
- Медведев Д.А. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации URL: http://www.kremlin.ru/appears/2008/11/05/1349_type63372type63374type63381type82634_208749.shtml (дата обращения 05.11.2008).
- Методология исследований политического дискурса: актуал. проблемы содержания, анализа обществ.-полит. Текстов. В 2 ч. [под общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой] – Минск: БГУ, 1998-2000.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка [под общ. ред. Проф. Л.И. Скворцова]. 24-е изд., испр. – М.: Оникс: Мир и Образование, 2007. 640 с.
- Паршин П.Б. Понятие идеополитического дискурса и методологические основания политической лингвистики 1999. 407 с. URL: www.elections.ru/biblio/lit/parshin.htm.
- Поцепцов Г.Г. Коммуникативные технологии XX века. – М., 2000.
- Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации URL: http://www.kremlin.ru/appears/2007/04/26/1156_type63372type63374type82634_125339.shtml. (дата обращения 26.04.2007).
- Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация [под ред. Л.П. Крысина] / РАН ИРЯ им. В.В. Виноградова. – М.: Языки славянской культуры, 2003. 568 с.
- Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX – XXI веков / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. – М.: Языки славянских культур, 2008. 712 с.
- Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. – М.: ИКАР, 2007. 480 с.
- Чернявская Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия – М.: Флинта: Наука, 2006. 136 с.
- Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации – Екатеринбург, 2003. 248 с. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-03a.htm>.
- Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие – М.: Флинта: Наука, 2008. 256 с.
- Шапочкин Д.В. Языковая личность в политическом дискурсе. URL: <http://www.russian.slavica.org/article1906.html>.
- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.
- Шмелева Т.В. Ключевые слова текущего момента // Collegium. 2003. № 3. С. 33-41.
- Эпштейн М.Н. Идеология и язык. Построение модели и осмысление дискурса // Вопросы языкознания. № 6. 1991. С. 19-33.

© Дементьева М.К., 2009

Добрич Н.
Нови-Сад, Сербия
Перевод Чистовой С.С.

Dobrich N.
Novi Sad, Serbia
Translated by Chistova S.S.

**МЕТАФОРЫ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СЕРБИИ –
ПРЕЗИДЕНТ
И ОБРАЗ ВЕЛИКОДУШНОГО ОТЦА**

УДК 81'27
ББК III 100.3

Аннотация. В работе представлен анализ концептуальных метафор в официальных обращениях президента Сербии Бориса Тадича. В первой части статьи дано краткое описание политической ситуации в Сербии. Во второй части представлен анализ теории концептуальной метафоры сквозь призму когнитивной семантики. В основной части статьи описываются результаты критического анализа метафор, проиллюстрированные примерами, а также выводы из данного анализа. В целом статья посвящена риторическим приемам, используемым президентом Тадичем, которые выражаются в широком употреблении последним метафор и сходных образных средств.

Ключевые слова: концептуальная метафора, идеология, политический дискурс, президентские речи, социальный контекст, Сербия, образные средства.

Сведения об авторе: Никола Добрич, кандидат филологических наук, докторант.

Место работы: Высшая профессиональная школа бизнеса, Нови-Сад.

Контактная информация: ул. Владимира Перича-Вальтера 4, 2100 Нови-Сад, Сербия.

Email: goody@sezampro.yu.

Сведения о переводчике: Чистова Софья Сергеевна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английской филологии факультета иностранных языков.

Место работы: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия.

Контактная информация: E-mail: ma6570@gmail.com.

**METAPHOR
CHOICE IN SERBIAN POLITICAL SPEECH –
THE PRESIDENT AND THE IMAGE
OF THE BENEVOLENT FATHER**

ГЧТИИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.19

Abstract. This paper analyses the choice of conceptual metaphors in Serbian formal presidential addresses made by the current President Boris Tadić. The first part of the paper gives a brief account of the current political settings in Serbia. The second part gives account of the theory behind conceptual metaphors by providing an insight into cognitive semantics. The main part of the paper presents the corpus, the results gained from the critical metaphor analysis and the conclusions the analysis facilitated. As a whole, the paper describes the rhetorical stratagems used by President Tadić as seen through the proficient use of metaphors and related imagery.

Key words: conceptual metaphor, ideology, political discourse, presidential speeches, social context, Serbia, imagery.

About the author: Nikola Dobrić, Candidate of Philology, Doctoral Student.

Place of employment: Higher Business School of Professional Studies, Novi Sad.

Contact information: ul. Vladimira Perića-Waltera 4, 2100 Novi Sad, Serbia.

Email: goody@sezampro.yu.

About the translator: Chistova Sophia Sergeevna, candidate of philology, teacher of the chair of English philology of the faculty of foreign languages.

Place of employment: Nizhny Tagil Socio-Pedagogical Academy.

1. ВВЕДЕНИЕ. «Руководство людьми возникает тогда, когда отдельные личности, обладающие определенными мотивами и целями, соревнуясь или конфликтуя с другими, мобилизуют институциональные, политические, психологические и другие ресурсы с целью формирования, поддержания и удовлетворения мотивов своих последователей» [Burns 1978: 18]. Для достижения этого политики используют различные стратегии. Они опираются на свой физический образ, одежду, общественное поведение, манеры и жесты или свое естественное обаяние. Тем не менее, наиболее важным умением, необходимым для успеха в политической сфере, является речевое поведение. Выбор языковых средств, которые предпочитает использовать политик во время своих публичных выступлений перед народом, чрезвычайно важен для приобретения им статуса лидера.

Цель этой статьи – описать основные образы, которые президент Сербии Борис Тадич

использует для собственной репрезентации, и то, как они вызываются в сознании путем заранее спланированного использования определенных концептов и выражаются метафорами. Особенностью политической ситуации в стране является то, что Сербии необходима тщательно подобранная стратегия публичных выступлений. Ментальные аспекты порождения и восприятия речи, описанные когнитивистами, обеспечили политических консультантов, спичрайтеров и политиков средствами успешного манипулирования идеями и образами, которые они вызывают в сознании людей.

2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ. Учитывая значительную роль экстралингвистического контекста во всех аспектах языка, представляется необходимым при анализе дискурса дать краткое описание политической ситуации. Как и многие другие страны в постсоветской Восточной Европе, Сербия подверглась существенным политическим изменениям за два послед-

них десятилетия. Распад Социалистической Федеративной Республики Югославия сопровождался беспощадной гражданской войной или даже целым рядом войн (в бывших республиках Хорватии, Боснии и Герцеговины и крае Косово), которые начались в 1991 г. и продолжались до 1999 г., а также бомбардировкой Сербии войсками НАТО. В 1990-х гг. на фоне гражданских войн в стране начался период преступности, коррупции и политических скандалов. Предпосылки масштабных политических изменений появились после бомбардировок НАТО и в конечном итоге привели к социальному взрыву и смене политической системы.

Начиная с первых демократических выборов в 2002 г. как внутренняя, так и внешнеполитическая ситуация в Сербии начала кардинально меняться. Восемь лет политических и социальных изменений не были легкими – в течение этого времени было совершено убийство премьер-министра, наблюдался новый всплеск преступности и коррупции. Несмотря на это, в Сербии произошли некоторые положительные изменения, заключающиеся в соблюдении человеческих прав и свобод, экономическом росте и улучшении репутации в международном сообществе.

Действующий президент и Демократическая партия (ДП), столкнувшись с такой ситуацией, были вынуждены создать образ, который бы дистанцировал их от социалистической эпохи Югославии, от бурных 90-х гг. и от первых лет социальных и политических изменений, отмеченных коррупцией. Им пришлось представить себя в образе про-европейских прогрессивных политиков, стремящихся к переменам и борющихся за лучшее будущее для страны, никак не связанных со всеми предыдущими политическими системами. Они также должны были воздержаться, почти полностью, от националистско-шовинистского дискурса, распространявшегося в годы гражданских войн, а также от ссылок на негативно воспринимаемый догматизм социалистической Югославии. Президенту Тадичу удалось успешно выполнить это, опираясь на принципы когнитивной семантики.

3. КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА. Самая важная роль в политическом дискурсе, так же как и в языке в целом, принадлежит метафоре. Важно сразу понять, что термин *метафора*, используемый в когнитивной лингвистике и в этой статье, не обозначает стилистическую фигуру речи, используемую в художественной литературе, а обозначает семантические концепты или, скорее, лингвистические репрезентации базовых ментальных концептов. Метафоры в качестве таких семантических концептов используются в политической речи для убеждения путем подсознательной активации наших бессознательных систем оценок [Charteris-Black 2005: 2]. Роль метафоры в языке, так же как и в процессах кодирования и декодирования зна-

чения, признана основной. Такой подход к способу, при помощи которого мы воспринимаем окружающую нас действительность, лучше всего описан когнитивной лингвистикой.

Когнитивная лингвистика использует новый подход к пониманию образов, которые формируются в нашем сознании и отражают мир посредством языка. Она представляет собой первую лингвистическую систему, полностью описывающую сущность и динамику создания значения [Rafaeli 1996: 38]. Работы таких авторов, как Джордж Лакофф (1980), Чарльз Филлмор (1987), Джон Синклер (1991) и Анна Вежбицка (1995) возглавляют перечень работ по когнитивной лингвистике. Целью этой работы, однако, не является описание всей значимости этого подхода к изучению семантики, поэтому мы сосредоточимся только на отдельных понятиях, важных для раскрытия темы.

Одним из основных положений когнитивной лингвистики, имеющим особую важность для теории метафоры, является то, что значение в языке основывается, главным образом, на семантических концептах. Семантические примитивы [Wierzbicka 1995: 34], метафорические концепты [Johnson, Lakoff 1980: 7], концептуальные примитивы или основные понятия [Grković–Mejdžor, 2008: 53] все обозначают совокупность когнитивных концептов, которые обнаруживаются в основе значения, выражаемого языком при помощи своих лексических и грамматических средств. Такая концептуальная система на самом примитивном уровне является универсальной для всех людей (например, такие концептуальные примитивы, как *вверх – хорошо, вниз – плохо, прямой – хорошо, изогнутый – плохо* и пр.), так как она формируется из связи между человеческим представлением о мире и реальностью и рассматривается как доязыковое состояние. Другие когнитивные концепты, являясь более многочисленными, в меньшей степени универсальны и в большей степени культурно детерминированы.

Как примитивные, так и культурно детерминированные метафорические концепты представляют собой совокупность основных структур человеческой мысли, социальной коммуникации и конкретных языковых выражений, представленных через разнообразную семантическую систему, основанную на физическом, когнитивном и культурном опыте человека [Fauconnier 2005: 2]. Языковые выражения – это метафоры, которые концептуализируют один элемент концептуальной структуры при помощи элементов другой концептуальной структуры. Этот процесс называется метафоризацией, он «основывается на ассоциации [и он] конструирует системы, основанные на прототипических понятиях и значениях, которые используются для классификации реальности» [Grković–Mejdžor, 2008: 53]. Процесс метафоризации основан на переносе из концептуальной сферы-источника в концептуальную сферу-

мишень. В большинстве случаев структура конкретных сфер-источников переносится на абстрактные сферы-мишени [Johnson, Lakoff 198: 252], где значение сохраняет семантические признаки сферы-мишени (например, СЕРБИЯ – ЭТО ТЕЛО, ТЕЛО – это конкретная сфера-источник, чья концептуальная структура (*сделанный из плоти, может болеть, нуждается в голове и мозге* и пр.) переносится на абстрактную сферу-мишень, которой является страна СЕРБИЯ). Концепты, основывающиеся на физическом опыте людей, как правило, выбираются в качестве сфер-источников, в то время как очевидная семантическая связь определяет сферы-мишени.

Такое соотношение между сферами является важным в создании образа, который, в свою очередь, обладает исключительной важностью в создании и представлении идей потенциальным избирателям. Политики используют метафоры наряду с другими риторическими приемами для обеспечения легитимности своей политической позиции. Они используют различные языковые средства для репрезентации своих идей и программ как позитивных и выгодных. Политики используют язык для того, «чтобы придать своим высказываниям достоверность, авторитетность и правдоподобие» [Chilton, 2004: 23]. Политики также могут наоборот использовать язык в целях делегитимизации [Chilton, 2004: 47], когда они хотят представить в отрицательном свете позицию своих оппонентов. Все метафоры, использующиеся в том или ином виде политического дискурса, имеющего целью как создание собственного положительного образа, так и отрицательного образа оппонентов, создают оценочные рамки, структура которых представляет основу для различных идеологий.

4. ИДЕОЛОГИЯ И МИФ. Идеология определяется как совокупность идей, заранее созданных и представленных избирателям, чтобы оправдать определенные организованные социальные и политические действия безотносительно их сущности [Selinger, 1976: 14]. Другими словами, идеология должна рассматриваться как комплексная система концептов, утвердившаяся как во врожденных семантических системах людей, так и в их культурном наследии. Все идеологии возникают путем использования различных языковых средств, наиболее эффективными из которых являются метафоры, так как они работают на том основном концептуальном уровне, на который направлено политическое воздействие. Идеология обладает сходством с первичными когнитивными языковыми структурами: и первые и вторые организованы и систематизированы как набор идей, которые выступают в качестве репрезентаций реальности. Единственное отличие заключается в том, что идеология является более ограниченной системой, созданной специально для

установления только определенного набора ценностей и представления их в эмоционально позитивном или негативном свете в зависимости от ближайших политических или социальных событий.

Мифы также широко используются как дополнительное средство в обращениях к обществу на базовом уровне. В целом миф рассматривается как история, объясняющая различные природные и социальные явления (например, происхождение жизни или человеческой цивилизации), нуждающаяся в нарративе, который бы объединял определенный набор объясняющих верований и идей. Большинство мифов появились на заре истории, когда нужно было объяснить такие нематериальные вещи, как смерть, болезнь или гром, используя при этом имеющийся опыт. Политические мифы можно рассматривать как отдельную категорию мифов, которые являются «эмпирическим, но не подлежащим верификации пояснительным тезисом, который выступает в качестве пресуппозиции простой теории причинно-следственных связей политических событий и пользуется широкой общественной поддержкой» [Geiss, 1987: 29]. Выражаясь более простым языком, миф – это история об определенной политической идее, рассказанная с использованием образов и очень простым языком, чтобы быть понятной и легко идентифицируемой слушателями. В данном случае можно привести пример использования президентом Тадичем *истории* об усталом страннике, который стучится в дверь богатого дома, прося его впустить и дать ночлег. Странником в данном случае является Сербия, а богатый дом обозначает Евросоюз:

На этой дороге нам будут встречаться закрытые двери. Если они будут оставаться закрытыми, мы будем стучать и не сдадимся, и не упадем духом, и в конце концов мы откроем их! // *На том пути наилазићемо и на затворена врата. А ако и даље буду затворена кућаћемо, и нећемо одустати или клонути духом, и на крају – има да их отворимо!* [11.07.2004].

Как идеологии, в качестве последовательно спланированных наборов концептов, выступающих как уникальные легитимизирующие концепты высокого уровня, так и мифы, являющиеся простыми историями, опосредованными в идеологии метафорами, имеют целью пробудить в сознании людей культурные и природные схемы для того, чтобы воодушевить их определенной идеей или верой, используя при этом все образные средства.

5. КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МЕТАФОР.

Корпус выборки составил 35 000 словоупотреблений, которые мы, помня об особой природе устной речи, в которой они функционируют, считаем достаточно репрезентативными для того, чтобы практически и статистически подтвердить полученную информацию [Dobrić, 2009]. Выборка состоит из публичных обраще-

ний, сделанных президентом Сербии Борисом Тадичем, начиная с его инаугурационной речи в 2004 году до настоящего времени (полный список см. Приложение 1). Мы предпочли анализировать речи, а не публичные обращения общего характера, т.к. их языковые средства тщательно отбираются для выполнения определенных коммуникативных и политических задач. Метафоры являются существенной частью любого языка и любого дискурса и в целом управляются самой языковой системой. Тем не менее, в политических речах они подлежат тщательному отбору, и такой язык является искусственным, преднамеренно сконструированным, насыщенным фигурами речи.

Анализ данных метафор позволит нам понять причины, по которым они были отобраны, путем анализа создаваемых ими образов. Процесс создания начинается с понимания метафор как языковых репрезентаций метафорических концептов, которые, в свою очередь, используются для создания образа, который в упрощенной форме является политическим мифом.

Основные мифические образы, при помощи которых президент Тадич создает собственный образ, являются следующие (они представлены вместе с базовыми концептами и метафорами):

(1) Я – ЗАЩИТНИК, ОХРАНЯЮЩИЙ ВАС И БОРЮЩИЙСЯ ЗА ВАС

(а) ПОЛИТИКА – ЭТО КОНФЛИКТ

– демократии необходимо было побороть многих противников;

– демократия был подавлена;

– защищать демократию;

– новый раунд переговоров;

– конфликты вспыхивают;

– конфликты разгораются.

(б) ДЕМОКРАТИЯ – ЭТО (МАЛЕНЬКИЙ) РЕБЕНОК

– наша демократия молода и хрупка;

– развивать общественное сознание.

(2) Я – ШТУРМАН, ВЕДУЩИЙ ВАС ПО ОПАСНОМУ ПУТИ

(а) РАЗВИТИЕ – ЭТО (ТРУДНЫЙ) ПУТЬ

– путь вперед;

– делать первые шаги;

– расчищать путь;

– вести по неправильному пути.

(б) ЕВРОСОЮЗ – ЭТО ЖЕЛАННАЯ ЦЕЛЬ

– войти в Евросоюз;

– натолкнуться на закрытую дверь;

– если мы обнаружим двери закрытыми, мы будем стучать и откроем их.

(3) Я ЗДЕСЬ, ЧТОБЫ ОТРЕМОНТИРОВАТЬ ВАШ ДОМ (И СДЕЛАТЬ ЕГО ЛУЧШЕ)

(а) СЕРБИЯ – ЭТО ЗДАНИЕ

– основы общества;

– фундамент будущего.

(б) ПОЛИТИКА – ЭТО ДОМ

– построить отношения;

– поддерживаемый политической платформой;

– основа предприятия.

(с) ДЕМОКРАТИЯ – ЭТО ЗДАНИЕ

– когда ржавчина появляется в ее (демократии) структурах.

(4) Я – ДОКТОР, КОТОРЫЙ ПРИШЕЛ ВЫЛЕЧИТЬ БОЛЬНОЕ ТЕЛО

(а) ПОЛИТИКА – ЭТО ТЕЛО

– наиболее болезненные вопросы;

– сила позиций;

– нужно быть гибким;

– укрепление европейской идентичности;

– опасный прыжок в неизвестность;

– сидеть за этим столом (вести переговоры).

(б) СЕРБИЯ – ЭТО ТЕЛО

– правительственные органы;

– справедливость попирается;

– укреплять ведомства.

(в) ЭКОНОМИКА – ЭТО ТЕЛО

– оздоровление экономики;

– развитие экономики;

– поднимать экономику (поставить на ноги).

(г) ДЕМОКРАТИЯ – ЭТО ТЕЛО

– укреплять демократию;

– у демократии должно быть как можно больше друзей.

После анализа корпуса примеров полученных результаты позволяют нам определить, какие коммуникативные стратегии использовались президентом Тадичем или, точнее, проанализировать роль метафор в них.

6. РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА. Как мы видим, президент Тадич использует четыре основных образа: защитника, штурмана, ремонтного рабочего и доктора. Все они восходят к образу авторитарной личности, обладающей большими знаниями, от которых зависят остальные. В целом формируется образ «Великодушного отца», который является центральным в публичных обращениях Тадича. Все перечисленные образы свидетельствуют о том, что президент Тадич целенаправленно представляет себя как человека, который вылечит сломленную бедами нацию, поможет ей вырасти, защитит, а затем, как и должен хороший отец, поведет по полному опасностей и трудностей пути к светлому будущему. Такое представление было чрезвычайно успешным, а использование метафор *лечения* и *ведения* было желанной переменной после десятилетия злоупотребления метафорами и мифов о *тайных врагах* [Geiss, 1987]. Определенные наборы метафор использовались для выражения каждого из указанных аспектов образа.

6.1. Метафоры КОНФЛИКТА (1). Образ защитника используется для подсознательного активирования чувства детской незащитности у сербского народа в данной политической ситуации. Сербь приобрели негативную репутацию в мире и сейчас чувствуют экономические и территориальные угрозы. Тадич «подыгрывает» этому чувству незащитности, представляя себя защитником, который будет охранять на-

род и бороться с обидчиками. Метафорические концепты, которые лежат в основе этого образа, представляют политику как борьбу, а президента как борца, который стремится к победе и должен победить:

Мы считаем этот раунд переговоров великолепным шансом достичь важнейшего компромисса [...] // *Ми сматрамо да је ова рунда преговора о будућем статусу велика шанса да се постигне историјски компромис* [...] [28.09.2007].

Они представляют демократию в таком же ключе как приз, получаемый за победу в борьбе, который нужно охранять как от внутренних, так и внешних врагов:

На этом долгом пути демократии необходимо было побороть многих противников, как внешних, так и внутренних [...] // *На том дугом путу демократија је морала да савлада многе непријатеље, домаће и стране* [...] [15.09.2008].

Образ «Великодушного отца» и его роль защитника далее развивается изображением демократии как беззащитного ребенка, которому необходим учитель:

Наша демократија млада и хрупка и у нее должно быть как можно больше друзей и защитников. // *Наша је демократија млада и крхка и мора стицати што више пријатеља и браниоца* [15.09.2008].

6.2. Метафоры ПУТИ (2). «Подыгрывание» чувствам беззащитности и страха, является, пожалуй, одной из наиболее широко используемых стратегий в обращениях к народу, к которой также часто прибегает президент Тадич. Метафоры пути, которые выражают образ опытного штурмана, также являются одним из аспектов образа «Великодушного отца». Они обращаются к чувству потерянности, чувству, которое стало присуще большинству сербов после того, как они наблюдали крушение социализма и пережили период гражданских войн. Сербия снова чувствует себя разорванной между Западом и Востоком в развивающемся биполярном мире, а президент Тадич очень благоразумно выбирает для себя образ человека, который знает правильный путь.

И снова обращение происходит на базовом концептуальном и эмоциональном уровнях путем представления перехода от одной политической системы к другой как полного опасностей тернистого пути, который только президент Тадич знает как пройти:

Это бы расчистило путь для быстрой и полной интеграции всех стран Западных Балкан [...] // *Тиме би се прокрчио пут за потпуну и брзу интеграцију свих земаља Западног Балкана* [...] [28.09.2007].

Целью путешествия по этой полной опасностей дороге является вошедшая в поговорку *astra*, звезда процветания, – это Европейский Союз, до которого нелегко добраться и в который нелегко «войти»:

Безусловно, выполнение условий для вступления в Евросоюз не является самоцелью [...] // *Тиме*

би се прокрчио пут за потпуну и брзу интеграцију свих земаља Западног Балкана [...] [28.09.2007].

6.3. Метафоры СТРОИТЕЛЬСТВА (3). Метафоры создания и строительства, которыми также характеризуется политический дискурс, служат для репрезентации процесса строительства светлого будущего как строительства нового дома. Этот процесс состоит из фиксированной последовательности действий, он занимает время и дает чувство безопасности после завершения. Полный образ «Великодушного отца», который может все починить, который включает отопление, когда вы мерзнете, который включает свет, когда вам страшно, является еще одним широко используемым риторическим приемом, задействующим базовые концепты, связанные со страхом.

Любое строительство, как показано метафорами строительства, должно начинаться с фундамента:

Евросоюз – это гарант нашей стабильности, арбитр в наших спорах и фундамент долгосрочного благосостояния. // *ЕУ је гарант стабилности, арбитар у споровима као и темељ дугорочног, одрживог просперитета преко заједничког тржишта* [9.05.2009].

Здание, которое вы строите, в дальнейшем поддерживается платформами и опорами, что создает образ всего правительства, поддерживаемого сильной центральной фигурой президента:

Опорой этой инициативы должны стать молодые специалисты [...] // *Стуб тог посла треба да буду млади стручни људи* [...] [19.06.2006].

Здания также нужно время от времени ремонтировать – этот образ создается с целью показать постоянную необходимость в присутствии президента, чтобы все работало должным образом:

[...] которые не только будут праздновать, но и храбро защищать, когда ржавчина появится на здании (демократии). // [...] *који ће је не само славити већ и храбро бранити кад било каква корозија избије на њеној грађевини* [15.02.2008].

И, в конечном итоге, чтобы семья процветала, она должна поддерживать хорошие отношения с соседями, которые президент намеревается установить на международном уровне:

Именно поэтому установление хороших и стабильных отношений с соседями, основанных на обоюдном уважении [...] // *Због тога је изградња добрих и чврстих односа са суседима, заснованих на међусобном поштовању* [...] [11.07.2004].

6.4. Метафоры ТЕЛА (4). Последняя роль, которую должен сыграть отец, – помочь больному ребенку и вылечить его. Это является последним аспектом образа «Великодушного отца», который президент Тадич использует посредством метафоры доктора, помогающего больным. Этот образ снова, как и все другие, использует эмоциональный заряд страха, а метафорические концепты, которые лежат в его

основе, можно рассматривать как примитивные и базовые. Все указанные метафоры опираются на телесное восприятие, например, представляют политику как тело, охваченное болезнью. Опыт болевых ощущений, актуализированный в сознании, выражает совокупность всех отрицательных аспектов данной политической и социальной ситуации:

Я только укажу на наиболее болезненные проблемы, такие, как безопасность сербского народа [...] // *Указаћу само на она најболнија питања, а то су безбедност српског становништва* [...] [16.01.2008].

Вся страна представляется как тело, как сложный организм со своей собственной структурой, нуждающийся в руководителе, мозге, который обеспечит ее рабочее состояние:

Два месяца спустя временные правительственные органы Косово провозгласили независимость // *Два месеца након нелегалног проглашења независности Косова од стране привремених органа власти на КиМ* [...] [3.05.2008].

У тела Сербии также есть проблемы, оно слабое и нуждается в укреплении. Политик в данном случае представляется как тот, кто протягивает руку помощи и приводит страну обратно к процветанию:

[...] всегда работает над повышением уровня жизни, усилением доверия и укреплением институтов [...] // [...] *радећи свакодневно на подизању квалитета живота грађана, јачању кредибилитета и снаге институција* [...] [19.06.2009].

Экономика также слаба, страдает от продолжительной болезни и нуждается в лечении, которое может провести только президент:

Оздоровление нашей экономики силами наших граждан-предпринимателей [...] // *Опоравак наше привреде кроз снагу предузетништва наших грађана* [...] [11.07.2004].

Цель Сербии – поднять свою экономику как при помощи привлечения иностранных инвесторов, так и [...] // *Србија има за циљ да подигне своју економију како привлачењем страних инвестиција* [...] [3.05.2008].

Демократия, в конечном итоге, молода и хрупка, и ей нужно больше силы и стойкости, чтобы справиться со всеми проблемами, что достигается путем обращения к образу «Отца» как наставника:

Наша демократия молода и хрупка и у нее должно быть как можно больше друзей и защитников. // *Наша је демократија млада и крхка и мора стицати што више пријатеља и браниоца* [15.09.2008].

В свете всего сказанного выше становится ясно, что речевое поведение, являющееся основным инструментом успешного политика, полностью зависит от понимания и умелого использования метафорических концептов. Также необходимо отметить, что необходимо сочетать когнитивно-семантический анализ с пониманием социального контекста. Необходимо принимать во внимание как предыдущую, так и суще-

ствующую политическую ситуации при выборе (и желаемой интерпретации) метафор в том или ином виде политического дискурса. Правильный выбор означает, что те образы, которые они вызывают, те идеологии, которые они создают, и те мифы, которые они рассказывают, будут специально созданы политиком, как происходит в случае с речами президента Тадича.

ЛИТЕРАТУРА

Burns J. M. Leadership. – New York: Harper & Row, 1978.

Charteris-Black J. Politicians and Rhetoric. – New York: Palgrave Macmillan, 2005.

Chilton P. Analysing Political Discourse. – London and New York: Routledge, 2004.

Dobrić N. Corpus Statistics in Linguistics – Possible Applications in Linguistic Research. Lecture given at the Statistics Society of Serbia, Novi Sad // Printed text of the lecture 2009. Pp. 1-23

Fauconnier G. Methods and Generalizations // T. Janssen and G. Redeker (eds.) Scope and Foundations of Cognitive Linguistics 2000. Pp. 95-127.

Fillmore C. Corpus linguistics or Computer-aided armchair linguistics. // J. Svartvik (ed.) Directions in Corpus Linguistics. Proceedings of Nobel Symposium. N 82 1992. Pp. 35-60.

Geiss M.L. The Language of Politics. – New York: Springer Verlag, 1987.

Grković-Mejdžor J. Of Cognitive Basics of Semantic Change // Srpski jezik u svetlu savremenih lingvističkih teorija, SANU. Vol. 2. 2008. Pp. 49-63

Johnson M. & Lakoff G. Metaphors We Live By. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1980.

Raffaelli I. Semantic primitives // *Suvremena lingvistika*. №22. 1996. Pp. 38-53.

Seliger M. Ideology and Politics. – London: Allen & Unwin, 1976.

Sinclair J. Corpus, concordance, collocation: Describing English language. – Oxford: Oxford University Press, 1991.

Wierzbicka A. Semantics, Culture, And Cognition: Universal Human Concepts In Culture-specific Configurations. – Oxford: Oxford University Press, 1992.

<http://www.predsednik.yu/mwc/default.asp?c=303500&lng=cir> (date of access: 04.08.2009).

Приложение 1.

Корпус речей президента Бориса Тадича

11 июля 2004, Белград, инаугурационная речь;

19 июня 2006, Белград, речь, произнесенная при запуске проекта «Укрепление возможностей меморандума с целью вступления Сербии в Евросоюз»;

10 июля 2006, Смиляны, речь, произнесенная на праздновании 150-летия со дня смерти Николы Теслы;

22 июля 2007, Белград, речь, произнесенная при открытии 1000-й сессии Кабинета министров Совета Европы;

24 июля 2007, Белград, речь, произнесенная в Парламенте Белграда;

15 сентября 2008, Белград, речь, произнесенная в Международный день демократии;

27 сентября 2007, Нью-Йорк, речь, произнесенная на 62-й сессии Генеральной ассамблеи ООН;

28 сентября 2007, Нью-Йорк, речь, произнесенная при начале переговоров о статусе Косово и Метохии;

10 октября 2007, Белград, речь, произнесенная на шестом форуме «Окружающая среда для Европы»;

26 декабря 2007, Белград, речь, произнесенная в Парламенте Сербии;

16 января 2008, Нью-Йорк, речь, произнесенная в Совете безопасности ООН;

8 февраля 2008, Мюнхен, 44-я Мюнхенская конференция по вопросам политики безопасности;

15 февраля 2008, Белград, речь, произнесенная на праздновании Дня конституции;

18 февраля 2008, Нью-Йорк, речь, произнесенная на чрезвычайной сессии Совета безопасности ООН;

21 апреля 2008, Нью-Йорк, речь, произнесенная в Совете безопасности ООН;

3 мая 2008, Охрид, речь, произнесенная на саммите глав государств Центральной и Восточной Европы;

21 мая 2008, Поморие, речь, произнесенная на саммите по вопросам сотрудничества стран Юго-восточной Европы;

13 июня 2008, Афины, речь, произнесенная во время официального визита в Грецию;

20 июня 2008, Нью-Йорк, речь, произнесенная в Совете безопасности ООН;

13 сентября 2008, Белград, речь, произнесенная на параде выпускников военных училищ;

13 сентября 2008, Белград, речь, произнесенная на церемонии призыва в Сербскую армию;

15 сентября 2008, Белград, речь, произнесенная во время празднования Международного дня демократии;

23 сентября 2008, Нью-Йорк, речь, произнесенная на 63-й сессии Генеральной ассамблеи ООН;

3 октября 2008, Берлин, речь, произнесенная на церемонии вручения премии «Квадрига»;

8 октября 2008, Эвиан, речь, произнесенная на Конференции по вопросам мировой политики;

29 октября 2008, Белград, речь, произнесенная на совещании по реформам в системе правосудия;

14 февраля 2009, Нови-Сад, речь, произнесенная на Дне независимости и Дне вооруженных сил

23 марта 2009, Нью-Йорк, речь, произнесенная в Совете безопасности ООН;

9 мая 2009, Сен-Гален, речь, произнесенная на симпозиуме в Сен-Галене;

20 мая 2009, Белград, речь, произнесенная по результатам официальной встречи с вице-президентом США Джо Байденом;

19 июня 2009, Нови-Сад, речь, произнесенная на церемонии открытия 16-го саммита государств Центральной Европы;

10 июля 2009, Белград, речь, произнесенная на заседании Совета европейской интеграции.

© Добрич Н., 2009

© Чистова С.С. (перевод), 2009

Завьялова Н.А.

Екатеринбург, Россия

ЧЕРТЫ СОВРЕМЕННОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ЯПОНИИ
И ИХ ЯЗЫКОВАЯ МАНИФЕСТАЦИЯ

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. Статья посвящена актуальным тенденциям внутренней и внешней политики современной Японии. В статье анализируются итоги выборов в нижнюю палату Парламента Японии, прошедшие 30 августа 2009 г., гендерные проблемы Японии, особенности японо-китайского диалога после Второй мировой войны.

Ключевые слова: Либерально-демократическая партия, Демократическая партия, политические кланы, женский язык, мужской язык, языковой стиль, сексуальное рабство, военные преступления, политический дискурс.

Сведения об авторе: Завьялова Наталья Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620143, г. Екатеринбург, ул. Индустрии, д. 30, кв. 18.

E-mail: znahi@r6b.ru, st.conference@rambler.ru.

Zavyalova N.A.

Ekaterinburg, Russia

FEATURES OF THE CONTEMPORARY
POLITICAL DISCOURSE OF JAPAN AND
THEIR MANIFESTATION IN THE LANGUAGE

ГЧТИИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The article is devoted to the current trends in home and foreign policy in Japan. We analyze the results of the elections to the Lower Chamber that took place on the 30th of August 2009, gender problems in Japan, peculiarities of Japan-Chinese dialogue after the 2nd World War.

Key words: Liberal Democratic Party, Democratic Party, political clans, female language, male language, language style, sexual slavery, military crimes, political discourse.

About the author: Zavyalova Natalya Alekseevna, Candidate of Philology, Associate Professor.

Place of employment: The Ural State Pedagogical University.

Данная статья посвящена некоторым тенденциям современной японской политики и их языковому выражению. Будучи стратегически партнером России в бизнесе и культуре, Япония в силу территориальных вопросов, связанных с Курильскими островами, занимает по отношению к современной России антагонистическую позицию. Отсутствие мирного договора между Россией и Японией, некоторая неопределенность российско-японских отношений диктует необходимость пристального внимания к внутренней и внешней политике Японии, нашедшей свое отражение в красочных, ёмких языковых выражениях.

На наш взгляд, прежде всего необходимо проанализировать черты внутривнутриполитической ситуации в Японии. США, всемирно известные своими кланами Бушей и Кеннеди, уступают по показателю семейственности политической элите Японии. Японские политические кланы существенно превосходят по своим масштабам американские династии известных политиков. В японском языке существует отдельное выражение **seshuu giin**, значение которого можно перевести как «член парламента по наследству». Около 30% членов японского парламента – выходцы из семей известных политиков прошлого. Последние 50 лет, до выборов 30 августа 2009 г., правящая партия Японии, Либерально-демократическая партия (ЛДП), активно включала в свои ряды потомков видных политических деятелей. 40 % членов ЛДП составляли внуки и правнуки политиков прошлого. Лидер победившей на выборах 30 августа 2009 г. Демократической партии (ДП), Юкио Хатояма, яв-

ляется внуком японского премьер-министра второй половины XX-го века Итиро Хатоямы. Брат Юкио, Кунио Хатояма, занимал пост министра юстиции в правительстве Таро Асо, лидера проигравшей на последних выборах ЛДП.

Любопытным представляется тот факт, что предвыборная кампания ДП имела общие черты с кампанией Б. Обамы, главным лозунгом которой стали перемены в эпоху кризиса. После победы ДП Юкио Хатояма, подобно американскому лидеру, заявил о начале нового этапа в отношениях с Россией. Единственный сын Хатоямы живет в России и преподает в Москве в высшей школе МГУ [www.nakanune.ru].

Политика **seshuu giin** активно критикуется в современном японском обществе. Нередко деятельность политиков из известных семей малоэффективна, оторвана от реальности. На молодежном сленге их называют «**KY**», где **K** – **ku:ki** (зд. настроение, реальность), а **Y** – **yomenai** (не умеет читать), что вместе означает «не способный понять общее настроение, реальность». Однако по сравнению с выходцами из низов потомки известных династий имеют целый ряд внушительных преимуществ: влиятельные связи, неограниченные денежные ресурсы и прекрасное имя предков.

Seshuu giin существенно ограничивает выбор японцев. Политологи заявляют о деградации института власти, доступ к которому закрыт для новых талантливых ярких лидеров. Нередко политиков-наследников обвиняют в повышенном внимании к проблемам дедов и прадедов при полном игнорировании современных реалий.

Безусловно, в Японии делаются попытки преодолеть создавшуюся кризисную ситуацию. В 1979 г. известный японский промышленник, Коносукэ Мацусита, основал специализированное учебное заведение – Институт Мацусита – целью которого стало воспитание политиков нового типа. Около 100 из 227 его выпускников заняли различные посты на местном и федеральном уровнях.

В 2005 г. тогдашний премьер-министр Японии Дзюньитиро Коидзуми, реформатор по духу, способствовал избранию в верхнюю палату Парламента видных общественных деятелей, знаменитостей, не принадлежавших к семьям известных политиков. Однако на прошедших в 2009 г. политика отца не помешала сыну Синдзиро Коидзуми успешно баллотироваться от ЛДП в префектуре Канагава, которая традиционно рассматривается как политический трамплин, закрепленный за кланом Коидзуми.

Политика **seshuu giin** существенно препятствует приходу к власти в Японии женщин-политиков, так как традиционно политическая власть передается по мужской линии. Однако на прошедших выборах женский вопрос активно использовался победившей ДП. Демократическая партия Японии выдвинула рекордное количество кандидаток – 35 из 269 для наиболее важных «одноместных» избирательных округов. Её теневой кабинет планирует назначить женщин на три ключевые политические позиции. При ЛДП в парламенте женщины занимали 9,4% мест.

Помимо политики гендерные различия остро проявляются в сфере японской экономики. Среди 225 крупнейших в Японии компаний нет ни одной женщины, которая бы занимала пост генерального директора. Женщины занимают только 2,5% профессорско-преподавательских должностей в научных отделениях вузов страны. В ходе расследования случаев дискриминации на рабочем месте было обнаружено, что в одной и той же компании женщина должна будет работать 32 года, чтобы зарабатывать столько же, сколько зарабатывает проработавший в ней 6 лет мужчина, – при условии, что они выполняют одинаковую работу. Когда на одной из японских компаний произошла смена руководства и новый директор попробовал составить список всех сотрудников, то он никак не мог понять, почему цифры, представленные в отчетах предшественников, значительно меньше числа реально работающего персонала. Оказалось, что в компании не учитывались женщины [<http://news.leit.ru>].

Безусловно, неравноправие женщин с мужчинами в политико-экономическом плане не является сугубо японской чертой. Особенно сильно Японии являются серьезные гендерные различия в языковом плане. Женская речь носит специальное название **onna kotoba** или **kyoseigo**. В отличие от мужчин японки активно

используют специальные вежливые грамматические конструкции, разделительные вопросы, префиксы вежливости, «женские слова». Мужчины в своей речи используют более грубые конструкции и лексемы.

Языковые различия заметны и в деталях. Личное местоимение «я» по-разному передается на японский язык. Местоимение **jibun** используется одинаково активно мужчинами и женщинами. Однако с тем же значением только женщины в своей речи употребляют **atashi** или **watashi, atai**, а мужчины – **watakushi, boku, ore, oresama**. Личное местоимение «ты» в женском варианте – **anata**, для мужчин допустимо только в официально-деловой обстановке. Мужчины при обращении друг к другу часто пользуются сугубо мужскими лексемами **kimii, temae, kisama**.

Особый пласт лексики составляют заключительные частицы, которые японцы ставят в конце предложения для придания модальности высказыванию. Женские частицы: **wa** – смягчает предложение, **wa yo** – информативная, **wane** – окончание разделительного вопроса, **no yo** – выделяет важную информацию, **no ne** – форма разделительного вопроса, **kashira** – выражает интерес. Мужские частицы: **kai** – форма вопроса, **zo** – усилительная частица, **ze** – усилительная частица, **kana** – выражает интерес. Молодые японки пользуются особой формой письма **gyaru-moji** для общения по сети Интернет или для сообщений СМС. Мужчины, в речи которых встречаются женские частицы или лексемы, воспринимаются как женоподобные, возможно, нетрадиционной сексуальной ориентации [<http://ru.wikipedia.org>].

Анализируя женский образ в японской фразеологии, следует отметить, что японцы высоко ценят визуальные характеристики женщины. **Otoko no toshi wa ki, onna no toshi wa kao** – возраст мужчины – его дух, возраст женщины – её лицо. **Nyobo to tatami wa atarashii hodo ii** – жена и татами, чем новей, тем лучше. Японцы нередко критикуют женщин за отрицательные душевные качества. **Akusai wa rokujunen no fusaku** – плохая (злая, сварливая) жена – все равно, что неурожай шестьдесят лет подряд. **Kyosaibyō ni kakaru** – быть подверженным болезни под названием «боязнь жены» (быть под каблуком у жены). **Shichinin no ko wa nasu to mo, onna ni kokoro yurusu na** – не доверяй своих тайн даже женщине, которая родила тебе семь детей. **Sode no hinu no wa onna no mi** – непросыхающий рукав кимоно – такова женщина. Японцы отмечают также супружеское родство. **Nita mono fufu** – муж и жена похожи друг на друга. **Nita to wa oroka tsume futatsu** – похожи, как два ногтя [Японско-русский словарь 1984].

Думается, что причины различий в речи японцев носят исторический характер. Еще в средние века (IX – XII вв.) японская придворная

литература делилась на «мужскую» и «женскую». Женщинам было запрещено писать китайскими иероглифами, знание которых считалось исключительно мужской привилегией. Женщины посвящали себя созданию художественной прозы («Повесть о Гэндзи», «Записки у изголовья»), занятию, на которое у мужчин не было времени. Очевидно, что расхождения в мужской и женской речи являются неотъемлемыми составляющими любого языкового континиума. Ее детальное изучение позволит полнее описать основы языковой картины мира.

На наш взгляд, место японок в современном обществе следует анализировать, опираясь на Гражданский кодекс 1898 г., построенный в основном по французской модели. Основные положения данного кодекса лежат в основе современной конституции Японии.

Базовой обязанностью жены, как указывалось в Гражданском кодексе 1898 г., было обеспечить *ie* (семью) наследником мужского пола, а также выполнять вспомогательные работы по дому. Выйдя замуж, женщина не могла выступать в качестве свидетеля в суде или выдвигать иски без согласия мужа, а также самостоятельно заниматься бизнесом. Она не имела права инициировать развод, за исключением тех случаев, когда муж бросал семью или проявлял крайнюю жестокость. Измена жены (но не мужа) была основанием для развода и уголовного преследования. Когда брак давал трещину, женщина была вынуждена покинуть свой дом, дети при этом оставались с *ie*. «Символом превращения патриархальной и патрилинейной семьи воинского сословия в норму для всей нации стало то, что горожане начали применять старый самурайский термин *oku-san* («госпожа задних покоев»), заменяя им понятие «жена».

Обязанности женщины в доме и семье прекрасно иллюстрирует другая японская фраза *riyosai kenbo* («хорошая жена, мудрая мать»). Хорошая жена и мудрая мать должна оставаться в сфере частной жизни, но в доме ей отводилась почетная роль хранительницы моральных устоев семьи. Она была ответственной за воспитание и образование детей, а также была верной «лучшей половиной», которая всегда поддержит своего мужа по мере продвижения его карьеры или в публичной жизни.

Приверженцы *riyosai kenbo* адресовали свои аргументы прежде всего представителям японской элиты. Воплощением идеологии *riyosai kenbo* того времени можно считать Ито Умэко, супругу главы правительства. В 1880-х она изучала английский язык для того, чтобы поддерживать разговоры мужа с иностранцами. Она также была председателем «кружков усовершенствования», в ходе заседания которых женщины знакомились с европейской модой, изучали западную кухню, постигали деловой этикет.

Другой моделью семьи считалась семья по модели *homu*. В противоположность традици-

онному японскому браку, при котором женщина приходит в дом мужа и становится помощницей своей свекрови, новая модель *homu* подразумевала превращение женщины в госпожу своей собственной семьи, в подругу и помощницу своего мужа, имеющую право на собственный заработок [Мак-Клейн 2006: 377].

Внимание к вопросам семейной политики составило основу предвыборной кампании Демократической партии Японии в 2009 г. Обещание дешевых детских садов, внимание к вопросам женской безработицы во многом обеспечили победу данной партии на выборах 30 августа 2009 г.

Внешняя политика современной Японии также заслуживает глубоко анализа. Для России приоритетным направлением в данном вопросе является диалог с Японией по поводу Курильских островов. Думается, что в данном вопросе японская сторона придерживается тактики, сформулированной в поговорке *Tamamushi-iro no hyo:gen o tsukau* – «говорить с цветом светлячка» [March 1990: 16]. В данном случае подмечена черта речевого стиля, распространенного в японской политической и бизнес-среде. Японские бизнесмены нередко высказываются двусмысленно, их слова подобны переливам на теле светлячка, слушающий должен сам решить, как ему понимать азиатского делового партнера.

Помимо разногласий с Россией по вопросу Курильских островов Япония имеет довольно сложные отношения с Китаем, противостояния с которым носят многовековой характер. Обратимся к конфликту XX-го века, чьи отголоски до сих пор оказывают сильное влияние на современный японо-китайский диалог.

Во время второй японо-китайской войны в 1937 г. солдаты Императорской армии Японии уничтожили 500 тыс. мирных жителей Нанкина, тогдашней столицы Китайской Республики. В ходе военных действий японцами были зверски изнасилованы более 20 тыс. женщин, главным образом китайянок. Девушек и женщин насильственно или под предлогом трудоустройства вывозили из домов и превращали в сексуальных рабынь в военных лагерях японцев [<http://ru.wikipedia.org>].

Во второй половине XX-го в. и по сей день китайские власти настоятельно требуют от японцев принесения официальных извинений пострадавшим китайкам. Японское руководство в свою очередь настаивает на том, что солдаты японской армии насильственно не принуждали китайянок к сексуальным контактам (число, которых по заявлениям доживших до наших дней тогдашних *ianfu* – женщин для удовольствия – достигало 40 за сутки), а всего лишь были клиентами официальных китайских публичных домов. При этом некоторые японские политики сравнивают данные заведения с современными молодежными дискотеками, где спрос рождает предложения [<http://www.nytimes.com>].

В контексте японской и китайской культур официальное извинение предполагает *публичную* саморефлексию извиняющейся стороны, сопровождаемую самоуничижением и признанием себя глубоко виновным. Именно на подобном рода извинениях (*daoqian*, по-китайски, или *kokai*, по-японски) настаивают китайцы. Японский кабинет министров, начиная с 1993 г., выносит резолюцию по Нанкину, ключевой лексемой которой является *honsei* – проступок. Причем окончательное принятие данной резолюции постоянно блокируется японским парламентом.

Японцы предпринимают попытки загладить свою вину перед китайцами. В Японии организован неправительственный фонд, выплачивающий денежные компенсации бывшим нанкинским «женщинам для удовольствия». Однако большинство жертв отвергает данную инициативу и настаивает на официальном извинении японских властей. Особенностью обсуждаемого японо-китайского диалога является вступление в него третьей стороны – США. 31 января 2007 г. Палата Общин США на 110-ом конгрессе приняла резолюцию, согласно которой Японии следует:

1. Официально признать факт насильственного принуждения китайок к сексуальному рабству, начиная с 1930 г. и на протяжении всей Второй мировой войны;

2. Принести Китаю официальные извинения в лице премьер-министра Японии;

3. Официально отказаться от отрицания факта насильственного принуждения «женщин для удовольствия» к сексуальным контактам;

4. Донести до настоящего и будущих поколений раскаяние в содеянных злодеяниях и оказывать почет и уважение жертвам данного преступления [<http://www.thomas.gov>].

Реакция японской стороны на данную декларацию была резко отрицательной. Более того, японцы выдвигают положение о том, что именно они и есть настоящие жертвы Второй мировой войны, припоминая американцам Хиросиму и Нагасаки.

Думается, что данный разговор далек от своего завершения, так как ни одна сторона не

согласна признать себя виновной. Любопытным представляется публичный аспект данной полемики. История Второй мировой войны и других войн знает немало примеров преступлений сексуального характера. Однако, как правило, они не получают широкой огласки. В данном случае мы имеем дело с широко обсуждаемым международным феноменом. Безусловно, 20 тыс. женщин (по некоторым источникам намного больше) – внушительная цифра. Считаем, что в данном случае можно говорить и о современной войне китайских и японских мужчин, разыгрывающих историческую карту, нарисованную мрачными красками женских страданий.

Очевидно, что политический дискурс Японии представляет собой обширное поле для исследования. В японские реалии тонко вплетены культурно-исторические, самобытные черты, которые успешно сочетаются с современными мировыми тенденциями.

ЛИТЕРАТУРА

URL: <http://www.nakanune.ru/articles/14244> (дата обращения: 6.09.2009).

Мы не считаем женщин: гендерное неравенство в японских компаниях «Fushigi Nippon / Новости из Японии» URL: <http://news.leit.ru/archives/4467.html> (дата обращения: 20.08.2009).

Гендерные различия в японском языке URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 20.08.2009).

Японско-русский словарь. Около 70000 слов [под ред. Б.П. Лаврентьева]. 4-е изд. – М.: «Русский язык», 1984. 694 с.

Мак-Клейн Джеймс Л. Япония. От сёгуната токугава – в XXI век [пер. с англ. Е.А. Красулина]. – М.: АСТ: Астрель, 2006. 895, [1] с.: ил. С. 377.

March Robert M. The Japanese Negotiator. Subtelety and Strategy Beyond Western Logic – Tokyo and New York: March Kodansha International, 1990. 285 p. P. 16

Резня в Нанкине URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 29.08.2009)

URL: <http://www.nytimes.com/2007/03/02/world/asia/02japan.html> (дата обращения: 29.08.2009).

URL: <http://www.thomas.gov/cgi-bin/query/D?c110:1:/temp/~c110AfUE5F> (дата обращения: 29.08.2009).

© Завьялова Н.А., 2009

Керимов Р.Д.
Кемерово, Россия

**МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ
В РЕЧАХ ПРЕЗИДЕНТА ФРГ Й. РАУ**

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. В настоящей статье представлен когнитивный анализ основных видов метафор в речах немецкого федерального президента Й. Рау (1999-2004). Описывая социальную реальность Германии и Евросоюза, экс-президент ФРГ использовал 12 видов метафор разных исходных концептуальных сфер, среди которых доминируют артефактные, антропоморфные и природные концептуальные метафоры.

Ключевые слова: политическая лингвистика, политический дискурс, политическая речь, концептуальная сфера, исходная концептуальная сфера, концептуальная метафора, метафорический образ, артефактная метафора, антропоморфная метафора, метафора природы, социальная метафора.

Сведения об авторе: Керимов Руслан Джаванширович, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии.

Место работы: Кемеровский государственный университет

Контактная информация: 650066, г. Кемерово, проспект Ленина, дом 60, кв. 74.

E-mail: kerimovrus@rambler.ru, kerimovrus@mail.ru.

Современные политлингвистические исследования проявляют повышенный интерес к реконструкции социальных концептов на материале различных типов дискурса посредством анализа определенных способов и средств репрезентации концептов в языке, одним из которых является концептуальная метафора. Политический дискурс, обслуживающий специфическую сферу общественных и межгосударственных отношений, часто тяготеет к использованию метафорических единиц для различных целей, главной из которой является создание (концептуализация) некоего фрагмента действительности, который должен создавать нужное для адресанта речи (адресанта (оратора) – политика, правительства, оппозиции) впечатление о реалиях социально-политической жизни в стране и мире в умах своих сторонников, оппонентов, граждан своей страны, союзников и мирового сообщества.

Механизмом образования концептуальной метафоры является связь двух понятийных (концептуальных) сфер (или концептов), на стыке которых появляется переносное, метафорическое значение данной языковой единицы (лексемы, словосочетания, предложения, отрывка текста и целого текста): исходной сферы прямого значения данной языковой единицы и сферы-мишени для переносного значения [Чудинов 2003; Feng 2003; Kövcses 2002 и др.].

Многообразие метафорических моделей, отражающих современную действительность, требует их многомерной классификации. Метафорические модели дифференцируются на

Kerimov R.D.
Kemerovo, Russia

**METAPHORICAL IMAGES IN THE SPEECHES
OF THE GERMAN PRESIDENT J. RAU**

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.04, 10.02.04

Abstract. The paper is dedicated to the cognitive study of basic metaphors, used in the speeches of the German federal ex-president Johannes Rau (1999-2004), who modeled the social reality of the FRG and European Union in terms of 12 various source subdomains, which represent uppermost artefact, anthropomorphic and natural conceptual metaphors.

Key words: political linguistics, political discourse, political speech, conceptual domain, source domain, conceptual metaphor, metaphoric image, artefact metaphor, anthropomorphic metaphor, natural metaphor, social metaphor.

About the author: Kerimov Ruslan Dzhavanshovich, Candidate of Philology, Associate Professor of German Philology Chair.

Place of employment: Kemerovo State University.

основе служащих источниками метафорической экспансии понятийных сфер. Исходными понятийными сферами переноса наименования для политических (по сфере-мишени) метафор выступают биологическая и социальная понятийные области жизнедеятельности человека, а также сфера живой и неживой природы [см.: Чудинов 2001], димENSIONАЛЬНЫЕ, КОЛОРАТИВНЫЕ и некоторые другие универсальные параметры физического мира.

В разных сферах функционирования языка каждая метафорическая модель будет проявлять себя по-разному. Данный факт находит свое отражение в том, что метафоры разных исходных понятийных сфер имеют как различные показатели частотности, продуктивности и доминантности, так и разные семантические способы развертывания, расширения и поддержки разных метафорических моделей [см. подр.: Керимов 2008].

Интересным представляется исследование в когнитивном аспекте концептосферы и концептуальной метафорики в риторической практике отдельно взятого видного политического деятеля – государственного чиновника высшего ранга (президента, премьер-министра, канцлера и т.д.). Реконструкция личной метафорической системы на материале наиболее значимых и важных текстов официальных публичных выступлений за время пребывания в должности позволит, с одной стороны, сравнить окказиональное метафорическое словоупотребление отдельной языковой личности с общими тенденциями в политической коммуникации данной

политической лингвокультуры данного периода времени, с другой стороны подобное сопоставление приведет к выделению специфических характеристик в метафоросистеме вербальной деятельности данного политика.

Восьмой федеральный президент Федеративной Республики Германии Йоханнес Рау (Bundespräsident Deutschlands Johannes Rau) (годы жизни: 1931-2006) был избран на свой пост в 1999 году и отработал один полный пятилетний срок (1999-2004 г.). Этот по-своему уникальный человек и политик оставил заметный след в германской политике (о мировой политике, к сожалению, в данном случае нельзя говорить, учитывая статус и полномочия федерального президента в ФРГ), в отношении биографии которого по многим пунктам употреблялся эпитет «первый»: первый федеральный президент ФРГ, не имевший высшего образования; первый президент, который до прихода в политику «работал» священником; один из самых «зрелых» президентов ФРГ (был избран на должность в возрасте 68 лет (позже – в возрасте 70 лет – на пост заступил только третий президент ФРГ Густав Хайнеман (Gustav Heinemann) в 1969 году)); первый президент Германии, который выступил в израильском парламенте (Кнессете); первый президент, который в своих речах и в своей политике поднимал острые и непопулярные темы глобализации, генной инженерии и этических проблем науки в целом, интеграции иностранцев в ФРГ, роста подростковой преступности в Германии, борьбы с терроризмом.

Также Йоханнес Рау был всего лишь вторым послевоенным президентом, избранным от Социал-демократической партии Германии (первым был опять же Густав Хайнеман, занимавший этот пост ровно за 30 лет до Й. Рау – в 1969-1974 г.). Первый факт из биографии Й. Рау (отсутствие (светского) высшего образования) объясняется тем, что его детство и отрочество пришлось на тяжелый послевоенный период, когда вся Германия ещё лежала в руинах, а семья Рау жила в нужде, из чего ему пришлось сразу после школы идти работать (сначала – подмастерьем в типографию). Позднее Й. Рау решил связать свою жизнь со служением Богу, учился в духовных заведениях, стал священником, со временем вошёл в Совет по управлению немецкой лютеранской церковью, где началась его политическая карьера в СДПГ (хотя формально ближе к церкви была партия-оппонент социал-демократов – ХДС (Христианско-демократический союз Германии)).

Именно христианское самосознание и опыт работы в церковных структурах и партийных органах СДПГ, а также высокие личные качества позволили Йоханнесу Рау раскрыться на посту президента как честному, открытому, непримиримому и нетерпимому к несправедливо-

сти политику, как «самому гуманному» президенту ФРГ за всю послевоенную историю. Этому также способствовал и собственно статус самой должности – президент в Германии хотя, согласно конституции, и является высшей должностной фигурой в стране, который утверждает федерального канцлера, назначает госчиновников, силовиков (высшие военные, полицейские чины и пр.), вручает государственные награды, принимает верительные грамоты иностранных послов, но реально никакой власти в руках не имеет, поскольку всей полнотой исполнительной власти обладает федеральный канцлер (аналог премьер-министра) и его федеральное правительство, а президент лишь корректирует политику правительства, осуществляя представительские функции так же, как, например, королева в Великобритании, где реальной властью обладает именно премьер-министр (в отличие от России, США или Франции, где сильной является позиция президента, а уже ему подчиняется премьер-министр и правительство).

Таким образом, президент в Германии не имеет прямых рычагов воздействия на исполнительную власть, а единственное его оружие – это «слово». Он может смело высказывать свою позицию (именно свою, а не правительства) по любому вопросу касательно внутренней и внешней политики, критиковать любую ветвь власти, канцлера и любого министра, любую партию и фракцию. Независимость президента подчеркивается и тем, что он, избираясь на свой пост как кандидат от какой-либо ведущей партии страны, при вступлении в должность теряет членство в своей партии, поскольку, согласно конституции, президент должен быть беспартийным.

Следует отметить, что время правления президента Й. Рау ознаменовалось серьезными политическими процессами, проистекавшими как в самой Германии, так и в Евросоюзе, и в мире в целом, в которые восьмой президент ФРГ как глава крупнейшей (в геополитическом отношении) и экономически сильной страны Европы и ЕС был непосредственно вовлечен:

- в Германии – введение единой валюты Европейского Союза (евро) (2002 г.); обострение межконфессиональных отношений (традиционное немецкое общество и мусульманство) и рост подростковой преступности, особенно среди переселенцев; активное дискутирование вопроса о границах и об этичности генной инженерии (в течение всего периода правления);
- в ЕС – поэтапное введение евро (первая волна стран ЕС – в 1999 г.; вторая волна и в Германии – с 2002 г.), обсуждение новых кандидатов (страны Восточной Европы) на вступление в ЕС и вступление 10 новых стран Восточной Европы в Евросоюз (1 мая 2004 г.), начало бурных дискуссий о принятии конституции Европейского Союза;

- в Европе – продолжающийся конфликт в бывшей Югославии между сербами и албанцами (в Косово) и военное вмешательство в него Северо-Атлантического альянса (1999 г.);
- в мире – теракты в американском Нью-Йорке (11 сентября 2001 г.) и начало «крестового похода» Дж. Буша против мирового терроризма (2001 г.), подготовка США и Великобритании к вторжению в Ирак, начало войны в Ираке (2003 г.).

Именно данные события, в общем, предопределили тематику политической риторики президента Германии Й. Рау. Для выражения позитивных и негативных аспектов германской и мировой политики, к которым относятся: экономическая и политическая интеграция ФРГ и других европейских стран в рамках Европейского Союза и НАТО, социально-экономическая интеграция «новых федеральных земель» в самой Германии и пр., оратор использовал метафоры разных понятийных сфер.

Исходная концептуальная сфера «Артефакты» представлена 202 метафорическими единицами, что составляет 57,8% от общего количества проанализированных примеров (выборка исследования составляет 350 метафорических единиц). Человек реализует себя в создаваемых им вещах – технических, архитектурных и личностно-бытовых артефактах. Создавая вещи, человек стремится усовершенствовать мир, сделать его в полной мере отвечающим собственным потребностям.

Из всего многообразия понятийных субсфер, отражающих результаты интеллектуального и физического труда человека, для идиостилия Й. Рау в первую очередь характерны артефактные метафоры исходных субсфер «Дом», «Механизм», «Коммуникации» и «Одежда».

Метафора дома в целом занимает важное место в немецком политическом дискурсе. Это связано с тем, что дом является важнейшим концептом в системе человеческого опыта. В политической риторике представлены различные виды домов: дом в целом (без обобщения вида) (нем. „das Haus“), жилой дом („das Wohnhaus“) и квартира („die Wohnung“), стеклянный дом („das Glashaus“), крепость („die Festung“), башня из слоновой кости („der Elfenbeinturm“), а также их конструктивные (составные) части.

В своей политической риторике восьмой президент ФРГ, говоря о расширении Европейского Союза и более тесной интеграции действующих членов ЕС, использовал традиционный образ «Европейского дома» (das Europäische Haus, das Haus Europa, das Haus der EU). Процессы развития Евросоюза описываются немецкими политиками как «выстраивание» (общеевропейского дома („das Europäische Haus bauen“), например:

(1) Gemeinsam am Europäischen Haus zu bauen – das ist ein gutes Motto, das ist eine gute neue

Perspektive für die Arbeit der Deutsch-Polnischen Gesellschaften (Rau 2002b: 317). «Вместе строить Европейский дом – это хороший девиз, это – хорошая перспектива для работы германо-польских обществ».

Из разных видов домов, помимо жилого, Й. Рау очень часто, говоря о политике правительства в области научных исследований и о поддержке науки и ученых государством, создавал образ «башни из слоновой кости» (der Elfenbeinturm). Этот образ в принципе также традиционен, но редко используется в политической риторике. В современном немецком языке, по данным немецкого толкового словаря издательства Duden – Deutsches Universalwörterbuch (Mannheim, 2001) [DUW], данная лексема трактуется как „Symbol für die selbst gewählte Isolation des Künstlers, Wissenschaftlers o. Ä., der in seiner eigenen Welt lebt, ohne sich um Gesellschaft und Tagesprobleme zu kümmern“ [DUW] («Символ добровольной самоизоляции художника, учёного и т.д., который живёт в своём собственном мире и не занимается проблемами общества и насущными проблемами»).

Применяя данный образ к сфере политики, Й. Рау имеет в виду, с одной стороны, самоизоляцию политики и политиков от проблем общества, когда их деятельность никак не помогает решить какие-то проблемы или осуществляется при ложном видении положения дел в какой-то сфере, конкретнее – в сфере политики в области науки. С другой стороны, федеральный президент призывал и ученых заниматься изучением проблем и созданием продукции, которые бы служили на пользу обществу и экономике страны, то есть сделать свою деятельность конкретной и ориентированной на практическое применение результатов их труда, например:

(2) Das Wohnen im Elfenbeinturm steht heutzutage nicht hoch im Kurs. Es ist eng und einsam da oben, die engen Wendeltreppen machen dem Besucher Mühe, und wenn sich die Bewohner solcher Türme erst einmal häuslich eingerichtet haben, dann neigen sie leider häufig auch dazu, nur noch selten auf die Straße zu gehen. Begegnungen mit der Wirklichkeit des Straßenverkehrs führen dann leicht zu Unfällen. Das ändert aber nichts daran, dass man von Türmen aus einen guten Blick über die Landschaft hat und dass Türme Landschaftsmarken sind, dass sie denen Orientierung geben können, die ihren eigenen Weg suchen und festlegen müssen... (Rau 2002a: 288-289). «Проживание в башне из слоновой кости на сегодняшний день не является целью нашего курса. Там наверху тесно и одиноко, узкая винтовая лестница доставляет посетителям неудобства, и если жильцы таких башен уже обустроились по-домашнему, то у них, к сожалению, появляется желание всё реже выходить на улицу. Встреча с реалиями уличного движения тогда легко ведёт к несчастным случаям. Но этого ничего не меняет с точки зрения того, что с башен хорошо виден ландшафт вокруг и что сами башни являются знаковыми объектами ландшафта, кото-

рые могут помочь сориентироваться тем, кто должен искать и прокладывать свой собственный путь...»

В данном контексте (2) на основе традиционной метафоры оратором был построен яркий метафорический образ за счёт того, что на большом участке текста развёртывалась одна и та же концептуальная метафора путём введения всё новых метафорических единиц из той же самой исходной концептуальной сферы. Таким образом, президент ФРГ, говоря о политике правительства в сфере науки и высшей школы Германии, создал целостный и наглядный образ, на основе которого он описал основные проблемы в этой сфере, которые необходимо будет решить.

Конструкция архитектурных сооружений представлена изначальными составляющими любого здания: фундаментом, фасадом, стенами, крышей, дверями, окнами, крыльцом и некоторыми другими компонентами, функции которых переосмысляются в политической метафоре, формируя важные метафорические номинации.

Так, фундамент („das Fundament“) – это необходимая основа строения. На фундаменте покоятся различные институты, идеи, например:

(3) Freiheit und Gleichheit sind das Fundament der Demokratie (Rau 2002a: 171). «Свобода и равенство – это фундамент (основа) демократии».

(4) Noch viel stärker als früher gilt aber, dass die Ingenieurwissenschaften ein naturwissenschaftliches Fundament brauchen (Rau 2002a: 209). «Еще больше, чем раньше, инженерная наука нуждается в естественнонаучной основе (букв.: фундаменте)».

Крыша („das Dach“) и стены (Pl. „Wände“) – это граница с внешним миром и одновременно защита от непогоды или нежелательного вторжения, а также наравне с колоннами („die Säule“) – несущие части конструкции дома:

(5) Der Bundesverband steht für alle Stiftungen als ein wichtiges, ein unverzichtbares Dach zur Verfügung (Rau 2002b: 374). «Федеральный союз находится в распоряжении всех фондов в качестве важнейшей, неотделимой крыши».

(6) Fairness, Gerechtigkeit und Teilhabe sind die tragenden Säulen, auf denen eine Gesellschaft stabil ruhen und dynamisch handeln kann (Rau 2002a: 203). «Корректное поведение, справедливость, (со)участие являются основой (букв.: несущими колоннами) стабильного и динамичного общества».

Входная дверь („die Tür“) дает возможность входа и выхода, вместе с тем она является защитой от нежелательных гостей:

(7) Wehe dem Problem, das dann auf dem falschen Korridor und vor der falschen Tür landet, wenn es seinen zuständigen Sachbearbeiter nicht findet (Rau 2002a: 151). «Трудности ожидают ту проблему, которая очутится в не том коридоре перед не той дверью, если эта проблема не найдет того, кто ей ответственно займется».

Заявки восточноевропейских стран на вступление в Евросоюз образно описываются как

попытки проникнуть в дом Евросоюза или, по крайней мере, «постучать в дверь», при этом входная дверь находится со стороны Германии, поскольку до масштабного расширения в 2004 году именно она была восточной границей ЕС, ср.:

(8) An die Tür der Europäischen Union und damit auch an die Tür Deutschlands klopft jetzt die Osterweiterung (Rau 2002b: 562). «В дверь Европейского Союза, а значит при этом и в дверь Германии стучит сейчас расширение на Восток».

Выражение «политика открытой двери» („die Politik der offenen Tür“) выражает в устах германских политических деятелей гипотетическую возможность вступления стран бывшего социалистического лагеря и Варшавского договора в Евросоюз и НАТО:

(9) Rumänien strebt auch danach, Mitglied der Nordatlantischen Allianz zu werden. Auch auf diesem Wege gibt es gute Fortschritte. Deutschland befürwortet die „Politik der offenen Tür“ der NATO (Rau 2002b: 170). «Румыния также стремится к тому, чтобы стать членом Северо-Атлантического союза. И на этом пути уже есть прогресс. Германия выступает за „политику открытой двери“ НАТО».

Помимо собственно наименований видов домов (сооружений) и их составных частей в политическом дискурсе активно задействуются метафоры, обозначающие процессы строительства („(aus)bauen“, „errichten“, „der Bau“), ремонта („renovieren“, „die Renovierung“), перестройки („umbauen“, „der Umbau“), а также других трудовых действий, осуществляемых при возведении сооружений, например:

(10) Auch die UNESCO hilft mit, dass der innerdeutsche Gesprächsfaden nicht nur erhalten, sondern ausgebaut wird (Rau 2002a: 123). «ЮНЕСКО также помогает не только поддерживать, но и наладить (букв.: выстроить) внутригерманский диалог».

(11) „Die Wissenschaft findet, die Industrie wendet an, der Mensch passt sich an.“ Das ist ein Satz, der ist wie aus Beton gegossen (Rau 2002a: 81). «Наука считает, что индустрия меняется, а человек к этому приспосабливается. Это утверждение можно назвать железобетонным (букв.: вылитым из бетона)».

(12) Und Demokratie ist eben auch ein mühsames Bohren dicker Bretter (Rau 2002a: 159). «Демократия являет собой сложный процесс „сверления толстых досок“».

Еще недавно весьма популярная в СССР идея перестройки находит свое воплощение и в современной германской политике. Понятие перестройки чаще всего используется при упоминании о реструктурировании экономики Восточной Германии (бывшей ГДР) по стандартам Западной Германии (ФРГ до объединения 1990 г.), а также упрочнение экономических отношений между странами Евросоюза:

(13) Nicht überall sind wirtschaftlicher Umbau und Privatisierung geglückt (Rau 2002a: 159). «Не везде удачно осуществляется экономическая перестройка и приватизация».

В общем, метафора дома традиционно связана с позитивными прагматическими смыслами: дом – это укрытие от жизненных невзгод, семейный очаг, символ фундаментальных нравственных ценностей; соответственно, строительство дома – это динамика, планы на будущее, стремление сделать жизнь лучше.

Субсфера «Механизм» как источник политической метафоры в речах восьмого президента ФРГ представлена типовыми ситуациями работы механизма и управления им. При таком понимании сущности политических процессов в качестве работающего механизма предстает государство или отдельные его институты, а также отдельные экономические системы или продуманная политика федерального правительства Германии, например, в сфере экономики:

(14) Tatsächlich „funktioniert“ ja ein Staat, ein Gemeinwesen, nicht nur dadurch, dass seine so genannte „Organe“ funktionieren, dass alle ihre Pflicht tun und ihre Aufgaben erfüllen (Rau 2002a: 72). «Фактически какое-либо государство, общество выполняет свои функции (букв.: функционирует) не только за счет функционирования так называемых его «органов», которые выполняют все свои обязанности и решают проблемы».

(15) Ein Beobachter hat dieser Tage sehr konkret ausgedrückt, wie sehr wir darauf angewiesen sind, dass traditionelle gesellschaftliche und politische Institutionen funktionieren (Rau 2002a: 162). «На днях один обозреватель очень метко высказался о том, что мы слишком зависимы от функционирования традиционных общественных и политических институтов».

Работа государственного механизма может контролироваться кем-либо из политиков, которые управляют им определенным способом, или наоборот быть неконтролируемой, ср.:

(16) Sie spielt eine ganz entscheidende Rolle, um das starke Bevölkerungswachstum in manchen Ländern zu bremsen (Rau 2002a: 209). «Она играет решающую роль для сокращения (букв.: торможения) роста численности населения в некоторых странах».

(17) Nun will und kann niemand das Rad der Geschichte zurückdrehen (Rau 2002a: 167). «Итак, никто не желает и не способен повернуть вспять колесо истории».

Артефактные метафоры из субсферы «Коммуникации» объективизируют знания о социальной реальности в терминах объектов коммунального хозяйства. Модель коммуникаций представлена чаще всего лексемами «мост» (die Brücke) и «дорога», «путь» (der Weg).

Метафора дороги указывает на осуществление каких-либо социальных процессов, на развитие государства, общества. Различные типы дорог и разные способы передвижения в пространстве могут указывать на определенные типы развития государства, общества [см. подр.: Klein 2002].

В речах президента ФРГ представлены разные типы дорог (легкая, тяжелая, правильная и т.д.), предназначенные для различных

целей, а также ситуации выбора пути, начала и этапов движения, например:

- наличие пути для движения: (18) Er ist einen ganz eigenständigen Weg gegangen (Rau 2002a: 153). «Он обладает своим собственным путем развития».

- вступление на путь (начало действия): (19) Das war damals ein großartiger Vertrauensvorschuss für Deutschland, der mitgeholfen hat, den schwierigen Weg der Versöhnung wirklich zu gehen (Rau 2002a: 26). «Для Германии это тогда стало великодушным авансом доверия, содействующим вступлению на сложный путь примирения».

- вступление на путь (уже свершающееся, протекающее действия): (20) Viele Reformen sind schon auf den Weg gebracht (Rau 2002a: 122). «Многие реформы уже осуществляются (букв.: вступили на путь)».

Изменение политического курса, принятие новых решений и осуществление принципиально новых политических действий метафорически воспринимается как перемещение, движение по новым дорогам и пр.:

(21) Dafür, dass wir diese Klarheit des Geistes erreichen, dafür brauchen wir die Historiker, denn wir sonst könnte uns den Spiegel vorhalten, der die Wege und Irrwege unserer Anschauungen zeigt, die hinter uns liegen, die wir aber kennen müssen, wenn wir wirklich neue Wege gehen wollen (Rau 2002a: 182). «Для ясности ума мы нуждаемся в историках, которые помогут нам указать правильность (букв.: пути) и ложность (букв.: ложные пути) наших взглядов, которые мы все же должны знать, если хотим идти новыми дорогами».

(22) Der Weg, den Terroristen wählen, stellt uns vor völlig neuartige Herausforderungen (Rau 2002a: 37). «Путь, который выбирают террористы, представляет нам новые вызовы».

Центральное место в метафорической структуре идиостиля Й. Рау занимает лексема «мост» („die Brücke“), которая очень часто использовалась восьмым федеральным президентом, когда речь шла о сотрудничестве между странами, особо – между странами Западной Европы и европейскими странами бывшего социалистического лагеря. При этом мост выполняет связующую функцию, сближая культуры, народы, страны.

Процесс строительства моста („eine Brücke schlagen“, „eine Brücke bauen“, der „Brückenbau“) выражает в свою очередь процесс установления партнерских отношений и сотрудничество в разных сферах жизни: в политике, экономике, культуре и т.д. как между отдельными государствами, так и между отдельными народами:

(23) Bundesgartenschauen bauen Brücken zwischen Menschen auch in den alten und neuen Ländern (Rau 2002a: 82). «Федеральные садоводческие выставки также устанавливают контакты (букв.: наводят мосты) между людьми старых и новых федеральных земель (Германии)».

(24) Sehe ich mir das Verhältnis von Nord und Süd an, dann hat die UNESCO auch dort wichtigste Brücke geschlagen (Rau 2002a: 28). «Рассматривая отноше-

ния севера и юга, я могу констатировать, что ЮНЕСКО и там установило важнейшие контакты (букв.: навело важнейшие мосты)».

(25) Und so wünsche ich Ihnen alles Gute und viel Erfolg, bei dem Bemühen, Brücken zu schlagen zwischen den Menschen (Rau 2002a: 31). «И я желаю Вам всего хорошего и успехов в установлении контактов (букв.: наводить мосты) между людьми».

Субсфера «Транспорт» представлена единицами, номинирующими различные виды транспортных средств, части транспортных средств и способы передвижения транспортных средств в пространстве, включая объекты транспортной инфраструктуры. В политической коммуникации ФРГ наиболее часто используются водный и железнодорожный виды транспорта, а также их составные части и запчасти легкового автомобиля:

(26) Der deutsche Umweltpreis ist ja das Flaggschiff der vielen Aktivitäten der Stiftung (Rau 2001: 216). «Германская премия в области защиты окружающей среды – это флагманский корабль активной деятельности фонда».

(27) Und wie oft konnten solche Regime am Ruder bleiben, weil sie sich zur Zeit des Kalten Krieges oder auch danach als geeignete Partner für strategische oder wirtschaftliche Allianzen der einen oder anderen Seite anbieten (Rau 2001:169). «И как часто могли действовать (букв.: оставаться у штурвала) такие режимы, ибо они уже тогда во время холодной войны или даже после нее предлагали себя в качестве подходящих партнеров для стратегических или экономических союзов с той или другой стороной».

Несколько обособленно среди артефактной метафорики находятся текстильные метафоры из концептуальной сферы «Одежда», поскольку, в отличие от перечисленных выше групп (субсферы «Дом», «Механизм», «Транспорт» и «Коммуникации»), которые представляют собой механические и архитектурные артефакты, текстильные аксессуары относятся к сфере лично-бытовых метафор, предназначенных (как и пища) для непосредственного потребления человеком.

Некоторые текстильные метафоры стали в немецком языке уже традиционными, так что их употребление не может служить показателем того, что данный вид метафор является у какого-либо политика излюбленным, однако использование подобной лексики и в этом случае вписывается в метафорическую структуру текстов выступлений исследуемого оратора:

(28) Wo es kritische Opposition und Meinungsfreiheit gibt, fällt es Herrschenden schwerer, sich unbeobachtet die Taschen zu füllen (Rau 2002a: 170). «Там, где существует критическая оппозиция и свобода мнений, стоящим у власти не удается уже незаметно набить карманы».

(29) Für Meta-Institutionen wie das Wissenschaftskolleg, in dem die Wissenschaftler auf Zeit arbeiten, in dem viele Nationalität, Temperamente und

Fächer unter einen Hut oder zumindest an eine gemeinsame Tafel gebracht werden, gilt das noch mehr (Rau 2002a: 156). «Для мета-институтов такая система, объединяющая (букв.: под одной шляпой) ученых разных национальностей, темпераментов и сфер деятельности, работающих по контракту, ценится еще больше».

Лексема «шляпа» („der Hut“) в свою очередь входит в состав многих устойчивых сочетаний современного немецкого языка, возникших на базе метафорического и метонимического переносов. Эти словосочетания довольно часто используются и в политической риторике, на основании чего можно смело утверждать, что «шляпа» является самым политизированным текстильным аксессуаром и самым политизированным головным убором в современном немецком политическом языке [см. подр.: Керимов 2007].

Исходная концептуальная сфера «Физиология человека» представлена 61 метафорической единицей, (17,4% от общего количества проанализированных примеров). Создаваемая человеком метафорическая картина политического мира в значительной степени антропоцентрична: как Бог создал человека по своему образу, так и человек метафорически создает (концептуализирует) политическую действительность в виде некоего подобия своего тела и составляющих его органов, своих физиологических и иных действий и потребностей, своих генетических и иных связей с собственными родственниками.

Все рассматриваемые ниже модели (в их основе лежат понятийные субсферы «Части тела (органы) человека и физиологические действия», «Болезнь») вполне традиционны для немецкой политической метафоры. Физиологическая метафора – одна из наиболее часто используемых и детально структурированных в политическом дискурсе. Субсфера «Физиологические органы» представляет наименование частей тела и органов человека, которые могут в переносном смысле выполнять различные политические функции или обозначать определенные социальные реалии. И в обыденной, и в научной (медико-биологической) картине мира в составе человеческого организма разграничиваются части организма и его органы.

Органы функциональны – они «отвечают» за какую-то сферу жизнедеятельности, несут какую-то функцию: например, глаза – орган зрения, печень предназначена для очистки организма от вредных веществ. Части тела – это голова (в том числе лицо, затылок, подбородок и др.), шея, туловище (в том числе живот, спина и др.), руки, ноги. Эти части выделяются преимущественно визуально, они не обязательно имеют определенную функцию. Названные классификации могут также и пересекаться.

Важная часть тела – руки („der Arm“, „die Hand“), которые ведут в основном разнообразную «трудовую» деятельность, например:

(30) Ich wünsche dem Bundesverfassungsgericht und seinen Richterinnen und Richtern eine glückliche Hand und Entscheidungen, die immer die Nähe suchen zur biblischen Weisheit Salomos (Rau 2002a: 135). «Желаю Федеральному конституционному суду, включая судей, которые всегда стремятся к библейской мудрости Соломона, легкой руки (букв.: счастливой руки) и справедливых решений».

(31) Dafür, dass sie für den Wettbewerb verantwortlichen es immer wieder verstehen, jungen Menschen originelle und spannende Zugänge zu diesen Fragen zu eröffnen, dafür möchte ich Ihnen danken, den Lehrerinnen und Lehrern, die die weit über 1500 Beiträge begleitet und betreut haben, aber auch in diesem Jahr den Wettbewerb mit sicherer Hand zu einem guten Ende geführt hat (Rau 2002a: 183). «Это ясно, что вы являетесь ответственными за конкуренцию и за то, чтобы молодые люди предлагали оригинальные и увлекательные подходы по этим вопросам и за это я хочу поблагодарить Вас, преподавателей, а еще за то, что вы сопроводили и осуществили более 1500 вкладов и уверенно (букв.: с уверенной рукой) выдержали конкуренцию с хорошими результатами».

В определенных контекстах образному переосмыслению подвергаются буквальные действия человека, выполняемые руками или пальцами, которые характеризуют позитивное или негативное отношение к какой-либо социальной проблематике («сидеть сложа руки», «идти рука об руку», «бередить раны»):

(32) Ich warne auch davor, die Globalisierung als Vorwand dafür zu benutzen, entwicklungspolitisch die Hände in den Schoß zu legen und abzuwarten (Rau 2002a: 206). «Также я опасаясь того факта, что глобализация будет использоваться как предлог для того, чтобы сидеть сложа руки и ждать».

(33) Die Menschen können auf Dauer nur dann in Frieden, in Sicherheit und frei von Armut leben, wenn Ökologie und Ökonomie Hand in Hand gehen und nicht gegeneinander gestellt werden (Rau 2002a: 215). «Люди смогут долго жить в мире и безопасности, не обремененные бедностью, в том случае, если экономика и экология не будут противопоставляться друг другу, а будут действовать сообща (букв.: идти рука в (об) руку).

(34) Manchmal legen sie den Finger in die Wunde oder geben kritische Anstöße für Veränderungen (Rau 2002a: 75). «Иногда они бередят раны (букв.: кладут палец в рану) или дают критический повод к изменениям».

Органы перцепции человека (глаза, уши, нос, язык, зубы) в качестве прототипической функции выражают сбор и оценку информации (причем нос (die Nase), как правило, призван улавливать недоступную информацию):

(35) Sie sind nicht nur großzügig und nehmen nicht nur ernsthaft ihre Verantwortungen wahr, sie haben offenbar fauch eine sehr gute Nase für die großen Künstlerischen Begabungen, für Qualität (Rau 2002a:

138). «Они не только великодушны и воспринимают серьезно свою ответственность, но также, очевидно, обладают хорошей интуицией (букв.: очень хорошим носом) в отношении таланта к искусству и качеству».

Метафорические наименования, связанные с дыханием и дыхательной системой („das Atmen“, „der Atem“, „die Atmung“), в качестве основной функции в общезыковом употреблении обозначают запас сил:

(36) Wir müssen den Terrorismus bekämpfen, und wir werden ihn besiegen. Dazu brauchen wir einen langen Atem (Rau 2002a: 103). «Мы должны бороться с терроризмом, и мы победим его. Но для этого нам потребуется приложить много усилий (букв.: долгое дыхание)».

(37) Das ist eine Gestaltungsaufgabe, zu der man einen langem Atem, viele Verbündete braucht (Rau 2001: 189). «Для решения этой проблемы потребуется много усилий (букв.: долгое дыхание) и союзников».

Помимо этого, к сфере физиологии человека примыкают словоупотребления, которые в первичном значении выражают ментальную (психическую) деятельность человека, а также состояние болезни, что позволяет персонифицировать (уподобить человеку) политические действия и органы, институты государственной власти современной Германии:

(38) Es ist einmal gesagt werden, das Grundgesetz sei das Gedächtnis unseres demokratischen Rechtsstaates (Rau 2002a: 132). «Однажды было сказано, что конституция является памятью нашего правового демократического государства».

(39) Das hat zu schmerzenden Reformen geführt (Rau 2002a: 174). «Это привело к тяжелым (букв.: болезненным) реформам».

Таким образом, в сфере физиологии человека наиболее развитой метафорической структурой обладают наименования физиологических органов человека, которые концептуализируют различные аспекты социальной реальности во всем ее многообразии.

Третьей по частотности выступает понятийная сфера «Природа» (54 словоупотребления), метафорические единицы данной исходной понятийной сферы концептуализируют социальную реальность посредством наименований животных, растений, объектов ландшафта и геологических явлений, а также осадков (погоды и климата) и стихий (огонь, вода и пр.). Данная группа концептуальных метафор немногочисленна и в целом непродуктивна.

Животные могут в переносном смысле именовать как положительные, так и отрицательные черты деятельности отдельных политиков, оппозиции или правительства (auf das falsche Pferd setzen), а также указывать на успехи в экономическом развитии (der Tiger am Sprung), например:

(40) Er hat auf das falsche Pferd gesetzt (Rau 2002a: 221). «Он выбрал неправильный путь (букв.: сел не на ту лошадь)».

Метафорический термин «экономический тигр» (*der Wirtschaftstiger*) появился в 90-е гг. XX века и обозначал страны азиатско-тихоокеанского региона (отсюда синонимичное выражение: «азиатский тигр»), которые благодаря разумной социально-экономической политике и благоприятной мировой экономической конъюнктуре пережили бум экономического развития и вышли на уровень мировых лидеров по уровню производства, товарооборота, торговли и ВВП (это, прежде, всего Южная Корея, Малайзия, Сингапур и отчасти – Таиланд, Гонконг). Президент Й. Рау для создания положительной оценки социальной политики правительства Г. Шрёдера в «новых» федеральных землях (экс-ГДР) использовал данный термин по отношению как раз Восточной Германии, которая, по его мнению, уже вышла на уровень, с которого начинается стремительное экономическое развитие, а единственным препятствием могут стать не объективные, а субъективные факторы, среди которых – неготовность самих восточных немцев к новым экономическим реалиям, ср.:

(41) Die Vier kamen zu dem Ergebnis, Ostdeutschland habe ein ausgesprochen gutes Entwicklungs- und Aufholpotential, es sei ein „Wirtschaftstiger“ auf dem Sprung. Jedes Potential müsse aber zunächst einmal mobilisiert werden, und das stoße in Ostdeutschland auf ein psychologisches Handicap: Das weitverbreitete Gefühl der Enttäuschung über die bisherige Entwicklung sei ein Hindernis für den Wachstumsprozess. Die Blockade in den Köpfen hindere den Tiger am Sprung (Rau 2002b: 428). «Четверка пришла к выводу, что Восточная Германия имеет очень хороший потенциал для развития и наверстывания, она является «экономическим тигром» в прыжке (...тигр, который собрался прыгать (прыгает)). Но любой потенциал должен быть сначала мобилизован, а это наталкивается в Восточной Германии на психологический гандикап: широко распространенное чувство разочарования состоянием развития до настоящего момента является препятствием для процесса роста. Блокада в головах мешает тигру, который собрался прыгнуть».

В случае (41) в одном контексте одновременно используются метафоры нескольких разных видов: зооморфная метафора („Wirtschaftstiger auf dem Sprung“, der Tiger am Sprung“), спортивная („das psychologische Handicap“, „das Hindernis“) и военная („mobilisieren“).

Политические события могут быть выражены явлениями и процессами неживой природы, характерными для растений, как, например, цветение („blühen“) или срастание частей („zusammenwachsen“):

(42) Die Einsicht, dass die neuen Erkenntnisse zwischen den Lehrstühlen und Fakultäten blühen, haben schon viele gehabt (Rau 2002a: 151). «Многие уже подумали, что кафедры и факультеты имеют много достижений (букв.: новые знания цветут)».

Процесс «срастания», по мнению президента ФРГ, характерен для Европейского Сою-

за, который расширяет сферу своего влияния в Европе и укрепляет отношения между странами-членами Евросоюза, например:

(43) Die Vielfalt der Kulturen, der Sprachen, der Menschen: das ist die Stärke Europas. Diese Vielfalt wollen wir auch in einem zusammenwachsenden Europa erhalten (Rau 2002b: 315). «Многообразие культур, языков, людей: это – сильные стороны Европы. Это многообразие мы хотим сохранить также и в срастающейся Европе».

(44) Polen kann zu einem Ferment des Zusammenwachsens der beiden Hälften Europas werden (Rau 2000: 204). «(Но) Польша может стать ферментом сращения обеих частей Европы».

Сам же Европейский Союз, по мнению Й. Рау, является «островком» безопасности и благополучия в бедствующем мире („die Insel des Wohlstands“). Однако остальной мир может оказать негативное влияние на ЕС:

(45) Keiner glaube, wir könnten auf einer Insel der Seligen und des Wohlstands leben in einer Welt des Elends, des Krieges, in einer Welt der Armut und des Hungers (Rau 2002a: 337-338). «Никто и не думает, что мы можем жить на острове благословенных и благосостояния в мире бедности и голода».

(46) Die Erfahrung lehrt uns, dass es ja auf Dauer keine Inseln des Wohlstands und des Friedens geben kann in einem Meer von Elend und Gewalt (Rau 2002a: 119). «Опыт учит нас тому, что в море бедствий и насилия на долгое время не может быть островов благосостояния и мира».

Помимо этого на политическом ландшафте всегда могут произойти как потрясения и другие негативные события (*erschüttern*), так и открытие новых перспектив (*sich gleichzeitig zu neuen Ufern auf machen*):

(47) Am Anfang des neuen Jahrtausends bleibt UNESCO ihren Zielen verpflichtet – aber sie macht sich gleichzeitig zu neuen Ufern auf (Rau 2002a: 30). «В начале нового столетия ЮНЕСКО остается верным своими целям, но в то же время открывает новые берега».

(48) Alle sind gleich, alle sind anders: das ist das Gegengift gegen den Narzissmus der kleinen Unterschiede, von dem der frühere UNO-Generalsekretär Perez de Cuellar einmal gesprochen hat und den er als den Zündstoff der vielen lokalen Konflikte ausmachte, die unseren Globus ständig erschüttern (Rau 2002a: 30). «Все люди одинаковы, но в то же время все они разные, и это является противоядием от нарциссизма небольших различий, о котором уже говорил однажды бывший генеральный секретарь ООН Перес де Куэльяр и который он считает причиной многих локальных конфликтов, постоянно происходящих в мире (букв.: сотрясающих мир)».

Термины сферы социальных отношений в человеческом обществе (война, спорт, криминал, культура и искусство, пресса, религия) также используются для метафоризации общественно-политической реальности современного мира в индивидуально-авторской картине

мира Й. Рау. Метафоры данной сферы в качестве мишени метафорической экспансии чаще всего описывают внутригерманскую партийную «борьбу» за власть, особенно в период выборов в бундестаг, а также партийные «баталии» в самом бундестаге по ключевым вопросам и проблемам внутренней и внешней политики Федеративной Республики.

Так, по мнению федерального президента, в Германии идет постоянная война, которая то находится на стадии «окопных сражений» (Pl. „Grabenkriege“), то переходит в активную стадию во время предвыборных кампаний („Wahlkampf“), причем арсенал используемого политиками «вооружения» (от холодного до огнестрельного) весьма велик, например:

(49) Die Zeiten ideologischer Grabenkriege gehören der Vergangenheit an (Rau 2002b: 634). «Времена идеологических окопных войн (уже) в прошлом».

(50) Und da, glaube ich, ist das Land auf einem guten Weg, auch wenn gegenwärtig ein Wahlkampf geführt wird, bei dem manche den Säbel statt des Floretts benutzen (Rau 2002b: 585). «И тогда, как я думаю, страна находится на правильном пути, даже если в настоящее время ведется предвыборная борьба, в ходе которой некоторые используют саблю вместо рапиры».

Сам Й. Рау в течение всего времени своего президентствования жестко критиковал подобное положение вещей, считая, что немецкие политики слишком увлекаются межпартийными батальями, вместо того, чтобы сообща решать реальные проблемы своей страны и граждан Германии.

В состоянии борьбы могут находиться не только партии, но и идеи, лозунги, общественные группы, общины и даже целые культуры:

(51) In den letzten Wochen ist gelegentlich die Frage gestellt worden, ob denn nun der „Kampf der Kulturen“ begonnen habe oder bevorstehe, den Samuel Hintington seit 1993 in einem Aufsatz und dann in seinem bekannten Buch vorausgesagt hat (Rau 2002a: 160). «В последнее время возник вопрос о том, началась ли «борьба культур», которую предсказал в 1993 году в своей статье, а затем и в книге Самуэль Хинтингтон, или же она только предстоит».

Помимо этого противоборство партий описывают спортивные метафоры, представляющие политиков и партии в виде состязающихся команд. Спортивные термины также характеризуют уровень экономического развития Германии и стран ЕС и указывают на страны с высоким („die Gewinner“) и низким („die Verlierer“) экономическим потенциалом:

(52) Niemand lebt so stark von der Globalisierung wie die deutsche Wirtschaft. Die Tatsache, dass wir seit 50 Jahren Exportweltmeister sind, ist eine Folge zunehmender Globalisierung (Rau 2002b: 598-599). «Никто не получает столько выгод от глобализации как немецкая экономика. Тот факт, что мы последние 50 лет являемся чемпионами мира по экспорту, есть следствие возрастающей глобализации».

(53) Wir können und wir müssen fragen: Wer sind – bisher – die Gewinner, wer sind – bisher – die Verlierer der Globalisierung? (Rau 2002b: 347). «Мы можем и должны спросить: Кто на данный момент являются победителями, (а) кто – проигравшими (в глобализации?)»

Редко в немецкой политической риторике метафоризируются реалии криминального, асоциального мира. Йоханнес Рау использовал криминальные метафоры так же редко, однако посредством их он создавал яркие образы, описывая некоторые актуальные события из истории двух Германий (ФРГ и ГДР) и говоря о роли государства по отношению к обществу и к отдельным гражданам.

Так, в одном из газетных интервью президент Германии, делясь личными впечатлениями об объединении ГДР и ФРГ в 1990 г., представил точку зрения одного из видных общественных деятелей бывшей ГДР, который оценил присоединение Восточной Германии к Западной как попадание потерпевших кораблекрушение (восточные немцы) в плен к пиратам (западные немцы (капиталисты)):

(54) Aber mir hat 1991 der Pastor einer brandenburgischen Stadt gesagt: „Es ist schon ein merkwürdiges Gefühl. Man war vier Jahrzehnte schiffbrüchig und dann kommt man an Land und wird von lauten Piraten empfangen“ (Rau 2000: 288). «Но в 1991 г. пастор одного из бранденбургских городов сказал мне: “Это все же удивительное чувство. Мы сорок лет терпели кораблекрушение, а потом причалили к земле, и были встречены шумными пиратами”».

Роль государства, по мнению Й. Рау, заключается в защите интересов своих граждан, но государство не должно для этого постоянно использовать свое монопольное право на применение силы, чтобы не уподобиться «банде разбойников». Эта идея находит отражение, например, в следующих контекстах:

(55) Ein Gemeinwesen, ein Staat, der sich nicht zum Ziel setzte, Gerechtigkeit zu schaffen, wie immer sie im konkreten Fall aussieht, wäre nichts anderes als eine gemeine Räuberbande, ... wie es schon Augustinus im vierten Jahrhundert gesagt hat (Rau 2001a: 83). «Совместное существование, государство, которое не ставило своей целью поддерживать справедливость (в таком виде), как она всегда в конкретном случае выглядит, является ни чем иным, как совместная разбойничья шайка, ... как еще Августиний сказал в четвертом веке».

(56) Max Weber nennt das das „Monopol legitimer physischer Gewaltausübung“. Das kann in vielen konkreten Formen existieren. Der Staat kann zur Räuberbande werden, von der schon Augustinus gesprochen hat (Rau 2002a: 315). «Макс Вебер называет это «монополией легитимного физического применения силы». Это может проявляться во многих конкретных формах. Государство может стать разбойничьей шайкой, о которой говорил еще Августин».

Роль Европейского Союза видится федеральному президенту в объединении разных

государств, у которых никто не «украдет» („rauben“) их независимость и суверенитет:

(57) Eine solche Föderation ist nicht darauf angelegt, die Nationalstaaten verschwinden zu lassen, ihnen ihre Identität zu rauben, ihre Parlamente zu entmachten, ihre innere föderale oder einheitsstaatliche Verfassung zu ändern... (Rau 2000: 181). «Такая федерация не предназначена для того, чтобы способствовать исчезновению национальных государств, чтобы украсть у них их самоидентификацию, чтобы распушить их парламенты и изменить их конституцию...»

Субсфера искусства представлена в политической риторике Й. Рау преимущественно театральной метафорой, которая традиционно описывает политику как театральное действие. По отношению к области немецкой политики его излюбленными предикациями были „Inszenierung“ («инсценировка, постановка»), „absurdes Theater“ («театр абсурда»), „Sommertheater“ («летний театр (т.е. гастролирующий, странствующий театр)»), „Medienspektakel“ («медиаспектакль»), „Standartrepertoire“ («основной репертуар»).

Данными метафорами оратор подчеркивал искусственность некоторых политических действий как оппозиции, так и правящей коалиции, которые создавали видимость упорной работы, «инсценировали» обсуждение реальных проблем или доводили их до «абсурда», ср.:

(58) Politik lebt vom Dialog der Staatsmänner untereinander, und der muss organisiert werden. Ob die Art und Weise dieser Treffen nicht dazu gehört hat, dass das Medienspektakel wichtiger ist als die Sacherörterung, ob nicht die Inszenierung wichtiger ist als das Ergebnis (Rau 2001a: 374). «Политика существует как диалог политических деятелей, который должен быть организован. Если эти встречи не организуются таким образом, что шум, создаваемый СМИ, важнее, чем обсуждение дела, и если не инсценировка является важнее, чем результат».

(59) Der Bund und die Länder haben über die Verteilung der erhofften Überschüsse aus dem „Fonds Deutsche Einheit“ lange und heftig gestritten. Dieser Streit um Überschüsse wirkt im Nachhinein als absurdes Theater (Rau 2001a: 56-57). «Федерация и земли долго и упорно спорили о разделении ожидаемой прибыли из «Фонда немецкого единства». Этот спор о прибыли после всего этого похож на театр абсурда».

Немаловажную роль в том, что работа политиков воспринимается и оценивается гражданами Германии негативно, играют, по мнению Й. Рау, как немецкие СМИ, которые описывают деятельность партий, законотворчество в бундестаге и другие действия политиков как мыльную оперу, «спектакль», так и сами политики, играющие роли в подобных спектаклях, действующие на публику, превращая собственную политику в «постановку»:

(60) Politik ereignet sich als Medienspektakel (Rau 2000: 234). «Политика (часто) проявляет себя (предносится) как медиаспектакль».

Семантически близкими по смыслу являются метафоры «летний (странствующий) театр» („das Sommertheater“) и «основной репертуар» („das Standartrepertoire“). Первая из них выражает те острые темы внутренней и внешней политики, которые постоянно всплывают в СМИ и в риторике немецких политиков, вторая именует постоянные проблемы, которые постоянно всеми обсуждаются, но реально никак не решаются, ср. в следующих контекстах:

(61) Das Thema Rechtsextremismus ist regelrecht als Sommertheater diskutiert worden [Rau 2001a: 338]. «Тема праворадикального экстремизма, как правило, обсуждается время от времени в разных местах» (букв.: «Уже стало правилом, что тема праворадикального экстремизма обсуждается как странствующий театр»).

(62) Diese Art von Appellen gehört spätestens seit den sechziger Jahren zum Standartrepertoire der wissenschaftlichen Rhetorik (Rau 2002a: 151). «Такой вид протеста самое позднее с 60-х годов относится к стандартному репертуару научной риторики».

Каждая концептуальная сфера и субсфера и связанные с ними метафорические модели проявляют определенные функциональные свойства частотности. Частотность показывает количественные данные той или иной метафорической модели либо субмодели, то есть конкретное количество метафорических единиц, относящихся к той или иной модели или субмодели. Выявленные в рамках настоящего исследования в речах и интервью восьмого президента ФРГ Й. Рау случаи метафорического словоупотребления (количественные данные представлены на основе анализа речей за 2000 г.) в той или иной степени соотносятся со всеми четырьмя концептуальными субсферами в разной степени частотности, а потому представляется возможным выделить более и менее частотные виды концептуальных метафор в идиостиле президента Федеративной Республики.

На уровне метафорических моделей доминируют артефактная метафора (202 единицы), которая представлена более чем половиной всех метафорических словоупотреблений. Второе место занимает антропоморфная метафора (61); далее расположилась метафора природы (54) и последнее место по частотности занимает социальная метафора (33).

Данные по частотности концептуальных метафор, представленных в речах германского экс-президента, приведены в порядке количественного убывания в Таблице 1:

Таблица 1.

№	Метафорическая модель	Кол-во	%
1	Артефактная метафора	202	57,8 %
2	Антропоморфная метафора	61	17,4 %
3	Метафора природы	54	15,4 %
4	Социальная метафора	33	9,4 %
Итого		350	100%

В Таблице 2 представлена в порядке количественного убывания частотность метафори-

ческих единиц, репрезентирующих метафорические субмодели, которые сведены в группы тех моделей, к которым они относятся.

Таблица 2.

№	М.	Метафорическая модель / субмодель	Кол-во	%	%
А р т е ф а к т н а я м е т а ф о р а					
1.	1.	Метафора дома	90	25,7 %	44,5 %
2.	2.	Метафора коммуникаций	57	16,3 %	28,3 %
3.	3.	Метафора механизма	35	10,0 %	17,3 %
4.	4.	Метафора транспорта	20	5,8 %	9,9 %
Всего			202	57,8 %	100 %
А н т р о п о м о р ф н а я м е т а ф о р а					
5.	1.	Физиологическая метафора	56	16,0 %	91,8 %
6.	2.	Метафора болезни	5	1,4 %	8,2 %
Всего			61	17,4 %	100 %
М е т а ф о р а п р и р о д ы					
7.	1.	Метафора ландшафта	27	7,7 %	50,0 %
8.	2.	Зооморфная метафора	16	4,6 %	29,6 %
9.	3.	Фитоморфная метафора	11	3,1 %	20,4 %
Всего			54	15,4 %	100 %
С о ц и а л ь н а я м е т а ф о р а					
10.	1.	Спортивная метафора	19	5,4 %	57,6 %
11.	2.	Милитарная метафора	11	3,1 %	33,4 %
12.	3.	Метафора искусства	3	0,9 %	9,0 %
Всего			33	9,4 %	100 %
Итого			350	100 %	

В Таблице 3 в свою очередь представлены метафорические субмодели в порядке количественного убывания с указанием модели, к которой они относятся:

Таблица 3.

М.	Метафорическая субмодель	Модель	Кол-во	%
1.	Метафора дома	1.	90	25,7 %
2.	Метафора коммуникаций	1.	57	16,3 %
3.	Физиологическая метафора	2.	56	16,0 %
4.	Метафора механизма	1.	35	10,0 %
5.	Метафора ландшафта	3.	27	7,7 %
6.	Метафора транспорта	1.	20	5,8 %
7.	Спортивная метафора	4.	19	5,4 %
8.	Зооморфная метафора	3.	16	4,6 %
9.	Фитоморфная метафора	3.	11	3,1 %
10.	Милитарная метафора	4.	11	3,1 %
11.	Метафора болезни	2.	5	1,4 %
12.	Метафора искусства	4.	3	0,9 %
Итого			350	100%

Примечание: Условные сокращения:

1. – артефактные метафоры;
2. – антропоморфные метафоры;
3. – природные метафоры;
4. – социальные метафоры.

Таким образом, в метафорической системе личного дискурса восьмого президента ФРГ Йоханнеса Рау внутри каждой метафорической модели выделяются как высокочастотные субмодели, так и средне- и низкочастотные метафорические модели. Самой частотной на фоне всех субмоделей проявляет себя метафора дома, характеризующая почти четверть

всех проанализированных за 2000 г. контекстов. Второе и третье места занимают метафора коммуникаций (16,3%) и физиологическая метафора (16,0%). Среднечастотной является метафора механизма (10%). Другие метафоры составляют менее десятой части от общего числа примеров каждая: метафора ландшафта (7,7%) и транспорта (5,8%), спортивная (5,4%), зооморфная (4,6%), милитарная и фитоморфная (по 3,1%) метафора. Последние два места по показателю частотности занимают метафора болезни (1,4%) и искусства (0,9%),

В целом, подводя некоторые итоги, следует отметить, что все рассмотренные исходные понятийные сферы в той или иной степени участвуют в формировании индивидуально-личностного метафорического концепта «Политика Германии» в языковой картине мира федерального президента ФРГ Й. Рау. Все концептуальные метафоры объективируют наиболее актуальные для политика такого уровня социальные реалии, которые существовали во время его правления. Некоторые метафорические единицы, проявившие себя в качестве излюбленных и наиболее часто использовавшихся данным политиком, образовали целостные образные структуры, подвергшие метафорическому переосмыслению крупные части текстов его выступлений.

Чаще всего для отображения политической реальности Германии и ЕС в своих речах Йоханнес Рау использует артефактную концептуальную метафору. Для метафорических моделей и субмоделей, используемых восьмым федеральным президентом ФРГ, в целом характерна положительная оценка немецкой и европейской действительности. Йоханнес Рау, концептуализируя социально-политическую действительность современной, редко использует образы войны, болезни, порождающих в сознании людей негативную оценку.

В риторике Й. Рау немецкое государство и современное общество описывается как слаженно работающий механизм, исправно выполняющий свои функции, как дом с мощным фундаментом и прочными опорами, Германия представлена государством, «наводящим мосты» в вопросах сотрудничества и взаимопомощи с другими странами, как государство, идущее верной дорогой к цели, контролируемое дорожными указателями и компасом, как здоровый человеческий организм, как плодородная почва, как честное, хотя и бескомпромиссное соревнование.

Представляется возможным провести наиболее сопоставление частотности метафор в речах Й. Рау и в германском политдискурсе конца XX – начала XXI века в целом на основе имеющихся статистических данных [см.: Kerimov 2004]. Так, из метафорических моделей у президента Йоханнеса Рау, как уже отмечалось выше, доминируют артефактные метафоры (около 57,8%), что характерно и для всего современного немецкого политдискурса (41%).

Антропоморфная и природная метафоры в риторике экс-президента примерно равны по данным частотности (17,4% и 15,4% соответственно), и в политической лингвокультуре ФРГ они также соотносимы – антропоморфная метафора представлена где-то в 13,55% случаев, а природная – примерно в 16%. Существенные различия лежат в употреблении социальных метафор – в персональном дискурсе немецкого президента их доля составляет всего 9,4% (последний показатель по сравнению с другими видами метафор), а в немецкой политической культуре в целом – около 29,45% (второй показатель после артефактных метафор).

На уровне субмоделей также проявляются определенные соответствия: излюбленными метафорами Йоханнеса Рау являются метафоры дома (25,7%), коммуникаций (16,3%), физиологическая (16,0%) и механистическая (10,0%) метафоры и метафора ландшафта (7,7%), в то время как в немецком политическом языке отмечены следующие частотные метафоры: метафора дома (около 17,15%), транспортная (12,45%), механистическая (6,75%), милитарная (6,05%) метафоры и метафора ландшафта (6,05%). В обоих случаях на первом месте выступает метафора дома, в лидерах – механистическая метафора и метафора ландшафта. Очень часто в президентских речах встречаются также метафоры коммуникаций и физиологические метафоры, а другие немецкие политики тяготеют в свою очередь к транспортной и милитарной метафорам.

На материале речей Й. Рау также можно проанализировать возможную корреляцию между концептуальными сферами-источниками для метафорического переноса наименования и «гражданской» профессией политика, поскольку, как полагают некоторые авторы, у определенной группы людей выбор словоупотребления (употребляемых слов) может напрямую коррелировать с профессией человека, который при прочих равных условиях будет употреблять термины из тезауруса именно своей профессии (поскольку именно с терминосистемой своей профессии человек знаком лучше всего).

В случае метафорического употребления слов экс-президентом Германии такой закономерности не прослеживается: как социальная метафора в целом, так и лексические единицы из области религии не являются частотными в его метафорическом словаре, а религиозные метафоры вообще отмечены лишь единичными контекстами, что можно объяснить долгой политической карьерой и высоким уровнем (духовного) образования данного человека, который в своей жизни через церковно-управленческую и партийную работу в СДПГ имел дело с разными сферами общественной жизни и весьма широкое поле деятельности.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить общие черты, характерные

как для современного немецкого политдискурса в целом, так и для метафорического словоупотребления восьмого федерального президента ФРГ, которые можно объяснить, с одной стороны, веяниями языковой моды (традиционные для современной немецкой политической риторики образы) и, с другой стороны, наличием фундаментальных языковых схем, обслуживающих современную политическую лингвокультуру ФРГ (постоянные метафорические модели, стандартные для немецкой политической культуры второй половины XX века и начала XXI века).

Специфические, окказиональные и излюбленные метафорические образы Йоханнеса Рау отражают его личностное восприятие современной германской политики и основных политических событий в мире, связанное как с личным опытом и опытом его «гражданской» профессии священника, так и с его общегражданской позицией (как гражданина Германии), и базовыми ценностями его личности.

В заключение следует отметить, что настоящая работа не является исчерпывающим и претендующим на полноту исследованием, а лишь небольшим обзорным реферативным докладом. Изучение метафоросистемы речей немецкого президента Йоханнеса Рау является очень интересной и перспективной тематикой, которое должно быть продолжено в рамках более обширного исследования с использованием комплексной методики лингвокогнитивного, лингвостилистического, семантического, словообразовательного, грамматического и коммуникативно-прагматического анализа.

ЛИТЕРАТУРА

- Керимов Р.Д. Текстильные концептуальные метафоры в политическом дискурсе ФРГ // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 96-107.
- Керимов Р.Д. Артефактная метафорика в политическом дискурсе ФРГ: Учебное пособие / Кемеровский государственный университет. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. 168 с.
- Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография. – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2001. 240 с.
- Чудинов А.П. Политическая лингвистика (Общие проблемы, метафора): Уч. пособие. – Екатеринбург: Изд-во УрГИ, 2003. 194 с.
- Feng X. (Konzeptuelle Metaphern und Textkohärenz. – Tübingen: Narr, 2003. 301 S.
- Kerimov R. Sportmetaphorik auf dem Gebiet der Politik: Kognitive Untersuchung eines metaphorischen Herkunftsbereiches der deutschen Politikerrede // Ethnohermeneutik und Anthropologie [Hrsg. von E.A. Pimenov, M.V. Pimenova]. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2004. S. 225-242. (Reihe «Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik»; Bd. 10).
- Klein J. *Weg und Bewegung: Metaphorische Konzepte im politischen Sprachgebrauch und ein Frame-theoretischer Repräsentationsvorschlag* // Politische Konzepte und verbale Strategien: Brisante Wörter –

Begriffsfelder – Sprachbilder [Hrsg. von O. Panagl, H. Stürmer]. – Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien: Lang, 2002. S. 221-235. (Sprache im Kontext; Bd. 12).

Kövecses Z. Metaphor: A practical introduction. – New York: Oxford University Press, 2002. XVI, 285 p.

Источники примеров

Rau J. Reden und Interviews. – Berlin: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2000. Bd. 1.1. 336 S.

Rau J. Reden und Interviews. – Berlin: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2001a. Bd. 2.1. 400 S.

Rau J. Reden und Interviews. – Berlin: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2001b. Bd. 2.2. 512 S.

Rau J. Reden und Interviews. – Berlin: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2002a. Bd. 3.1. 480 S.

Rau J. Reden und Interviews. – Berlin: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2002b. Bd. 3.2. 672 S.

© Керимов Р.Д., 2009

Кириченко В.
Киев, Украина

Kirichenko V.
Kiev, Ukraine

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА**
(на примере анализа образа запада в дискурсе
президентов Украины и Беларуси)*

УДК 81'42

ББК Ш 100.3

Аннотация. Данная статья посвящена реконструкции образа Запада в публичных речах президентов Украины и Беларуси. На основе использования дискурс-анализа показаны структура и параметры представлений о Западе. Автором делается вывод о доминировании топоса Европы в дискурсе В. Ющенко и о раздробленности образа Запада (принципиальном отличии означающих «США» и «Европа») в дискурсе А. Лукашенко.

Ключевые слова: политический дискурс-анализ, образ Запада, президенты Украины и Беларуси, идентичность, теория дискурса.

Сведения об авторе: Кириченко Виталий, магистр политологии, аспирант

Место работы: Национальный университет «Киево-Могилянская Академия»

Контактная информация: Кафедра политологии, Национальный университет «Киево-Могилянская Академия», ул. Г. Сковороды, 2, Киев, Украина, 04070.

E-mail: vikirichenko@yandex.ru.

**CONCEPTUALIZING
POLITICAL SPACE**

(analysis of images of the west in the presidential
discourse in Ukraine and Belarus)

ГЧТИ 16.21.27

Код БАН 10.02.19

Abstract. The article is devoted to the reconstruction of images of the West in public speeches of presidents of Ukraine and Belarus. The author uses discourse analysis to demonstrate the structure and parameters of representations of the West.

The author concludes that topos of Europe is dominant for V. Yushchenko's discourse, while A. Lukashenko strictly differentiate signifiers «USA» and «Europe» in the image of West.

Key words: political discourse analysis, image of West, presidents of Ukraine and Belarus, identity, discourse theory.

About the author: Kirichenko Vitaliy, Master of Political Science, Postgraduate Student.

Place of employment: National University of Kyiv-Mohyla Academy

Становление современных политических режимов территории Пограничья сопровождается трансформациями на разных уровнях и в разных сферах социального пространства. Данные процессы протекают при непосредственных стремлениях основных политических акторов Украины, Беларуси совершить осмысление, провести категоризацию и оценить окружающую реальность как для создания, усовершенствования и переопределения собственных ориентиров деятельности, так и для борьбы за символические ресурсы с дальнейшим их использованием при воздействии на окружающую реальность, в том числе и на непосредственную аудиторию людей, воспринимающих результаты познания среды.

Процесс создания структурированного и устойчивого воображаемого политического сообщества необходимым образом предполагает натурализацию, опривычивание властных идеологий, перевод, «транскрипцию» установок политических элит в стандартные, а тем самым конвенциональные социальные факты.

Целью данного процесса является формирование и трансляция образов, мнений, оценок на конструируемое социальное пространство для создания идентичностей адресных групп, их легитимации и воспроизводства, что в свою очередь будет способствовать воспроизводству

самой элиты и лежащих в основе их представления реальности идеологий.

При этом сами создатели дискурса выступают не столько как сознательные «ловцы смысла», или свободные деятели, а как пункты пересечения нескольких дискурсов, детерминируемых скрытыми идеологиями. Т.е., сами создатели обусловлены лежащими в основе воспроизводства социальной общности, членами которой они состоят, системами идей, наборами установок и ценностей.

Процесс создания новых политических идентичностей протекает с помощью нескольких механизмов, используемых скрыто и применяющих как фоновое, повседневное знание, так и интеллектуальную, научную продукцию.

Одним из аспектов создания идентичности является преобразование как ментально, так и физически внешне расположенных акторов в конституирующие факторы обособления и стабилизации внутреннего пространства, которое служит двояким целям: с одной стороны, это фиксация их в качестве стратегических, онтологических факторов собственного существования, имеющих независимое, безотносительное бытие-в-себе, с другой стороны – это риторические условия для осуществления гибких дискурсивных и прагматических эффектов и поворотов. Совмещение и наложение этих двух уровней требуется учитывать при проведении дискурс-аналитического исследования.

Значимую роль в структурировании социальных групп играют позиции глав государств, определяющих приоритеты и стратегии развития стран и обладающих значительными воз-

* Данное исследование осуществлено в рамках гранта по проекту «Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова».

воздействия на остальных политических акторов.

Функционирующие на уровне глав государств дискурсивные модели, выражаемые в текстах и через тексты, ими производимыми, служат одновременно нескольким целям, выражаемым как имплицитно, так и эксплицитно:

- конструированию новых и воспроизводству сложившихся идентичностей как внутреннего пространства государства, так и внешнего мира, представляемого в качестве чужого или «не-нашего»;

- легитимации сложившихся властных отношений через апелляцию к здравому смыслу с его дальнейшим использованием для реализации собственных задач;

- информированию и воздействию на группы потребителей текстов;

- увеличению собственных знаний об окружающей реальности.

Следует учитывать, что тексты, высказывания, производимые политическими акторами, применяются как стратегически, системно, т.е. для установления общих ориентиров и программ деятельности, так и тактически, в рамках конкретного социального взаимодействия, т.е. как гибкий, ситуативный, «конъюнктурный» ресурс для создания и поддержания связности, непротиворечивости коммуникативного содержания в рамках функционально и тематически связанного текста.

Данная работа посвящена выявлению смыслов и коннотаций, задаваемых президентами Украины и Беларуси в ходе своего познания и интерпретации территориально-политических образований.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения символических практик президентов Украины и Беларуси В. Ющенко и А. Лукашенко, выявления используемых дискурсивных моделей, стратегий и тактик. Она вызвана потребностью в развитии и применении дискурс-аналитических техник в отношении особых видов политической коммуникации, а именно – текстов, производимых лидерами государств.

Цель данной работы заключается в экспликации приемов и средств, используемых акторами для создания и поддержания репрезентаций внешнего мира, в частности, образа Запада.

При этом приоритетом считается работа с внутренней организацией текстов и их соотношение между собой для обнаружения смысловых конструкторов, создающих, овеществляющих, наполняющих содержанием социальный «факт» под названием «Запад».

Под образом Запада в дискурсе президентов Украины и Беларуси далее будет пониматься образ стран Европы и США. Разбиение внешне целостного образа на составляющие обусловлен объективными основаниями, а именно, риторикой самих Президентов, актуализирующих в своих нарративах определенную

часть Старого или Нового Света, расчленяющих данные регионы на значимые «зоны внимания».

Для реализации заявленной цели был проведен дискурс-анализ публичных выступлений и интервью, содержащихся на официальных Интернет-порталах Президента Украины В. Ющенко (хронологические рамки материалов – январь 2005 – декабрь 2008 годов) и Президента Беларуси А. Лукашенко (январь 2001-декабрь 2008 годов).

Дискурс как один из ключевых концептов современного социального и гуманитарного знания, обладающий довольно широким потенциалом значений и коннотаций, далее будет определяться следующим образом:

1. Политический дискурс – знаково-символический способ коммуникации, нацеленный на производство и воспроизводство знаний, образов, смыслов, значений, ценностей и интерпретаций, обеспечивающих репрезентацию, позиционирование и иерархизацию социальных субъектов в динамическом пространстве политики. Дискурс-анализ – методика и техника, методология выявления политических смыслов социальных отношений и интеракций [Русакова, Максимов 2006].

2. Дискурс – системы значимых, означающих практик, формирующих идентичности субъектов и объектов. Дискурс-анализ – практика анализа эмпирически грубого материала и информации как дискурсивных форм [Discourse Theory and Political Analysis 2000: 3-5].

Образ Запада в дискурсе Президента Украины В. Ющенко. Стоит отметить один принципиальный факт, что, как ни парадоксально это звучит, но образ США в речах Президента Ющенко почти не акцентируется, лишь иногда подчеркивается их роль как главного защитника принципов свободы и демократии в качестве универсальных ценностей в мире. В ходе встречи с дипломатами США или посещения данного государства Президент Украины воспринимает американцев как вечных защитников демократии, аккуратно встраиваясь в родной для граждан США дискурс о «граде на Холме», зорко следящим за окружающим миром с целью его (мира) собственной безопасности. Рузвельт, Буш, Клинтон, сторонники ликвидации тех барьеров, что были созданы и при их же участии.

Поэтому основная часть раздела будет посвящена анализу образа Европы в текстах В. Ющенко.

Стоит условно разделить всю риторику, производимую В. Ющенко в отношении Запада, на три части:

- Европа как экономический проект;
- Европа как историко-культурное пространство;
- Европа как политический образец.

Предварительный анализ текстов, произведенных Президентом Украины показал, что

его дискурс является своеобразной комбинацией двух других дискурсов: неолиберального и националистического (традиционалистского).

Экономический проект. Неолиберальный тип дискурса отчетливо проявляет себя при описании и репрезентации экономической и социальной политик, проводимых как внутри страны, так и странами Запада. Обязательным признаком такого рода дискурсов есть использование номинализаций глобальных явлений – описание трендов в экономической и политической сферах международного сообщества как обезличенных объективных процессов, без указания прямо заинтересованных сторон, учредителей и игроков. Такие процессы фатально неотвратимы и вынуждают от наций-государств лишь подчинение своим требованиям.

Как пишет британский ученый Н. Фейрклау, признаками неолиберального языка являются: репрезентация происходящих в мире изменений как шагов на пути к прогрессу и не имеющих аналогов и альтернатив; вытеснение вследствие таких репрезентаций предыдущих дискурсов, их замена новыми номинализациями (гибкость, модернизация, прозрачность, партнерство и пр., неповоротливая бюрократия, инвестиции); перемасштабирование и реструктуризация (новые дискурсы проникают в новые сферы социальной жизни и по-новому выстраивают свои взаимоотношения с ними, в частности, экономическая сфера должна подчинить себе все остальные сферы) [Fairclough 2002].

Как экономический актер Запад представляется В. Ющенко с помощью концепта «единого огромного рынка»: самого большого экономического партнера Украины.

Европейский Союз – «это награда, ради которой страны-претенденты идут на невероятные шаги по внедрению болезненных и длительных реформ, от которых можно легко отказаться в случае, если выгоды четко не определены».

Используя номинализации, он стремится выразить сущность Европейского Союза, как образца, эталона для подражания, как универсальной меры, согласно которой организуются участники европейского и мирового пространств. Сравним, как Ющенко представляет внешние процессы:

«Украина – часть динамично развивающегося мира. Модернизация производства уже в ближайшее время сделает Украину самым перспективным государством, где внедряются немецкие высокие технологии и культура ведения бизнеса».

«Задача моя и моей команды – сделать из Украины самый современный европейский рынок».

«Мы должны понять, что нас окружает не простой мир. Мир, который живет в борьбе. И каждая нация, каждая страна выигрывает свое место под тем, что мы называем солнцем».

Аналогичным образом представляется процесс вступления в ВТО: это путь, который пройти по силам лишь мощному государству,

единому в своих устремлениях и не разделенному по корпоративному критерию и групповым интересам.

Запад как историко-культурное пространство. Традиционалистский, националистический дискурс задействован при конструировании исторического нарратива и национальной социальной памяти, при этом он смешивается с неолиберальным.

Нация мыслится Ющенко в виде семьи: украинская нация (Мы-категория) – как само собой разумеющаяся европейская нация, как идеологический конструкт получает тысячелетнюю историю с присущими ей по современному концепциям нациостроительства атрибутами (единство экономической деятельности, наличие правовых кодифицированных регуляторов, выборность органов власти).

Но в то же время, эта нация (народ) предстает как семья («*Мы с вами – его (народа – К.В.) сыны и дочери, мои побратимы*, частое использование лексемы *друзья*). Он также *мой украинский народ*, и народ выступает как пассивный обезличенный, стихийный субъект, и лишь только в лице своего Президента устанавливающий свое единство – и тем самым получающий право на существование («*Я – Президент всей Украины*», «*я стал им волей всего народа*»): *Народ, который был носителем вечной идеи независимости и идентичности*.

Народ приобретает статусный признак суверена, обладателя общей воли, а власть главы государства наделяется сакральными признаками, сгущая в себе суверенную волю *всего народа*: *8 месяцев Президент Украины был миротворцем среди этих институтов. Я считал, что это моя карма, которую я должен нести*.

Такой симбиоз говорит о наличии в дискурсе Президента двух крайне противоречивых репрезентаций реальности: неолиберального и патриархального, традиционалистского – в его дискурсе представлены элементы обоих типов, например, президент как менеджер, управленец, нанятый обществом, и одновременно президент как отец нации, глава и объединитель семьи.

В лице Ющенко украинская нация актуализируется как носитель тяжелой судьбы, обладатель трагичной истории.

Прагматически дискурсивная модель нации у Ющенко служит для компенсации видимой им «отсталости» украинцев, причина которой кроется в перманентной подверженности репрессивным актам и социальным экспериментам со стороны Другого, в роли которого выступает Москва (как центр Российской империи и СССР), иницирующего насилие и управляющего предпринимаемыми действиями: поступательное, целенаправленное европейское движение Украины тормозилось Москвой. В итоге Украина «забыла» себя как Европу: «*Приоритетом для нашего государства есть возрождение европейской идентичности*».

Украинцы оказываются изобретателями технологий (плуг в обработке земли), законодателями (первая в мире Конституция авторства Пилипа Орлика), основателями, предшественниками американских отцов-основателей, родоначальниками европейской демократии, выдающимися деятелями средневековой Европы (Ярослав Мудрый и династические браки). Историческая память Украины силой мысли Ющенко затрагивает события трехтысячелетней давности (трипольская культура).

«Я убежден, что те ценности, что есть сегодня в Европе, они сделаны благодаря и украинской нации».

«Мы – нация, которая ходит по этой земле со времен Триполья. Нашими национальными ценностями дышит вся Европа. Это здесь еще 500 лет назад было избирательное право, тут выбирали украинских гетманов, когда в Европе передавали власть от отца к сыну. Это здесь родилась первая в мире конституция, на 70 лет раньше американской и на 90 – польской».

Сконструированный образ Украины вписывается в более широкий контекст общеевропейских тенденций, при этом иногда, как видно, опыт Украины первичен, предшествует опыту Запада, иницируя его, но в более близкие по времени периоды становится вторичным, производным от него.

Например, на современном этапе отношения ЕС-Украина осмысливаются с помощью привлечения метафорической модели «школа»: здесь европейцы становятся учителями, а украинцы – учениками: они выполняют «домашнее задание» (*Мы осознаем, насколько трудным и длительным есть наше домашнее задание по усвоению и внедрению общих ценностей*), «сдают экзамены» (*Я на этот экзамен смотрю на фоне того, что было экзаменом для моей нации, у которой 800 лет не было независимости*), учат азбуку (*мы должны выучить азбуку Евросоюза*).

Артикулируемые признаки, служащие в качестве уникальности и неповторимости украинского народа, направлены на установление общностей, которые будут осуществляться посредством воспоминания о прошлом и искупления вины за него.

Однако данный конструкт выполняет и, возможно, не менее существенную роль – его свойства преобразуются в товар, оцениваемый не столько в своей уникальности как историческое событие, вряд ли способное к повторению, а сколько как стандартный факт, вещь в случае воображения единого шаблона и меры. Такой универсальной мерой является для Ющенко западная демократия, что и должна вобрать в себя на основании логики эквивалентности Украину как не-отличную от себя, тождественную себе реальность.

В случае с описанием европейского прошлого и настоящего Ющенко активно вызывает к жизни события из европейской истории, сводя их в линейно упорядоченную последовательность с

изначально заданным планом и действиями, служащими подтверждением хода истории: интерпретация событий в Европе становится фактором создания украинской истории в качестве примера для подражания: *«Украинское государство принадлежит Европе. История нашего народа, его культура, быт и обычаи неотъемлемы от цивилизации нашего континента».*

Такое видение предполагает знание о конечной точке прибытия: достижение ее произойдет при демократии как универсальном состоянии всего земного шара.

Данные выводы схожи с выводами, предложенными украинским социологом В. Середой. Она говорит о роли украинского исторического воображаемого в дискурсе Ющенко при акцентировании им модели общеевропейского культурного пространства, например, она утверждает, что «апеллируя к историческому прошлому, Ющенко активно пытается «вписать» Украину и ее историю в более широкий (центрально-) европейский или глобальный контекст» [Середь 2006]. Здесь лишь остается добавить характер «вписывания»: события, неоднозначно оцениваемые в обществе и подлежащие широкому обсуждению, превращаются в действия, подчиненные телеологическому мышлению, так, например, Вторая мировая война становится одним из эпизодов в долговременной борьбе украинцев за европейские ценности, а именно – за свободу и независимость.

Несколько не соответствует нашим наблюдениям утверждение автора, настаивающего на проекте «инклюзивности украинской нации», формулируемой Ющенко. В частности, нередко он приводит только один из принципов единения нации – языковой, т.е. лингвистическая принадлежность становится доминантной в определении этнической и национальной идентичности украинцев, чему активно противостоят Восток и Юг Украины. Формула «один язык, один народ, одна нация» вообще выпадает из логики приводимых Середой аргументов. Но данная формула Президента Украины структурно и в смысловом плане не выпадает из общего фона его риторики: националистический дискурс позволяет ему вырабатывать новые концепции.

Сильное демократическое государство, единый народ, единая нация – таков горизонт совместной работы.

Европа как политический образец. Демократия стает нодальной точкой, которая структурирует всю дискурсивную формацию под названием «Запад».

Здесь характерен европоцентризм: демократия хоть и универсальная ценность, но как образец для подражания существует только на Западе, и демократические ценности полностью совпадают с европейскими демократическими ценностями.

Ющенко артикулирует элементы для выстраивания цепи эквивалентности, цель кото-

рой – по максимуму нивелировать различия между Западом и собственной страной для приведения к общему знаменателю, к единой мере.

В сочетании с лексемами «демократическая» и «демократия» используются следующие номинации: стабильная, новая, процветающая, среда для совершенствования, свободная, рентабельна, выгодна, влияние, молодая, ярко светится, имеет источники, вершину («оранжевая» революция), свободный рынок, конкуренция, честная приватизация, прозрачность, самостоятельная, благополучие, главная мотивация, равноправие, прагматизм: *«Если мы можем отличить хорошее от плохого и двигаться к лучшему, тогда есть один способ движения – демократия. Это единственный путь к прогрессу».*

Текстуально последствия демократии часто сводятся Президентом к свободе слова. Для В. Ющенко свобода высказывания собственной мысли является неотъемлемым признаком демократии. По прошествии одного года с момента инаугурации, в качестве достижений новой украинской власти на первое место он ставит свободу слова, понимаемую в первую очередь как свободу СМИ.

Постепенно в речи Президента Украины происходит смещение акцентов с таких размытых и смутных концептов ценности свободы и демократии на более конкретные и понятные рядовому обывателю, т.е. они расшифровываются: они уходят на второй план, на первый выходя категории более материальные.

В числе доступных для усвоения им предлагаются такие «блага»: личная безопасность, сытость, богатство, стандарты жизни. Частотность таких заявлений со временем возрастает, что свидетельствует о попытке Ющенко перевести дискуссию на более знакомые и понятные большинству населения понятия, для увеличения их заинтересованности – преобладание чисто прагматических причин евроинтеграции, активность в которой должно проявлять «неподдающееся» иной аргументации население Украины: *«Демократия рентабельна, выгодна. В демократии выгодно жить всем, большинству».*

«Было желание показать, что демократия чего-то стоит, что она материальна, что она касается каждого человека, что она поднимает пенсии, зарплату».

Можно сделать вывод, что демократия понимается Ющенко, скорее, как общая система предоставления возможностей для достижения благ, а коррелируемые с демократией понятия, такие, как ответственность, уходят в тень и сводятся к следованию личным наставлениям Президента, не брезгующего «поучать» как журналистов, так и политиков.

Европа как носитель универсальной ценности – свободы и демократии, как политический конструкт, наполняется смыслами при помощи метафоры дома или контейнера:

«Есть страны, которые создают концепцию единого дома, это уникальный планетарный проект. За это не принимались страны ни на одном материке. Это уникальная идея Европы».

Метафора, основывающаяся на фрейме «дом», предполагает выделение слотов «строитель», «архитектор», «жильцы».

В данном случае стоит остановиться на архитекторе, или отцах-основателях этого дома. Ющенко в своих выступлениях и интервью упоминает или цитирует нескольких европейских деятелей. Наиболее частый референт – это Папа Римский Иоанн-Павел II, ссылаясь на которого Ющенко говорит о послевоенном переустройстве Европы, особенно о его роли в исключении внутренних границ в едином пространстве Европы, распространении общих для «дома» ценностей. Также в список «отцов» попадают У. Черчилль, Наполеон Бонапарт, Л. Валенса. С последним, как политиком регионального масштаба, ассоциирует себя сам Ющенко.

В структуре самого «дома» Ющенко не различает жильцов, в основном он понимает под Европой единое целое, внутри которого нет никаких различий, или границ. Последние границы были разрушены с успехом Оранжевой революции: она перечеркнула линии, установленные коммунистическим режимом и его наследником – постсоветским режимом Л. Кучмы. Данное утверждение подкрепляется частым использованием концепта «Объединенная Европа». Редкими являются случаи выделения каких-то отдельных частей Европы. Например, он видит Германию как двигатель Европы, а Страсбург (место заседания Европейского парламента) как символ демократии. Лишь иногда Ющенко акцентирует роли Польши и Литвы как главных образцов для заимствования опыта.

Фактически ЕС предстает в речи Ющенко как единое, неразделенное, унифицированное пространство, не испытывающее трудностей на пути своего становления (лишь однажды он упоминает о сложностях при строительстве дома, которые обязаны разрешиться политиками).

Такое понимание политического проекта вполне ассоциируется у Президента с видением Украины как такого же единого и монолитного конструкта, без каких-либо внутренних различий, влияющих на выбор стратегий развития.

Объединенная Европа является прототипом для объединенной Украины, которая расколота по критериям, в основном, по причинам неспособности власти, игнорирующей разломы страны, предложить осуществление единого проекта государства, устраивающего большинство граждан как востока, так и запада Украины.

Российский исследователь К. Петров указывает на наличие в политическом дискурсе европейских чиновников о Европе и Европейском Союзе двух доминантных метафорических

моделей, влияющих на определение состояния и перспектив развития региона: «Европа как старая вещь» и «Европа как новая, современная вещь». Обе пользуются популярностью в дискурсивной борьбе за легитимацию навязывания единого видения «судьбы» Европы (как географического денотата) в качестве единого экономического нелиберального проекта под наименованием ЕС, оправдывающего деятельность брюссельской бюрократии по продвижению и натурализации виртуальных образований в реальной географической среде [Петров 2004].

Данные стертые метафоры содержатся и в дискурсе Президента Украины: Европа – это и уникальный проект, качественно не представленный ни на одном материке Земли, не способный к воспроизводству, и старинная вещь, известная своими универсальными ценностями, распространяющимися по всему географическому пространству.

В контексте репрезентации Европы Ющенко использует фрейм семьи, но, как и в случае с фреймом дома, не детализирует его. Фрейм семьи, как было сказано выше, Ющенко активно использует при характеристике самой Украины, контекстуально указывая на свою личность как патриарха всей семьи.

При трансляции образов Европы происходит наделение особым значением отдельных сторон функционирования политического проекта Евросоюз, и фактическое игнорирование других сторон, т.е. возникает ситуация неполноты представления, своим происхождением обязанная основному свойству социального – неполноте репрезентации.

Здесь нас интересует то, какие аспекты отбирает Ющенко и какими средствами он пользуется для демонстрации искаженной дискурсивной формации.

Украина в высказываниях Ющенко актуализируется в качестве географического центра Европы, хотя при этом не указывается, какой именно: географической или политической (под именем Евросоюз). Так как по преимуществу Европа для президента – это единая Европа, Евросоюз, то становится ясно, что и в данном утверждении происходит отождествление Европы с Евросоюзом. Символически после Оранжевой революции Украина смещается и как географическая зона – из позиции центра Европы географической Украина сдвигается в центр Европы политической: *Мы – уже не обочина. Мы – в центре Европы.* То есть, и символически, и географически Украина стает центром европейской цивилизации, а принадлежность к которой можно вспомнить, а с другой стороны, можно и приобрести в ходе «науачения».

Претендуя на роль окончательной формулировки внешнеполитической доктрины государства, данное высказывание недвусмысленно предполагает как само собой разумеющееся, как «факт» следующее: оранжевая революция ме-

няет ландшафт всей Европы (на тот момент насчитывающей в своем составе 25 членов) вследствие импульса, посланного окончательным оформлением извечного желания украинского народа свободы и демократии.

Процесс интеграции в структуры Евросоюза кажется Ющенко не только учебным предприятием, но и рационализируется с помощью концепта пути: интеграция значит путь, дорога, начало которой – еще в трипольской культуре. Причем уже *«половина нации выбор ногами сделала, судя по товарообмену, по уровню активности наших связей. Пешком прошла».*

Данный путь предстоит пройти, по мнению В. Ющенко, обладая лишь техническими приемами, например, в форме отмены тех или иных нормативно-правовых актов. Хотя доминирующим представляется все-таки ментальный акт – изменение сознания, также кажущийся механической проблемой, главное для разрешения которой – это просвещение «недалекого» населения, родившегося в СССР и до сих пор живущего советскими стереотипами, и усвоение ими тех давно забытых норм и принципов европейского бытия.

Интеграция в Европу – это естественный, природный, имманентно присущий Украине процесс. Более того, это определяющий фактор ее существования: Украина есть постольку поскольку она должна быть в Европейском Союзе, но верно и обратное: Европа есть постольку, поскольку в ней должна быть и Украина. И вот это вот переходное состояние, ощущение вечного транзита и создает напряжение в текстах Президента, активно вовлекающего все новые риторические ресурсы в борьбу за определение идентичности украинцев: *«Я убежден, что те ценности, что есть сегодня в Европе, они сделаны благодаря и украинской нации».*

«Мы исходим из того, что Украина будет членом Евросоюза. Я не прошу никому доказывать, что украинцы стремятся в Европу. Мы есть Европа (подчеркивание мое – К.В.)».

Но, с другой стороны, наличествует и явно выраженная неуверенность и нестабильность убеждений исконности «европейскости» Украины: *«Нация должна понять систему европейских ценностей, и придерживаться их, защищать эти ценности. Мне кажется, что европейские ценности могут быть естественно адаптированы к традициям (Украины)».*

Позиция Президента такова, что Европа политическая без Украины будет неполноценной, недо-Европой. Настоящей Европой ей придется стать лишь с принятием Украины в свои ряды: *«А без этого сердца Европа жить не может. Значит, она не может жить без Украины. Без Украины Европа не комплектна. Это мое убеждение».*

Состояние перехода, подвешенности и структурирования окончательного варианта ЕС выхолащивают сам процесс по достижению права на членство в Евросоюзе: любой раунд

переговоров превращается в победу, озвучиваемую как «большой успех», каждый раз неожиданный, но тем более приятный от того, что процесс в который раз стал самоцелью, застыв без наличия альтернативной мысли для самого президента. Создается эйфория своеобразного прорыва, воплощаемого в факте встречи «учителей» и «учеников» на очередной «сессии». Субъектную позицию Ющенко следует охарактеризовать как неоднородную, в которой переплетаются неолиберальная, этнонационалистическая и традиционалистская идентичности. Данные идентичности выражаются в таких следствиях: неолиберализм проявляется в заявлениях президента Украины о крупных успехах, подтверждающих его статус в глазах европейских бюрократов как деятеля в преимущественно экономической сфере; этнонационалистические аспекты препятствуют попыткам создания новых версий идентичности Украины; представление о собственной роли как «отца семейства» сопротивляется возможности введения в дискуссию таких версий со стороны иных политических акторов.

Европа как действительная культурная ценность, как самобытное образование на фоне географического денотата, Европа как данность, как таковая превращается в Европейский Союз: политический проект замещает собой географический регион, овеществляясь в роли единственного представителя интересов Европы территориальной, исторически совмещающей в себе разные нарративы, не сводимые к одному показателю, но в итоге уступающей давлению дискурса неолибералов и становящейся Объединенной Европой, эффективной лишь как «огромный рынок на западе».

Политик, позиционирующий себя в роли активного сторонника расширения ЕС, при этом ментально остается приверженцем патриархальных традиций. Транслируемый им образ Европы как древнего, известного проекта, эклектично сочетается с представлениями о Европе как модном, перспективном проекте, подчинением Европы исторической Европе глобальной, образцу для подражания. Украина же шагает в ногу со временем, с Европой, олицетворяющей само понятие времени, но как блудный сын, временами отбивается, забывая отчий дом, и теперь пытающийся вернуться. ЕС становится конституирующим фактором существования Украины и апостериори, ретроспективно выступает в роли идеала, но не такого себе запредельного, трансцендентного, но пребывающего уже совсем недалеко (а фактически, на границе с Польшей, открывающей врата в свой чужой мир).

Образ Запада в дискурсе Президента Беларуси А. Лукашенко. Предварительный анализ риторики Президента Беларуси показал, что актуализируемые им образы Запада также не обладают полной монолитностью и подчи-

няются несколькими механизмам структурирования, несколькими способам артикуляции элементов, но при этом позволим себе утверждать, что данные механизмы можно успешно преодолеть и все-таки выволить общую логику, управляющую генеративным творчеством А. Лукашенко.

Концептуализация пространства «Запад» происходит почти в каждом интервью или выступлении. По сравнению с дискурсом украинского Президента мы наблюдаем большее разнообразие и широкую вариативность как тематической представленности Запада, так и степень интенсификации лексических средств, применяемых для определения и интерпретации реальности Запада.

Высказывания Лукашенко, содержащие в себе попытки осмысления внешнего мира, как и в случае с В. Ющенко, также можно условно подразделить на несколько суб-образов, составных частей более комплексного образа Запада (выделение совпадает с ранее установленными в дискурсе украинского президента моделями Запада-Европы):

- Запад как экономический продукт;
- Запад как культурное пространство;
- Запад как политический проект.

Но есть существенное отличие – если в высказываниях Ющенко Запад – это учителя, ждущие сдачи окончательных экзаменов, т.е. мирное, союзное образование, то у Лукашенко Запад выступает в роли врага, ведущего партизанскую борьбу против Беларуси, на разных основаниях и по разным причинам.

Экономика. Запад как экономический продукт в дискурсе Лукашенко остается поверхностно целым, но внутренне крайне противоречивым, в смысле комбинируемых моделей опыта о Западе, вкладываемых сущностей. Детальный анализ позволит нам выявить единую риторическую стратегию, символически направленную на формирование устойчивых стереотипов о Президенте Беларуси как «самом политическом хозяйственнике» в материковой Европе. **Данная стратегия подразумевает под собой умелую, гибкую артикуляцию элементов для выполнения преимущественно единственной функции: постоянного лавирования в поиске временных союзников – тактика превращается в стратегию, не имеющую альтернативы.**

Внешне целостность проявляется через присущий и В. Ющенко дискурс неолиберализма: это сильная риторика и повышенная чувствительность к событиям в глобальной экономике на протяжении 8 лет исследуемого материала: а именно, образ стихийного, беспощадного рынка, действующего как воодушевленное лицо, не соблюдающее правил и жестоко относящегося к тем, кто не может сосуществовать с ним, не соблюдая установленные им нормы и предписания:

Нравится нам это или нет, но Беларусь находится в открытом и бушующем море мирового рынка, где выживает только сильнейший. А кто, говоря народным языком, «складывает ласты», тонет немедленно.

Сегодня всем надо шевелиться, проявлять инициативу, а не сидеть сложа руки и ждать, чтобы государство взяло на себя решение всех проблем. В нынешнем динамичном, конкурентном мире места для иждивенцев нет!

И если поначалу (т.е. 2001-2004 года) такой рынок представлялся внешним касательно Беларуси, как бы в стороне от нее, хоть и затрагивал ее в той или иной степени и имел свое четкое географическое расположение (государства Европы и, особенно, США с их транснациональными корпорациями, особенно зримыми в форме минского «Макдональдса»), то с 2005 происходит его постепенное символическое «приближение». С течением времени акцент в таком описании событий ставится в основном на необходимости Беларуси войти в глобальное пространство и принять его уже не такие жестокие правила – конструируемая цепь эквивалентности слабеет:

Так на Западе формула одна – не работа идет за человеком, как у нас было принято в советские времена, а человек бежит туда, где есть рабочее место, человек идет за работой! Это же не моя формула, она цивилизованным Западом выработанная (подчеркивание мое – К.В.).

Готовимся ли мы по-настоящему к жесткой, да что там, скажем прямо, жестокой конкуренции, ожидающей нас впереди? За ресурсы и за рынки?

Данное моделирование прямо совпадает со все более усиливающейся отсталостью Беларуси от развитых стран мира. **Риторика Президента сигнализирует ожидание помощи от технологически более совершенных экономик мира и Европы в частности.**

Артикулируемые означающие из языка неолиберализма не используются здесь стратегически, как у В. Ющенко, а приобретают характер тактического средства для увеличения собственной позиции Президента как защитника и единственного способного «провидца»: Беларусь готовилась к вхождению на «бушующий рынок», но из-за недостатков в организации работы руководителями высшего и среднего управленческого звена так и осталась неготовой. И лишь Президент, регулярно упорядочивающий экономические практики Беларуси по «объективным» требованиям современной конкуренции, был и остается самым лучшим «хозяйственником» страны.

Наиболее интенсивной формулируемой темой является топик технологии. Характерный признак технологического дискурса Лукашенко, артикулируемый им в отношении необходимости заимствования позитивного опыта Европы и США в проведении модернизации промышленности и развитии постиндустриальной экономики – это модель образования: Мы-категория

выступает как Ученики, Они-категория – как Учителя: *Наша модель учитывает закономерности общественного развития и опыт других государств. В первую очередь, таких европейских стран с развитой социально ориентированной экономикой, как Бельгия, Швеция, Германия, Франция.*

При этом Беларусь является не пассивным учащимся, а активно предстает в образе не только трудолюбивого, («Мы не идем к общеевропейскому столу с пустой тарелкой в надежде на подачку. Мы – не богатая страна, но нам есть, что предложить в обмен на искреннее и честное взаимодействие»), но и творческого студента, взамен предлагающего собственные идеи: *ведущие западные страны все чаще обращаются к государственному регулированию экономики; высокотехнологичная Европа, с которой мы сотрудничаем, совместно производим образцы высокотехнологического оборудования.*

На страны Запада перекалывается ответственность за наличие определенных препятствий в плане взаимоотношений государства и бизнеса: *Сами-то они давно отошли от принципов стихийного рынка, а нам продолжают предлагать старые и негодные модели развития.*

Лукашенко упорно придерживается манипуляции фактами: понятно, что модель, при которой полностью находящаяся под госконтролем белорусская крупная и средняя промышленность практически не может быть воплощена правительствами европейских стран, лишь частично контролирующих некоторые сектора национальных экономик.

Транслируемый дискурс «технологического ученичества» становится заветной целью обрабатывающей и сырьевой экономики Беларуси: *Наше государство состоялось как конкурентоспособный участник торгов на международных рынках; создается «аналог американской "Силиконовой долины"», Парк высоких технологий, инновационные мероприятия, проводятся съезды ученых с взываниями и указаниями, но процесс не идет, Беларусь все также стоит на месте.*

И единственным возможным выходом для Лукашенко видится естественный вариант по преобразованию географического пространства в «доходное место», дарованное Богом, тем более сакральное и требующее заботы не только со стороны самих белорусов, но и всего Запада. Происходит это с помощью концептуальной метафоры «Территория – это ресурс»: *Транзит – природный ресурс Беларуси. Его надо превратить в стабильный высокий доход, создав комфортные условия перемещения через границу.*

В данном случае задействована метафора архитектурного сооружения, выражающего степень понимания Президентом Беларуси цели и задач своего правления: *Мы – мост между Востоком и Западом. Никуда от этого не денешься. Это геополитическое положение. Мы поставили надежный заслон на пути наркотрафика, нелегальной миграции, торговли людьми; как проходной двор из России на Запад, с Запада в Россию.*

Метафора моста заменяет узловые точки идентификации, выстраиваемые прежде: народной демократии и суверенного государства с собственной моделью развития. Причем хронологически наблюдается тенденция к увеличению попыток осмысления сути Беларуси с такой субъектной позиции: территория для транзита энергоносителей становятся виртуальными проектами национальной гордости и нодами точками идентификации.

Цепи эквивалентности постепенно реартикулируются в дискурсе Лукашенко в случайные цепи различия: белорусский уникальный опыт с узловой точкой «экономического чуда в окружении стихии рынка» плавно переходит в нодалную точку «моста» – наилучшего способа соединения двух означающих: источника сырья (Россия) и его потребителя (Европа). Осознание различий вторгается в творимую и воспроизводимую практику конструирования социального. Европа становится ближе, но все равно она, ментально и физически, где-то там, за «границей».

Пограничье осознало свою идентичность.

Культура. Официально формулируя свою оценку культурным и цивилизационным достижениям Запада, однозначно претендующую на роль безальтернативной и единственно правдивой точки зрения, А. Лукашенко фиксирует элементы разной направленности.

В отношении к культуре Запада А. Лукашенко проявляет неодинаковую позицию. Он выделяет негативные и позитивные стороны.

Например, в плане мобилизации граждан через массовые мероприятия в области спорта, Президент Беларуси полностью готов перенять политику США в данном направлении:

В оценке значимости физической культуры и спорта для общественного развития мы должны брать пример с промышленно развитых стран, с той же Америки. Там здоровый образ жизни – это своего рода культ.

Мы должны воспитывать национальную гордость, уважение к своему государству, к Конституции, флагу, гимну. Посмотрите, как это делается в других странах – в США, Великобритании, Японии.

Запад выступает как точка опоры для легитимации собственных мероприятий по идеологической работе.

Одновременно с таким позитивным восприятием наличествует в дискурсе и прямо противоположное отношение: *защитить культурное наследие и современное духовное богатство всей нашей славянской цивилизации от негативного воздействия глобализации, а точнее, от американизации.*

Нам надо усиливать иммунитет общества, чтобы сохранить здоровье человека и противостоять той «нравственной заразе», которая приходит к нам извне.

У Беларуси крепкая иммунная система. Ваши неуклюжие попытки внедрить вирус революций дали обратный эффект – стали противоядием этому “цветному” недугу.

Обращает на себя внимание совпадение мнения А. Лукашенко с позициями В. Ющенко о роли своих наций в деле творения европейских ценностных оснований: *Наш белорусский народ был, есть и останется неотъемлемой частью европейской цивилизации; принципы, на которых мы хотим построить наше общество, и общеевропейские ценности Евросоюза не только не антагонистичны – они идентичны; для Беларуси есть не только наша Россия, но и наша Европа.*

В контексте представлений о Второй мировой войне структурируется и образ Запада. Вторая мировая война видится А. Лукашенко как центральный момент белорусской истории, как извечное предназначение белорусского народа.

Но, в отличие от Ющенко, у которого дискурсивно Советский Союз был одним из противников национальной независимости Украины, а воображаемый украинский народ являлся полноправным субъектом военных действий, как бы вне субъекта с именем Советский Союз, то у Лукашенко война ведется объединившимися народами СССР, в дискурсе о войне не присутствуют альтернативные точки зрения, и она целиком остается в рамках советского исторического нарратива. Война служит фактом подтверждения истинности и природности претензий на возможность выбора «собственного» пути развития, приведшего в итоге к элементам авторитарности и некоторым «перегибам», и в итоге, своеобразной «панацеей от всех бед», ответом на любые насущные вопросы и проблемы:

Но мы не можем забыть того, что уничтожили наших людей не только немецко-фашистские захватчики, но и их приспешники разных национальностей. В том числе и прибалтийские эсэсовцы, сжигавшие белорусские деревни и города. И сегодня, находясь уже в составе Евросоюза, самого демократического, они – ветераны СС – проводят свои парады и вспоминают свое “боевое прошлое”. А их дети и внуки опять не прочь продиктовать, какой должен быть порядок в Беларуси.

Мы, советские люди, в свое время встали на защиту главного права человека – права жить, трудиться, растить детей. И не им сегодня учить нас правам человека. С собой пусть разберутся. Они залили кровью весь Ближний Восток, Афганистан, Ирак, Югославию.

Великая Отечественная война становится залогом непогрешимости оценок и проектов Президента Беларуси.

Мифология войны становится легитимизирующим и оправдывающим средством в дискурсе Лукашенко не только виртуально, образно, но и практически: ветераны выходят в советники к президенту: *мне вспоминается один разговор с нашими ветеранами Великой Отечест-*

венной войны. Они сравнили действия нынешних оппозиционеров, требующих санкций в отношении Беларуси, с позицией фашистских прихвостней, полицеев.

Лукашенко выстраивает причинно-следственные цепочки, оживляющие связь с войной, уничтожившей потенциал страны, и до сих пор негативно отражающейся на положении Беларуси. Разрушительные события 60-летней давности детерминируют состояние экономики и духовную ситуацию в Беларуси: *Мы не отрицаем: нам есть чему поучиться у многих стран мира, и прежде всего европейских. И мы учимся и не стесняемся этого. Только у нас, говоря спортивным языком, разный гандикап (возникший из-за последствий войны – К.В.).*

Роль Запада в победе союзников во Второй мировой войне не столь однозначна для Лукашенко: *«Соединенные Штаты Америки, Великобритания. Это они спасли, которые как мыши под венком сидели в эту войну и высматривали, куда колеблется на фронте маятник».*

Проявляя стратегию амнезии и используя символический ресурс войны, в 2008 году президент Беларуси определяет новые возможности для сотрудничества с Западом: *Американцам нужно просто освежить в памяти некоторые события, свидетелей которых немало осталось в живых, и вспомнить то, что в последней войне мы были по одну сторону баррикад и вместе боролись с фашизмом.*

Они (американцы – К.В.) ж тоже не глупые люди, они же – высокого уровня люди.

Политика. При репрезентации политического образа Запада А. Лукашенко пытается достичь цели по легитимации сконструированной им самим идентичности Беларуси как уникальной страны с собственной моделью демократии. Для убеждения элит и рядовых избирателей в правильности и естественности проводимой им политики, Президент транслирует представление о Беларуси как изобретателе альтернативного пути развития, он артикулирует лишь отдельные элементы формации, в соответствии с правилами цепочки эквивалентности и популистских техник.

В оценке же политики единый для экономики образ Запада разбивается дискурсивно на две составляющие и культуры, оперируя геополитическими категориями, он четко разводит в стороны Европу и США.

Признавая западные страны как демократические, Лукашенко для выражения сущности демократии вводит в оборот представление о собственной, якобы белорусской модели демократии: *Высшая форма демократии – это разговор напрямую с людьми.*

Для него она – *«здание, которое нужно строить постепенно, начиная с фундамента. Это во первых. А кто сказал, что все эти здания должны быть похожи на те, которые построены в Германии или Америке?».*

Понимая политическую систему исключительно в понятии Конституции, на уровне задекларированных прав и обязанностей, Лукашенко делает Беларусь даже более продвинутой демократией, чем Великобритания: *Наша политическая система вряд ли чем-то отличается, скажем, от системы, существующей в европейских государствах, в том числе и в Великобритании.*

Отрицая характеристики Беларуси как авторитарного государства и дискурсивно легитимируя преимущества оригинальной концепции народовластия, Лукашенко часто обращается к проблемам политического развития Запада, актуализируя процедурные вопросы избрания должностных лиц или демонстрации в некоторых странах Европы, избегая описания каких-либо других преимуществ или недостатков собственно демократии, что позволяет обозначить дискурсивную модель демократии у Лукашенко как сознательно ограниченную, не стремящуюся к тотальности:

У таких "учителей" проблем с демократией у себя дома больше, чем нужно. Об этом свидетельствуют системные нарушения прав граждан и на президентских выборах в США, превращенные в фарс референдумы по вступлению новых членов в ЕС.

Самая архаичная система выборов в Соединенных Штатах Америки.

В отличие от украинского Президента, избегающего детализации содержания Объединенной Европы, Президент Беларуси активно концептуализирует внутреннее пространство Европейского Союза, и наиболее близкой из стран Европы для А. Лукашенко является Франция. Это вызвано двумя причинами: с одной стороны, во Франции сильна президентская власть, в некоторых отношениях подобная полномочиям президента Беларуси, с другой стороны, данное государство получает много упреков от А. Лукашенко как самая проблемная в Европе:

Вспомните французские события, когда в кольце оказался Париж – прекрасный город, глядя на который мы ахаем и охаем. Они пошли на введение чрезвычайного положения. И это – оплот демократии в мире.

Франция – это страна высочайшей демократии.

Мы чрезвычайное положение никогда не вводили и не думаем вводить. А "демократичная" Франция, как известно, недавно вводила.

Оправдывая сильную президентскую власть, Лукашенко проецирует на прошлое вопросы эффективности парламента. Конструируя исторический нарратив Беларуси как страны, находившейся ранее в составе различных государств, он приходит к выводу: *Парламентаризм – это говорильня и болтальня.*

Не указывая масштабы беспорядков и их последствия во Франции и других странах ЕС, А. Лукашенко сопоставляет их с выступлениями нескольких сотен протестующих в Беларуси.

Несколько отдельно от главных деятелей Евросоюза (Франции и Германии) стоит Великобритания как проводник политики США и страны-соседи Беларуси, в 2004 вступившие в ЕС, периодически создающие «мелкие пакости»: *Во главе этого "крестового" похода против Беларуси встали наши соседи – новобранцы от Евросоюза.*

С точки зрения отношения к Беларуси единый образ Запада распадается на части.

Артикулируется образ европейских государств как пассивных участников мировых отношений, умеющих лишь возмущаться, возражать против проводимой главным игроком шахматистом партии (*Мы не фигуры в чьей-то игре. И не пешки на шахматной доске*) – США: Америка – это «агрессор», «цинична», распристранитель «опасностей», «заразы», творец «однополярного мира», родина ТНК, ей «услуживают страны». В свою очередь, Европа определяется следующими выражениями: *«Европа – трезвомыслящая женщина. Осторожная и заботливая»; «американцы душат европейцев»; «они начинают "плясать под дудку" Соединенных Штатов Америки»; «пример двойных стандартов и политики Европейского союза, которая, в общем-то, является продолжением политики Соединенных Штатов Америки».*

Аналогично дискурсу В. Ющенко, А. Лукашенко выстраивает (где-то с 2006 года) означающие таким образом, чтобы доказать изначальную «европейскость» Беларуси и ее роль в создании и защите общих для «дома» ценностей. Со временем такая позиция применяется интенсивнее и чаще: тактика превращается в стратегию – Беларусь уникальна не столько своей самоценностью, а как основатель и защитник европейского «здания»: *Мы находимся в Европе и не собираемся паковать чемоданы или менять карту мира. Евросоюз для нас – торговый партнер номер два. Да и кроме экономики мы связаны тысячами нитей общих вызовов и проблем.*

Ключевой особенностью риторики президента Беларуси является ее изменчивый характер: хронологически можно проследить важные пункты, которые А. Лукашенко чаще актуализирует, «вербуя» их в поле дискурсивности, поле «прибавочного значения» – постоянно наличных и в то же время остающихся вне зоны доступности ресурсов означающих.

Практики артикуляции, проводимые А. Лукашенко, не являются идентичными и одинаковыми, постоянными на протяжении всего исследуемого периода: периодически происходят перемены субъектных позиций и переопределение узловых точек собственной идентичности и образа Запада (примерно с конца 2004 года,

но особенно в 2006). Поначалу ментально и символически более далекий Запад становится ближе: Беларусь совместно с американцами сражалась против нацизма; неолиберальный дискурс вводит страну в глобальный стихийный рынок, организованный по правилам Запада; Беларусь определяется как мост, площадка между Европой и Россией, в итоге не сводимая ни к одному из «берегов».

Заключение. Данное исследование не претендует на полноту и всеохватность представленного описания и предлагает лишь альтернативные практики рефлексии над современными политическими трендами в регионе Пограничья. Возможно, его положения послужат как дополнение к большому количеству научных материалов, уже имеющихся и предстоящих быть.

В целом, можно сделать такие краткие выводы. Дискурсы Президентов Украины и Беларуси В. Ющенко и А. Лукашенко при внешней несхожести, обладают значительными совпадениями в логике конструирования и использовании концептов неолиберального дискурса, метафорических моделей представления Европы как здания, а также «центральности» своего положения в Европе.

При этом, дискурс Ющенко сохраняет, по преимуществу, стабильность означающих и основной каркас на протяжении исследуемого периода с сохранением цепи различий, а Лукашенко меняет идентичность акторов и саморепрезентацию, переходя с логики цепи тождественности на принцип организации цепи различий, используя их скорее как символический капитал для постоянных переговоров с Россией и Западом.

ЛИТЕРАТУРА

Петров К. Концепт «Европа» в современном политическом дискурсе. // ПОЛИС. 2004. № 3. С. 140-153.

Русакова О., Максимов Д. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель. // ПОЛИС. 2006. № 4. С. 26-44.

Середа В. Исторический дискурс в официальных речах президентов Украины и России. Сравнительный анализ // Социология: теория, методы, маркетинг. 2006. №3. С. 191-212.

Fairclough N. Language in New Capitalism // Discourse & Society. 2002. Vol. 13(2). P. 163-166.

Discourse Theory and Political Analysis [Ed. by Howarth, D., Norval A. and Stavrakakis Y.]. – Manchester: Manchester University Press, 2000. 243 p.

© Кириченко В., 2009

Красильникова Н. А.
Новоуральск, Россия

ГРУЗИЯ: ЖЕРТВА ИЛИ ЗЛОДЕЙ?

**Метафорический образ Грузии в дискурсе
общественности на сайтах СМИ Великобритании**

УДК 81'42

ББК Ш 100.3

Аннотация. Современные межгосударственные конфликты решаются не только силой и оружием, но интеллектом и пропагандой. Политический и медиа-дискурсы становятся горячими точками, где разворачиваются ожесточенные бои между соперниками, и все мировое сообщество вовлекается в информационную войну. В условиях информационных баталий владение техниками декодирования прагматических установок и метафор, через которые концептуализируется видение войны и ее участников, просто необходимо. Лингвистические исследования, как правило, посвящены когнитивному анализу медиа и политического дискурсов как таковых. Предлагаем рассмотреть дискурс общественности: блоги, комментарии к статьям, телевизионные опросы, письма к редактору и пр.

Ключевые слова: Когнитивная лингвистика, концептуальная метафора, дискурс общественности, мнение общества, Грузия.

Сведения об авторе: Красильникова Наталья Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, директор филиала УрГПУ в городе Новоуральске

Место работы: Уральский государственный педагогический университет

Контактная информация: Россия, 624130, Свердлов. обл., г. Новоуральск, ул. Ленина, д. 102, к. 39
E-mail: n_krasilnikova@mail.ru

Krasilnikova N. A.
Novouralsk, Russia

GEORGIA: VICTIM OR VILLAIN?

**Metaphorical Image of Georgia in Public Discourse
on British Web-sites**

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01; 10.02.04; 10.02.19

Abstract. Modern international conflicts are solved not only by means of force and arms, but with the help of intellect and propaganda. Political and media discourses become hot spots, where severe battles between the rivals are staged. Thus, the whole world community gets involved into the media wars. In the context of media fights, knowing how to decode pragmatic units and metaphors which conceptualize the war and its participants is a must. As a rule, linguistic researches are devoted to cognitive analysis of political and media discourses as such. I suggest considering public discourse: blogs, comments to articles, TV surveys, letters to editors, etc.

Key words: Cognitive linguistics, conceptual metaphor, public discourse, public opinion, Georgia.

About the author: Krasilnikova Natalia Alexeyevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Novouralsk Branch

Place of employment: Ural State Pedagogical University

Медиа-дискурс, а особенно такой противоречивый и многоликий его сектор как политика, представляет богатые возможности для лингвистических исследований в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы, ставящей акцент на изучение языка как ментального и лингвосоциального феномена.

Одним из наиболее показательных средств для когнитивно-дискурсивного анализа политической коммуникации специалисты признают концептуальную метафору (Лакофф Дж., Джонсон М., Баранов А. Н., Будаев Э. В., Иссерс О. С., Кобозева И. М., Кубрякова Е. С., Скребцова Т. Г., Чудинов А. П. и мн. др.). Теория концептуальной метафоры, предложенная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в 1980-х годах, рассматривает метафору как когнитивную операцию над понятиями, средство концептуализации и категоризации окружающей действительности [Лакофф 1990].

Широкое и всестороннее изучение концептуальной метафоры в политической коммуникации в настоящее время привело к формированию отдельного направления лингвосоциокультурологических исследований – политической метафорологии [Будаев, Чудинов 2007].

Популярность метафоры в наш век совершенствования PR-технологий настолько велика, что она уже выходит за рамки научного вни-

мания и употребления, поскольку концептуализация окружающего нас мира с помощью концептуальных метафор стала очень модным средством управления массовым сознанием.

Сегодня, задавая в интернет-поиск имя известного политика и слово «метафора», мы находим множество ссылок на журналистские статьи и комментарии, среди которых, казалось бы, нередкие исследования концептуальной метафоры в политическом дискурсе кажутся единичными случаями.

1. Продолжая наше исследование российско-грузинской войны в дискурсе общественности через год после страшных событий, которые потрясли Осетию 08.08.08, мы задали в поиск «СААКАШВИЛИ – МЕТАФОРА». Результаты такого поиска, несомненно, радуют специалиста по политической лингвистике обилием прецедентных феноменов, аллегорий и языковой игрой. Приведем примеры некоторых заголовков: «МИША И МЕДВЕДЬ», «СААКАШВИЛИ – ЛЖИВЫЙ ПСЕВДО-МАЧО», «СААКАШВИЛИ КАК МАЛЕНЬКИЙ ПУТИН», «УРОКИ ГОСПОДИНА НИКТО, ИЛИ ТАЛАНТЛИВЫЙ МИСТЕР СААКАШВИЛИ», «ГРУЗИЯ – ЭТО МОЗОЛЬ НА НОГЕ РОССИИ», «ГРУЗИЯ – ЭТО ЯГОДКИ...», «ГРУЗИЯ ЭТО НЕ ТОЛЬКО ГРУЗИНЫ...», «КРИЗИС ЛЖИ И ИСТЕРИИ» и т.д. Многие статьи сопровождаются множеством ироничных

фотографий и карикатур, что еще раз подтверждает тезис К. де Ландтсхеер о том, что количество метафор (представленных вербальными или невербальными средствами), увеличивается в периоды общественно-политических кризисов [Landtsheer 1991].

Когнитивные исследования медиа-дискурса тех или иных событий позволяют определить особенности восприятия происходящего вокруг нас политиками и журналистами, раскрыть их прагматические установки, обнаружить скрытые подтексты. Вместе с тем, реакции реципиента политического дискурса уделяется меньше внимания, хотя рассмотрение такого объемного образования как дискурс не может быть полным без учета обратной связи с адресатом обращений политических деятелей или журналистов.

Особенно острая потребность знать настроение реципиента политического дискурса и его отношение к тому или иному политическому институту, лицу или событию возникает в периоды «информационных войн», когда враждующие стороны выдают миру информацию, конфликтующую с реальностью, и в мире начинает складываться искаженное представление о причинах, сути и характере конфликта. В такой ситуации задача враждующих сторон удерживать мировую общественность на своей стороне.

С начала российско-грузинской войны в 2008 году мировое сообщество стало получать самую разную информацию о происходящем на территории Южной Осетии. Кто напал? Как напал? Почему напал? Эти вопросы задавал себе любой человек, небезразличный к мировым новостям. В американских интернет-новостях доминировала антироссийская пропаганда, Великобритания, казалось, пыталась определить самостоятельную.

Мы обратились к статьям британских журналистов в таких известных изданиях как *news.bbc.co.uk*, *blogs.independent.co.uk*, *www.guardian.co.uk*, *www.timesonline.co.uk*, *www.telegraph.co.uk*, и нашли массу разноликой информации, что в условиях развернутой информационной войны было неудивительным. Однако наше внимание привлекли комментарии, выложенные после этих статей читателями.

Во-первых, их было очень много – десятки и даже сотни после каждой статьи. Во-вторых, их оставляли не только жители Великобритании, но люди из многих других стран, включая Россию и Осетию, на хорошем английском языке и не очень. Стандартная подпись читателя-комментатора состоит из двух компонентов – ника (интернет-имени) и страны, откуда пришел данный комментарий. В-третьих, комментарии мировой общественности изобилуют метафорами, посредством которых они концептуализируют участников данного вооруженного конфликта, тем самым дают им оценку.

С целью выяснить, чью же сторону принимает мировое сообщество, мы провели когнитивное исследование дискурса общественности, который сформировался в ответ на 7 статей в британских СМИ, отобрав для этого 470 концептуальных метафор и распределив их по метафорическим моделям.

В первой статье на тему российско-грузинской войны в дискурсе общественности на сайтах СМИ Великобритании мы представили результаты исследования метафорического портрета **М. СААКАШВИЛИ** во время активно лоббируемой информационной войны, сопровождавшей боевые действия на территории Осетии в августе 2008 года [Красильникова 2008].

Оказалось, что личность президента Грузии Михаила Саакашвили является самой популярной темой в дискурсе общественности, посвященном российско-грузинскому конфликту, при этом наиболее распространенными и развернутыми метафорическими моделями, репрезентирующими грузинского лидера в комментариях активистов мировой общественности к статьям в британских изданиях, являются следующие: СААКАШВИЛИ – АГРЕССОР, СААКАШВИЛИ – БОЛЬНОЙ, СААКАШВИЛИ – УЧАСТНИК ИГРЫ. Менее продуктивными и реже представленными были метафорические модели СААКАШВИЛИ – МАЛЬЧИШКА, СААКАШВИЛИ – ЖЕРТВА. Наименее распространенными оказались метафорические модели: СААКАШВИЛИ – СЛУГА, СААКАШВИЛИ – ЛЖЕЦ. Большинство обнаруженных нами концептуальных метафор показали грузинского правителя как лицемерного, жестокого и психически нездорового человека. Более или менее положительную оценку он получает в рамках метафорического экспансии образа *жертвы*, однако наполняющие эту метафорическую модель метафоры не лишены иронического подтекста.

В данной статье мы продолжим начатое исследование и проанализируем метафорическую репрезентацию **ГРУЗИИ** в дискурсе общественности, посвященном российско-грузинскому конфликту.

Продуктивно в данном ракурсе представлена метафорическая модель **ГРУЗИЯ – ЖЕРТВА**. Данная сфера-мишень метафорической экспансии достаточно популярна, если не аксиоматична, поскольку является одним из «трех китов», на которых держится когнитивная модель "Сказка о справедливой войне", которая согласно исследованию Э. В. Будаева уходит корнями в средневековое политическое сознание и имеет своей основой необходимость в морализации конфронтации. "Сказка" строится по определенному сценарию, где есть три главные роли: Герой, Злодей, Жертва. Исследователь показывает, что такая тринарная модель является типичной для политического нарратива и зафиксирована на примере анализа политического дискурса во многих странах

мира. Данную модель мы также встречаем у Дж. Лакоффа, А. П. Чудинова, А. М. Абрантеса, И. Басси, В. Кеннеди, Р. Куусисто и ряда других исследователей политического дискурса [Будав 2007: 19-22].

Проекция структуры этой сказки на ситуацию военного конфликта России и Грузии – есть наиболее естественный способ оправдать войну с точки зрения морали. Ср.:

1. *Poor Georgia. As soon they started to get back on their military feet, Russia was bound to straighten out the various 'insults' to the motherland arising from the collapse of the USSR. (Jack Nutine, padbury, Buckinghamshire)* [Бедная Грузия. Не успела ее армия снова встать на ноги, как России понадобилось разобраться со всякими там «нападками» на родину, возникающими из-за развала СССР]

2. *I value the western world and our people's safety from those 20,000 Nukes Russia carries, than Georgia's whinings. (NEW ZEALAND GUY)* [Для меня ценны западный мир и безопасность наших людей от тех 20.000 ядерных бомб, что есть у России, а не хныканье Грузии]

3. *Georgia cannot afford to keep a running military conflict in South Ossetia, so let's hope they swallow their injured pride and resign themselves to making the best of the territory they have. (Golodh)* [Грузия не может себе позволить продолжать военный конфликт в Южной Осетии, так что давайте надеяться, что они проглотят свое уязвленное самолюбие и отступят, чтобы сделать все возможное для той территории, которая у них есть].

Следует отметить, что в примерах четко прослеживается тенденция персонификации Грузии – страна представляется как бедное, пытающееся встать на ноги создание, хнычущее и пытающееся поступиться уязвленным самолюбием. В сознании читателя возникает образ обиженного плачущего ребенка, слабого и беспомощного, которого хочется защитить. Несомненно, авторы подобных метафор являются оппонентами России, они убеждены в неправомочности и аморальности ее действий по отношению к Грузии.

Иногда образ ЖЕРТВЫ эксплуатируется в целях создания ироничного контекста. Ср.:

4. *Georgia, that poor little nation that just happen to have a bunch of American troops doing manouvers with them for the past 6 weeks, suddenly decide to attack the Capital of South Ossettia, at night with tanks and artillery etc. (Douglas Lund)* [Грузия, эта бедная маленькая нация, в которой чисто случайно оказалось множество американских военных отрядов, отрабатывающих с ними маневры на протяжении последних 6 недель, вдруг решила атаковать столицу Южной Осетии, ночью, с танками и артиллерией, и т.п.]

5. *So, there's a torrent of articles about "poor, peace-loving" Georgians. (Pam)* [Итак, у нас тут шквал статей о «бедных, миролюбивых» грузинах]

Сочувствие бедной маленькой нации, в которой по абсолютной случайности последние время американские солдаты отрабатывали

маневры, и, которая, вдруг, решила атаковать столицу Южной Осетии ночью с танками было бы странным явлением. В данном случае представлен очередной сюжет «Сказки о справедливой войне», нелогичность развертывания которого придает ситуации иронию и комичность.

Метафора стихии, гиперболизирующая массив статей о бедных, миролюбивых, в кавычках, грузинах, обнаруживает недоверие автора к прогрузинским высказываниям и явную пророссийскую направленность.

Так же распространена в дискурсе общест-венности на сайтах СМИ Великобритании метафорическая модель **ГРУЗИЯ – АГРЕССОР**. Противопоставление жертва – агрессор / злодей представляется очередной вариацией дихотомии СВОИ – ЧУЖИЕ и воплощением тринарной когнитивной модели «Сказки о справедливой войне». Ср.:

6. *Want to know the truth – ask Ossetians who are hiding in Russia, ask the Chechens you mentioned, who are fighting against Georgian maniacs on Russia's side. (aliya)*

7. *I understand that we're used to Russia/USSR being the villain, but in this case it's Georgia that's done an Anschluss. (Rob)*

8. *The bully's actions are being watched by a much smarter kid (Vladimir Putin) who comes to the rescue of the smaller pupil who is being bullied. (Kishan de Silva)*

9. *Georgia is a nepotistic, corrupt little country with an Americanized president who has been encouraged by Western provocation to think he is bigger than he is. Russia is right. (Mike)*

Метафорическая модель ГРУЗИЯ – АГРЕССОР имеет явную пейоративную коннотацию, которая проявляется в таких ярких метафорах как маньяки, злодеи и проч. Такие образы эксплицитно передают осуждение и неприимимость с жестоким и бесчеловечным поведением грузинской стороны. Показательно аллегорическое использование в данном тексте немецкого вкрапления Anschluss (насильственное включение Австрии в состав фашистской Германии, 1938 – 1945гг.), отсылающее читателя к прецедентным фактам времен расцвета фашистской Германии, что сопоставляется с современными грузино-осетинскими отношениями.

Данная метафорическая модель очень гармонично обыгрывается в школьном контексте. Естественно, что в отношении этой модели роль ГЕРОЯ, более умного и сильного школьника, достается России, и даже персонифицируется через образ В. Путина, который спасает младшего и более слабого от нападений обидчика.

Кроме прямых метафорических номинаций и атрибутивных конструкций, часто встречаются косвенные, завуалированные в предикатах суждения об агрессивности и жестокости действий со стороны Грузии, которые образуют фрейм ДЕЙСТВИЯ АГРЕССОРА. Ср.:

10. *The bottom is that Georgia, a Mini Empire of the most evil sort in its own right, has tried to wipe out a civilized people, the Ossets. (OneWithEyesStillOpen)*

11. *It would also help to read some interviews with those South Ossetians who have managed to escape from the fighting, so you could get a better idea of the monstrosities committed by the Georgians... (Alex)*

12. *You would have seen that Georgia has been rattling its sabres for the last year or so (mainly at the other state Abkhazia). (Martin Norris)*

Агрессор обвиняется в попытке стереть с лица земли цивилизованный (нарочитый акцент, подразумевающий противопоставление) народ, Осетин, в совершении чудовищных деяний, в размахивании саблей и т.д. Естественно, что языковое воплощение метафорической модели ГРУЗИЯ – АГРЕССОР чаще всего обретает свое выражение в гиперболизированных утверждениях и *милитарной* метафоре, которые подразумевают опасность врага, его готовность на любые жертвы во имя своей цели, ненависть к нему.

На втором месте по частотности использования в политическом дискурсе общественности встречаются метафоры модели **ГРУЗИЯ – УЧАСТНИК ИГРЫ**. Напр.:

13. *Bush now desperately wants ceasefire not because he cares for the Ossetian people, but because he doesn't want to lose his puppet state of Georgia. (AP lies)*

Представленная концептуальная метафора репрезентирует фрейм ГРУЗИЯ – ИГРУШКА. Термин «марионеточное государство» взят из юридического словаря и является классической метафорой для описания несостоятельных и зависимых от США государств, которых, словно марионеток, дергают за нитки, соответственно, определяя их действия. Ср.:

14. *Georgia is a US puppet state used to poke Russia in the eye strategically and economically. (Hal)*

15. *leave the bear alone. georgia played with fire on this one, they are the instigators on this one. (Phil)*

16. *It is this retaliation of Russia that seems to be the focus of the media, when Georgia's blatant dirty trick killed so many civilian's. (Jim, U.K.)*

Как отмечают исследователи «медвежьей метафоры» Олег Рябов и Анджей де Лазари, образ медведя для характеристики России используется в культурах Запада, начиная с XVII века [Рябов, Лазари [http](http://)]. Его популярность ослабевала после окончания 'холодной войны', но в последнее время он снова прочно закрепился в западном сознании, во-первых, благодаря символике партии «Единая Россия», во-вторых, благодаря фамилии президента России, в-третьих, за счет поддерживаемого СМИ прагматически выверенного образа-символа России, поскольку за метафорической моделью РОССИЯ – МЕДВЕДЬ скрываются концепты МОЩЬ, СИЛА, ВЕЛИЧИЕ.

Концептуальный вектор метафор *игра с огнем и вопиющая наглость* (дословно «гряз-

ный трюк», – прим. Н.К.), представляющего фрейм ДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКА ИГРЫ, выявляет центральные смысловые компоненты *опасность, риск и мошенничество* и указывает на деятеля, то есть виновника в сложившемся состоянии вещей.

Еще одну достаточно распространенную метафорическую модель можно обозначить как **ГРУЗИЯ – ДРУГ АМЕРИКИ**. Образ большого, сильного и влиятельного друга, бытующий в сознании общественности, мог бы концептуализировать спокойствие и уверенность в завтрашнем дне Грузии за спиной у такого соратника, однако встретившиеся нам метафоры были использованы исключительно в ироничном ключе. Авторы таких аллегорий, очевидно, хорошо знакомы с ситуацией и знают не только самих участников конфликта, но и их ближайшее окружение, хотя не считают выбор этого окружения разумным. Ср.:

17. *The bottom line is that Georgia is now a "western darling" who is favored to the point where the worst sins are covered up. (OneWithEyesStillOpen)*

18. *While America considers Georgia its strongest ally in the bloc of former Soviet countries, Washington needs Russia too much on big issues like Iran to risk it all to defend Georgia. (Theo)*

19. *Lets talk all but Georgia has and is continuing to pay the price of embracing the double standard westerners. I like it! But I'm also concerned with deaths and damage in the region. (Ellie)*

Грузия предстает нам как *возлюбленная запада*, своего *сильнейшего сторонника*. Однако такие отношения далеко не бескорыстны – за поддержку сверху Грузия вынуждена платить. Интегрированные в развертывание метафорической модели ГРУЗИЯ – ДРУГ АМЕРИКИ кавычки и экономическая метафора снижают, казалось бы, высокие отношения между государствами до банального расчета, меркантильности и принципа «против кого будем дружить сегодня?». Надо заметить, это не единичный случай экспликации экономической метафоры, более характерной для западной ментальности. Другой пример:

20. *Georgia is paving the price for its policy of ethnic cleansing against Russians. (Larry Hammick)*

Концептуальный вектор метафоры «*расплачиваться за*» придает данным высказываниям негативный оценочный колорит. За любой товар, как правило, «платят» (to pay for smth), а «расплачиваются» (to pay the price for) за неправильные действия, грехи и ошибки.

Подводя итог проведенному когнитивному анализу дискурса комментариев общественности в отношении Грузии в ситуации военного конфликта с Россией в 2008 году, можно констатировать, что основными метафорическими моделями, в которых представляли себе российско-грузинскую войну 2008 года ее наблюдатели со всего мира, являются традиционные для политического дискурса метафорические модели

ГРУЗИЯ – ЖЕРТВА, ГРУЗИЯ – АГРЕССОР, ГРУЗИЯ – УЧАСТНИК ИГРЫ иokkaзиональная метафорическая модель ГРУЗИЯ – ДРУГ АМЕРИКИ. При этом мнения сторонников и противников Грузии разделились поровну, метафорическая модель ГРУЗИЯ – УЧАСТНИК ИГРЫ может носить как пейоративный, так и мелиоративный характер, а метафора ДРУЖБЫ в контексте дискурса общественности не несет концептуального ожидаемого вектора одобрения или поддержки, а используется для высмеивания отношений между Грузией и Америкой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Lakoff G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf. URL: metaphor.uoregon.edu/lakoff-1.htm 1991.

Landtsheer Ch., de. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach // *Communicatuon and Cognition*. 1991. Vol. 24. № 3/4.

Будаев Э.В. Сказка о справедливой войне в средневековом политическом дискурсе // *Политическая лингвистика*. Вып. 3(23). – Екатеринбург, 2007. С. 19-22.

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Методологические грани политической метафорологии // *Политическая лингвистика*. Вып. (1)21. – Екатеринбург, 2007.

Красильникова Н.А. Российско-грузинская война в дискурсе общественности на интернет-сайтах Великобритании // *Политическая лингвистика*. Вып. (3)26. – Екатеринбург, 2008.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // *Теория метафоры*. – М., 1990.

Рябов О., Лазари А. Миша и Медведь. Медвежья метафора России в дискурсе о грузино-российском конфликте. URL: <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2008/09/m158721.htm> .

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Firth E. Georgia 'pulls troops out of South Ossetia' as Russian fighting intensifies. URL: [http://www/telegraph.co.uk/news](http://www.telegraph.co.uk/news) (дата обращения 2008/08/10).

Lucas E. How Georgia fell into its enemies' trap. URL: http://www.timesonline.co.uk/tol/comment/columnists/guest_contributors/article4488503.ece (дата обращения 2008/08/09)

Parsons R. Georgia pays price for its Nato ambitions. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news> (дата обращения 2008/08/09).

Penketh A. Diplomatic Licence: Saving Saakashvili. URL: <http://blogs.independent.co.uk/independent/2008/08/saving-saakashv.html> (дата обращения 2008/08/12).

© Красильникова Н.А., 2009

Собиянэк К.
Лодзь, Польша

Sobijanek K.
Lodz, Poland

**ПРОГНОЗИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО РОССИИ
В РОМАНЕ-АНТИУТОПИИ
«ДЕНЬ ОПРИЧНИКА» В.Г. СОРОКИНА**

**A PROGNOSIS FOR RUSSIAN FUTURE
IN AN ANTIUTOPIAN NOVEL BY VLADYMYR
SOROKIN „DAY OF THE OPRICHNIK”**

УДК 659.125.5
ББК Ш 5(2Рос=Рус)6-4

ГЧТИ 16.21.27
Код БAK 10.01.01

Аннотация. Статья посвящается картине будущего России, представленной в романе В.Г. Сорокина «День опричника». В ходе анализа автор пытается выявить проблему тоталитаризма, которая волнует писателя и активно рассматривается на страницах романа. Особое внимание уделяется теме опричнины, восстановленной в 2027 году, а также писательской манере, стилю Сорокина как представителя русского постмодернизма. Отчасти комментируется взаимосвязь религии и политики, приводятся соотношения с сегодняшней действительностью.

Abstract. The paper presents a picture of a Russian future, introduced in Vladymir Sorokin's novel "Day of the Oprichnik". In the course of analysis the author attempts to reveal a problem of totalitarianism, which is thought to be one of the most important features of anti-utopia and which disturbs writer, what is noticeable in the novel. There is emphasized a theme of oprichnina, recovered in 2027, and writer's manner of Sorokin as a representative of Russian postmodernism. The paper outlines as well a correlation between religion and politics and pays attention to a interconnection between the novel's world and a current reality.

Ключевые слова: тоталитаризм; явление опричнины; деконструкция; антиутопия; религия и политика; постмодернизм.

Key words: totalitarianism; phenomenon of oprichnina; deconstruction; anti-utopia; religion and politics; postmodernism

Сведения об авторе: Катажина Собиянэк, магистр, аспирантка Института русистики.

About the author: Katarzyna Sobijanek, Master, Postgraduate Student of Institute of Russian Philology.

Место работы: Лодзинский университет

Place of employment: University of Lodz.

Контактная информация: ul. Kusocinskiego 86b/50 94-043 Lodz (Лодзь)

E-mail: jekaterina.83@mail.ru

Владимир Георгиевич Сорокин, выдающийся представитель русского постмодернизма, концептуалист, яркий прозаик и драматург, к которому трудно относиться равнодушно – круг читателей и критиков подразделяется на два лагеря: горячих сторонников и заклятых противников творчества писателя – в романе «День опричника» представляет перспективную модель действительности (Россия в 2027 году) (Согласно А. Зыверт «День опричника» представляет собой альтернативную историю, обогащенную мотивами из так называемого «банка идей фантастики», в том числе из киберпанка, в результате использования писателем приема контаминации. См. об этом: [Zywert 2008]), которая является практической реализацией тезисов, находившихся в эссе петербургского и ладожского митрополита Иоанна Снычева [1994]. В эссе приводится образ царя Ивана Грозного как святого, идеального правителя на земле, Божьего помазанника, который образует группу верных единомышленников, берегущих порядок и выполняющих якобы волю Божию, т.е. опричников. Причем митрополит явно одобряет такой «стиль» правления, положительно оценивает явление опричнины, как силу, способную навести должный порядок в государстве, и историческое время, когда религия и Православная Церковь занимали важное место в жизни правительства и простого русского человека. Аналогии в романе Сорокина являются бесспорными и представляют собой интересный материал для подробного исследования. Здесь мы едва сиг-

нализируем об этой параллели, свидетельствующей о проявлении *неординарного* интереса упомянутых современников к эпохе Ивана Грозного и к его «черному ордену» (выражение, использованное Сорокиным). В. Сорокин в интервью С. Широковой [2006] замечает: «Опричнина – это явление, которое, обратите внимание, не отражено совершенно у русских классиков. За исключением Алексея Константиновича Толстого в «Князе Серебряном» и Лермонтова в «Песне о купце Калашникове» никто не коснулся этой темы».

В ходе анализа мы сосредоточимся на изображенной в романе модели мира, в частности на привилегированной сословной группе опричников, и постараемся рассмотреть, созданный в романе образ тоталитаризма, в контексте свойств русского постмодернизма.

«День опричника» по-разному классифицируется исследователями, учитывая жанровые особенности и затронутую проблематику. В публицистике и в критической литературе, которая довольно скупа и в которой отсутствует подробный художественно-идейный анализ произведения, встречаются определения: политическая сатира, антиутопия, фантастическая история, альтернативная история, повесть в духе историзма. В принципе автор их оправдывает, за исключением *антиутопии*, про которую в интервью молчит, добавляя, однако, свой комментарий: «мне кажется, что это все-таки художественное, а не сатирическое произведение. Я не ставил себе никаких политических целей, но если кто-то прочтет повесть как политическую са-

тиру, я не против. Но я хотел сделать нечто большее, чем политическая сатира. Цель сатиры – настоящее, а моя повесть – это скорее попытка такой художественной футурологии, осуществляемая при помощи художественных средств» [Соколов, Грани 2006].

Несмотря на вышесказанное, «День опричника» прикасается к политике и некоторым общественным «пронародным» настроениям, даже если автор намеревался создать текст сугубо художественный. Уже само обращение к опричнине отсылает читателя к историческому прошлому и царю, который символизирует жестокую и беспощадную политику. Естественно, наша цель заключается не в политизации и социологизации сорокинского текста, а в анализе художественного футурологического мира с учетом антиутопических элементов. Тем самым мы подчеркиваем наши разногласия с мнением Льва Данилкина, который утверждает, что «трудно квалифицировать «День опричника» как антиутопию, поскольку те представления о социальных процессах, которые Сорокин проецирует в будущее, не назовешь пессимистическими» [Данилкин, Афиша 2006]. Дело в том, что автор пользуется легким, привлекательным стилем, изобилующим словесной игрой, гэггами, гротеском и абсурдом (к примеру сцена, в которой сидящая на унитазах и выпивающая шампанское государыня принимает в комнате Комягу (Эта сцена нам ассоциируется со сценой торжественной трапезы на унитазах в салоне из фильма Л. Бунюэля «Призрак свободы» (1974)), а также быстрым темпом повествования с заметными ретардациями и неожиданным финалом повести. К присутствию эротических и перверсивных сцен, а также наркотических видений мы вернемся позднее.

Итак, может показаться, что действительно этот текст вызывает больше смеха, чем тревоги и пессимизма. По нашему мнению, лишь на первый взгляд текст Сорокина можно рассматривать как юмористический. На самом деле, представленный в повести мир, отвратительный и ужасный, что попытаемся доказать. Ужаснее всего факт, что повествователь – опричник Комяга – по-настоящему восхищается описываемым миропорядком и верит в святую и существенную миссию своего братства, без которого Новой России не быть, так как «покуда жива опричнина, жива и Россия» [Сорокин 2008: 223].

В своем произведении Сорокин представляет модель будущего России, 2027 год, который является неким повтором правления Ивана Грозного и его преданных охранников, однако с учетом постмодернистской эпохи. Перед глазами читателя монархическая Новая Россия при царе Василии Николаевиче, отец которого, Николай Платонович, основатель новой династии, навел в государстве порядок, прекратив Серую Смуту (отметим, что Серой Сму-

те предшествовала Красная и Белая Смуты). При жизни первого царя нового российского государства наступило отделение от атеистического мира киберпанков крупной Западной стеной, своего рода новым вариантом «железного занавеса». Тогда на Манежной площади сгорали враждебные рукописи и книги, что восхищает Комягу. Этот фрагмент наглядно демонстрирует антигуманный характер менталитета героя, поскольку массовое сожжение книг – это проявление тоталитаризма. Т. Толстая в романе «Кысь» также выражает свое беспокойство о высокой культуре и затрагивает тему безграмотности и невежества, и выдвигает трагические последствия этих явлений в дистопическом образе романа. К тому же такой жест отсылает нас к нацистам, которые в 1933 году в Берлине и других немецких городах провели варварскую акцию по сожжению национал-социалистами книг, неудобных гитлеровскому режиму. Публичное сжигание книг было направлено на запугивание "среднего человека", привыкшего относиться с уважением к печатному слову, а также на привлечение молодежи на сторону национал-социалистов. У Сорокина фактор страха имел не меньше значение, поскольку, согласно словам Комяги, «народ у нас книгу уважает» [Сорокин 2008: 103]. На Красной же площади граждане добровольно сжигали свои загранпаспорта и огонь продолжал гореть почти два месяца. Причем вопрос «добровольности» остается открытым.

Реформы царя вводили «парности» продуктов питания, чтобы облегчить народу выбор и способствовать его духовному спокойствию. «И чтобы в каждом ларьке – по две вещи, для выбора народного. Мудро это и глубоко. Ибо народ наш, богоносец, выбирать из двух должен, а не из трех и не из тридцати трех. Выбирая из двух, народ покой душевный обретает, уверенностью в завтрашнем дне напитывается, лишней суеты беспокойной избегает, а следовательно – удовлетворяется. А с таким народом, удовлетворенным, великие дела сотворить можно» [Сорокин 2006: 103]. Такое решение было также вызвано заботой об отечественном рынке и желанием искоренить иностранные супермаркеты, и заменить их исконно русскими ларьками, где можно купить молоко снятое и жирное, копченую и варёную колбасу, компот из вишен и компот из груш, а также единственный непарный продукт «Российский» сыр. Однако «чужой» рынок видимо не учитывал восточного влияния, так как китайские продукты активно участвовали в жизни русских граждан. Из беседы опричников с Государем узнаем, что они ездят на китайских машинах, едят китайский хлеб и на китайских унитазах оправляются, притом из китайских ружей Государь разрешает стрелять уток [Сорокин 2008: 184]. Отметим, что сотрудничество с Поднебесной (сегодняшним Китаем) оказывается плодотворным (в Сибири население китайцев достигает 38-и миллионов – (вероятно, это отклик Сорокина на проблему

экспансии китайцев в Сибирь и формирование новой китайской диаспоры [см.: Дятлов 1999, Горюхина 2005]) несмотря на проблемы, связанные, например, с уплатой налогов китайцами, живущими в Сибири, Поднебесной, с денежными конфликтами между китайскими экспортерами, русскими пограничниками и опричниками. Китайское влияние ощутимо и в языковой сфере. Владение китайским языком является базисным и по крайней мере в некоторых профессиях, к примеру, для опричников, обязательным знанием. К тому же древнекитайским охотно пользуется сама Государыня, а государевы дети играют в новейшие китайские игры 4D, пользуясь оригинальным языком игрушек. Здесь опять наблюдается сдвиг, крушение внутритекстовых правил и стереотипов путем гротеска, в этом случае заботы о чистоте русского языка.

Следовательно, взошедший на престол царь вызвал к жизни опричнину [подр.: Дугин 2005, Ruud, Stiepanow 1999] – группу верных охранников, готовых пожертвовать собою ради Государя и святой России, с одной стороны, проливающих кровь его врагов и неудобных оппонентов, занимающихся «мокрым» делом, «задавящих» столбового (что в практике обозначало спалить усадьбу, совместно изнасиловать жену опального и повесить хозяина на воротах), с другой – ежедневно молящихся Богу и часто призывающих имя Господне. За свою лояльную службу были щедро награждены. Кроме чисто материальных выгод, избранники царя пользовались расположением Охраняемого, престижем и доступом к элитным, официально запрещенным государством наркотикам китайского производства – так называемым золотым стрелядкам, вызывающим острые ощущения и позволяющим отправиться в путь кибернетических галлюцинации. Во время одного из таких путешествий Комяга с Батей (начальник опричнины) и правым крылом «черного ордена» превращаются в дракона с семью головами, наподобие дракона из Апокалипсиса, и сеют разрушение и проливают кровь жителей ненавистной Америки, что доставляет им дикую, демоническую радость. Особой наградой и высшей степенью братской связи был еженедельный визит в бани Бати с целью устроить мужскую оргию – «гусеницу опричнины», которая – согласно рассказчику – укрепляла тождество, силу и единство опричников. Кульминационным моментом совокупления был коллективный оргазм. После отдыха с шампанским, как правило, происходил еще один ритуал мазохистского характера: попытка выносливости – сверление дрелью с очень тонкими сверлами из живородящего алмаза ноги сидящего рядом товарища. Эти сцены показывают полное духовное падение, мерзость и ненормальность этой привилегированной группы. Сам автор считает, что «это

сугубо патологическое явление [опричнина] легло в России на очень плодородную почву. Опричнине и ее идеям откликнулась русская метафизика. Я полагаю, что все наши смуты, революции, потрясения и моря пролитой крови – все это последствия опричнины» [Широкова, *Известия* 2006].

Достоинством внимания является также религиозный аспект, так как религия, а даже в большей степени религиозность, есть принцип, упорядочивающий композицию и влияющий на стилистический пласт текста. В произведении видно абсурдное размежевание между внешней службой Божьему делу, ритуальностью жизни опричников и практической деятельностью государева человека, наводящего порядок особо жестокими методами и беспрекословно выполняющего приказы начальства. Заведующий опричниной, Батя, становится лучшим отцом, который заботится о своих сыновьях, вовремя и справедливо их наказывает, обеспечивает бытовую сторону жизни и, что не менее важно, соблюдает соответствующую дисциплину, создает возможность развлекаться и проявляет заботу о сохранении братской связи, *единства* «черных монахов», понимаемого в буквальном смысле – здесь имеется в виду реализованная метафора. В акте полного соединения тел опричников образуется, упомянута раньше *гусеница*, члены которой находятся в определенном порядке. «Молодые опричники, – объясняет Владимир Георгиевич, в гусенице группового секса стоят в конце и как бы наступают на пятки «старикам». Это закон любого карательного учреждения. В Советском Союзе было примерно так же» [Соколов, *Грани* 2006]. Итак, эта перверсивная сцена на грани порнографии, шокирующая и вызывающая намеренное чувство отвращения у читателей, выражает критическую авторскую оценку явления опричнины, которое отчасти наблюдается и в современной России.

Отметим, что любовь, восторг и ненависть, которые испытывают опричники, по крайней мере Комяга, по отношению к Государыне, а также любовь, страх и восхищение Императором являются типичными чувствами, использованными авторитарной системой, которая на страхе и любви строит фундаменты ничем неограниченной власти. Об этом говорил Сталин в «Детях Арбата» А. Рыбакова, повторяя за Чингисханом тайну «железной власти». Речь, принадлежащую Сталину, мы обнаруживаем в тексте, по всей вероятности, еще в двух фрагментах – оба в высказывании Бати: «Государю из Кремля народ виднее, обзримей. Это мы тут ползаем, как воши, суетимся, верных путей не ведая. А Государь все видит, все слышит. И знает – кому и что надобно» [Сорокин 2008: 103]. Несомненно, приведенную цитату можем первоначально отнести к Господу Богу [Ср. Псалом 138, Старый Завет (Библия)]. Как известно, культ личности «отца народов» многое заимствовал из религии,

которую благополучно вытеснял из человеческого сознания и души. «Подбрасывает он [Батя] то, что осталось от графа могущественного, на руке: – Ну вот, был и нету» [там же: 210]. Эту ситуацию хотелось бы соотносить с поговоркой, приписываемой Сталину: «Есть человек – есть проблема. Нет человека – нет проблемы».

Следует подчеркнуть, что сильно зарисованная сфера эротики и эпатаж сексуальностью человека, присутствие мазохистских и перверсивных сцен являются типичными элементами писательской манеры Сорокина. ими насыщен и текст данного произведения. Часто они вводятся с целью вызвать изумление у читателя, сбить его с толку, поиграть с читательской привычкой восприятия литературного текста и традиционным пониманием литературы. Писатель не боится затрагивать темы телесного аспекта человеческой жизни, ее сексуальностью и физиологическими процессами, происходившими в теле человека. Согласно Сорокину «порнография – это вполне конкретный литературный жанр. Его цель – вызвать половое возбуждение у читателей. У меня же другая цель – вызвать эстетическое возбуждение, а не половое» [Соколов 2005: 135]. Кстати, вопрос эстетики, воспринимаемой по-своему, является существенным в творчестве писателя. Автор «Голубого сала» смешивает возвышенное с низким, фантастическое с реальным, сакральное с бытовым.

Кроме заметного гротеска и иронии, автор пытается спровоцировать читателя, вернее читателя имплицитного, наслаждаться, подобно героям произведений, отвратительными образами и увидеть своего рода логику красоты «некрасивых» явлений в свете сознания и разума, избитых схем. Марк Липовецкий замечает, что в ранней прозе Сорокина «обсценная лексика была знаком шокового выхода за пределы литературности, взрывного нарушения конвенций, которое составляло основу сорокинских текстов как особого рода преформансов» [Липовецкий 2008: 409]. Итак, на страницах литературных текстов писателя герои с помазанием потребляют фекалии, сиамские сестры совершают сексуальный акт с заключенным в концлагере, oprичники соединяются в бассейне Бати.

Человеческие инстинкты, о которых можно было бы промолчать, легко обнаруживаются в произведениях Владимира Георгиевича. Все, что относится к человеку, особенно современному, интересно писателю, без каких-либо исключений. Он присматривается к долгосрочным последствиям тоталитаризма, используя деконструкцию любого тоталитарного дискурса, и в текстах передает свои наблюдения, касающиеся искаженности мышления, падения нравственности, отстраненности человека, механизмов подсознания, и одновременно извлекает совершенно другой образ тоталитарного

мира, который «красив нечеловеческой красотой» [Соколов 2005: 35]. Автор показывает абсурд советской и постсоветской действительности, запутанность человека, погруженного в тоталитарный дискурс, черпает вдохновение в современной русской действительности и воплощает свои идеи в превосходные литературные произведения. На этот раз мы едва намечаем проблему, которая требует отдельного углубленного анализа с учетом исторических и социально-бытовых контекстов.

Возможно, Сорокин показывает, что религия может быть использована для реализации целей, не всегда честных и приличных, и предостерегает перед религиозной ритуальностью, бессознательным повтором схем и вытекающей из этого внутренней пустотой. В «Дне oprичника» абсурд проявляется и в том, что oprичники глубоко верят в правоту и *святую миссию* своего поведения. Ритуальность обеспечивает им безопасность и прозрачность *братской* жизни. К тому же интересным решением было введение образа ясновидящей Прасковьи Мамонтовны, живущей в недоступной усадьбе в глуши. Первоначально образ Прасковьи представлен как возвышенный («Плавно движется она, словно на коньках по льду скользит. Подходит совсем близко, замирает. Гляжу в лицо ее. Необыкновенное это лицо. Другого такого нет во всей России. Ни женское оно и ни мужское, ни старое, ни доброе» [Сорокин 2008: 133]. Однако далее этот образ подвергается снижению в описании ее заклинаний, напоминающих фольклорные формулы, детские магические игры и гадания сказочной колдуньи – «Молоко коровье поет в изголовье: на сердце сяду, накоплю яду, разведу водой, накрою собой, помолюсь теленку, моему ребенку, от теленка кости придут в гости, косточки белые, на шелопутство смелые, погремят, помрут, силу заберут» [там же: 139]. Здесь пафос смешан со смехом – явление, которое часто встречается на страницах романа.

Согласно канонам постмодернизма в «Дне oprичника» представлена деконструкция действительности и развенчивание стереотипов. Отсюда и присутствие языковых трансформаций, например архаических выражений (к примеру, «токмо», «опальный», «здрaвы будьте», «супротивник», «крамола») рядом с неологизмами (к примеру, «мобило», «осаленный», «звезду погасить» – обесславить выступающего на сцене известного артиста в ходе акции, специально подготовленной службами Государева; «голый» – человек, потерявший доверие Государя и, как результат, свое привилегированное положение и материальные средства; обреченный на неудачу) и варваризмами («сяоцзе» – девушка, «гунян» – девица, «гоцзе» – государственная граница, «шагуа» – дурак, «таньха» – покровительство), объясняемыми причудливым сочетанием прошлого (исторического времени при Иване Грозном) и будущего (2047 год; после реформ царя Николая Платоновича). Сорокин

задумывается над возможным вариантом будущего России, присматривается к тенденциям современности и создает литературный текст полусерьезный, полусмешной, привлекающий разнообразием стиля и историческими намеками, причем затрагивающий мрачное эхо прошлого, которое воплощается в модель будущего не менее мрачным и вызывающим тревогу образом.

Подводя итоги, приведем слова автора «Сахарного Кремля», которые относятся к анализируемому произведению и представляют собой удачное обобщение основной идеи «Дня опричника», а также выражают антиутопическую мысль, присутствующую на страницах многих романов-предостережений: «коллективистский подход не породил нового человека, потому что человеческая природа сильнее коллектива, о нее разбились все тоталитарные системы, и человек, хоть и достаточно изуродованный, остался по-прежнему homo sapiens. [...] Попытки изменить природу человека неизбежно ведут к катастрофе, ибо могут вызвать к жизни такие силы, с которыми общество уже не справится» [Соколов 2005: 35].

ЛИТЕРАТУРА

Библия. Старый Завет. Псалом 138. URL: http://www.bible-center.ru/bibletext?cont=synnew_ru&txt=ps+138

Горюхина Э. Китайцы в Сибири. Сбывается мечта российского чиновника: приходит народ «послушный и работающий» // Новая газета. 24.11.2005. URL: <http://2005.novayagazeta.ru/nomer/2005/88n/n88n-s27.shtml>.

Данилкин Л. Владимир Сорокин: «День опричника» // Афиша. 09.09.2006 URL: <http://www.srkn.ru/criticism/ldanilkin.shtml>

Дугин А. Метафизика Опричнины // Тезисы выступления Александра Дугина в рамках «Нового Университета». 2005. URL: <http://arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=1252>

Дятлов В. Китайцы в Сибири: отношение общества и политика властей // Русский архипелаг (сетевой проект Русского мира). 1999. URL: <http://www.archipelag.ru/authors/dyatlov/?library=2633>

Zywert A. „Dzień Opricznika” Władymira Sorokina – postmodernistyczna zabawa czy komentarz polityczny? // Świat Słowian w języku i kulturze. IX Literaturoznawstwo. [Pod red. E. Komorowskiej, Ż. Kozickiej-Borysowskiej, A. Krzanowskiej] – Szczecin, 2008.

Липовецкий М.Н. Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920-2000-х годов. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2008.

Снычев И. Самодержавие духа: Очерки русского самосознания. – СПб, 1994.

Соколов Б.В. Владимир Сорокин: Опричнина – очень русское явление. // Грани. 21.08.2006. URL: <http://www.srkn.ru/interview/bsokolov.shtml>

Соколов Б.В. Моя книга о Владимире Сорокине. – М.: АИРО, 2005.

Сорокин В.Г. День опричника. – М.: Захаров, 2008.

Толстая Т. Кысь. – М.: Эксмо, 2005.

Широкова С. Писатель Владимир Сорокин: Мой «День опричника» – это купание авторского красного коня» // Известия (Москва). 25.08.2006. URL: <http://www.izvestia.ru/reading/article3096020/>

© Собиянэк К., 2009

Трошина К.В.
Екатеринбург, Россия

АРХЕТИПИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ
КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ
РИТОРИКИ БАРАКА ОБАМЫ

УДК 81'42
ББК Ш 7

Аннотация. Статья посвящена архетипической и мифологической составляющей современного политического президентского дискурса. Материалом для анализа служит речь Барака Обамы, в которой рассматривается один из основополагающих, на взгляд автора, архетипов в области президентской риторики (архетип Спасителя).

Ключевые слова: президентская риторика, политический дискурс, архетип, политическая мифология.

Сведения об авторе: Трошина Ксения Владимировна, ассистент кафедры русского языка для иностранных учащихся.

Место работы: Уральский государственный университет им. А.М. Горького.

Контактная информация: E-mail: alvazora@mail.ru.

Troshina K.V.
Ekaterinburg, Russia

ARCHETYPICAL COMPONENT
AS A CONSTITUENT OF PRESIDENTIAL
RHETORIC OF BARACK OBAMA

ГСНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.19

Abstract. The article deals with the archetypal and mythological constituent of modern political presidential discourse. Barack Obama's speech is described as an illustration of how, from our point of view, one of the most important and powerful archetypes (the archetype of a Saviour) is represented in presidential rhetoric.

Key words: presidential rhetoric, political discourse, archetype, political mythology.

About the author: Troshina Ksenia Vladimirovna, Associate Professor of Department of Russian as a Foreign Language.

Place of employment: Ural State University, named after A.M. Gorky.

На протяжении всей истории человечества религия неизменно играла чрезвычайно важную роль в управлении социумом. В то же самое время не секрет, что сама религия зиждется на совокупности определенных архаических представлений, скрытых в мифологических сюжетах и персонажах. Несмотря на то, что религия, безусловно, прошла сложный путь трансформации под воздействием ряда различных внешних факторов, в основе ее по-прежнему остались изначально заложенные архаические мотивы. Религия, как и миф, никогда не существовала отдельно от государства и социума. Она не только дополняла, но и во многом предопределяла вектор развития последних. «Традиционные формы верований как нельзя более сильно оформляли и оформляют принципы существования социума, и особенно – его "управленческой" сферы. Даже в условиях трансформации общественной жизни ряд элементов политической сферы остаются подчиненными архаическим компонентам общественного сознания» [Гущин 2005: 4]. Именно на основу этой глубинной взаимосвязи во многом и опирается политический дискурс, конечная цель которого зачастую сводится к обоснованию легитимности власти и необходимости происходящих изменений. Для того, чтобы речь говорящего выглядела более убедительно ему необходимо использовать целый арсенал определенных ориентиров в области культурной коммуникации, которая, в свою очередь, основана на фундаменте исторически более ранних ментальных форм, которыми, в свою очередь были «мифы и религиозные верования» [Русакова 2004: 40].

Думается, что аспект взаимосвязи архетипического, мифологического и политического

изучен недостаточно глубоко на сегодняшний день, особенно в рамках христианского вероисповедания. «Необходимо отметить, что в рамках христианского мировоззрения благодаря существованию различных направлений сформировались достаточно отличающиеся друг от друга концепции политического, устойчивые во времени и в полной мере заслуживающие пристального изучения» [Гущин 2005: 258] Соединенные Штаты Америки являются как раз примером такого социума, где христианское (пуританское) религиозное начало оказывается одной из важнейших доминант политического дискурса. Вероятно, есть социумы, где влияние религиозной символики оказывает более сильное, или же более слабое воздействие. Думается, Соединенные Штаты Америки относятся именно к тем странам, где религия является довольно мощным фактором воздействия, и это становится возможным за счет культивирования ряда идей, которые имеют достаточно прочную основу в историческом контексте США. Мы в первую очередь имеем в виду библейскую направленность политического дискурса Соединенных Штатов. На наш взгляд, президентская риторика как нельзя более точно отражает эту специфику. "...America's political rhetoric, especially in the crisis... continues to bear a distinctly biblical stamp." [Jewett 2003:2] (Американская политическая риторика, особенно в моменты кризиса... продолжает нести явно выраженную библейскую направленность.) (здесь и далее перевод наш, К. Т.) В то же самое время, но словам Джеффри К. Тьюлиса. "since the presidencies of Theodore Roosevelt and Woodrow Wilson, popular or mass rhetoric has become a principle tool of presidential governance" [Jeffrey 1989: 4] (со времен правления Теодора Рузвельта и Вудро Вильсона популярная или массовая риторика стала основным инструмен-

том президентского правления), что говорит о распространенности архетипических и библейских мотивов не только в сфере правления, но и в сфере повседневной массовой коммуникации и риторики (popular or mass rhetoric). Но, пожалуй, здесь стоит упомянуть, что сама по себе религия вряд ли смогла бы стать достаточно сильным вектором формирования национального сознания. «Традиционный, мифологический компонент любой системы верований, несомненно, формирует основу этой системы, но не выступает в качестве единственной детерминанты» [Гущин 2005: 258]. Описываемый нами религиозный подтекст является лишь одним из компонентов деятельности огромного и неисчерпаемого в качестве объекта исследования социального механизма.

На основе религиозной и изначально заложенной мифологической базы формируется так называемая политическая мифология. «Политическая мифология – это система устойчивых образов и представлений, культивируемых властью в массовом сознании в целях самосохранения и укрепления своей легитимности» [Русакова 2004: 42]. По словам Русаковой О.Ф. и Спасского А.Е., политическая мифология имеет явно выраженный практический эффект и определенные функции. Среди них выделяются такие функции, как функция сакрализации власти, консолидирующая функция (объединение и сплочение масс вокруг политических символов веры, формирование чувства соборности, причастности к разделяемой коллективом определенной системе ценностей, тайному знанию), креативная функция (стимуляция образного мышления... пробуждение ассоциативных смысловых рядов... открытие новых смыслов) и мифотворческая функция, которую на сегодняшний день выполняет «политическая реклама, продвигая сконструированные политтехнологами имиджи (образы) политиков и политических институтов» [там же: 43].

Для того, чтобы подобное воздействие на социум достигло своей конечной цели (донести до сознания массового слушателя определенную идею под нужным ракурсом), на наш взгляд, требуется особый мифологизированный склад мировидения и самоощущения целевой аудитории. Думается, в случае американского политического дискурса свидетельства наличия именно этого типа сознания присутствуют в том, как и под какими лозунгами проходят избирательные кампании, или же какие именно штампы в речи президентов США пользуются наибольшей популярностью. Здесь нам хотелось бы привести некоторые конкретные примеры из речей наиболее выдающихся политических деятелей Соединенных Штатов и проследить, насколько точно они вписываются в перечень функций, предложенный Русаковой О.Ф. и Спасским А.Е.

В качестве материала для анализа в нашей статье мы избрали две из наиболее выдающихся и заслуживающих внимания речей Барака Обамы: речь, произнесенную им в Берлине, и речь по случаю победы в выборах президента Соединенных Штатов в 2009-м году. Причина, по которой мы выбрали именно эти две речи, – в неоспоримой их важности. Берлинская речь Барака Обамы несет в себе очевидные параллели с одним из легендарных и, бесспорно, самых любимых президентов США, Д.Ф. Кеннеди. В то же время эта речь, как и речь по случаю победы на выборах, изобилует архетипическими и религиозными аллюзиями, на которых мы заострим наше внимание подробнее.

Первый из архетипов о котором стоит упомянуть в контексте нашего исследования – это архетип Спасителя, который в свою очередь связан с идеей перерождения, в частности, непрямого перерождения. В процессе непрямого перерождения "the transformation is brought about not directly, by passing through death and rebirth oneself, but indirectly, by participating in a process of transformation which is conceived of as taking place outside the individual. In other words, one has to witness, or take part in some rite of transformation" [Jung 1969: 3] (трансформация происходит не напрямую, через прохождение умирания и перерождения, но косвенно, во время участия в процессе трансформации, которая происходит во вне. Другими словами, участник перерождения должен присутствовать или же принимать участие в некоем ритуале трансформации). Примером акта массового духовного перерождения и катарсиса может послужить месса или проповедь. "A living example of ...the transformation of life is the Mass. If we observe the congregation during this sacred rite we note all degrees of participation, from mere attendance to the profoundest emotion" [там же: 118] (живым примером трансформации жизни является Месса. Если мы наблюдаем за собранием в процессе священного ритуала, то мы обнаружим, что аудитория вовлечена в происходящее на всех уровнях, от обычного присутствия до глубочайших эмоциональных переживаний). На наш взгляд, ничто так не похоже на проповедь и мессу, как публичная речь большинства политических лидеров Соединенных Штатов, и Барак Обама не является исключением. Эта параллель нам кажется справедливой на основе сопоставительного анализа речи Барака Обамы и одного из самых выдающихся проповедников в истории Америки Мартина Лютера Кинга. В речи Обамы (как и в речи многих его предшественников на посту президента Соединенных Штатов) присутствует кольцевая организация текста, снабженная значительным количеством повторов, которые сами по себе при правильном использовании могут ввести слушающего в состояние транса. И в речи по случаю победы, и в берлинской речи Обама использует повторы для расстановки акцентов и подчеркивания особенно важных моментов: "This is our chance to

answer the call. This is our moment. This is our time – to put people back to work and open doors of opportunity for our kids; to restore prosperity and promote the cause of peace; to reclaim the American Dream and reaffirm that fundamental truth – that out of many we are one; that while we breathe, we hope, and where we are met with cynicism, and doubt, and those who tell us that we cant, we will respond with the timeless creed that sums up the spirit of a people: "Yes, We Can" [Obama 2009] (Это наш шанс принять вызов. Это наш час. Это наше время – вернуть снова людям работу и открыть двери новых возможностей для наших детей; возродить процветание и вернуть мир; вновь заявить об Американской Мечте и подтвердить извечную истину – из многих мы одни; что пока мы дышим – мы надеемся, и там, где нас встретят цинизмом и сомнениями, тем, кто скажет нам, что мы этого не сможем, мы ответим им единственной фразой, впитавшей в себя весь дух нашего народа – «Нет, мы сможем»). Последняя фраза (Yes, we can), ставшая своеобразным слоганом в речи по случаю победы на выборах, повторяется семь раз в конце каждого абзаца на протяжении всего выступления вновь избранного президента. С каждым повторением реакция аудитории становилась все более и более эмоциональной, и в конце речи многотысячная толпа со слезами на глазах в экстазе выкрикивала: "Yes, We Can!" То же самое происходило и во время проповеди Мартина Лютера Кинга, когда под конец его речи вся аудитория, предчувствуя рефрен (we shall overcome / мы преодолеем) с таким же накалом эмоций выкрикивала и продвигала как молитву его слова. "In his use of repetition King always engages amplification ...by saying the .same thing in so many different ways that it produces a cumulative effect ... King played with alliteration, assonance, metaphor, and internal rhyme, and allowed himself and the audience to drink deeply of the pleasure of repetition until they laughed and clapped in amazement" [Lischer 1995: 120] (Кинг всегда использовал повторения для усиления и подчеркивания отдельных мыслей... повторяя одну и ту же вещь несколько раз он тем самым добивался кумулятивного эффекта.. Кинг играл с аллитерацией, ассонансом, метафорой и внутренней рифмой; он позволял себе и аудитории упиваться повторениями до тех пор, пока она не начала смеяться и в восторге хлопать в ладоши). Думается, что подобная манера публичной речи-проповеди создает именно ту ситуацию, когда слушающий переживает определенный катарсис и перерождение, в процессе которого фигура оратора предстает в священном ореоле и сакрализуется, а вместе с ним и стоящая за ним структура, будь то церковь или политика.

Говоря о сакрализации образа Обамы, стоит отметить, что на сегодняшний день в сети Интернет и других средствах массовой коммуникации появилось достаточное количество материала для того, чтобы утверждать, что действующего президента Соединенных Штатов видят, с одной стороны, как Спасителя, а с

другой – как Антихриста, и не безосновательно. Во-первых, стоит обратить внимания на высказывания в адрес Обамы о том, насколько значима его фигура на мировой арене и в контексте всей истории. Например, сенатор Эдвард М. Кеннеди сказал: "After too many long years of Divisiveness in our politics and our government, American hunger for change. I believe we've found at last a leader of remarkable vision and ability who can unite us to bring about the change, and his name is Barak Obama" [Biden 2008]. (После стольких долгих лет раздора в нашей политике и в нашем правительстве Америка жаждет перемен. Я считаю, что мы нашли наконец лидера с поразительным пониманием поразивших нас проблем и возможностями для их решения. Этот лидер сможет объединить нас для того, чтобы произвести долгожданную перемену. И его имя Барак Обама). В том же ключе, но более лаконично, об Обаме высказывается и сенатор Джо Байден: "America is ready. You are ready. I am ready. And Barak Obama is ready. Our best days are yet to come." [там же] (Америка готова. Вы готовы. Я готов. И Барак Обама готов. Наши лучшие дни вот-вот наступят.)

Во-вторых, заслуживает внимания то, как сам Барак Обама позиционирует себя в контексте мировой истории. Джонатан Стейн пишет, что, на его взгляд, Обама следующим образом выстраивает цепочку наиболее важных моментов в истории Соединенных Штатов: "American revolution – Manifest Destiny- Slaves / Abolitionists – Suffrages – the labor movement – the Civil rights Movement – Himself [Stein 2009] (Американская революция – Идея о Явном Предначтении Америки – Рабство / Аболиционизм – избирательное право – движение за права трудящихся – движение за права человека – Он сам). Таким образом, Барак Обама как бы предстает венцом достижений американского народа в борьбе за независимость и права человека.

В-третьих, сама биография президента и то, как она подается, выявляет некоторые сходства между образом классического Спасителя и Обамы. Мессия, как известно, сначала должен перенести ряд испытаний, прежде чем он сможет по праву именоваться Спасителем. В своей книге "Audacity of Hope" Барак Обама пишет следующее: "I am a prisoner of my own biography. I can't help but view the American experience through the lens of a black man of a mixed heritage, forever mindful of how generations of people who looked like me were subjugated and stigmatized, and the subtle and not so subtle ways that race and class continue to shape our lives" [Obama 2006: 10] (Я заложник собственной биографии. Мне трудно не думать об Америке как чернокожему смешанного происхождения, который обречен, помнить то, что целые поколения людей, которые выглядели как он, были гонимы и ущемлены. Он не может не знать, что расовая и классовая принадлежность до сих пор во многом определяют нашу жизнь.) В этом отрывке Обама предстает олицетворением ущемленного меньшинства, и вместе с тем – победы демократии. И именно этот че-

ловек, народ которого столько перенес, сейчас находится на вершине славы для того, чтобы вести за собой страну к новым вершинам.

На наш взгляд, причины подобной сакрализации ключевой политической фигуры стоит искать в историческом прошлом Соединенных Штатов. Нам видится уместным обратиться к образу, во многом предопределившему дальнейшее развитие мировидения современных американцев. Это образ Города на Холме, впервые в этом контексте упомянутый Джоном Уинтропом. Как известно, первые переселенцы из Англии были пуританами, которые боролись за «очищение» христианской церкви и видели себя в роли тех, кто возродит истинную веру в Христа. С открытием и заселением Северной Америки появилась возможность не просто возродить чистоту отношений между Богом и человеком, но и сделать это именно в том месте, которое на тот момент считалось земным раем. Эдемом, созданным именно для этой цели. "The early explorers regularly referred to the New World as an earthly paradise or Eden... Similar imagery was used in North America... during colonization people believed that the time had come to renew the Christian world, and the true renewal was the return to the earthly paradise." [Sargent 1997: 11] (Первопроходцы Нового Света часто описывали его как земной рай или Эдем... Аналогичные представления существовали и о Северной Америке... в течение колониального периода люди полагали, что истинное возрождение заключалось в возвращении к земному раю.) Таким образом, "The New England Puritans saw themselves as establishing a Holy Commonwealth or theocracy. They would be, as they put it, "a city on a hill" that would provide an example to the world of a truly Christian commonwealth." [там же: 30] (Пуритане Новой Англии представляли себя в роли основателей Священного Союза или теократии. Они должны были стать, как они сами говорили, «городом на холме», который должен быть примером истинного Христианского Союза всему миру).

На наш взгляд, идея об избранности народа Соединенных Штатов и по сей день присутствует в политическом дискурсе Соединенных Штатов. Она и по сей день не утратила своей религиозной направленности и до сих пор продолжает оставаться действенной и ак-

туальной. Риторика Барака Обамы – это лишь иллюстрация более глобального явления в менталитете этого народа. Кроме того, нельзя утверждать, что характеристика риторики Обамы не была присуща предыдущим президентам Соединенных Штатов. Напротив, его дискурс имеет солидную предисторию и коренится в прошлом Америки. Ситуация Барака Обамы исключительна в плане своей внешней беспрецедентности (еще никогда в истории США в качестве президента не избирался афроамериканец), но по внутреннему содержанию (появление исключительного человека в исключительных обстоятельствах во главе могущественной страны) она продолжает оставаться в рамках уже укоренившихся традиций.

Литература

Гущин В.П., Колобов А.В., Михалева А.В., Рязанова С.В. Традиционное политическое сознание: эволюция мифологем. – Екатеринбург: УрО РАН, 2005.

Русакова О.Ф., Спасский А.Е. Что такое политический маркетинг? Научно-методическое издание – Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи», 2004.

Biden J. Remarks by senator Joe Biden: The Case for Change, 2008.

http://www.barakobama.com/2008/09/15/remarks_by_senator_joe_biden_t.php.

Jeffrey K. Tulis. The Rhetorical Presidency. 1989.

Jewett R., Lawrence J., Captain America and the crusade against evil. The Dilemma of Zealous Nationalism.

Jung C.G. The Archetypes and the collective unconscious, 1969.

Lischer R. The preacher King, Martin Luther King, Jr. and the World Thank Moved America. 1995.

Obama Barack, the Audacity of Hope, 2006

Obama Barack. The dream fulfilled. A historical retrospective, Victory speech, 2009.

Sargent L.T. Political Thought in the United States. A Documented History. – New York University Press, New York and London, 1997.

Stein J. Barak Obama's Messiah Complex, 2009. URL: <http://www.barakobama.com/2008/02/barack-obamas-messiah-complex>.

William B. Eerdmans Publishing Company, Grand Rapids, Michigan / Cambridge, U.K. 2003.

© Трошина К.В., 2009

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Билялова А.А.

Набережные Челны, Россия

РЕКЛАМНОЕ

КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

УДК 808

ББК Ш 7

Аннотация. Статья посвящена определению сущности рекламного коммуникативного пространства. Анализ данного явления предполагает рассмотрение трех основных элементов, а именно: пространства, рекламы и коммуникации. Исходя из определения рекламного коммуникативного пространства, автор делает вывод о значении и сущности корректного понимания анализируемого явления как необходимости осуществления эффективного контакта между рекламодателем и реципиентом.

Ключевые слова: реклама, коммуникация, реципиент, пространство, функции рекламной коммуникации, классификация коммуникативного пространства.

Сведения об авторе: Билялова Альбина Анваровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков.

Место работы: Камская государственная инженерно-экономическая академия.

Контактная информация: 423814, г. Набережные Челны, ул. Королева, д. 4, кв. 96.

E-mail: abill71@mail.ru.

Bilyalova A.A.

Naberezhnye Chelny, Russia

PUBLICITY

COMMUNICATIVE SPACE

ГЧТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The article is devoted to defining of the essence of the publicity communicative space. The analysis of this phenomenon includes consideration of three main elements: space, publicity and communication. On the basis of the analysis the author emphasizes the importance of the proper understanding of the phenomenon under study for establishing contact between advertiser and the recipient.

Key words: publicity, communication, space, functions of publicity communication, classification of communicative space.

About the author: Bilyalova Albina Anvarovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Foreign Languages.

Place of employment: Kamsk State Engineering-economic Academy.

В настоящей статье делается попытка дать определение понятию «рекламное коммуникативное пространство», а также рассмотреть сущность, значение и критерии его реализации, поскольку, на наш взгляд, адекватное и корректное понимание анализируемого явления является необходимым условием для установления эффективного контакта между рекламодателем и реципиентом.

Анализ понятия «рекламное коммуникативное пространство» предполагает рассмотрение трех основных элементов: пространство, реклама, коммуникация.

Любая деятельность человеческого индивида осуществляется в определенном пространстве. Типы пространств, в которых происходит конкретная деятельность человека, могут быть материальными (физическими) и идеальными (воображаемыми). Иначе говоря, материальное пространство может быть кинестетическим, то есть составляющие его предметы можно, выражаясь образно, «потрогать». Идеальное же пространство можно ощутить только с помощью мыслительного процесса, другими словами, с помощью воображения и логики. Необходимо отметить, что существуют такие типы пространств, которые характеризуются наличием как материальных, так и идеальных признаков. Яркими примерами таких типов пространств являются информационные пространства, поскольку они имеют материальные носители (знаки, символы, зарисовки), и при этом

сама информация, преобразованная в знания, имеет идеальную природу.

Реклама, являясь одним из видов массовой коммуникации в информационном пространстве, имеет указанную нами выше двойственную природу, то есть работает и в материальном, и в идеальном пространстве. Данное утверждение основывается на том, что реклама-коммуникация осуществляется как с помощью материальных носителей, так и с помощью идеальных агентов. Научное понимание природы рекламы предполагает рассмотрение рекламного сообщения в качестве особой формы организации коммуникативного пространства. Таким пространством является область коммуникации, в которой рекламодатель налаживает каналы сообщения со своей аудиторией: дистрибьюторами и потенциальными потребителями товаров и услуг. Эффективность рекламного коммуникативного пространства напрямую зависит от того, в какой степени рекламодателю удалось достигнуть эффекта коммуникации. Таким образом, рекламное коммуникативное пространство можно считать сформировавшимся в том случае, если рекламодатель организовал процесс производства и усвоения рекламного послания реципиентом так, что была установлена действенная обратная связь, а также если рекламируемый товар получает соответствующий торговый спрос и приобретает потребителем. Исходя из этого, критерии реализации рекламного коммуникативного про-

странства определяются сходным образом с хорошо известными в теории маркетинга этапами организации эффективной рекламы и продвижения товаров, рассматриваемых с точки зрения покупателя: контакт, обработка информации, эффекты коммуникации и позиционирование марки, действие (пробная или повторная покупка), создание марочного капитала, получение прибыли.

Третьим, наиболее важным, по нашему мнению, элементом понятия «рекламное коммуникационное пространство» является «коммуникация». Его анализ требует более детального и тщательного рассмотрения. Считаем целесообразным начать с вопросов его самого общего понимания. Термин «коммуникация» является производным от латинского глагола «communicare» – «связываю, делаю общим». В науке данный термин прочно вошел в обиход приблизительно в начале XX-го столетия, хотя применялся преимущественно в сциентистском (наукоедческом) смысле: «Коммуникация – совокупность видов профессионального общения в научном сообществе, один из главных механизмов взаимодействия исследователей и экспертизы полученных результатов; необходимое условие развития науки». Каковы современные подходы к определению понятия коммуникации? Здесь исследователи, как правило, указывают на три варианта.

1) В самом общем виде под коммуникацией понимается средство связи объектов материального мира. К этому виду коммуникации относят социально обусловленные формы коммуникации от транспорта до подачи воды включительно. В случае такой коммуникации предметом «перемещения в коммуникативном пространстве» являются исключительно материальные субстраты («вода», «автобус», «газ» и т.д.), которые помимо своего прямого назначения (подача воды, автобусные перевозки пассажиров, подача газа) – никакой иной дополнительной информационной нагрузки не имеют.

2) Во-вторых, под коммуникацией понимают транслирование информации от человека к человеку. Такая форма коммуникации имеет более сложную природу, чем форма, являющаяся элементарным средством связи. Общение по телефону, например, представляет собой, с точки зрения физика, генерацию, излучение и поглощение радиоволн определенной длины и частоты. Однако «общение» людей не исчерпывается излучением и поглощением материальных информационных носителей. Важнейшей составляющей такого общения является сложная система особой идентификации различных оттенков понятий, в которой важнейшую роль играют «смыслы». Однако смыслы не могут быть сведены к материальным носителям – знакам и электронным процессам, с помощью которых они выражаются. Они имеют не материальную, а идеальную природу.

3) Коммуникацию, в-третьих, определяют как передачу и обмен информацией, которая имеет целью не саму эту передачу, а воздействие на массу людей, общество с помощью этой информации.

Последние две формы коммуникации принято называть смысловыми.

В нашем случае под «коммуникацией» понимается «массовая коммуникация», а именно, социально обусловленный процесс передачи и восприятия информации в условиях межличностного, группового и массового общения с использованием различных каналов и средств. Именно поэтому с точки зрения рекламной коммуникации, которая является одним из видов массовой коммуникации, третье из перечисленных выше определений является наиболее важным применительно к анализируемой нами теме. Исходя из выше сказанного, правомерно сделать следующий вывод. Поскольку существование рекламы, будучи одним из видов массовой коммуникации, вне рамок социума немислимо, то индивиды в обществе, подобно точкам физического пространства, образуют коммуникативное общественное пространство, иными словами, рекламное коммуникативное пространство.

Коммуникативное пространство можно классифицировать по параметрам его мощности, в зависимости от того, какое количество участников оно охватывает.

1) *Пространство внутриличностной коммуникации.* Оно предполагает общение человека с самим собой. Такой тип коммуникативного пространства является чрезвычайно сложно организованным, в силу биопсихических особенностей индивида. Социологи, психологи, лингвисты и философы в своих исследованиях современной рекламы, как правило, придерживаются взглядов о том, что указанное пространство является наиболее привлекательным объектом для профессионального рекламодача. Однако, маркетологи такую точку зрения не разделяют, поскольку пространство внутренней коммуникации ускользает от качественных оценок.

2) *Пространство межличностной коммуникации.* К этому пространству относят среду, создаваемую в процессе общения двух человек.

3) *Пространство групповой коммуникации.* Оно предполагает в качестве участников от трех до десяти человек. Такое пространство характеризуется предпочтительностью выбранных стандартов коммуникации и достаточно жесткими требованиями по их соблюдению. В социуме такое пространство существует в компании друзей, бригаде рабочих, на мелкой фирме.

4) *Пространство общественной или публичной коммуникации.* Такое пространство включает в себя активного коммуникатора и пассивных реципиентов информации. Мощность названного пространства исчисляется от

одного до трех десятков человек, иногда число участников коммуникации доходит до сотни (например, различные варианты студенческой аудитории – от группы до курсового потока).

5) *Пространство организационной коммуникации*. Такое коммуникативное пространство насчитывает сто и более участников. Оно структурировано не только по типу активные и пассивные участники коммуникации, но и стратифицировано по типу «управление-подчинение». Примером такого пространства может быть общее собрание или совещание членов крупных коллективов.

6) *Пространство массовой коммуникации*. По мощности оно, как правило, превышает тысячу человек. К подобным пространствам относят коммуникативное пространство митинга, демонстрации, телепередачи и иных средств массовой информации.

Если применить эту классификацию к анализу рекламного коммуникативного пространства, то нам представляется возможным сделать следующий вывод: в подавляющем большинстве случаев рекламное коммуникативное пространство обращается к пространству массовой коммуникации и одновременно к пространству внутриличностной коммуникации.

Не менее важным считается вопрос о функциях рекламы в названных пространствах коммуникации. Известный социолог В.П. Конечкая насчитывает три функции социальной коммуникации:

1) информационную (предполагает передачу информации);

2) экспрессивную (предполагает выражение не только смысла информации, но и ее оценку);

3) прагматическую (предполагает воздействие на получателя информации с определенной целью) [1].

В соответствии с этим, можно считать, что реклама, понимаемая как коммуникация, осу-

ществляющаяся в соответствующем пространстве, выполняет все три перечисленные функции социальной коммуникации. Причем при реализации ее прагматической функции увеличивается удельный вес суггестивного компонента.

Резюмируя выше сказанное, можно утверждать, что рекламное коммуникативное пространство является общественным пространством, имеющим двойственную (материальную и идеальную) характеристику коммуникативного пространства, которое обращается к пространству массовой коммуникации и одновременно внутриличностной коммуникации.

Для осуществления эффективного акта рекламной коммуникации рекламодатель (отправитель) обязан четко определить цель рекламного обращения, правильно выделить и очертить тип коммуникативного пространства, на которое рассчитано обращение. Именно в этом определяется сущность и значение корректного определения рекламного коммуникативного пространства. В том случае, если элементы рекламного коммуникативного пространства будут тщательно изучены, подобраны и просчитаны, то тогда вероятность установления рекламного контакта возрастает. Установление рекламного контакта, на наш взгляд, самый главный и одновременно самый сложный процесс. Для осуществления этого контакта в последнее время получили широкое распространение такие технологии, которые меняют «модус» рекламных обращений от ориентированных на «сознание и психологию масс» к ориентированным на «психологию» внутриличностного рекламного коммуникативного пространства.

ЛИТЕРАТУРА

Конечкая В.П. Социология коммуникации. – М., 1998. С. 38-80.

Романов А.А. Реклама: между социумом и маркетингом. – М.: «Маркет ДС», 2002. 300 с.

© Билялова А.А., 2009

Кушнерук С. Л.
Челябинск, Россия

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА КАК
АКТУАЛИЗАТОРЫ ТЕКСТОВЫХ МИРОВ
В РЕКЛАМЕ**

УДК 59.123.4
ББК Ш 107

Аннотация. В статье обсуждается роль прецедентных имен в конструировании текстовых миров в рекламе. Отстаивается точка зрения, в соответствии с которой за прецедентными именами открываются отдельные текстовые миры, концептуальное слияние которых приводит к появлению смешанного мира. Он проектируется с целью вовлечения читателя в ситуацию возможного будущего, описанного в рекламном произведении.

Ключевые слова: теория текстовых миров, текстовый мир, прецедентные имена, ментальные репрезентации, рекламный дискурс.

Сведения об авторе: Кушнерук Светлана Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии.

Место работы: Челябинский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, д. 69.
E-mail: Svetlana_kush@mail.ru.

Kushneruk S. L.
Chelyabinsk, Russia

**PRECEDENT NAMES
AS TRIGGERS
OF ADVERTISING TEXT WORLDS**

ГЧТИИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.20

Abstract. The article explores the role of precedent names in constructing advertising text worlds. The argument is that precedent names establish separate text worlds which feed into the blended world of the advertisement. It is projected to make the reader implicate himself in the future time-zone situation depicted in the text.

Key words: Text world theory, text world, precedent names, mental representations, advertising discourse.

About the author: Kushneruk Svetlana Leonidovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of English Philology.

Place of employment: Chelyabinsk State Pedagogical University.

В последнее десятилетие проблема соотнесения концептуальных систем с воплощающими их содержание языковыми формами не утрачивает своей актуальности. Многие зарубежные специалисты обращаются к исследованиям дискурса в терминах репрезентационных структур – текстовых миров (Т. Bridgeman, Р. Chilton, J. Gavins, Hidalgo Downing, D. Hoover, С. Inchaurrealde, E. Lahey, U. Margolin, E. Semino, Р. Stockwell, Р. Werth). Через текстовый мир ученые открывают доступ к внутреннему ментальному лексикону человека.

Теория текстовых миров – это модель описания процессов переработки языка, которая апеллирует к понятиям ментальных репрезентаций, используемых когнитивной наукой. В европейских традициях принято считать, что текстовый мир есть ментальная репрезентация, или «контекст, сценарий или тип реальности, возникающий в нашем сознании при чтении текста» [Semino 1997: 1]. Формируясь в сознании, ментальные репрезентации получают языковое выражение, актуализируя часть концептуальной системы человека, в которой хранятся знания о реальном и возможном мире.

Анализируя опыт зарубежных ученых, Е. С. Кубрякова и В. З. Демьянков справедливо отмечают, что понятие «репрезентация», входя в большое число когнитивистских терминов, не имеет общепринятого определения. Это, возможно, свидетельствует о его «преднаучном» статусе [Кубрякова, Демьянков 2007: 11–12]. Не отказываясь от использования понятия ментальных репрезентаций, попробуем дать ему

дефиницию, которую будем использовать в качестве рабочей.

Ментальные репрезентации (текстовые миры) – это осознаваемые ментальные образования, воспроизводящие реальность человеческого представления через образы предметов и явлений. Как отмечает Дж. Гевинс, текстовые миры, создаваемые людьми, принимают форму аналогий. Они отражают реальные жизненные ситуации подобно тому, как рисунок карты отражает тот или иной участок местности: для каждой точки пространства существует своя картографическая точка [Gavins 2007]. Текстовые миры могут населять самые разные реальные и вымышленные персонажи, выполняющие сложные физические и умственные действия. Погруженность в текстовый мир знакома каждому, кто когда-либо читал увлекательный роман.

В пространстве одного текстового мира могут одновременно возникать несколько ментальных репрезентаций, задающих векторы смысловой интерпретации, которая основана не только на знании языка, но шире – на ранее полученном индивидом опыте, аккумулируемом и хранящемся в виде фреймов. Активируемые фреймы знания помогают концептуализировать и понимать дискурс. Они используются как основа для построения ментальных репрезентаций, которые позволяют человеку представлять все аспекты повседневной жизни, включая те ситуации, в которых он не принимал непосредственного участия, но осведомлен по рассказам других.

Отношения между различными ментальными пространствами, возникающими в про-

цессе создания текстового мира, носят иерархический характер [Gavins 2007, Semino 1997, Werth 1999]. Так, дискурсивный мир является более широкой когнитивной областью, происходящей из непосредственной ситуации взаимодействия. Текстовый мир составляет уровень концептуализации ситуации, вокруг которой происходит взаимодействие. Кроме этого, возможны переключения в другие миры, сопровождающиеся изменением изначально заданных координат. Это связано с тем, что текстовый мир конструируется из дискурса и подобно ему динамично развивается, отражая все изменения характера коммуникации.

Параметры *время, место, объекты* и *участники* закладывают фундамент строительства текстового мира (более подробно Gavins 2007). Отклонение от любого из них ведет к созданию производного текстового мира, отличающегося неповторимой спецификой и выполняющего функции детализации представленной в исходном мире ситуации. Коммуниканты обладают способностью без серьезных когнитивных усилий создавать несколько текстовых миров одновременно, а также легко «переключаться» из одного мира в другой.

В зависимости от избранных форм языковой объективации, созданный текстовый мир влечет определенный эмоциональный отклик. Анализ рекламных материалов делает очевидной связь между использованием прецедентных имен и актуализацией встроенных текстовых миров, влияющих на восприятие рекламного произведения. Рассмотрим, как это происходит, на примере рекламы вечеринки в ночном клубе, опубликованной в рекламном-информационном журнале «Выбирай» (1–15 сентября 2009 г.).

Самое горячее открытие клубного сезона 2009/2010! Церемония Celebration! Новый Голливуд! 5 сентября не пропусти грандиозную Open-party! Новый клуб, новые ритмы, новые DJs: попади на аллею звезд и сам стань звездой! Затусуйся в Rhythm-cafe и оторвись по полной на новых танцполах! На Face-control'e – Schwarcenegger, за Dress-code'ом следит Angelyna Jolie, конференс от Jima Cerry, в Strip Zone – Beyonce и Shakira. Новая «начинка» Голливуда взорвет мозг и вызовет эмоциональную бурю! 5 сентября! Приходи и зазвездись!

Реклама описывает жизненную ситуацию, связанную с изменениями в работе развлекательного клуба. Сущность дискурсивного мира раскрывается во взаимодействии двух участников – рекламодателя и потенциального клиента. Время эффективного контакта с читателями ограничивается сроком выхода журнала и представленной текстовой информацией. Достижение коммерчески-ориентированных целей, стимулирующих коммуникацию, плодотворно в период с 1 по 5 сентября 2009 г.

Базовый текстовый мир проектируется из настоящего во временной зоне будущего, выстраиваясь вокруг обозначенного в рекламном произведении объекта, – вечеринке в ночном

клубе. Определение *базовый* характеризует данный текстовый мир как наиболее значимый для реализации главной функции дискурса – стимулировать потенциальных клиентов к совершению потребительских действий. Пространственно-временные параметры мира эксплицитно выражены точным указанием даты (5 сентября) и места (клуб «Голливуд»). Его главными участниками являются речетоправитель и клиент, намеренное включение которого подтверждается широким использованием императивных конструкций («не пропусти...», «попади на аллею звезд...», «стань звездой», «оторвись по полной...», «приходи и зазвездись»). Дейктический компонент глаголов 2 лица ед.ч., а также элементы молодежного сленга позволяют сделать выводы о неформальных дружеских отношениях, проектируемых между взаимодействующими участниками. Моделирование ситуации непосредственного общения на текстовом уровне способствует уменьшению дистанции, разделяющей речетоправителя и адресата. Вместе с тем собирательный образ целевой аудитории включает признак образованности, предполагающий владение английским языком (как минимум, способность читать и понимать слова, написанные латиницей), а также знание современной музыки и кино.

Именно эти сферы культурного знания служат источниками имен *Schwarcenegger, Angelyna Jolie, Jim Cerry, Beyonce, Shakira*, которые, несмотря на вариативное написание, легко узнаются благодаря универсальной прецедентности. Известно, что прецедентные имена формируют класс индивидуальных имен, которые входят в когнитивную базу, то есть инвариантное представление обозначаемого ими «культурного предмета» является общим для представителей лингво-культурного сообщества [Гудков 2003, Красных 2003, Кушнерук 2006].

Есть основания полагать, что в настоящее время обсуждаемые имена имеют мировую известность и входят в общечеловеческое когнитивное пространство. Обращение к ним не случайно, поскольку прецедентным именам принадлежит ключевая роль в представлении моделей поведения. Их носители являются ориентирами, вызывающими желание подражать. Это свойство активно эксплуатируется рекламистами для ненавязчивого стимулирования активности клиентов.

Под углом зрения теории, которой мы придерживаемся, вышеперечисленные имена являются «переключателями» базового текстового мира в другие ментальные пространства. Точнее, они служат входами в самостоятельные текстовые миры. В каждом из них актуализируются дифференциальные признаки, стоящие за прецедентными именами.

Дифференциальные признаки составляют сложную систему признаков, отличающих данный предмет от подобных ему, и могут включать характеристику предмета по внешности,

чертам характера или обнаруживаться через прецедентную ситуацию [Гудков 2003, Красных 2002, 2003]. Поскольку имя собственное представляет собой «точку соприкосновения» лингвистического и экстралингвистического планов, актуализация дифференциальных признаков связана не только с передачей языковой информации, но с активизацией большого объема энциклопедической информации. Она предполагает комплекс сведений, включающий степень известности объекта и его имени, а также формирует его ассоциативный потенциал.

Поддерживающий контекст (*на Face-control'e..., за Dress-code'ом следит..., конференс от..., в Strip Zone...*) позволяет выделить реализуемые характеристики прецедентных имен, встречающихся в рекламном произведении. *Schwarzenegger* – мужчина атлетического телосложения, похожий на А. Шварценеггера. *Angelyna Jolie* – красавица в черном, одетая, как расхитительница гробниц (героиня А. Джоли). *Jim Cerry* – артист эстрады, веселящий публику шутками и остротами, как легендарный Джим Керри. *Beyonce* и *Shakira* – сексапильные певицы и танцовщицы.

Очевидно, что продолжение «развертки» того или иного образа будет зависеть от «культурного багажа», имеющегося у читателя. Чем глубже его знания, тем более детальным будет текстовый мир, который он создает. Можно представить «Железного Арни» – успешного культуриста, вошедшего в историю бодибилдинга. Или воссоздать образ его виртуального героя, например, Терминатора. Похожим образом представления, стоящие за ПИ *Angelyna Jolie* и *Jim Cerry*, легко делятся на те, которые связаны с реально существующей звездной личностью, и те, которые возникли благодаря кинофильмам.

Чаще всего происходит совмещение нескольких типов информации, что ведет к появлению *смешанных* миров (*blended world*). Смешанные миры возникают в дискурсе в результате концептуального слияния двух независимых текстовых миров. Они существуют на том же уровне, что и миры, от которых они происходят. Имея собственную структуру, смешанные миры сохраняют прямую связь с мирами, давшими им начало [Gavins 2007: 149].

Сочетая информацию, представленную в рекламном произведении, с имеющимися фоновыми знаниями, потенциальный клиент получает ментальную картинку предстоящей вечеринки. Мое знание экстра-лингвистической реальности позволяет представить следующее. На входе стоит человек с телосложением и выражением лица, как у Терминатора. Здесь же строим взглядом Лары Крофт очаровательная брюнетка, любительница черного и татуировок оценивает внешний вид (известно, что А. Джоли предпочитает черный другим цветам, а также имеет татуировки на разных частях тела). Артист на сцене демонстрирует умение «работать лицом», представляя незабываемые шутки и

розыгрыши в духе голливудского комика, от которых люди буквально падают со стульев (Джим Кэрри известен блестящими способностями кривляться и корчить рожи, производя грандиозный эффект на зрителей). В отдельной части клуба поют и танцуют пластичные дивы экзотической красоты (колумбийский колорит Шакиры в сочетании с сексапильностью очередной подружки Остина Пауэрса).

Прецедентные имена *Schwarzenegger, Angelyna Jolie, Jim Cerry, Beyonce, Shakira* открывают пять отдельных текстовых миров, которые сосуществуют с базовым текстовым миром. Вместе с тем формируется пространство, где происходит слияние всех ментальных репрезентаций. В результате получается смешанный мир, далекий от реалистического представления дискурсивной ситуации. Это воображаемый мир, проектируемый во временной зоне будущего, где встречаются речеотправитель, потенциальный клиент и звезды. Погружаясь в него, читатель мысленно ставит себя на место изображенного в рекламе персонажа. Возникает явление идентификации, следствием которой должна стать высокая эмоциональная вовлеченность и желание воспользоваться рекламируемыми услугами.

Итак, за каждым прецедентным именем обнаруживается текстовый мир, создающий дополнительный уровень детализации в концептуализации ситуации, обозначенной в рекламном произведении. Дифференциальные признаки прецедентных имен вносят сложную выводную информацию в процесс построения текстового мира, заставляя читателя активировать соответствующие фоновые знания. Прецедентные имена участвуют в выражении не рациональной, но эмоциональной оценки. Их включение в рекламное произведение позволяет сознательно контролировать внутренние переживания читателей через ментальные репрезентации, моделирующие реальность в выгодном для рекламиста направлении.

ЛИТЕРАТУРА

Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М., 2003.

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М., 2003.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. – М.: Институт языкознания; Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 2007. № 4. С. 8-16.

Кушнерук С.Л. Сопоставительное исследование прецедентных имен в российской и американской рекламе. Автореф. дис. канд. филол. наук. – Челябинск, 2006. 22 с.

Gavins J. The Text World Theory: An Introduction. – Edinburgh University Press, 2007.

Semino E. Language and World Creation in Poems and Other Texts – Longman: London and New York, 1997.

Werth P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse. – London: Longman, 1999.

© Кушнерук С.Л., 2009

Надель-Червиньска М.
Катовице, Польша

**ЯЗЫК СОВДЕПИИ И МОТИВАЦИЯ
СЕМАНТИЧЕСКОГО ПЕРЕНОСА
В ЯЗЫКЕ МАРГИНАЛЬНЫХ СРЕДАХ:
имена собственные в уголовных жаргонах
польском и русском**

УДК 81'276.1
ББК Ш 107

Аннотация. В статье рассматриваются характеристики «своего» и «чужого» в языке советской тоталитарной действительности. Здесь просматривается продуманная языковая политика определения каждого человека как лояльного или не лояльного представителя данной государственной системы, в зависимости от национальной культуры и религиозной принадлежности. При этом картина мира в уголовном жаргоне дополняет официальную языковую картину мира. Семантика личных имен в жаргоне отражает черты «нелояльности», что делает носителя таких черт изгоем.

Ключевые слова: русский, польский языки; национальная идея; тоталитарное государство; субкультурная картина мира; этнические чистки.

Сведения об авторе: Надель-Червиньска, Маргарита, кандидат филологических наук, доцент

Место работы: Силезский университет, Институт восточнославянской филологии.

Контактная информация: E-mail: ma6570@gmail.com

Nadel-Chervinsky M.
Katowice, Poland

**SOVIET LANGUAGE AND MOTIVATION
OF SEMANTIC TRANSFER IN LEXICON
OF MARGINAL GROUPS:
Proper Names in Criminal Jargon
in Polish and Russian**

ГСНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.19

Abstract. The article deals with characteristics of «our» and «others» in the language of the Soviet totalitarian reality. It is visible thought-out language policy definition of each man as loyal or not loyal representative of the state system, depending on national culture and religious affiliation. This picture of the world in the criminal jargon complements the official language picture of the world. The semantics of personal names in the vernacular reflects the features of «disloyalty», which makes the carrier of such features an outcast.

Key words: the Russian language; the Polish language; national idea; a totalitarian state; subcultural picture of the world, ethnic cleansing.

About the author: Nadel-Czerwieska Margarita, Candidate of Philologys, Associate Professor

Place of employment: University of Silesia, Institute of East Philology

Представления о человеке в языке советской, а затем – в немалой степени – и постсоветской действительности (что закономерно в контексте описываемого нами материала), включают ряд разнообразных и, подчас, противоречивых семантических компонентов, которые ниже попробуем перечислить. Попробуем – поскольку не ставим в рамках данной статьи задачи сделать список этих компонентов всесторонним, полным и исчерпывающим, т.к. это проблема самостоятельная.

Собственно говоря, употребленный нами термин «семантические компоненты» в данном случае был бы несколько условен, ведь речь идет, скорее, о множественности семантических полей представлений о человеке советской действительности. Полей параллельных и пограничных, соприкасающихся в чем-то либо полярных, возможно отчасти совпадающих либо, напротив, взаимоисключающих, однако лишь в своей совокупности дающих языковой портрет представителей советской эпохи как таковых. Именно таким и будет портрет, который запечатлел язык т. наз. Совдепии – в широком смысле этого слова, поскольку словом этим был охвачен не только сам Советский Союз, но и, собственно, страны всего «социалистического лагеря» в целом. А это позволяет нам, в контексте поставленной здесь проблемы, рассматривать параллельно аналогичный материал русскоязычный [Балдаев, Белко,

Юсупов 1992; Балдаев 1997] и польскоязычный [Stkpniaк 1993].

«Свой» как критерий советского человека. Однако начнем с того, какие же, собственно, семантические поля, отражаемые специфическими массивами лексики, очерчивают далеко не однозначный облик человека эпохи социализма, или, как говорят поляки, эпохи коммунизма, а в русском просторечии – совдеповского совка? Обозначим лишь основные из них – то, что лежит на поверхности постсоветского мироощущения и получает обязательное, хотя и в разных целях, а потому стандартное вербальное оформление.

1. Анкетные данные как объективная данность (сведения о человеке): паспортные данные; классовая принадлежность (происхождение, которое, во многих случаях и по разным причинам, стараются скрыть); партийность; семейное положение; отношение к военной службе; национальность; вероисповедание (если таковое имеется, т.е. открыто признается самим анкетиремым); место работы; уровень образования; участие в деятельности общественных организаций.

2. Трудовая активность, отраженная, как правило, в семантических оппозициях и являющаяся показателем «общественной полезности» данного лица для тоталитарной системы, в которой труд принудителен (является обязанностью, повинностью, долгом перед Ро-

диной, т.е. перед государством): трудолюбивый / ленивый; труженик / туняец; добросовестный / разгильдяй; ударник (труда) / отстающий (в работе); стахановец / отлынивающий (от работы); строитель-созидатель (социализма, коммунизма светлого будущего) / враг-вредитель (а потому и – враг народа); пример (всем и каждому) / позор (коллективу, приносит); награда (заслуженная), хвала и почет (в первом случае) / наказание (заслуженное), порицание и осуждение (во втором).

3. Общественная активность как показатель степени адаптированности лица к условиям и требованиям тоталитарной системы (советского государства), проекцией которой в языке становится множество глаголов-экспрессивов, часто встречаемых в лозунгах той эпохи и с преувеличенным энтузиазмом называющих предполагаемые проявления такой активности, часто вынужденной и неискренней: присутствовать (непременно, обязательно; по долгу службы либо по зову сердца), участвовать (активно, деятельно; радостно, с энтузиазмом; весело, дружно); стремиться к [...] (новым победам, достижениям, успехам); совершать подвиг (трудо­вой, боевой), рывок, скачок (вперед, в будущее); преодолеть (проблемы; ошибки; перегибы; трудности; препятствия; сопротивление, напр., старого; а также сомнения, колебания, неуверенность, напр., в завтрашнем дне либо в правильности выбранных решений, пути); сражаться (с врагами; с белополяками; с фашистской нечистью; за Родину, за партию, за Сталина; за урожай; за победу в социалистическом соревновании); бороться (с недостатками; с тунейдством; с перегибами, напр., линии партии; с левацкими уклонами; с оппортунизмом, шовинизмом, космополитизмом; с преклонением перед Западом; с бесхозяйственностью; преступной халатностью, вредительством; с оппортунистами, троцкистами, фашистами; с бесхребетниками, стилигами, несунами, расхитителями государственной собственности); а также приветствовать, поддерживать (аплодисментами); голосовать «за»; одобрять; восхвалять и т.п.

4. «Благонадежность» как форма полного подчинения государственной политике, внутренней и внешней, демонстративной поддержке, всего, что происходит и делается в тоталитарном государстве, безоговорочные согласие с линией правительства и правящей партией; характерно, что словосочетания этой группы имеют весьма относительную устойчивость, что проявляется в легкости взаимозаменяемости понятий идеологического характера, а потому в их семантической нестойкости, неконкретного наполнения, понятийной размытости: преданность Родине (коммунистической партии, комсомолу; Ленину, Сталину); верность идее коммунизма (марксизма, ленинизма; возможно – идеям троцкизма, сталинизма); придер­живаться

(руководящей линии партии; общественного мнения; общей точки зрения; мнения большинства, коллектива; решения общего собрания) и то же самое – принимать; так же, как все (думать, считать; говорить, высказывать; делать что, добиваться чего, стремиться к чему; доверять кому, чему; приветствовать что).

Как видим, это семантическое поле в чем-то пересекается с предыдущим полем «общественная активность», поскольку эта «активность» есть не что иное как форма приспособленчества, подчиненности той же самой тоталитарной государственности, т.е. силе и власти, демонстрация верноподданничества и послушания.

5. «Моральность» в быту, т.е. нравственные установки среднестатистического члена советского общества, по которым судят не столько о «человеческих качествах» данного усредненного лица, сколько о том, насколько вписывается оно в заданную тоталитарную модель межличностных отношений вне производства: здоровый быт и борьба за него; коммунистическая мораль; прочный брак; советская семья; культура быта; товарищеская и соседская взаимопомощь; счастливое детство (благодаря Сталину); забота государства о подрастающем поколении; внучата Ильича; а наряду с этим – непримиримая борьба с пьянством и разложением в быту и т.д., и т.п.

По сути, перечисленные выше критерии, которые заложены в основу семантических полей русского языка Совдепии, описывающих советского человека в процессе труда, а также других его проявлениях и состояниях, призваны маркировать всего лишь одно свойство субъекта как гражданина СССР, а именно: «свой» он или «не свой». А «чужой» и «чуждый» он как представитель и носитель чуждой идеологии. Причем «свой» он или «чужой» – в контексте данного, такого огромного, геополитического пространства тоталитарного государства. Заметим здесь к слову, что понятие «чуждая идеология» в условиях неустойчивости и изменчивости политического российского климата не раз претерпевало семантические метаморфозы.

Некоторые критерии отчуждения «чуждого». В разные исторические моменты «чужой» и «чуждый» воспринимались носителями русского языка и жителями страны иначе, однако и здесь существовали определенные закономерности, которые позволяют нам выделить определенные категориальные группы вербализации представлений негативной заряженности лиц как носителей «не своего». Каковы же категориальные основания определения «чуждого»?

1. Не принадлежащий или не в полной мере принадлежащий революции, революционным событиям, в их дальнейшем развитии, и следовательно – человек опасный, политиче-

ский враг нового государства (лозунг периода ежовщины «Если враг не сдается – его уничтожают»): не революционный; из бывших; примазавшийся; попутчик; троцкист, зиновьевец и т.д.; белогвардеец, белоэмигрант; не коммунист, не комсомолец; безыдейный, беспартийный (т. е. без партбилета); легко поддающийся на провокации (идеологического врага); политически не подкованный; в т. ч. религиозно чуждый – церковник; служитель культа; сектант; верующий (в Бога), а потому неграмотный, темный, забытый; не (воинствующий) атеист; а также по той же причине цепляющийся за прошлое; колеблющийся, шатающийся, неустойчивый элемент; не видящий (светлого) будущего.

2. Не принадлежащий или не в полной мере принадлежащий «людям труда», а потому, можно сказать, личный враг каждого гражданина нового государства (ср. поговорка в годы ежовщины «Всех пересажать нельзя, но стремиться к этому нужно»): буржуй недорезанный; белоручка, тунеядец; рвач; нэповец, валютчик, спекулянт (недорезанный); двурушник; несун, растратчик (народного добра); приспособленец; кулак, подкулачник; не пролетарий, не из народа; гнида на теле народа (человечества), присосавшаяся пиявка, кровопийца, вошь (из частушек революционного времени); одним словом, мелкое насекомое и вредитель (вредители); но также и вписанные в этот особый негативный ряд – интеллигент (синонимы очкарик и в шляпе); специалист (особенно иностранный); враг с логарифмической линейкой (инженер); убийца в белом халате (врач); вообще образованный (в отличие от тех, что университетов не оканчивали, книжек не читал и – ничего от этого не потерял, и разных кухарок, охотно управляющих государством).

3. Не вписывающийся, по каким-либо причинам, в обкатанную модель отношений внутри тоталитарного государства, а потому подлежащий исключению из данного общества и затем уничтожению (психическому и физическому – «Раз арестован, значит виновен»): антисоветский элемент; политический; враг народа; лишенец; сеятель паники; уклонист; космополит; репрессированный; зек, отсидевший срок (в лагерях); изменник Родины (вместо д. п. Родине); а также фашист, нацист; агент Гитлера, или подручник Гитлера, гитлеровцев; белополяк, белофинн; петлюровец, бандеровец, власовец; а также см. у Ж. Росси другие буквенные шифровки в архивах НКВД дел политических заключенных [Росси 1991].

4. Лица, в той или иной степени не поддающиеся идеологической обработке, советской пропаганде, а потому сопротивляющиеся, насколько возможно, тоталитарному насилию и государственной системе, Совдепии (к ним обычно применяли «принудительные меры медицинского характера», что означало «помещение в психиатрическую больницу общего либо специального типа» [Росси 1991]): социально-

опасный элемент; анекдотчик; клеветник; антисоветчик; стилига, преклоняющийся перед Западом (или перед упадочной западной культурой); поскольку – «Сегодня он играет джаз, а завтра Родину продаст»), низкопоклонник; диссидент, инакомыслящий; невозвращенец, отщепенец; выставленный из Союза; перебежчик, прихвостень (враждебного Запада).

5. В этот же ряд «вражеских элементов» периодически попадали собственно иностранцы (как «не жители СССР», а затем «не граждане России»), а также представители самых разных национальностей (как «не русской национальности», «не русский по паспорту»), что уже зависело от конкретных – исторически сиюминутных – государственных «геополитических интересов», и диапазон неприятия «чужого» был достаточно велик (по происхождению, национальности, языку, религии, образу жизни и проч. – как в известном анекдоте «Бьют не по паспорту, по физиономии», или «по морде»): от татарина, еврея и сиониста, армянина, осетина, ингуша до немца, поляка, афганца, чеченца, американца, латыша, литовца, эстонца, а также, время от времени, чеха и венгра, англичанина и француза, японца и китайца, грузина и украинца.

В то же время, «чужой» и «чуждый» наиболее часто соответствовали таким общим стереотипам [Lakoff 1986: 43-44] как «не советский» (проявление социального стереотипа на индивидуальном и групповом уровнях) и «не русский» (оценка социального стереотипа как этнического предрассудка) [Ван Дейк 1989: 85, 89.]. К ним совсем недавно добавился новый стереотип «не православный», искусственно созданный, а потому семантически и функционально сближенный с еще совсем недавними: «не член КПСС», «без партбилета», «непартийный товарищ», «не из нашей партиячейки, парторганизации». Достаточно привести лишь один пример репрессий по национальному признаку: к концу 1937 г. число поляков, живших в СССР, только по сравнению с предыдущим, 1936-м, сократилась наполовину, а из арестованных три четверти были сразу расстреляны [Rayfield 2009: 278].

На основании источников, на которые в своей монографии ссылается Д. Рейфилд, в 1938 г. основанием для массовых репрессий служили записи данных в домовых книгах – арестовывали всех жильцов подряд на основании их «нерусских фамилий» или даже фамилий «сомнительных», т.е. подозрительно звучащих, по мнению домоуправа и работников НКВД. Кроме того, поскольку папки дел были заведены на всех, без исключения, граждан страны и разложены, на основании определенных критериев-признаков по разным полкам в архивах органов госбезопасности, то в любой момент можно было провести массовые аресты в городах по любому из таких признаков (что и делалось в СССР еще с 20-х гг. [Rayfield

2009]). Напр., при желании, можно было бы арестовать сразу всех «рыжих» или «конопатых». Либо «одноногих» или «сероглазых», либо «разведенных по третьему разу» или «каждый год отдыхающих на Черном море».

Знаковая система принадлежности «советскому»

Итак, основанием для разметки наших семантических полей должна быть, в первую очередь, идеология – советская идеология. А потому оппозиция свой / чужой – это прежде всего советский / не советский (по убеждениям, высказываниям, образу мыслей). И действительно, если рассматривать советского человека с категориальной точки зрения «обязательной принадлежности к ...», то сразу наметятся такие значимые ситуативно-семантические оппозиции как 1) коммунист / беспартийный (а также комсомолец / не состоящий в комсомоле, пионер / не пионер как не носящий красного галстука, октябренок / не октябренок как недостойный носить октябратскую звездочку); 2) член профсоюза / не член профсоюза.

Последнее также вызывает такие литературные ассоциации, как, к примеру, плакат-дискриминация, вывешенный в столовой, описанной еще И. Ильфом и Е. Петровым: «Гиво – только членам профсоюза».

Советская идея принадлежности, из которой следовали обязанности личного присутствия, активного участия, дружной поддержки, единодушного согласия, единогласного голосования и, если потребуется, принципиального осуждения чего-л. и кого-л. (обязательных, а потому добровольно-принудительных), материализовалась также в особых знаках принадлежности – членских книжечках (партийный, комсомольский, профсоюзный билеты). И, чтобы данную принадлежность хорошо было видно со стороны, – в нагрудных значках / знаках: комсомольский, пионерский, октябратский, а также Стахановец, Ударник коммунистического / социалистического труда, Готов к Труд и Обороне, Юный натуралист / следопыт / тимуровец (даже в значке младших школьников: Умею плавать) и множестве других, а также предметной символике красного цвета, цвета революции и цвета пролитой крови, – знамена, транспаранты и лозунги, косынки и галстуки (пионерские), звездочки (по аналогии с кремлевскими – рубиновыми), нагрудные банты и воздушные шары.

Однако, по существу, каждый такой знак (значок) был в Совдепии не столько «знаком отличия», признания за человеком-личностью индивидуальных заслуг и каких-либо достижений (свой), сколько маркером утраты индивидуальности (не свой), а потому обезличенности в замесе многоголового коллектива-монстра, где не различаешь уже ни глаз, ни лиц, ни мыслей, лишь, по команде, взлетают вверх руки с красными книжечками (на собраниях, пленумах,

съездах) да взмывают ввысь красные полотнища, с раскатистым многоголосым ура (на митингах, демонстрациях и иных массовых мероприятиях).

Одновременно с тем любые «формы отличия», а с ними и каждый из «критериев описания» человека советской действительности служили – и могут послужить вновь в любой избранный момент российской истории – «критериями дискриминации» человека как личности так, как «происхождение» либо «пятая графа» в паспорте (национальность). И поводом-основанием для подобной дискриминации послужит в таком случае любой из перечисленных критериев описания человека как субъекта, или знакомого винтика, государства-машины и как объекта тоталитарного насилия той же самой машины-государства. Именно эта субъектно-объектная модель тоталитарной государственности наглядно представлена Ю. Олешей в его повести «Зависть».

Государство-монстр как орудие самодеструкции (по Ю. Олеше). Итак, один из Бабичевых стоит у штурвала такого государства-машины и возможность «поругать» не оставляет в жизни героя места не только для мысли о винтиках, но и вообще для каких-либо размышлений. Перед нами человек, можно сказать, символ эпохи, обладающий, с точки зрения критериев описания его фигуры, всеми необходимыми, причем положительно сфокусированными на нем, семантическими полями:

- 1 – [«чистыми»] анкетными данными;
- 2 – [должной] трудовой активностью;
- 3 – [необходимой] общественной активностью;
- 4 – [достаточной – на данном этапе «руления»] благонадежностью;
- 5 – [коммунистической] моралью (хотя известный Кодекс строителя коммунизма еще только предстояло выдумать и разработать).

Второй Бабичев, сфокусированный в любом из наших семантических полей со знаком «минус», так же претендует на руль истории, но хочет повернуть его иначе, по-своему: созданная им машина, с нежным именем нимфы, Офелия, призвана собрать уникальное жниво – скосить, перемолоть (со скрежетом зубным), сжевать, уничтожить все, что попадется на ее пути. А тем самым уничтожить мир, создаваемый первым Бабичевым, примерным Бабичевым, Бабичевым-идеалом, официально – и официальной властью – допущенным до руля государства-машины.

Но так же, как второй Бабичев, будучи единых кровей с первым, олицетворяет полную его, первого, противоположность – воинствующее зло и детально распланированную деструкцию, так и механическая Офелия – из эротической фантазии маньяка, изящного замысла настоящего художника – вырастает, а затем разрастается в зловещую тень предчувствия

будущего тотального террора. Превращается в ту же самую машину-государство, но усовершенствованной безумцем конструкции.

И момент истины при этом заключается в том, что без созидательного труда Бабичева Первого не появилось бы на свет разрушительного антидела Бабичева Второго. Без первой машины-государства, задуманной как большая добродушная мясорубка, из которой сыплется, чтобы накормить все население, уже готовая к употреблению бабичевская колбаса, не было бы второго государства-машины, как ржавчина, разъедающего все на своем пути и оставляющего позади себя безлюдные пустоты мертвой земли. Без Николая Первого, подтолкнувшего Россию на путь революций, не было бы Николая Второго, доведшего страну на этом пути до логического конца, а русскому читателю в результате, возможно, и не пришлось бы познакомиться с такими вот братьями Бабичевыми...

Иная сторона советской языковой действительности. Теперь, когда нами сделана уже приблизительная разметка семантических полей лексики, с помощью которых в XX в. описывался человек советской действительности, и после того, как были выделены категориальные основания в языке Совдепии представлений о «чужом», «чужеродном» и «чуждом», следует отметить следующий немаловажный лингвистический аспект: в стране массового террора за годы репрессий в лагерях, только по приблизительным данным «перебывало» около трети населения. Поэтому в условиях зоны заключения сложился особый жестокий язык – тюремно-лагерный жаргон, значительно отличающийся, в частности от первоначального воровского арго, а затем более дифференцированной фени преступного мира, профессионального жаргона уголовников [Росси 1991; Снегов 1991; Червински 1998].

Характерной чертой этой специфической, причем немалой, части языка советской действительности является лексика садического характера, оскорбляющая человека (как объект государственного, в контексте тоталитарного строя, и индивидуального, в контексте сложившейся уголовной психологии, насилия) [Червински 1998а; Chervinsky 1999]. Лексика, целенаправленно унижающая человека, нивелирующая его как личность и, как результат первого и второго, помогающая его полностью уничтожить, в том числе затем, возможно, и физически [Chervinsky 2004; Н.-Червинская, Червинская 2009; 2009а]. При этом важным элементом данного языка в условиях СССР, России и республик, а также на всей территории социалистического лагеря в целом, являлось и является имя собственное – как имя личное, так и топонимические названия (включая производные), приобретающие в речи маргинальных сред статус нарицательности, а также безликой обобщенности [Czerwinska, Nadel-Czerwinska 2004]. При этом в речи обыгрываются

и высмеиваются определенные черты представителей тех или иных этнокультур.

При этом любая из перечисленных форм имени собственного предполагает конкретную цель и потому называемое субъектом речи лицо припечатывает как ярлыком, а потому обезличивает, унижая и оскорбляя. Любая из форм несет, в большей или меньшей мере, негативный заряд, направленный либо прямо на речевой объект, либо опосредованно на третье лицо, о котором говорится, которое упоминается либо имеется в виду говорящим. Примером служат, в частности, анекдоты о Вовочке, часто скабрезного содержания, посредством имени нивелирующие набивший оскомину образ идеального вождя. Продолжая, по сути своей, литературную традицию М. Зощенко, с его саркастически примитивными «Рассказами о Ленине», в последнее десятилетие народные анекдоты о Вовочке снова актуализировались как неприятие любой формы вождизма.

Ниже приведем выбранный нами из анализируемых словарей, польского и русского, материал, в полном его объеме. Чтобы представить данный тип жаргонной лексики наглядно, подразделим польский и русский фонды на группы, основанием для которых служит происхождение словообразовательного ряда, напр.:

- заимствование (из определенного языка; литературного произведения; той или иной субкультуры и т.д.);

- образование от имени (женского / мужского; полного / неполного; современного / устаревшего);

- от подобия имени (при внешнем сходстве с именем мужским или женским);

- от фамилии (литературного или киногероя, исторического или мифического лица, животного сказочного или персонажа мультфильма и т.д.).

О специфике подобных жаргонно-просторечных явлений подробно прочесть, в частности, можно в теоретических приложениях к словарям В. Елистратова [2000; 2005]. Там же см. и о заимствованиях в жаргоны из разных языков – иврита и идиша, цыганского, тюркских, финно-угорских, а также об англицизмах, германизмах, галлицизмах и др. иноязычных элементах, а так же см.: Maiocha A. *Źydowskie zapożyczenia leksykalne w socjolekcie przestępczym* // *Język a kultura*, t. 10. *Języki subkultur*, Wrocław, 1994; Баранников А.П., Цыганские элементы в русском воровском арго // *Язык и литература*, т. 7, Л: 1931; Дмитриев Н.К., Турецкие элементы в русском арго // Там же.

Множественные иноязычные заимствования при этом свидетельствуют, прежде всего, с одной стороны, о многонациональном контингенте советских зон заключения и, с другой, о специфическом составе данного контингента – контингента, определяемом на каждом этапе, или волне, репрессий, получивших на Западе название красный террор, вполне конкретной

линией партии и правительства тоталитарного государства Совдепии. И сажали по принципу, описанному Г. Остером в его известной противной задачке, наглядно иллюстрирующей, впрочем, упомянутую выше цитату известного советолога о своеобразных методах отбора жертв для сталинских репрессий [Rayfield 2009: 278]: «Во время всесоюзного субботника половина местных чекистов сажала березки, а другая половина трудилась на своих рабочих местах. Каждый чекист, сажавший березки, посадил по три штуки, а каждый его коллега из другой половины – по пять "врагов народа". Какое общее число посаженных во время субботника, если известно, что березки сажало 14 чекистов?..» [Остер 1992.] И в том же задачнике не для детей грустная писательская ассоциация: «Вот уже и КПСС вроде бы нет, а задачи остались».

Имя как маркер принадлежности «чуждому». Имя (иное, непонятное, труднопроизносимое, иноязычное) в речи воспринимается традиционно как показатель субъекта инородного – по происхождению, воспитанию, культуре, национальности и религии. Поэтому понятие «те, у которых такие же имена, как у нас», противопоставляется понятию «те, у которых не такие имена, как у нас». Второе может стать поводом для презрения, отчуждения и отторжения, а также причиной доносов, подозрений, оскорблений, даже убийства и, тем самым, ненависти к «не своему» (неосознанной, слабомотивированной, ненаправленной либо направленной на конкретные лица). Все это наглядно отражается лексикой жаргонной, в контекстах разных замкнутых субкультур, и как результат репрессий (тюремно-лагерного бытия), и как результат уголовной психологии масс (порождения тоталитарного строя).

Обратим внимание на одно различие в назывании новорожденных в современной Польше и в России (по крайней мере, в центральной части бывшего СССР). Поляки продолжают называть детей разнонациональными именами (еврейскими, татарскими, цыганскими и др.). Формой национально-культурной и религиозной безликости стало формальное отношение к костелу, что подкреплено стереотипным утверждением «Все поляки – католики». Тем самым, кто ходит в костел (как часто, неважно), тот поляк. А имя и фамилия его ни о чем не свидетельствуют.

В России, напротив, актуализировано понятие «нерусское имя» (проявление чужеродности и «несвоего» и, в определенной степени, «несоветского»), поэтому многие десятилетия культурное обезличивание и стирание национальной принадлежности осуществлялись в языке и быте именно за счет русификации национальных имен. Правда при этом сами представления о «русском» имени изрядно семантически исказились, что приводит порой к анекдотическим ситуациям. Так, родители, гордя-

щиеся аристократичностью своего рода, хотят также одновременно подчеркнуть и то, что они по происхождению именно «русские», а потому, напр., новорожденной с «графским титулом», дают, допустим, имя Фёкла, что в среде аристократов было бы невозможно. Если аристократический титул служит маркером возвышенной исключительности – «не такой, как все остальные» (не кто-нибудь, а граф), то простонародное имя служит маркером приниженной обыкновенности «такой же, как все остальные» (простой русский). Тем самым маркеры, манифестируемые словосочетанием графиня Фёкла, вступают в семантический конфликт, создавая комический эффект, известный еще по произведениям А. Пушкина. Противоречивость манифестаций «не такой, как все остальные,» / «такой же, как все остальные», помимо очевидного комизма, дает в своей совокупности результирующий абсурд, делая заявляемые маркирующие положения взаимоисключающими и потому сводящими друг друга к нулю.

Семантика личного имени в польском уголовном жаргоне. Сначала обратимся к польскоязычному материалу, обратив при этом внимание на то, что, по отношению к русскому жаргону и, прежде всего, к русскоязычному тюремно-лагерному, он отчасти является самостоятельным и вторичным, поскольку сталинские тюрьмы и сибирские концлагеря не могли не оставить на этом специфическом – субкультурном – языковом явлении своего отпечатка.

1. Собственно личные имена, мужские и женские.

1а. Самую обширную группу составляют еврейские имена, что свидетельствует, с одной стороны, о том, что данный национальный контингент составлял немалый процент населения Польши, с другой же, о том, что неблагоприятные социальные условия приводили часть представителей данного этноса в маргинальную среду лиц деклассированных, отторгаемых обществом.

1а1) Древнееврейские (условно библейского происхождения). АБРАНАЖ – парень, часто деревенский. АДАМ – 1 милиционер (раньше), полицейский (теперь); 2 свидетель. АЗА – машина для перевозки осужденных и заключенных. СНОТЛИВА ЗУЗАННА (библ., как бы «псевдо»-христианское) – отдел полиции по борьбе с проституцией. ШАМ (библ.), ШАМЕК – 1 деревенский парень; 2 агрессивный нахал; 3 жертва преступления, frajer, т.е. человек, не принадлежащий преступному миру; 4 речь «фраерская», т.е. не принадлежащих миру преступников; 5 примитивный вор низкой квалификации, отнимающий у жертвы что-н. силой и грубостью. ЕТЕР, ЕТЕРЕК (от ETHER) – палка, молоток. ЕВКА – 1 сто злотых одной бумажкой, стозлотовый банкнот; 2 женщина. ГАД (библ., перешло в имя нариц.) – 1 полицейский; 2 стражник; 3 прокурор; 4 судья; 5 директор исправительного учреждения; 6 дозорный, служащий в охране мест за-

ключения; 7 доносчик, дрянь человек; 8 негодяй, лживый обвинитель; 9 жертва преступников, часто деревенский парень, не из уголовного мира; 10 рубашка; 11 учитель (вероятно, ставящий плохие оценки); GAD NOCNY – ночной сторож; буж на gadach – быть вызванным на допрос. HAD (библ., иная огласовка имени GAD) – 1 полицейский; 2 деревенский парень. HАВRAJ – крестьянин, парень, АВРАНАJ (семантическое сближение HАВRAJ = АВRAJ и hebrajski; возм. также связь с венгерским именем GAVOR). JAKUB – пес. KAIN (условно библ.) – индюк. MAMONA (условно библ.) – 1 деньги; 2 проститутка.

1a2) Популярны среди еврейского населения польских городов имена, часто в сокращенной форме. BEJRA (мужское или женское имя) – пиво. BIENIA, BINIAWKA, BIENIAWKA, BINIACHA, BINIOCHA – 1 девушка, женщина, невеста, жена, любовница; 2 проститутка; 3 BINIACHA – опытная проститутка; 4 начинающая проститутка; 5 BINIOCHA – взбалмошная легкомысленная женщина, она же MANUSKA. BINKA (от BINIA) – любовница. BINIA (как имя), а также BIANKA, – любовница. FRAJM – жертва преступления или человек посторонний для преступного мира, fraim. FRELE (устар. форма имени) – одежда. FRELKA (устар. форма имени) – 1 девушка; 2 проститутка. FROIM, froimek – 1 жертва кражи или человек посторонний, возможно наивный и глупый; 2 бездельник, дрянной человек; 3 человек неосторожный (дающий себя обворовывать); 4 парень из сельской местности; 5 обвинитель либо доноситель; 6 арестованный; 7 расхититель (froimka – женщина не воровка, чужая для уголовного мира, или же жертва кражи). FROIN (искаж.) – 1 человек наивный, он же FROIM; 2 парень из сельской местности, недалекий и глупый. FROJ (от FROIM) – 1 человек посторонний, далекий от преступной среды; 2 жертва грабежа; 3 преступник, презираемый в своей среде и которого другие преступники потому используют для собственных целей. FROJA, FRAJA – разбой. FREJDA (как имя) – проститутка. BRONEK (известное семантическое замещение имени БО-РУХ; имя + от broc) – 1 пистолет; 2 карабин. GENKA (возможно, от укр. ГЕНЬКА) – 1 женщина; 2 проститутка. GITA – сильная карта в игре (напр., козырная). GITELA – симпатичная девушка. GIZA – револьвер. GOLD (от GOLDA, ср. русск.: САРА) – 1 деньги, goldy (gield); 2 золото, Gold w nieieblach – бижутерия. GOLT – деньги, GOLD. KAJA (от женск. имени KAJAH; возможно, от русск. кайка) – хулиганский поступок. KUBA (от JAKUB) – 1 взломщик сейфов, «медвежатник»; 2 жертва грабежа, часто состоятельная; 3 деревенский парень; 4 человек, обеспечивающий водку, выпивку; 5 кружка. LAJBA, LEJBA (женское, но, скорее, здесь мужское имя, от LEJBL) – 1 хулиганский поступок; 2 самовольные прогулы (в первую очередь мартовские), «wagaгу» (школьн. жаргон). LEJA, LEJBA (первое от женск. имени, а второе от LEJBL) – лекции в школе (школьн. жаргон). LEJEK (от LEJA) – 1 мелкий вор, 2 трубка (обрезок трубы? курительная? и та и другая?). LEJOS (то же) – еврей. LEJZA – ленивый.

LELIJA, LELIJKА, LILIJA, LILIJKА – 1 лесбиянка, в женской тюрьме; 2 высшая мера, смертный приговор. LEMKI (возм., от LEJBL; вряд ли от назв. народности лемки) – избитая жертва грабежа, сама отдающая деньги грабителю, который не смог сам их обнаружить. LILIA, LILIJKА, LELIJA, LELIJKА – 1 высшая мера, смертный приговор; 2 лесбиянка, в женской тюрьме. OJRA (евр. имя) – 1 страх; 2 побег (из места заключения); 3 денатурат (кот. пьют вместо водки). RYIA (имя и цветок) – 1 венерическая болезнь, 2 дисциплинарное наказание (в местах заключения?), 3 похвала или награда за хорошую успеваемость и примерное поведение (школьн. жарг.). SARA, sarka – 1 деньги, польские банкноты, sary; 2 заработок, полученный за работу. SIARA (искаженное sara) – 1 деньги; 2 обычная чистая водка; 3 страх; 4 стыд; 5 хлопоты. SORA (фонетич. вариант имени Sara) – учительница; Sorek – учитель (школьн. жарг.); sog – 1 жертва грабежа; 2 учитель (школьн. жарг.). SORKA (от Sara) – 1 деньги; 2 учительница (школьн. жарг.). ZOCHA, зо́чка (от Suzanny, Szoszanny) – 1 двести злотых, двухсотзлотый банкнот» 2 деньги, от 1 до 20 злотых; 3 пассивный гомосексуалист; 4 женский половой орган; 5 дама в картежной игре. ZOJZA (Zosia) – 1 вонь; 2 пассивный гомосексуалист; 3 некрасивая женщина. ZOSIA, зо́чка – пассивный гомосексуалист, zocha.

1a3) Краткие формы имен, что характерно для представителей необразованной темной среды, нередко деревенской. BERC (имя простофили) – картофелина. FRANKA – 1 проститутка; 2 женщина старая или вздорная; 3 воспитательница колонии для девочек; 4 донос, обвинение или опасность; 5 злая учительница (школьн. жаргон); 6 неудовлетворительная оценка (школьн. жаргон). FRANEK, FRANUŃ – мужской половой член; isz do Franka – пойти на карманную кражу. FRANIA – девушка, женщина. LIBA (от LEIBA) – забава (в первую очередь о девушке, женщине). JAJBA (от lejba) – 1 женщина; 2 сексуальный контакт; Rużь do iajby – начать лечиться в клинике (возм., от венерической болезни). MINIA – женщина.

1a4) Еврейские фамилии, либо словообразовательные конструкции, им подобные. BOSMAN (фамилия) – нож, чаще финский. ETERMAN (как фамилия, типа Палкин) – бандит, избивающий жертву до потери ею сознания. GOLDA MEIR (ист.) – самогон.

1a5) Сюда же отнесем имена и фамилии, а также подоби́я фамилий «немецкого типа», нередко попадающие в жаргон через идиш. DAJMUND (гл. форма daj + оформленность мужск. имени) – человек, берущий взятки. ELANA, ELANKA – 1 проститутка; 2 девушка. ELKA – часть кармана в виде буквы L, в момент кражи. ЕМА – женщина. ЕММА, miss emma (нарк., на англ. манер) – морфин.

1b. Имена собственно польские, а также в польском языке «иноязычные», как заимствования.

1b1) Распространенные польские имена. BALBINA (как имя, либо B+ALBINA) – проститут-

ка. BARBARA – неудовлетворительная оценка (школьн. жаргон). BARTEK, BARTOJOMIEJ – хлеб, чаще порция хлеба. DANKA – часы марки Delban (ценные). BOLEK – 1 полицейский вспомогательных служб, напр., городской стражник; 2 солдат-новобранец, в первые полгода службы. BOЎЕК (как имя, либо уменьш. от bug) – учитель (школьн. жаргон). GANKA – начинающая проститутка. GARA (GARKA) – 1 жертва карманника или жертва кражи; 2 полицейский; 3 проститутка; 4 гигиенист (тюремный медбрат); Na garк – 1 обокрасть человека, чем-либо отвлеченному от того, что с ним делается, 2 кража в магазине; Jowiж гару – воровать, шарить по карманам. IGNAC – хлеб. IWONKA – проститутка. JACEK – полицейский. JADWIGA, JADZIA, JADĪKA – 1 топорик; 2 металлический лом, для оглушения жертвы; 3 нога; 4 виселица; 5 двести золотых, двухсотзлотовый банкнот; 6 полицейский патруль. JAREK, JARKA – 1 отец; 2 человек преклонных лет; 3 яркая спичка; 4 папироса. JASIEK, JASIU – 1 солдат; 2 солдат пограничных войск (WOP). JOLA, JOLKA – проститутка. KAROL, KAROLEK – 1 переносное приспособление-уборная в камере заключения (ведро, «параша»); 2 палка, тяжелая доска от ведра-«параша»; 3 король в карточной игре. LULEK – пьяный человек (возм., в силу своей незащитности, жертва грабежа). MACIEJ – пожизненное заключение. MACIEJKA – 1 шапка; 2 газовый баллончик. MACIEK – 1 живот и желудок; 2 лом; 3 пес. MACIUЎ – лом (орудие взлома). MACZEK (нарк., имя + уменьш. tak) – наркоман. MAJGOЊKA, MAJGOSIA – маргарин (ср.: margarina – гомосексуальное изнасилование, а также: слова с этим значением обозначают, в частности, мужское семя, сперму). MICHAJ, michaiek – 1 столовая ложка, используемая для взлома (двери, замка); 2 лом(ик); 3 месяц (на небе); 4 мешок; 5 санитарная посуда в камере заключения, «параша». MICHAЊ – 1 лом; 2 полицейский. MIKOJAJE – солдат декабрьского призыва (призыв в армию как рождественский подарок семье и парню). MIKOJAJEK – карточный шулер. MIKULSKI (фамилия) – вино. MARYLKA – флот и моряки. MARYNA – 1 флот и моряки; 2 карман (в котором водятся деньги); 3 женщина; 4 маргарин (возм., также 5 гомосексуалист). MARYNIA, maгуoika – флот и моряки. MARYSIECKA – проститутка. MARYЊKA, maгуsia – 1 бритва (опасная); 2 карман; Na maгуЊке – карманная кража с применением бритвы (разрезание материи кармана); MaгуЊka z towotem, MaгуЊka z margolad№ – 1 флот и моряки; 2 гомосексуалист. MATEUSZ – 1 парень; 2 мужчина с большими усами. PAULINKA – кофе. PIETREK – страх. PIETRUCHA (из русск.) – висячий замок. PIETRYWA, pietrywka, pitrywa, pitruwka, piotrywka, pietruwa – висячий замок (т. наз. «амбарный»). WASIK – 1 электрик; 2 квартирный вор, выдающий себя за электрика. WALEK – 1 мужчина; 2 содельник (преступник, проходящий по тому же уголовному делу); 3 человек ненадежный, который не держит слова, waluЊ; 4 валет в картежной игре. WICEK – 1 сторож дома; 2 мужчина. WITKA, wita –

1 рука, кисть; 2 кулак и удар кулаком; 3 палка, кол; 4 обручальное кольцо; 5 венерическая болезнь; wita – маргарин. WITOLD – руки (кисти, либо кулаки). WJADEK – 1 полицейский; 2 сторож; wiadki – полиция. WJODEK – 1 полицейский; 2 полиция. WOJEK – 1 рабочий; 2 сосед; 3 дурень, дурак.

162) Имена и фамилии французского происхождения, либо образованные по этому типу, в том числе заимствованные из художественной литературы, ADELA – 1 женщина; 2 проститутка. ALBERT – сутенер. ALFONS, ALFONSIK – 1 сутенер или сожитель, на содержании женщины или проститутки; 2 гомосексуалист; 3 жертва карманника. ANI – стоимость в Вене 1 кг серебра (устар.). ANIE – золотая монета, настоящая либо фальшивая (устар.). DONĪUAN (литерат.) – 1 лицо, совершившее насилие над женщиной; 2 активный гомосексуалист (вероятно, как потенциальный насильник). HARPAGON (литерат.) – 1 сильный, хорошо сложенный мужчина; 2 заключенный, осужденный на тяжкие работы, однако умело справляющийся с техникой и подручным материалом; 3 полицейский. KORNEL (из фр.) – полицейский. LEON – 1 скверный вор (неумелый или неловкий); 2 человек жадный, «жмот»; 3 несправедливый обвинитель или доносчик; 4 гомосексуалист. LULU (из фр.) – 1 проститутка; 2 содельник (участвующий в одном «деле»). MANONA (искаж. Manon, фр.) – деньги. MERCEDES (имя и марка машины) – 1 сифилис; 2 опухоль (возм.). NANA (литерат.) – 1 женщина, девушка; 2 проститутка (из фр.); 3 мать (заимств. из кавказск.). PIER (из фр.) – вор.

1в. Имена, заимствованные из разных европейских языков.

1в1) Имена и фамилии английского, либо условно английского, а также американского, происхождения, в том числе и литературные заимствования. CHARLY (нарк.) – кокаин. CHERLOK (литерат.) – худой или истощенный человек. DONALD (из амер. мультфильма; имя утенка) – 1 побег; 2 недостаточная оценка (школьн. жаргон). FORD (фамилия) – деньги. FRED – директор детского дома или колонии для малолетних преступников. HAMLET (литерат.) – заключенный, склонный к философствованию. HARRY (нарк.) – героин. HOLMES (литерат.) – офицер-следователь полицейского отделения. JANKESI (от JANKEL, заимств. из америк.) – полицейские. LOLITA (литерат., из Набокова) – 1 проститутка; 2 полицейская палка. LUCY (нарк.) – ЛСД, наркотик. JAJZA (от женск. имени) – 1 неумелый вор; 2 вор, крадущий по мелочам. MISS, Miss Emma (нарк.) – морфин. PIETER – 1 страх; 2 человек злонамеренный и преступный, замышляющий грабеж, но не выполняющий его только из-за собственного приступа страха. RAMBO (из кинемат.) – 1 неуловимый преступник (сильный, смелый и хитрый, способный всех обмануть); 2 сообразительный и быстрый ученик (школьн. жарг.). TARZAN (из кинемат.) – сильный человек. TISSON (фамилия) – бумажник или кошелек. WOJEK (как имя, либо от англ. boy) – 1 моряк или же обкраденный матрос; 2 иностранец; 3 вор, ворующий в отелях; 4 валютный вор.

1в2) Имена и фамилии немецкого, либо условно немецкого, происхождения, в том числе и исторические заимствования. FRYC, FRYCEK – 1 мелкий вор, обычно неумелый либо начинающий; 2 человек, плохо играющий в карты; 3 немец; Na frusa – идти на разбой, на дело. GEBELS (ист.) – символ иной жизни и идеал для подражания (вождь в глазах тех, кто противопоставляет коммунистической и посткоммунистической реальности фашистские лозунги, практику насилия); Na gebels, na gebelsa – 1 хватать кого-н. за горло сзади; 2 разбойное нападение, при котором преступник хватается жертву за горло → SHWIT GEBELSA – мертвая хватка. HITLER (ист.) – 1 учитель истории (школьн. жаргон); 2 требовательный учитель, ставящий неудовлетворительные оценки (школьн. жаргон). KATARYNA, KATARYNKA (от назв. шарманки) – 1 автомашина; 2 тюрьма; 3 аккордеон; 4 граммофонная пластинка; 5 отмычка для бронированных сейфов. KATRYNA – средство передвижения, чаще всего старый автомобиль. KLARA – 1 девушка, женщина; 2 солнце. MAKS – веселый арестант (оптимист либо шутник). MESSERSZMIT (фамилия и марка самолета-истребителя) – 1 блоха; 2 комар; 3 мотоцикл.

1в3) Имена итальянского, либо условно итальянского, происхождения, в том числе и литературные заимствования (реже испанского). BLANKA – 1 элегантная, внешне привлекательная проститутка; 2 деньги, банкноты. BRUT (ист. и литерат., но скорее – из англ., от Шекспира), BRUTT – хлеб. LUCA – тайник. MADONNA (совр. имя поп-звезды; изначально еванг., из ит.) – элегантная женщина (привлекательная и запоминющаяся). MAGDALENKA (евангелич.) – девочка из нищей, криминогенной среды.

1в4) Имена испанского, либо условно испанского, происхождения, в том числе и литературные заимствования. KИKA (из исп.) – 1 проститутка; 2 условный знак «дело сделано!»; Na kise – стоять на страже, или на стрёме, при грабеже. KИKI – гомосексуалист (как Кика-мужчина). LOLA, LOLKA – 1 кол, палка, дрын, железный прут (для избивания жертвы или друг друга); 2 лом, а также лом, завернутый в бумагу; 3 металлический мяч (используемый в драке, вместо кастета); 4 чулок либо мешочек, набитые песком, им ударяют жертву нападения сзади, по голове; 5 кусок железа, которым сбивают с ноги тюремные колодки; 6 палка от санитарной посуды, используемой в камере для испражнений («параша», палка служит для поднятия крышки); 7 девушка, женщина; 8 проститутка; 9 полицейская палка; 10 прут для избивания жертвы (железный); 11 нитка или шнурок с металлическим наконечником (используемый как оружие при нападении или в драке); 12 доска, используемая для биться (при нападении или в драке); 13 женщина, девушка, обычно симпатичная; 14 проститутка, занимающаяся своим ремеслом по ресторанам; LOLA – 1 жертва гомосексуального насилия; 2 палка или доска от санитарного ведра в камере заключения (от «параша»); LOLKA – 1 щетка для метения мусора (метла); 2 неудовлетворительная оценка

(школьн. жаргон). LOLYWKA (от LOLA) – опытная проститутка. MANIOLA (из исп.) – 1 рубашка; 2 пиджак. MARIOJKA (из исп., либо рум.) – батарея центрального отопления. PEPIТА (из исп.) – 1 брюки; 2 пиджак (возм., брючный костюм). RAMONA (из исп.), na gamonk – грабеж и разбой.

1в5) Имена греческого и латинского происхождения – литературные, мифологические. FEDRA (греч.) – прут для избивания жертвы. HELENA – теплая верхняя одежда заключенного. HERA (заимств. из рус., по аналогии с именем богини, греч.), heres (нарк., из русск.) – героин. MAGIERA (мифол., искаж.) – женщина в возрасте (немолодая). MEGIERA (мифол.) – теща. NERON (ист., лат.) – надоедливый и деятельный начальник тюрьмы или иного места заключения. PIJAT (ист., еванг.) – 1 судья; 2 судья, председательствующий на суде; 3 прокурор; 4 слесарь (возм., под видом слесарных работ осуществляющий квартирные кражи); 5 человек преклонных лет. SYBILLA (мифол.) – прокурор (определяет судьбу и срок наказания). TYTAN (мифол.) – 1 человек необычно высокого роста; 2 большой мужчина (представительный). VICTOR – неудовлетворительная оценка (школьн. жарг.). WIKTORIA (победа и женск. имя) – неудовлетворительная оценка (школьн. жарг.). ZEFIR (мифол., имя южн. ветра) – 1 папироса (спасительная затяжка как глоток воздуха); 2 вор, специализирующийся на краже крупных ценностей.

1г. Имена «восточного» происхождения, в том числе сказочных персонажей. ABDUL – 1 дурак; 2 жертва преступления, родом из стран арабских. ALIBABA (эжот., из сказки) – 1 милиционер (раньше); 2 полицейский (теперь). ALIBABKA (эжот., из сказки) – то же, но женщина.

1д(1). Имена и фамилии русского, либо условно русского, напр., украинского, происхождения (напр., сказочные, из детской литературы, а также мифологические). ANTYPKA – 1 лом, завернутый в бумагу или в тряпку; 2 прут для избивания жертвы; 3 веревка или шнур с металлическим наконечником, для избивания. BABAJAGA (из сказки) – учительница. BELKA (возм., из русск.) – 1 решетка, решетка в окне; 2 лом, кий, кол. FOMKA (русск.) – небольшой лом или малый железный прут (для той же цели). GAGARIN, GAGARINA STAN (ист., нарк.) – состояние наркотического опьянения, осоловения. HALINA – преступная «малина»; HALINA ZASRANA – она же, обнаруженная полицией. JAGA (из сказки) – 1 решетка, заграждение; 2 доска тюремных нар. JAGATA, AGATA – гусыня, т.е. дура. KANIA (заимств. из рус., либо от назв. птицы) – жирная канифоль, используемая ворами-карманниками для натирания пальцев. KAPA (возм., от русск. КАПИТОЛИНА; по аналогии с ГАПА) – 1 слежка, а также стояние «на стрёме», т.е. на часах, при краже либо взломе; 2 помощник вора; 3 сигнал «внимание!»; 4 доносчик либо лживый обвинитель; 5 открытая ладонь (протянутая); 6 женщина; 7 женский половой орган; WIELKA KAPA – некрасивая женщина; wuj na karie, staj na karie – стоять на часах (на стрёме). KIRA (заимств. из рус., от гл. киять) – 1 водка; ал-

коголь; 2 питье алкоголя, пьянство. LALA, LALKA (имя, либо кукла, а также имя куклы) – 1 женщина, девушка, обычно симпатичная; 2 проститутка; 3 дын или палка, для избияния; 4 щетка (для пола; метла); 5 полицейская палка; 6 жертва преступника; LALKA – игральная карта. LENA – проститутка. LORA – проститутка. MAKARENKO (ист., фамилия) – 1 воспитатель в колонии для несовершеннолетних правонарушителей, 2 полицейская палка (как воспитательное средство). MAJA – направление, сторона, таска. MAJKA – 1 жилетка; 2 карман; 3 вор-карманник; 4 девушка; 5 вор, промышленяющий в гостиницах; 6 направление, сторона. MANIA (из русск.) – женщина, MANIA DO PCHANIA – женщина в летах (м.б., преклонных). MANKA (по аналогии с женск. именем) – 1 руки, таска; 2 пассивный гомосексуалист. MANUSKA (от MANKA, MACKA и русск. имени МАНЬКА) – 1 девушка, любимая; 2 женщина. MACKA (возм., от русск. имени МАНЬКА) – 1 рука, кисть; 2 направление, сторона; 3 карман; 4 маргарин; 5 камера заключения; MACKI – 1 грабеж с нанесением жертве тяжелых телесных повреждений; 2 жертва грабежа. MACKO, NA MACKO (заимств. из укр.; имя + мацать) – магазинная кража, производимая в обеденный перерыв. MARA (возм., от мужск. или женск. имени, нпр., от русского евр. MARK) – 1 вор, промышленяющий в гостиницах; 2 подготовка к краже со взломом; 3 деньги, обычно немецкие марки и злотые; 4 крапленая игральная карта; 5 выступление прокурора (в суде). MAREK – ночной вор; MARKI – воспитанники детской колонии. MARGARITKA (вместо MARGERYTKA, заимств. из русск., цветок и имя) – 1 случайная девушка (объект случайной связи); 2 пассивный гомосексуалист. MARUCHA (из русск., от Маруся) – 1 девушка, любовница, женщина; 2 разводка; 3 маргарин; 4 (нарк.) марихуанна. MICHNA – 1 еда (харчи и стол); 2 тюремная передача (в т.ч. продукты); 3 лицо человека; 4 рот. MUSIA (matusia + из русск. Муся) – мать. MUZIA (искаж. musia) – проститутка. OZA (возм., литерат., из русск.) – жена. PITER (из англ., либо из русск., по назв. города), piterek – 1 кошелек; 2 косметичка или дамский ридикюль; 3 сумка или сумочка, дамская; 4 сумка (возм., хозяйственная); 5 мешочек для денег или с деньгами; 6 чемодан; 7 папка для бумаг; 8 мешок для личных вещей заключенного, в тюрьме; 9 деньги; 10 карманный вор, охотник за кошельками; 11 страх; 12 умственно отсталый человек или сумасшедший; 13 ювелирный магазин. PITRA (то же) – кошелек, piter, piterek. SERGO (кавказск., заимств. из русск. и груз.) – кольцо с дорогим бриллиантом. TASIA (возм., из русск.) – сумка или сетка (авоська). YAGA (из сказк.) – некрасивая и немилая девушка.

1д(2). Имена и обращения к животным, а также к человеку (как к животному). BOBEK (как имя, либо кличка пса) – мелкий вор. KASZTAN (собачья кличка) – 1 взломщик; 2 офицер-следователь, снимающий показания; 3 деревенский парень; 4 впервые осужденный, не знакомый с тюремными правилами и потому подвергающийся со

стороны других заключенных всевозможным издевательствам (пробам); 5 немецкий гражданин; 6 глупый ученик (школьн. жаргон). KICIA (заимств. из рус., использ. как кличка) – 1 девушка, женщина; 2 любовница. KIZIA (искаж. kisia, кошка) – 1 девушка, женщина; 2 подруга (вероятн., вора); 3 проститутка. KUDJAJ (собачья кличка) – еврей. JAJKA (собачья кличка, из рус.) – 1 проститутка; 2 девушка; 3 пес, особенно пес полицейский; 4 автомашина для перевозки заключенных; 5 полицейский дежурный автомобиль, с радиоустановкой. REKS (кличка пса) – 1 пес, часто полицейский пес (ищейка); 2 полицейский; 3 прозвище рядового полицейского; 4 солдат-пограничник (потому что с собакой или оттого, что сам как ищейка); 5 воспитанник детской колонии для несовершеннолетних правонарушителей, 6 ас в картежной игре (нередко шулер).

1е. Имена, заимствованные из других славянских языков (нередко из чешского). JANCIA, JANCIO, JANCZO, JANCZA – 1 солдат; 2 солдат пограничных войск (WOP); 3 ночной сторож. JANOSIK – 1 жертва бандитского нападения; 2 грабитель. JUZEK – полицейский; JUZKI – полиция, наряд полиции. GACEK, gosek (как имя) – 1 дозорный, служащий в охране мест заключения; 2 сторож, дозорный, стражник; 3 полицейский.

1ж. Имена животных, литературного и кинематографического, сказочного, происхождения. ATANAZY, KOT ATANAZY (из сказки-мультфильма) – сутенер.

1з. Как бы имя, по форме своей и употреблению, функциональное сближение. BOREK (как имя, либо название растения, борщевик) – хлеб (первоначально, в голод, войну, а также лагерное – вероятно, хлеб из травы). DAJKA (как имя, либо по функции проститутки) – 1 проститутка; 2 женщина, с кем попало вступающая в сексуальные связи. DINIA (как имя) – девушка вора, она же binia. LINA, linka (как имя) – 1 шнур, используемый в тюрьме для передачи из камеры в камеру почты; 2 цепочка от часов; 3 галстук (предмет кражи); 4 колье; 5 высшая мера, смертный приговор; Lina biaia (нарк.) – кокаин. LONIA (как имя) – девушка.

1и. Для польского жаргона характерна также весьма обширная группа имен-топонимов, которые здесь даем еще без классификации. AFRIKA (геогр.) – 1 спор, всеобщее замешательство; 2 Afrika w domu – ссора с родителями. AIDS (мифол.) – 1 прокуратура, суд, полиция; 2 нахождение в местах заключения. AMAZONKA (мифол., от геогр. назв.) – девушка (видимо, девственница). AMERIKA (геогр.), amerykanka – 1 отделение в местах заключения для отбывающих наказание в 1-й раз; 2 новички, обязанные выполнять в камере за всех все обязанности; 3 испытание, которое проходит среди сокамерников попавший в тюрьму впервые. BETLEJEM (библ.) – три короля разом, в покере. BRODEK (от Broadway) – туалет. EGIPT (геогр.) – опасная ситуация при карманной краже, напр., выявление кражи либо обнаружение вора. HAJFA – портовый город и

его округа. HAWAJ (геогр.) – папиросы, набитые трухой, корой, сухими листьями, соломой либо сеном из выпотрошенного матраса, hawaje – «банк» в картежной игре. HAWANA (геогр.) – квартира. JAPONA (искаж. Japonia, геогр.), z jaronu – удар в висок, в бровь. KANADA (геогр.) – 1 удачная и выгодная кража; 2 род камеры заключения, в тюрьме 1944-54 гг. KARPATY (геогр.) – 1 один из парков в Варшаве (просторечный топоним); 2 богатая местность. KOREA, koreja, korejka (геогр.) – 1 верхняя полка на тюремных нарах (удобная); 2 самая высокая, третья полка, под самой лампочкой (где светло и больше воздуха), korejko. KREML (ист.) – суд (судебное следствие и судебное заседание, а также помещение для этих целей). LONDON (геогр.) – 1 опытные и авторитетные представители преступного мира, «воры в законе»; 2 верхняя часть нар в тюремной камере, уступаемая остальными заключенными им же, «авторитетам» (там больше воздуха и света). MAJKANP (Mein Kampf, ист.; искаж. назв. книги «Моя жизнь», нем.) – денатурат (используемый для питья, вместо водки). МЕКА (геогр.) – квартира. MEKSYK (геогр.) – 1 общая драка между бандами либо ворами; 2 жестокое избиение кого-либо; 3 классная контрольная работа (школьн. жаргон). NAZARET (библ., геогр.) – тюремная больница для заключенных. NICA (геогр.) – криминальная экспертиза. PANAMA (геогр.) – 1 нахождение преступника на свободе (временное, между отсидками); 2 проститутка, находящаяся под опекой сутенера. PARYŃ (геогр.) – 1 бумажник, кошелек; 2 город Варшава; 3 отделение в больнице, для венерических больных. PEKIN (геогр.) – 1 дом разврата, в т.ч. публичный дом и проститутская «малина»; 2 жилые блоки на Ochocie, в Варшаве. POLSKA (геогр.), jechaж w Polskk, polecieж w Polskk – 1 готовится к грабежу, который планируется на территории страны; 2 проезжать через Польшу на краденном автомобиле; Polska heroina, gdacska heroina – наркотик, видимо, польского изготовления (или расфасовки). SAJGON (геогр.) – поражение, ошибка. SAMARA, samarka, samoga (геогр., из русск.) – 1 карман; 2 тайник; 3 мешок или сумка; 4 сумка или сумочка, дамская; 5 мешок для хранения личных вещей заключенного, в тюрьме; 6 полицейский рапорт; 7 живот и желудок; 8 задняя часть тела, со спины; 9 мошонка и ядра; 10 женский половой орган; 11 нос; 12 неудачная татуировка; 13 девушка, молодая женщина; 14 девушка с трудным характером (неуступчивая или вздорная); 15 скупщик краденного; 16 полный человек; 17 меха, шуба; 18 безжалостность к жертве, проявляемая преступником во время грабежа и разбоя; 19 продукты, передаваемые в тюрьму заключенному (передача от родственников); samoga – кража из туристского рюкзака. SORBONA (университет) – 1 место заключения; 2 голова (умная, либо глупая). SYBERIA (геогр., ист.) – безлюдное место; па syberik – выйти на прогулку (в мороз, либо, возм., с целью ли грабежа). TAJWAN (геогр.) – 1 отель; 2 ночлежный дом; 3 верхняя полка нар, в аресте или в тюрьме (привилегированное место в камере), korea. TEL AVIV (геогр.) – город Варшава. TOLEDO (геогр.) – 1 женская тюрьма в Варшаве; 2 красный

борщ из свеклы либо свекольный суп (обычная тюремная пища в Польше). WARSZAWA (геогр.) – туалет на вокзале Варшава-центральный; Warszawa z kominkem – полицейская дежурная машина, оборудованная радиопередатчиком. WOJGA (геогр.) – 1 тяжелая работа; 2 автомашина, перевозящая заключенных; 3 туалет.

2. Теперь рассмотрим аналогичные единицы русского уголовного жаргона, который, в отличие от польского, не включает, напр., лексемы школьного жаргона.

2а. Имена, отчества, фамилии, воспринимаемые носителями языка как «исконно русские», независимо от их этимологии.

2а1) Полные формы. АВАКУМЫЧ – ломик для взлома, отжима запоров. АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ – см.: АЛЕШКА. АЛЕС (ин.) – слабовольный, ненадежный человек. АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ (устар.) – 1. Официант, швейцар. 2. Прислужник авторитетного вора. АМАНЬЯ (искаж. Ананья: На людях Ананья, а дома каналья, посл.) – льстивый человек. АНДРОП или АНТРОП – неверящий. АНОХА – 1. Умственно отсталый человек. 2. Наивный, простодушный, недалекий человек. АНТОН – дворник. БАБИЧ (фамилия) – рубашка. БЕЛИНСКИЙ (фамилия) – белый хлеб. ВОДОПРОВОДЧИК ИВАНОВ – заключенный, работающий сантехником в хозобслуге ИТУ. ГАПОН (ист.; поп Гапон, провокатор) – 1. Политработник в ИТУ. 2. Милиционер. ГРАФ ВЕРТИБУТЫЛКИН (ОБСЕРИГОЛЯШКИН, ТАБУРЕТКИН) (устар.; как бы фамилия) – варианты кличек неавторитетных, опустившихся, прислуживающих другим заключенных. ЕСЕНИН (запрещенный – при Сталине – поэт, популярный своим надрывом в уголовной среде) – заключенный, сочиняющий стихи, песни. ИВАН – 1. (устар.) Главарь преступной группы, скрывающий свое имя. 2. То же, что АМБАЛ (см.). ИВАНА РАЗЫГРЫВАТЬ – пытаться верховодить (о действиях неавторитетного осужденного). ИВАН ИВАНОВИЧ – 1. Прокурор. 2. То же, что. ИВАН в зн. 1 (см.). ИВАН ИВАНЫЧ – то же, что УКСУС ПОМИДОРЫЧ (см.). ИВАН С ВОЛГИ – дерзкий хулиган. ИВАН-ТОСКУН – боли в желудке от некачественной пищи в столовой МТУ. КИРИЛЛ – цыган. КЛЕМЕНТ (от имени К.Е. Ворошилова) – наркоман. КРУТИТЬ СИДОРА – совершать кражи багажа на вокзалах. ЛАВРЕНТИЙ ПАЛЫЧ (от Берии) – 1. Исполнитель высшей меры наказания – расстрела. 2. То же, что войдет (см.). МАКАР – незнакомый блатной, вызывающий подозрение. МАКСИМ – 1. Заключенный-балагур, добровольный шут. 2. Пьяный. МАРИЯ – см.: МАРФА. МАРИЯ ИВАНОВНА – 1. Пассивный гомосексуалист. 2. Нож. 3. Пистолет. ОБУШИНСКИЙ (как фамилия) – топор. ПЕТРОВСКИЙ (как фамилия), ПЕТРОФОН – пятирублевая купюра. ПОЛИНА – политура (чтобы пить вместо водки). ПОЛИНА ИВАНОВНА – раствор политуры с водой и солью. ПОЛТОРА-ИВАНА – рослый, физически сильный мужчина. РАЗЫГРЫВАТЬ ИВАНА – см.: ИВАНА РАЗЫГРЫВАТЬ. САЛТЫЧИХА (ист.; искаж. Боярыня Салтыкова) – женщина-начальник женского МТУ. СВЯТОЙ НИ-

КОЛАЙ (устар.) – трефовый король (игральная карта). СВЯТОЙ ПАВЕЛ (устар.) – валет (игральная карта). СИДОР – 1. Мешок с вещами, продуктами; багаж, ручная кладь. 2. Дворник. СИДОРА КРУТИТЬ – см.: КРУТИТЬ СИДОРА. СИДОРА РАСКУЛАЧИТЬ – см.: РАСКУЛАЧИТЬ СИДОРА. СИДОРА СРЕЗАТЬ – см.: СРЕЗАТЬ СИДОРА. СИДОР ПОЛИКАРПЫЧ (презр.) – заключенный-фраер, чаще всего русский по национальности. СИДОРЩИК – вор, совершающий кражи мешков с вещами или с продуктами, багажа на вокзалах. СОСИСКА СЕРБСКОГО (фамилия психиатра) – норма питания в психиатрической больнице тюремного типа. СТАКАНОВЕЦ (искаж. Стахановец, от фамилии Стаханов) – пьяница. СТАЛИНСКИЕ ВНУКИ – дети заключенных-женщин, родившиеся в ИТУ. СТЕПА, СТЕПАН – 1. Глуповатый, недалекий человек. 2. Топор. СТЕПКА – кладовая. ТАТЬЯНА – 1. Резиновая милицейская дубинка. 2. Заключенная-староста камеры. ТИМОФЕЙ – 1. Глупый, недалекий человек. 2. Палач. ТИХОМИР, ТИХОМИРОВ – сотрудник милиции в штатском. ТРИ МУДАКА (ист.; полит.; эвфем.) – Маркс, Энгельс, Ленин. ФАН ФАНЫЧ (как имя-отчество) – 1. Солидный, с положением фраер. 2. Осужденный-фраер, неплохо устроившийся в ИТУ. ФАНЫЧ, ФАНИЧ (как отчество) – 1. Питьевой бачок. 2. Большой медный чайник. ЧЕЛЮСКИНЕЦ (от фамилии Челюскин) – 1. Вор, изгнанный из группировки за нарушение воровского закона (см.). 2. Вор-одиночка. ЯРОПОЛ, ЯРОПОЛК (устар.) – человек, осужденный за убийство своих родственников.

2а2) Сокращенные и просторечные формы. АЛИКА ПОМЫТЬ – см.: ПОМЫТЬ АЛИКА. АМАН (ин.) – 1. Букв.: сдаюсь, помилуй. 2. Большой рот (букв.: пасть). АНЧУТКА (мифол.) – 1. Черт. 2. Ненадежный, не вызывающий доверия человек. АРИНА (ин.) – оскорбление у осужденных-мусульман. БЫТЬ ВАНЬКОЙ – симулировать сумасшествие. БЫТЬ У МИЛОЧКИ – 1. Находиться под стражей. 2. Быть арестованным, задержанным. ВАЛЯТЬ ВАНЬКУ – см.: ВАНЬКУ ЛОМАТЬ. ВАНЕК – 1. Охранник, надзиратель в ПТУ. 2. Беспечная жертва вора. 3. Мусорный ящик, ведро. 4. Умственно отсталый человек. ВАНЬКА-ВСТАНЬКА – 1. Легко возбуждающийся мужской половой член. 2. Рядовой работник. ВАНЬКУ ЛОМАТЬ (ВАЛЯТЬ) – 1. Дурачиться. 2. Притворяться, симулировать болезнь, сумасшествие. ВАНЯ – 1. Глупый, недалекий человек. 2. Малограмотный человек. 3. Русский. ВАРЮХА – анальное отверстие. ВАСЁК – 1. Молодой начинающий карманник (см.). 2. Доверчивый человек. ВАСИЛЁК – 1. Человек на побегушках. 2. Десятикопеечная монета. ВАСЬ-ВАСЬ – 1. О хороших отношениях с кем-л. 2. О видимости хороших отношений с кем-л. ВЗЯТЬ НА АННУШКУ (БОГА, ГОРЛО, ОТТЯЖКУ, ПОИТ, ПОНЯЛ, ПУШКУ, ХАРАКТЕР, ХРАП) – добиться своей цели (в т. ч. и криминальной) угрозами, обманом, запугиванием. ВЗЯТЬ НА БОГА – см.: ВЗЯТЬ НА АННУШКУ. ВЗЯТЬ НА ГОРЛО – см.: ВЗЯТЬ НА АННУШКУ. ВЗЯТЬ НА ОТТЯЖКУ – см.:

ВЗЯТЬ НА АННУШКУ. ВЗЯТЬ НА ПОНТ – см.: ВЗЯТЬ НА АННУШКУ. ВЗЯТЬ НА ПОНЯЛ – см.: ВЗЯТЬ НА АННУШКУ. ВЗЯТЬ НА ПУШКУ – см.: ВЗЯТЬ НА АННУШКУ. ВЗЯТЬ НА ХАРАКТЕР – см.: ВЗЯТЬ НА АННУШКУ. ВЗЯТЬ НА ХРАП – см.: ВЗЯТЬ НА АННУШКУ. ВОЛОДЯ (ассоциируется с В.И. Лениным) – активная лесбиянка. ГАВРИЛКА, ГАВРИЛА – 1. Проводник железнодорожного пассажирского вагона. 2. Галстук. 3. Веревоочная удавка. ГРИШКА – десятикопеечная монета. ДАША, ДАШКА – пассивный гомосексуалист. + ДАШНАК – армянин. ДЁМА – обманщик, плут, лгун. ДУНЬКА – 1. Финский нож небольшого размера. 2. Глуповатая девушка, простушка. 3. Двойка (игральная карта). ДУНЬКА КУЛАКОВА – онанизм. ДУНЬКИНА ФАБРИКА – предприятие, на котором в основном работают женщины. ДУНЬКИН ПЕРЕУЛОК – безымянный переулок. ДУНЬКУ КУЛАКОВУ ГОНЯТЬ – см.: ГОНЯТЬ ДУНЬКУ КУЛАКОВУ. ДУНЬКУ КУЛАКОВУ ДУНУТЬ – совершить акт онанизма. ДЯДЯ ВОЛОДЯ – 1. Сторублевая купюра (с портретом вождя). 2. В.И. Ленин. ЕГОР – вор, не пользующийся доверием среди своих. ЕГОРКА – глупый, недалекий человек. ЕРМОЛАЙ – глупый, недалекий человек. ЕРМОЛАГА (от Ермолай) – вид кражи, при которой жертва предварительно спаивается. ЕРМОЛАЙКА – легкий летний головной убор; тибетейка. ЗОЙКА – пассивный гомосексуалист. ИГРАТЬ С ДУНЬКОЙ КУЛАКОВОЙ – заниматься онанизмом. КАНЬКА – копейка. КАНЯ – толченая канифоль (используется карманными ворами). КАТЮХА – кодеин (наркосодержащее лекарство). КАТЯ, КАТЬКА, КАТЮХА – 1. Пальто с большими карманами (одежда воровок, совершающих кражи в магазинах самообслуживания). 2. Сторублевая купюра. КИРЮХА, КЕРЮХА, КЕРЯ – 1. Собутыльник. 2. Друг, товарищ, приятель. 3. Соучастник. (КИРЯТЬ – пить спиртное, пьянствовать.) КОЛЯ – ботинок (о рабочей обуви). ЛЁЛЯ – 1. Рубашка. 2. Медицинская сестра. 3. Женщина-администратор. ЛЁНЬКА – прислужник, человек на побегушках. ЛЁХА, ЛЕХ, ЛЕХ – 1. Глупый, недалекий человек. 2. Наивный человек. 3. Жертва преступления. 4. Сельский житель. ЛОМАТЬ ВАНЬКУ – см.: ВАНЬКУ ЛОМАТЬ. ЛУКИЧ – небольшой лом. ЛУША, ЛУШКА – то же, что ЛУЖА (простыня). ЛЮБА – малокалиберный пистолет. ЛЮДА, ЛЮДКА – группа людей, толпа. ЛЮИС (ин.) – 1. Автомат, ручной пулемет. 2. Сифилис. ЛЮСЬКА – пассивный гомосексуалист. ЛЮСЯ – влагалище. ЛЯЛЬКА – юная проститутка. ЛЯЛЬКА-ГЕНЕТИК, ЛЯЛЬКА-ЖИВОГЛОТКА – девушка-минетчица. МАНЬКА – пассивный гомосексуалист. МАНЬКИ – деньги. МАНЯ – 1. Деревенская девушка. 2. Рулон ткани. МАНИЛКА – влагалище. МАНУШКА – 1. Женские половые органы. 2. Обнаженная женщина. МАРУСЯ – 1. Любовница вора. 2. Женщина. 3. Проститутка. 4. Жертва марушника. МАРУШКА – 1. Молодая женщина. 2. Проститутка. МАРФА, МАРФУША, МАРИЯ (нарк.) – морфий. МАРЬЯНА – 1. Девушка, молодая женщина. 2. Жена. 3. Проститутка. 4. Раствор опия. МАТВЕЙ –

1. То же, что МУЖИК. 2. Пьяный. МАТРЕНА – 1. Завод, фабрика. 2. Малоимущая пожилая женщина. 3. Работница физического труда. 4. Малограмотная, недалекая женщина. МАТРЕШКУ ПОКРЫТЬ – см.: ПОКРЫТЬ МАТРЕШКУ. МАХНО (ист.; от батько Махно, укр.) – блатной, не придерживающийся закона. МАША – 1. Женщина-главарь преступной группы. 2. Наивная, глупая женщина. 3. Деревенская жительница. 4. Женщина. 5. Пассивный гомосексуалист. МАША УМНАЯ – см.: УМНАЯ МАША. МАШКА – 1. Пассивный гомосексуалист. 2. То же, что БЛАТНЯЧКА. 3. Сельская девушка. 4. Влагалище. 5. Работница физического труда. 6. Пассивная лесбиянка. МАШКИ ПОКАЗЫВАТЬ – см.: ПОКАЗЫВАТЬ МАШКИ. МИЛОЧКА – милиция. МИТЬКА, МИТЕК – глупый, недалекий человек. МИТЬКОЙ ЗВАЛИ – 1. О неизвестном человеке. 2. О побеге из ПТУ. 3. О провале дела, неудаче. МИТЮХА – рассеянный человек. МИХРЮТКА – хилый, слабый, небольшого роста человек. ПАВЛУША – микстура Павлова (суррогат спиртного). ПАНТЕЛЕЙ – глупый, малограмотный человек. ПАРАША (от Прасковья, Параска) – 1. Помойное ведро. 2. Бак для испражнений в камере. 3. Грязная посуда. 4. Клевета. 5. Ложный слух, сплетня. ПАРАШУ ТОЛКНУТЬ – см.: ТОЛКНУТЬ ПАРАШУ. ПАША – туняец. ПЕТУХ, ПЕТУШОК, ПЕТЮНЧИК, ПЕТЯ – 1. Пассивный гомосексуалист. 2. Начальник железнодорожной станции. 3. Милиционер. 4. Пятирублевая купюра. 5. Радиоприемник. 6. Тяжкое оскорбление у блатных, в ИТУ. ПЕТЮНЧИК – см.: ПЕТУХ. ПЕТЯ – см.: ПЕТУХ. ПУЛЯТЬ ПО ФЕНЕ – говорить на воровском жаргоне. ПОЛКАТИ – пятьдесят рублей. ПОМЫТЬ АЛИКА – обобрать пьяного. ПРОХОРЯ, ПРОХАРЯ – сапоги. ПРОШКА – 1. Человек на побегушках. 2. Нюхательный табак. САША – двадцатипятирублевая купюра. СВЕТЛАНКА – умывальник. СЕРЁГА – старая истощенная лошадь. СЕРЁЖКА – 1. Висячий замок. 2. Молодой пьяница. (В первом случае – украшение, в ушах, во втором – сокращение от имени, аналогия с СЕРГЕЕМ ЕСЕНИНЫМ) СЕРЬГА (серьга, в ухе, + Серёга) – 1. Висячий замок. 2. Спасательный круг. СЕРЫЙ (прил. и сокр. к имени СЕРГЕЙ) – 1. Человек, впервые осужденный к лишению свободы. 2. Подозрительный, не вызывающий доверия человек. 3. Ничтожество (о человеке). 4. Военнослужащий СА. СИДЕТЬ НА ПАРАШЕ – быть презираемым, преследуемым (о заключенном). ТИШКА – 1. Сотрудник уголовного розыска. 2. Сотрудник оперчасти ИТУ. ТОЛКНУТЬ ПАРАШУ – пустить ложный слух. ТОНЯ – 1. Притон. 2. Большая прибыль, богатая добыча. УМНАЯ МАША – 1. Рядовая работница. 2. Наивная, простоватая женщина. ФЕДЯ – 1. Железнодорожный вагон, в котором перевозят вино, спирт. 2. Пьяница. 3. Глупый, недалекий человек. ФЕНЬКА – 1. Мелкая разменная монета. 2. Шутка. ФЕНЯ – воровской жаргон. ФЕНЯ В БОТАХ – человек, изучающий воровской жаргон, но не являющийся блатным. ФИЛЬКА – 1. Тумбочка. 2. Цыганконокрад. ФИЛЬКИ, ФИЛКИ – мелочь (о деньгах). ФИЛЬКИНА ГРАМОТА – правила внутреннего распорядка ИТУ. ФОМА – глу-

пый, недалекий человек. ФОМИЧ, ФОМКА, ФОМА ФОМИЧ – ломик, используемый для взлома замков, запоров. ХАВРОНЬЯ (имя, от Февронии, и свинья) – женщина-народный судья. ХОСЬЯН (от Касьян, искаж.) – вор-цыган. ШУРА – воровка. ШУРИК – 1. Психически ненормальный человек. 2. Пассивный гомосексуалист.

2а3) Имена и фамилии украинского происхождения. ГАЛИЧКА (укр.) – порция гашиша на одну закурку. ГАЛЬКА – гашиш. ГАЛКА – милиционер. ХАПА (искаж. Гапа и противоп. ей по смыслу?) – удача. ХАПКА – настой опия. ХИВРИЧ (как фамилия) – неуживчивый, скандальный человек.

2а4) Имена литературных и сказочных персонажей (как бы имя). БАБА-ЯГА (мифол.) – строгая сотрудница ПТУ. БАРАБОШКА (мифол.) – болтун, необязательный человек. БАРМАЛЕЙ (мифол., устар.) – военный комендант. ВИННИПУХОЧКА (литерат.) – юная проститутка. ДАДОН (возм., литерат., царь Додон) – неуклюжий человек. КРАСНАЯ ШАПОЧКА (как имя, из сказки) – 1. Солдат, уволенный в запас из войск МВД. 2. Осужденный – бывший офицер СА. 3. Сифилис. 4. Прекративший преступную деятельность вор в законе. ЛЕШИЙ (мифол.) – белорус.

2б. Имена и фамилии еврейского происхождения (иврит и идиш). АЗА – молодая цыганка. АИД – авторитетный еврей. АИДА – красивая еврейского происхождения. РОЗА – женщина-пьяница. БАБАЙ (мифол.) – 1. Дед, старик. 2. (устар.) Ростовщик. 3. Старый татарин. БАРИСРАЕЛ (сын Израеля, ин.) – еврей. ВАЙС (фамилия, ин.) – 1. Человек на побегушках. 2. Официант. 3. Молодой удачливый вор. ГАЛТЕ (ин.) – деньги. ГАНЕВ (как фамилия; ин.) – вор; мошенник. ГЕЗА – красивая проститутка неславянской национальности. ДАЛЬ (фамилия, ин.) – бедный. ДОДИК (от Давид) – 1. Молодой пассивный гомосексуалист. 2. Женственный, женоподобный мужчина. ЕСИК (от Иосиф, Ёся) – 1. Вход. 2. Гомосексуалист. ЖМУДИК (от Жмудь, фамилия: маленький) – то же, что ФРАЕР. ЗАКОННЫЙ КАИН – см.: КАИН. ЗОИЛ (ин.) – 1. Завистник. 2. Черт. 3. Сигнал тревоги, опасности. ЗЯМА (от Залман) – изворотливый мошенник, аферист. КАИ, КАИН – 1. Конокрад. 2. Скупщик краденного. 3. Ненадежный человек. КАИН, КАИН ЗАКОННЫЙ – скупщик краденного, пользующийся доверием воров. КЕША – 1. Друг, товарищ. 2. См.: КЕШЕР. (КЕШЕР, КЕШЕМ, КЕШАР, КЕША, КИШЕР – 1. Вещевой мешок. 2. Паек, продукты питания. 3. Передача, посылка. 4. Воровская добыча. КЕШЕРИСТ – заключенный (арестованный), получивший передачу.) ЛАЙБА (от Лейба) – 1. Автомашина. 2. Медицинский шприц. 3. Ожиревшая девушка, женщина. ЛЕЙБА – фирменная этикетка. ЛЬКО АДАМОВО – сд.: АДАМОВО ЛЬКО. МАМОНА (мифол.) – заключенный, не примыкающий ни к каким группировкам. МАРА – 1. Женщина. 2. Жена. 3. Любовница вора. 4. Проститутка, женщина легкого поведения. МИША – жертва хипесницы (женщины, являющейся главным лицом ХИПЕСА – мошенничества, при котором женщина завле-

кает мужчину-жертву на квартиру, где его грабят ее сообщники). МИШКА – безобидный пьяница. МОЙША – еврей. МОНЬКА (от Соломон, Шломе) – еврей. МОТЯ (то же) – 1. То же, что ДОЛЯ (часть краденного). 2. Бак для воды. МОТЯК – гашиш. МИРОЧКА – носовой платок. МОШКА (от Моисей, Мойша) – 1. Матрас. 2. Ничтожество (о человеке). МУЛЕРМАН (фамилия) – мулла. МУЛЬКА – 1. Ложь, обман. 2. Легенда, рассказываемая шулерами при знакомстве и вовлечении жертвы в игру. 3. Издевательство сокамерников над заключенным-новичком. МУРА – 1. Кокаин; гашиш. 2. Табак. 3. Плохо, бесполезно. 4. Ложный слух. МУРИК – мужчина небольшого роста. МУРКА – 1. Карманная воровка. 2. Наводчица. МУРКИ (устар.) – сотрудники Московского уголовного розыска (МУРА). МУСЕ, МУСИ (ин.) – 1. Рука. 2. Женщина. 3. Проститутка. 4. Женские ласки. МУСИН – глаз. МУСЬКА – проститутка. ПУЛЬМАН (фамилия) – 1. Стандартная упаковка лекарств, содержащих наркотические вещества. 2. Пачка чая. ПЬЕХА (фамилия попул. певицы) – 1. Внутренний карман пиджака. 2. Красивая нестареющая женщина. РАЙЗЕН (фамилия) – то же, что ГАСТРОЛИ (поездки воров куда-либо с целью грабежа). РОЗОЧКА (цветок и имя) – 1. Сифилисная язва. 2. Женские половые органы. РОЗОЧКА РАСЦВЕЛА – см.: РАСЦВЕЛА РОЗОЧКА. РАСЦВЕЛА РОЗОЧКА – о заражении сифилисом. РОЗОЧКА СВЕТЛАЯ – гнойные выделения при заболевании гонореей (как «безопасное» венерическое заражение). (СВЕТЛЫЕ – безопасные для сбыта вещи, ценности.) РОЗОЧКУ КУПИТЬ – см.: КУПИТЬ РОЗОЧКУ. КУПИТЬ РОЗОЧКУ – 1. Украсть драгоценности. 2. Заразиться венерическим заболеванием. (РОЗЫ – драгоценности.) РЫЖАЯ САРА – золотая монета. (РЫЖЕНЬКАЯ, РЫЖИЙ, РЫЖИК – десятирублевая золотая монета (червонец). РЫЖЕНЬКИЕ – деньги.) САВКА – мелкий рыночный вор. САРА, САРКА – 1. Золотая монета. 2. Деньги. 3. Луна. 4. Еврейка. САРА РЫЖАЯ – см.: РЫЖАЯ САРА. САРКА – см.: САРА. САРЫ (нарк.) – гашиш. СВЕТЛАЯ РОЗОЧКА – см.: РОЗОЧКА СВЕТЛАЯ. СЛУШАТЬ МЕНДЕЛЬСОНА – совершать кражи на свадьбах. СЛУШАТЬ ШОПЕНА – совершать кражи на похоронах. СОНЯ (состояние и имя) – человек, ограбленный во время сна. СТАВИТЬ ТОЧКИ НАД «i» (ИУДАМИ) – стрелять в затылок (к. п., расстреливая). СУСАННА – минетчица. СЯВКА (от Севка и Шавка) – 1. Вор-подросток; начинающий, неопытный вор. 2. Молодая проститутка. ФАФА (сокращение от имени) – пожилой человек-маразматик. ФАЯ – густой хвойный лес. ФИМА – авторитетный заключенный-еврей. ФИНКА (женское имя и от прил. финский) – 1. нож, чаще финский. 2. Летнее кепи с большим козырьком. ФИНКИ – финляндские марки (деньги). ФУЦИК (кличка) – осведомитель из своих, предатель. ФУЦИН, ФУЦЫН (как фамилия) – 1. Осведомитель, доносчик. 2. Потерпевший, жертва преступления. ФУЦМАН (как фамилия) – осведомитель, доносчик. ХАМ – 1. Заключенный, совершающий кражи продуктов питания у своих. 2. Мужской по-

ловой член. ХАНБ (от Хбна) – безвыходное положение, конец; смерть. ХАНКА – 1. Политура (суррогат спиртного). 2. Спиртное. 3. Наркотики. ХАНКУ ЗАХОРОВОДИТЬ – см.: ЗАХОРОВОДИТЬ ХАНКУ. ЗАХОРОВОДИТЬ ХАНКУ – принять, употребить наркотик. ШВАРЦ (ин., от фамилии) – ночь. ШВАРЦМАН (фамилия) – 1. Скупщик краденых драгоценностей, антиквариата, произведений искусства. 2. Негр. 3. Араб. ШМОНЬКА – 1. Проститутка. 2. Женские половые органы. ШМОНЬКИН КОМИТЕТ – компания, сборище проституток. ШМУЛЬ – еврей. ШМУРИК (от Шмулик) – подросток. ШНЕР (от ШНЕЕР) – лом. ШНИФЕР (как фамилия) – вор-взломщик. ШОПЕНА ДАВАТЬ – см.: ДАВАТЬ ШОПЕНА или СЛУШАТЬ ШОПЕНА. ШОПЕНА СЛУШАТЬ – см.: СЛУШАТЬ ШОПЕНА. ШОПЕНФИЛЛЕР (фамилия, устар.) – то же, что НАХОВИРКА ШОПЕНФИЛЛЕР (вор, совершающий кражи из ювелирных магазинов). ШНЕРВОР, ШНЕЕРВОР (как фамилия) – мошенник, сбывающий фальшивые драгоценности. ШУРЫ-МУРЫ (от имен Шура и Мура, ср.: ШАЙКА-ЛЕЙКА) – 1. Тайник в обуви. 2. То же, что ШУРЕБУРЕ (1. Скрытые, тайные действия. 2. Суета, суматоха.). ЭМИ (ин.) – 1. Мать. 2. Женщина. ЭСТЕР – 1. Красивая еврейка из интеллигентной семьи. 2. Умная красивая любовница. ЮДЕ, ЮДА (от ИУДА) – 1. Заключенный-доносчик. 2. Предатель. ЯШКА – 1. Похлебка. 2. Человек на побегушках.

2в. Имена и фамилии заимствованные из европейских языков.

2в1) Имена и фамилии немецкого происхождения. АДИК – Адольф Гитлер. БАРОН ФОН ТРИППЕРБАХ (устар.; фамилия) – человек, хронически больной гонореей. КРУТОЙ АДИК – Адольф Гитлер. КРУТОЙ ГЕНА – Генрих Гиммлер. КЫРЛА-МЫРЛА (искаж.) – Карл Маркс. МОЦАРТ – дирижер.

2в2) Имена и фамилии английского или американского происхождения. АНДЖЕЛА ДЭВИС – смуглый, кудрявый пассивный гомосексуалист. ВАШИНГТОН (фамилия) – тысяча долларов США. ГАРИК (от ГАРРИ) – героин. ДЖОН (англ.) – иностранец. ДЖОРЖИК (англ., от Джордж) – окуроч, приклеенный к стене, потолку. ЁРИК (литер.; из «Гамлета») – пожилой человек. КУИН МЭРИ (устар.) – 1. Красивая портовая проститутка. 2. Притон, в котором собираются моряки дальнего плавания. ЛЕДИ ХЭМИ – марихуана, гашиш. ОКРЕСТИТЬ ДЖЕКА – уничтожить фабричные (заводские) номер или надпись на краденной вещи, поставив вымышленные.

2в3) Имена и фамилии французского происхождения. БЕЛЬМОНДО (ирон.; фамилия киноактера, фр.) – 1. Психически ненормальный человек. ГАВРОШ (воспринимается в рус. языке как имя собственное, из романа Гюго, фр.) – 1. Член воровской группы. 2. Молодой вор. ГАРСЕН (искаж., ин.) – топор. ГАРСОН (воспринимается как имя – по аналогии с Ванькой и гаврошем) – осужденный, прислуживающий вора. ДЖОРЫК (искаж. Жорик) – ненадежный, не вызывающий доверия

человек. ЖОРЖ (фр.) – священнослужитель. ЖОРЖИК – 1. Сожитель жены заключенного. 2. Мошенник. ЖОРИК – человек, осужденный за мелкое хулиганство. МАРГАРИТКА – 1. Пассивный гомосексуалист. 2. Мужчина-минетчик. МАРГО – 1. Маргарин. 2. Красивая проститутка, имеющая успех у богатых клиентов. МАРТИ (от Мартина) – французенка. ФАНТОМАС – 1. Психически ненормальный человек. 2. Грабитель, использующий маску. 3. Лысый человек. ФИГАРО – парикмахер.

2в4) Имена и фамилии испанского и итальянского происхождения. КАРМЕН (литерат., оперн.) – карманная воровка цыганка. ЛАУРА (ин.) – проститутка. ПИНАЧЁТ (ист.; полит.) – требовательный, придирчивый начальник ИТУ. ПИНЧ (фамилия; от Пиначет) – пассивный гомосексуалист.

2в5) Имена и фамилии греческого или латинского происхождения. АНДРОМЕДА (мифол.; имя и созвездие, греч.) – бесплодная или не рожавшая женщина. ВЕНЕРА (мифол.; имя богини любви и планета, лат.) – 1. Подарок. 2. Сифилис. ГЕРМЕС (мифол.) – опытный пожилой вор. ДЕМОСФЕН (ист.; греч.) – 1. Бродяга. 2. Нищий. СИРЕНА (мифол.) – 1. Красивая, соблазнительная женщина. 2. Женщина, болеющая несколькими венерическими заболеваниями. ХИМЕРА (мифол.) – женщина-следователь. ЦЕЗАРЬ (ист.) – 1. Генерал МВД. 2. Сигнал опасности. 3. Злая собака.

2г. Имена и фамилии «восточного» происхождения. БОГДЫХАН – начальник ПТУ – азиат, кавказец. ГАКО (ин.) – 1. Дядя. 2. Друг. ГАРА-ХАН – опиш. ИЛАЙ (? , ин.) – честный человек. КАРО (ин.) – 1. Меч. 2. Преступник-кавказец. ЛОЛИ – 1. Монета. 2. Воровка-грузинка. МАЛАЙ-МАЛАХАЙ (прозвище) – татарин. МИРГО (возм., груз.) – яд, отравка. ПАЛТИКЯН (как фамилия) – опиш. РУСЛАН – гомосексуалист. СОСО – грузин (с ассоциацией И.В. Сталин). СУЛЕЙКА – 1. Водка. 2. Куриное мясо (о пище). СУЛИКО – 1. Акт мужеложства. ЧИНГИЗ (ист., ЧИНГИЗ-ХАН) – казах, киргиз. ЧИО-ЧИО-САН – проститутка-азиатка. ЧОЙБОЛСАН – монгол, бурят. ЮРОК (сокр. от Юрик, по типу Турок) – 1. Татарин, башкир. 2. Азиат.

2д. Имена и фамилии славянского происхождения (польского, чешского, венгерского и др.). ЖОСЯ (искаж.; польск. Зося) – пассивный гомосексуалист. ЖУЖА (венг.) – молодой гомосексуалист. МАРТА – девушка, женщина.

2е. Имена и фамилии неславянского происхождения. КАЛЛЕ (ин.) – 1. Красивая девушка, женщина. 2. Проститутка. КАЛЛЬ (как имя, ин.) – деньги. КАЛО (как имя, ин.) – цыган. МАРКА (от Мара) – 1. Женщина. 2. Автобус, троллейбус, трамвай. 3. Татуировка на мужском половом члене, лобке, женской груди с изображением «Знака качества». 4. Носовой платок.

3. Клички животных (как название человека). БАРБОС (кличка пса, презрит.) – 1. Следователь. 2. Заведующий пивным баром, бармен. БОБИК (кличка пса) – 1. Милицейский автомобиль. 2. Опытный, усердный, но не блещущий умом ра-

ботник. ЖУЧКА (кличка собаки) – 1. Девушка-воровка. 2. То же, что БОЛОНКА. КЕНТАВР (мифол.) – активно-пассивный гомосексуалист. ПАЛКАН – см.: ПОЛКАН. ПЕГАС БЛАТНОЙ – Сергей Есенин. ПЕГАСИК – 1. Заключенный, сочиняющий стихи, песни. 2. Окуроч. ПОЛКАН, ПАЛКАМ – 1. Крикун. 2. Язык. 3. Сторожевая, служебно-розыскная собака. ПОЛКАНА СПУСТИТЬ – см.: СПУСТИТЬ ПОЛКАНА. СПУСТИТЬ ПОЛКАНА – наброситься на кого-либо с бранью. СЯВКА (от Севка и Шавка) – 1. Вор-подросток; начинающий, неопытный вор. 2. Молодая проститутка.

4. Топонимы, число которых весьма незначительно. БАЙКАЛ (геогр.) – слабо заваренный, либо спитой чай. БРОДВЕЙ – 1. Центральная улица. 2. Место построения осужденных. ВИННИЦА (геогр.) – 1. Прокуратура. 2. Суд. ВОЛГА! (геогр.) – сигнал о начале нападения, драки. ВОЛЫНЬ (геогр., устар.) – пистолет, револьвер. ВОРКУТА – заключенный, длительное время пробывший в местах лишения свободы; заключенный с длительным сроком наказания. ГЕНЕВА (геогр., Женева; ин.) – кража. ЕРУСАЛИМ (геогр.) – см.: ИЕРУСАЛИМ. ИЕРУСАЛИМ, ЕРУСАЛИМ (город) – место хранения ценностей, тайник. ИЕРУСАЛИМЕЦ – 1. Бродяга, бомж (см.). 2. Еврей. ИНДИЯ – 1. (устар.) Камера, в которой содержатся заключенные-доходяги (см.). 2. То же, что ДАЛЬНЯК, в зн. 1. ИНДУС – 1. Заключенный, возворенный в карцер. Заключенный, обитатель ИНДИИ, в зн. 1. КЕМБРИДЖ (университет) – профессионально-техническое училище. ЛИЛЬ (геогр.; фр.) – 1. Письмо. 2. Паспорт. ОСВЕНЦИМ (ист.; геогр.) – ПТУ с особым тюремным режимом. ПАНАМА (геогр.) – 1. Взятка должностному лицу. 2. Человек, болеющий сифилисом и гонореей. 3. Ложный слух. 4. Обман. РИГА (геогр.) – 1. Беда. 2. Несчастье. 3. Рвота. САМАРКАНД (геогр.) – коллективная пьянка. С ВОЛГИ ПРИЕХАТЬ (геогр.) – совершить побег из ПТУ. СОВДЕПИЯ (геогр., ист.) – Советский Союз. СОРБОННА (университет) – 1. Школа для умственно отсталых детей. 2. Общеобразовательная школа в ПТУ. 3. ПТУ. 4. Голова. 5. меховая шапка. ТУЛА (геогр.) – 1. Притон, тайное место встреч. 2. Открытое сопротивление, противодействие. ЭЛЬДОРАДО (ист., геогр.) – психиатрическая больница тюремного типа.

Замечания к словарным материалам. В нашей статье представлен лишь первый вариант классификационного подхода к жаргонным онимам, польским и русским. Однако данный субкультурный лексический материал в будущем предполагает уточнение и более детальную классификацию, с учетом этимологии, пути заимствования и способов использования, т.е. жаргонно-семантической интерпретации, собственных имен – в контексте вышеизложенных теоретических разработок.

ЛИТЕРАТУРА

Chervinsky A. «Садический язык» тоталитарного государства: новый термин и языковая действительность. // Терминология: изучение и обучение. – Минск, 1999. С. 97-99.

Chervinsky A. Лингвopsихологическая модель мира в русскоязычной криминогенной среде // III Jornadas Andaluzas de Eslavnstika – Granada, 2004.

Czerwinska A., Nadel-Czerwicska M. Номинации национальной и религиозной принадлежности в русском и польском уголовных жаргонах // Cudernos de Rishstika Espacola. Nr 1. [Red. R.G. Tirado, E.Q. Gervilla] – Granada, 2004. S. 179-188.

Lakoff G. Classifiers as a reflection of mind // Colette Craig, 1986.

Rayfield D. Stalin I jego oprawcy. Szefowie stalinowskiej bezpieki. Prz. z angl. – Warszawa, 2009.

Stkpnia K., Siownik tajemnych gwar przestkrczych. Wspuypraca Podgyrzec Z., Londyn, 1993.

Балдаев Д.С. Словарь блатного воровского жаргона. В 2-х т. – М., 1997.

Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация: Сб. работ. – М., 1989.

Елистратов В.С. Словарь русского аргю (материалы 1980-1990-х гг.). – М., 2000.

Елистратов В.С. Толковый словарь русского сленга. – М., 2005.

Надель-Червинская М., Червинская А. Садический язык тоталитарного государства: метафориче-

ское и архетипическое. Библиотека научного альманаха «Studia Methodologica». – Тернополь, 2009.

Надель-Червинская М., Червинская А. Язык и сознание: номенклатура и феня (уголовно-партийный жаргон как коммуникативная форма «советской зоны»). Библиотека научного альманаха «Studia Methodologica». – Тернополь, 2009.

Остер Г. Противные задачи. – М., 1992.

Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. В 2-х частях. – М., 1991.

Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) [Авторы-составители Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Юсупов] – М.: 1992.

Снегов С. Язык, который ненавидит. – М., 1991.

Червински А. Психология зоны: примитивный садизм. – Creativity & Communication Process, 1998. Вып. 1. URL: www.nicomant.org; www.nicomant.fils.us.edu.pl; <http://nicomant.blogspot.com>.

Червински А. Садический язык тоталитарного государства: лексический состав и специфика словоупотребления // Slavica Quinqueecclesiensia IV. 1998. Linguistica. Translatologia. Cutura. – Pйcz, 1998, S. 243-256.

© Надель-Червиньска М., 2009

РАЗДЕЛ 4. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Лейтес Н.

Галина, Огайо, США

Перевод Белова Е.С.

Leites N.

Galena, Ohio, USA

Translated by Belov E.S.

ПОЛИТБЮРО ГЛАЗАМИ ЗАПАДА

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. Перевод на русский язык статьи Н. Лейтеса "The Politburo Through Western Eyes", опубликованной в США в 1952 г. Автор рассматривает речевое поведение советской элиты в сравнении с публикуемыми Лондонским изданием *The Economist* суждениями о намерениях и проводимой политике Московского Политбюро. Публикации журнала датируются периодом 09.02.1946 – 25.06.1950 гг.

Ключевые слова: Политбюро, внешняя политика, *The Economist*, политическая элита.

Сведения об авторе: Лейтес Натан, доктор философии, профессор.

Место работы: Чикагский университет, Корпорация РЭНД.

Сведения о переводчике: Белов Евгений Сергеевич, аспирант.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: E-mail: scout03@mail.ru.

THE POLITBURO THROUGH WESTERN EYES

ГЧТИ 16.21.27

Код БАР 10.02.19

Abstract. This is the first Russian translation of N. Leites' article "The Politburo Through Western Eyes" published in 1952 in the USA. The author analyses the Soviet elite behavior while juxtaposing Soviet foreign policy with the predictions and comments made by *The Economist* within the period of 02.09.1946 - 06.25.1950.

Key words: Politburo, foreign policy, *The Economist*, political elite

About the author: Leites Nathan, PhD, professor.

Place of employment: University of Chicago; The RAND Corporation.

About the translator: Belov Evgenij Sergeevich, post graduate student.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Одним из факторов мировой политики, который социологи начинают подвергать системному анализу, является поведение элиты в рамках международных отношений. Несмотря на то, что гипотеза о поведении элит, как представляется, носит не только обязательный, но и неявный характер в любых проявлениях внешней политики, остается необходимость наглядно показать практическую ценность исследований данной социальной группы. Очевидно, немногим исследователям удалось выдвинуть отчетливые тезисы о принципах поведения элиты во внешней политике. Зачастую вызывает сомнение, что предположения, основанные на глубоких изысканиях в области учения об элитах и их культурных матрицах, имеют какое-либо отношение к анализу этих самых элит, проводимому в рамках изучения международных отношений.

С целью продемонстрировать практическую значимость систематического и специализированного исследования указанного предмета в данной работе мною будут рассмотрены различные аспекты образного представления о московском Политбюро на примере публикаций журнала *The Economist* (Лондон), вышедших в свет в период между предвыборной речью Сталина 9 февраля 1946 г. и захватом Южной Кореи 25 июня 1950 г. Применяемая методика основана на сравнении публикуемых изданием *The Economist* суждений о намерениях и поведении Политбюро с суждениями, которые могли бы стать результатом систематического анали-

за Большевицкой доктрины и которые были обобщены мною в недавно вышедшей книге [The Operational Code of the Politburo 1951].

Многие из нижеприведенных утверждений, опубликованных в *The Economist*, одном из самых компетентных и проницательных западных изданий, пишущих на общественно-политические темы, были опровергнуты в ходе истории; некоторые из них лично я, на том или ином основании, нахожу сомнительными. Однако я не имею в виду, что во времена, когда данные утверждения были высказаны, ошибки, допущенные журналом *The Economist*, были намного значительнее, скажем, ошибок, допущенных сопоставимыми представителями общественного мнения США. Я также не считаю, что точка зрения, выраженная в утверждениях журнала *The Economist*, принимая во внимание значение их истинности, является характерной для всех высказываний издания о внешней политике Советского Союза за указанный период. Учитывая цели настоящей работы, случаи расхождения оценок прошлых событий, опубликованные в *The Economist*, с исторической правдой и моим собственным мнением зачастую представляют наибольший интерес.

Но это обстоятельство, без указки на какие-либо особенности издания *The Economist*, лишь отражает основную тенденцию в отношении Запада и Политбюро за последние двадцать пять лет. Период с момента признания Советского правительства в качестве элемента системы великих держав ознаменован появлением

тенденции интерпретировать поведение и намерения Советского Союза путем проецирования собственного образа на оппонента – тенденции особенно сильной, если оппонент малоизвестен. Таким было Политбюро, и оно становилось еще менее понятным в свете нарастающей изоляции, молчаливости и публичного лицемерия. С другой стороны, тенденция «проецировать» собственные характеристики на «другого» способна вызвать глубокие последствия, если между «проецирующим» и «другим», действительно, имеются глубокие различия. Это условие также было и остается справедливым для Политбюро.

Само Политбюро в той же, если не в большей, степени прибегало к проецированию образов своих западных врагов. Вероятно, и это одно из ключевых положений на данный момент и в будущем, что искажения советским Политбюро образа внешнего мира гораздо хуже поддаются коррекции опытом, чем искажения западные. Далее в работе будет показано, как за рассматриваемый четырехлетний период *The Economist* улучшал свою способность оценивать и предвидеть поведение Политбюро.

Прежде всего мне хотелось бы остановиться на мировом балансе сил после окончания Второй мировой войны, затем рассмотреть ситуацию с так называемыми сателлитами Советского Союза, характер расширения Политбюро и, наконец, затронуть тему переговоров с Политбюро.

Кто кого? После окончания Второй мировой войны Политбюро, предположительно, считало, что мир, находящийся за пределами его владений, контролировался «Англо-американскими правящими кругами». То есть после поражения Германии и Японии в войне Политбюро принимало как должное разделение мира на два блока и что рано или поздно, мирным путем или ценой одной или более войн, но история «расставит все на свои места» и решит насущный вопрос «кто кого?».

Тем не менее, в 1946 г. *The Economist* писал об отношениях между СССР и Западом:

Очевидно, первым шагом на пути к примирению должно стать сдерживание настоящей тенденции к разделению международного сообщества на взаимоисключающие и враждебно настроенные *блоки* [28.09.46: 481]

Автор статьи описывает «примирение» как «очевидный» и очень позитивный термин. По всей видимости, он совсем не осознает того, что в языке большевиков значение этого слова прямо противоположное.

«Разделение» мира на два «взаимоисключающих и враждебно настроенных *блока*» представляется автору публикации как «тенденция», которую можно «сдерживать», что никак не сопоставимо с пониманием «разделения» как основного базиса эпохи, характерное, по моему мнению, для Политбюро.

Вскоре *The Economist* продолжил в том же ключе:

Политика Великобритании не может воздержаться от попыток создания более сплоченного объединения стран Западной Европы... Тем не менее, эта важнейшая цель не должна быть подменена возведением и противопоставлением одной части Европы другой; ...необходимо использовать каждую возможность, чтобы найти основание для общих интересов и сотрудничества с Восточными государствами, чтобы оба *блока служили* во благо ожившему Европейскому концерту... [19.10.46: 612]

Противоположного мнения придерживается Политбюро, считая, что если одно государство или несколько стран берутся за «возведение» чего-то, то оно в силу природы самой политики направлено «против другого», а «основание для общих интересов и сотрудничества» между двумя *блоками*, разделяющими мир – если оно вообще существует – гораздо более шатко, чем основание для потенциальных или реальных попыток полного уничтожения оппонента. Согласно точке зрения Политбюро, нет ничего, чему должны или могли бы «служить» оба *блока*.

В 1947 г. *The Economist* написал по поводу Московской конференции министров иностранных дел:

Если бы между тремя министрами был существенный уровень доверия по какому-либо из вопросов, в особенности касательно будущего экономического устройства Европы, можно было бы избежать большей части разногласий с Москвой. [26.04.47: 616]

Но, по мнению Политбюро, сам факт, что министры иностранных дел представляли «пролетариат» и «буржуазный класс», которые в отличие от «мелкой буржуазии» были способны проникнуть в суть политических процессов, исключал какие бы то ни было иллюзии о возможном «доверии» между организациями, стремящимися, в силу самой природы сложившейся политической обстановки, к полному уничтожению друг друга. Аналогичным образом высказывалось издание *The Economist* позже в 1947 г.:

...пока русско-американская дуэль не дойдет до крайней точки, ООН может быть лишь собранием сторонников. [04.10.47: 554]

Политбюро же считало, что в любой политической ситуации не может быть никого, кроме «сторонников», независимо от того, применяются ли при этом конфликтные технологии в определенном смысле экстремального (и это не относится к Политбюро) порядка.

Согласно Политбюро, пространство вне пределов обоих блоков находится или будет находиться под контролем того или иного блока. Однако в 1946 г. *The Economist* писал об отношениях между Политбюро и Западом:

Пожалуй, нет препятствий для достижения хотя бы чернового варианта временного соглашения в

условиях доминирования русских в Восточной Европе, превосходства Запада в Восточном районе Средиземного моря и существования подлинно независимых Турции, Италии и стран Западной Европы. [13.07.46: 43]

Смысл публикации заключался в возможном признании «подлинно независимых сфер» со стороны Политбюро. Позднее в 1946 г. *The Economist* без каких-либо опровержений писал о существовавшем общественном мнении:

...представители общества, равно как и газеты, расходятся в своих политических подходах и демонстрируют разнообразие взглядов...считают, что Великобритания могла бы способствовать выходу из идеологического тупика (отношения между Советским Союзом и несоветским миром) наиболее прямым и эффективным способом, если бы в определенных сферах проводила политику, отличную от политики Бернса, в частности, стремилась бы к сближению и взаимопониманию с Францией, другой великой державой, рискующей потерять многое в результате поляризации между коммунизмом и капиталистической демократией. Согласно общественному мнению, сближение Великобритании и Франции доказало бы бесполезность для Европы разделения между двумя враждующими, внешними великими державами, указав на существующий путь к экономическому и политическому сотрудничеству, пролегающий между государственной торговлей и неограниченной свободой предпринимательства. [28.09.46: 482]

Автор данной публикации, по видимому, предполагает, что Политбюро сможет признать не только «третью» сторону в системе власти, но и «третью» сторону в экономической структуре, а также связь между ними. Я бы не стал делать подобные предположения насчет Политбюро.

По мнению Политбюро, отношение серьезных специалистов к политикам (на словах и на деле) должно сопровождаться высокой напряженностью, несмотря на внешнее спокойствие, способное ввести в заблуждение «политических простаков». Однако в 1946 г., оглядываясь на двадцать лет советской внешней политики, *The Economist* писал:

Сталинская доктрина «Социализма в отдельно взятой стране» была разработана с целью примирения [Партии] ... создания условий долгосрочного мирного сосуществования социализма и капитализма в мире [23.03.46: 442]

Создание подобных «условий», однако, означало, что Политбюро рассчитывало на «долгосрочную» перспективу следующего толка: партия, равно как и ее враги, постоянно бы решали вопрос о наличии или отсутствии необходимости начинать войну друг против друга и постоянно бы отвергали данный сценарий ввиду существовавшего соотношения сил. Это создало бы «условия» обычной для Политбюро максимальной напряженности между «серьезными политиками». Тем не менее, в 1946 г., полагая, что советская политика приобрела но-

вый «настрой к примирению», *The Economist* обратился с вопросом:

К чему перемены? Трудно найти адекватную причину. Политика русских только начинает учиться необходимым методам взаимодействия с оппозицией и несогласными. [04.05.46: 703]

Смысл публикации заключался в том, что операционный код Политбюро весьма восприимчив к изменениям внешних условий. Я бы предположил противоположную гипотезу. Вероятно, для Политбюро до сих пор является непостижимой возможностью того, что уровень напряженности в политике мог бы снизиться прежде, чем Советы добьются всемирной победы или будут уничтожены.

Позже в 1946 г. *The Economist* предложил «ряд шагов, которые помогли бы им (великим державам), если бы они их предприняли, отойти от края ядерной пропасти»:

...первоочередной целью для двух держав является восстановление сердечности в двусторонних отношениях... [28.09.46: 481]

Данное заявление было расценено со стороны Политбюро как лицемерное. Большевистский настрой таков: невозможно и предположить, что где-то в «руководящих органах» Лондона могли бы хоть сколько-нибудь верить в подобную «чепуху». Поскольку, во-первых, в «серьезной» политике чувствам нет места; во-вторых, чувство сердечности неуместно в политических организациях, находящихся в отношении «кто кого». Немногим позднее *The Economist* высказался по поводу данного подхода:

Советские лидеры едва бы знали, как управлять государством ...без атмосферы осадного положения... [30.11.46: 863]

И эти лидеры глубоко убеждены в постоянстве условий, необходимых для создания подобной атмосферы. В 1948 г. издание *The Economist* признавало, что высокая напряженность в политической игре с Политбюро непреодолима, и рассматривало этот факт, как «утомительный» раздражитель, нежели воплощение эпохальной битвы.

...наибольшие надежды на мирное сосуществование Западные державы связывают с отчетливым представлением об обстоятельствах, при которых русская сторона могла бы начать войну. ...В прошлом Великобритания в своих отношениях с Россией во многом полагалась на данный подход. Проблема содержания Восточного вопроса, одной из постоянных тем дипломатических дискуссий девятнадцатого века, заключалась в устремлении России завоевать Константинополь. Сдерживающим фактором было осознанием того, что подобный шаг приведет к войне с Великобританией. На протяжении семидесяти лет существовавшая напряженность не выливалась в войну. Но с другой стороны, и послабления в отношениях наблюдались довольно редко. Оба государства просто уживались с этим подобно тому, как человек уживается с надоедливым родственником [25.09.48: 482]

Согласно взглядам Политбюро на мировое соотношение сил, присущее данной эпохе, изменения в балансе происходят, но медленно, за исключением революций и войн. Кратковременные же колебания общественного мнения и субъективные ощущения напряженности представляются не относящимися к делу явлениями (хотя, они, конечно, могут быть поверхностными признаками важных событий). С другой стороны, в 1946 г. *The Economist* писал следующее:

Со времени первой встречи министров иностранных дел прошло восемь месяцев. Отношения между обеими великими державами стабильно ухудшались. ... Возможно даже, что после декабрьской конференции [министров иностранных дел в Москве] союзники еще стремительнее стали впадать в болото подозрения, раздражения и разобщенности [20.04.46: 626]

Однако, скорее всего, Политбюро не придало большого значения этому «ухудшению» отношений с западными странами, поскольку свой конфликт с Западом оно считало ядром исторической эпохи, начавшейся с победы над Германией и Японией.

Если ориентация на противостояние сторон выражалась в форме «кто кого?» и носила всеобъемлющий характер, выраженный в максимальном уровне «подозрительности» и «разобщенности», то какие-либо изменения этого уровня представлялись весьма отдаленными от реальности. Исключения составляли случаи, когда эти изменения могли служить индикаторами значительных действий, предпринимаемых той или иной стороной. Что касается чувства «раздражения» (равно как и «примирительных настроений»), серьезные политики, (Уолл-Стрит, Кремль, Сити) не позволяют эмоциям влиять на предпринимаемые шаги, хотя могут выразить или симулировать раздраженность в угоду своим интересам.

Позже в 1946 г. *The Economist* приветствовал «примирительные» заявления, сделанные Сталиным:

...наибольшей важности шаг по изменению опасной тенденции последнего времени, угрожающей открытой враждебностью, был сделан самим Маршалом Сталиным. В интервью корреспонденту *Sunday Times* он опроверг практически каждое из недавних высказываний советской пропаганды, заявив о том, что «капиталистическое окружение», по его мнению, невозможно, а намерения его осуществить не имеют места. Сталин считал, что угрозы ядерной войны нет, атомную бомбу можно было бы запретить, а коммунизм мог бы мирно сосуществовать с капиталистической демократией.

...пускай ненадолго и совсем чуть-чуть, но заклятие мировой неприязни ослабло... [28.09.46: 481]

Нет оснований утверждать, что в противоположной ситуации Политбюро уподобилось бы реакции Запада и расценило бы кратковременное послабление риторики своих врагов как благоприятное изменение их политического

курса. Политбюро не позволило бы себе ни на секунду испытать или выразить чувство удовлетворения от кажущегося кратковременного спада напряженности, поскольку эффективность политика определяется его готовностью к высшей степени критическим ситуациям, какими бы отдаленными они не казались. Он должен проводить всестороннюю оценку соотношения сил и власти, характерных для текущего периода времени, сохранять постоянную проницательность, не допуская колебаний и опасной для политика экстраполяции эмоциональных представлений о надвигающемся кризисе на текущее состояние стабильности.

Впрочем, в 1948 г. *The Economist* стал более понятным для Политбюро.

Военный психоз, последовавший за новостями из Праги, не имеет рационального объяснения и не заслуживает внимания... Стратегическая ситуация ... осталась такой же, какой она была год назад. [06.03.48: 367]

а также:

За последние несколько дней впервые наблюдалось нечто, напоминающее военный психоз. Стоит отметить, что риск начала войны, каким бы он ни был, сейчас не выше, чем он был в июне или даже раньше. Никаких кардинально новых и внезапных событий не произошло. [2.10.48: 521]

Принцип преследования. В 1945 г. Политбюро, вероятно, со всей уверенностью полагало, что лидеры западных держав, позволив советской армии оккупировать различные части Восточной Европы, согласились также (по крайней мере, на время) и на то, что данные территории будут полностью контролироваться Политбюро. Маловероятно, что Политбюро трактовало свои обязательства по установлению «демократии» на рассматриваемых территориях как-то иначе, нежели трактуемые «демократические» обязательства в Советской Конституции 1936 г. Скорее всего, в 1945 г. Политбюро не видело ничего предосудительного в том, чтобы в районах, где оно занимало лишь определенные «командные высоты» (например, Министерства внутренних дел и вооруженных сил), в надлежащее время приступить к ликвидации всей существующей и потенциальной оппозиции, следуя методикам, разработанным в Советском Союзе. Выдвигая тем самым принцип преследования, Политбюро намеревалось противодействовать каким-либо вновь возникающим угрозам и занимало позицию четкого следования правилу *principiis obsta (противодействуй началам)*. И все же в 1946 г. *The Economist* писал следующее:

Страх, проваливший конференцию в Лондоне и преследовавший заседание министров иностранных дел в Москве, был страхом полного доминирования России в Юго-Восточной Европе. [11.05.46: 743]

Таким образом, *The Economist* писал лишь о вероятном развитии событий, тогда как у Политбюро сценарий не вызвал сомнений, и по-

мешать ему мог лишь ультиматум или атака со стороны Запада. Немного позже *The Economist* напишет:

На сегодняшний день страны Балканского полуострова беспомощны. Из этого не следует, что они таковыми и останутся... Текущее хрупкое равновесие сил может быть расстроено не только изменениями в политике великой державы, но также и в результате переворота в наименьшей из стран. [13.07.46: 43]

Несмотря на то, что Югославия послужила показательным примером, представляется, что приведенный отрывок все же нацелен воспрепятствовать стойким устремлениям Московского Политбюро установить полный контроль над странами-сателлитами. Это подтверждает следующее высказывание издания:

...идея нового Европейского концерта, несомненно, найдет отклик со стороны стран, находящихся в орбите советского влияния... [19.10.46: 612]

В аналогичном ключе *The Economist* писал в 1947 г. о запрещающем указе Политбюро правительствам всех стран-сателлитов принимать участие в Планах Маршалла:

Естественно, что в результате столь единой реакции стран Восточной Европы и последних проявлений русского руководства, еще глубже укоренится в Западном сознании картина закрытого блока, пребывающего в плену «железного занавеса»... И, глядя на эту картину, напрашивается вывод о том, что Европа достигла на своем пути очевидной развилки и что не стоит более рассчитывать на Восточноевропейские страны, ставшие неотделимым, недоступным и подконтрольным клиентом советского руководства. Однако имеет ли данное заключение фактическое основание? ...при тщательном рассмотрении картина развития восточно-европейских стран за последние два года выглядит куда менее монотонно и депрессивно. Факт масштабного влияния России не вызывает сомнения, но все же Восточные страны в равной степени сохранили свою действенность и самобытность... Есть все основания полагать, что в случае войны, Россия сможет рассчитывать на помощь соседних государств. Из этого не следует, тем не менее, что эти страны могли бы встать на сторону агрессора. [19.07.47: 91]

Позже, однако, в 1947 г. *The Economist* начнет высказывать точку зрения, схожую представленной выше. Вспоминая Ялтинскую «Декларацию об освобожденной Европе», издание писало:

Русским, по всей видимости, было сложно представить себе, как кто-либо мог придавать этому такое значение. Они воспринимали это как удобную для всех формулировку, описывающую американские уступки в деле разделения Восточной Европы на сферы влияния, договоренность по которым уже была достигнута между Маршаллом Сталиным и Черчиллем. А когда американцы, ссылаясь на Декларацию, опротестовали государственный переворот, приведший к устранению Вышинского и формированию прокоммунистического кабинета

П. Грозы, Кремль расценил это как хитрую уловку. [01.11.47: 711]

Тогда в статье «Падение Праги» от 28.02.48 *The Economist* писал:

В доминировании коммунизма [в Чехословакии] как гарантии безопасности для России не было абсолютно никакой необходимости. Но люди в Кремле не хотят иметь друзей. Человечество для них делится на врагов и рабов. Пока коммунистическая клика не установит монополию на власть, Кремль не будет удовлетворен ни одной страной. Весьма убедительные примеры идеологической унификации уже наблюдались в странах Юго-Восточной Европы. Но все-таки оставались надежды на то, что данная технология не будет использована и на Чехословакии. Теперь эти надежды разрушены. Пройдет время до завершения этого процесса, как и того, что был начат в Мюнхене в марте 1939 г. Но бесповоротное решение уже принято [332].

В статье все же не говорится, на каких убеждениях насчет Политбюро основывались «надежды» на Чехословакию.

В 1950 г. *The Economist* высказывал точку зрения, более полно совпадающую с представленной в следующем отрывке:

Русские всегда открыто заявляли, что признают лишь два типа государств: коммунистические, находящиеся под полным контролем советской власти, и антикоммунистические, рассматриваемые в качестве враждебных. Политика создания системы контроля над как можно большим числом государств ...практически восходит к середине войны, а идеологическая, к начальному периоду большевистского режима. Создание коммунистического правительства Польши началось в 1943 г. Дальнейший процесс протекал неумолимо с момента принятия первого решения и претворения его в жизнь. ...И первый шаг этот был сделан в период наивысшего уровня сотрудничества между Россией и Западом в рамках военного альянса.

Аналогично, гонения на немецких социалистов в Восточной зоне, запустившие процесс советизации Восточной Германии, были предприняты зимой 1945 – 1946 гг. ...Процесс поглощения уже начался ко времени Ялтинской конференции и набрал максимум оборотов во время встречи большой тройки в Потсдаме. Дальнейшие события являлись ничем иным, как воплощением в жизнь заранее определенной политики и, как показали последние пять лет, во всех странах, находящихся в радиусе советского влияния, кроме Финляндии, ...элементы «третьей силы»... или «нейтральные силы», симпатизирующие Западу, подвергались стабильному искоренению... [27.05.50: 1154]

До осени 1947 г. *The Economist* полагал, что отход Политбюро от занятых в Восточной Европе позиций возможен и без ультиматума или атаки со стороны Запада.

В 1946 г. *The Economist* высказывался о: ...нежелании Великобритании и Америки принимать железный занавес и видеть Европу навсегда разделенной... [11.05.46, стр. 744.], не

предлагая при этом никаких крайних мер, способных превратить их «нежелание» в нечто более действенное. Как раз наоборот, *The Economist* отметил, что:

...некоторые небольшие, но значительные изменения в политике России по отношению к Европе свидетельствуют о том, что Россия, схватившая Придунайские страны, слегка разжимает свой кулак.... Передачу Румынии всей Трансильвании на мирной конференции можно расценивать как знак того, что, в конечном итоге, русские могли бы, при условии поддержания текущего уровня внутреннего и внешнего давления, полностью уйти из Венгрии. [25.05.46: 826]

В статье подразумевалось, что они уйдут, не оставив за собой каких-либо способов осуществлять контроль.

В это время *The Economist* обратился к ситуации, сложившейся после 1945 г.:

...ко времени открытия Лондонской конференции (встреча министров иностранных дел, состоявшаяся осенью 1945 г.) одной из первостепенных целей британской и американской дипломатии стала цель охладить напор, с которым Россия осуществляла «управляемые революции», и повлиять на ее политическое доминирование в Восточной Европе. Спротивление России оказываемому давлению ввергло державы в состояние дипломатической дуэли, путем которой они выясняли отношения впоследствии, и что привело к краху Парижской конференции. [01.06.46: 874].

И снова издание допускает, что Политбюро может уйти под натиском лишь дипломатического давления.

В конце 1947 г., обсуждая итоги Московской конференции, прошедшей в начале того же года, журнал *The Economist* предположил возможность добровольного отступления Политбюро из Восточной Германии:

Относительно политического облика Германии шансы на успешные переговоры были гораздо выше, чем где бы то ни было. Идеи Великобритании и России по поводу государственного строя Германии не разделяла непреодолимая пропасть... [29.11.47: 867]

Таким образом, согласно изданию *The Economist*, в рассматриваемый период времени советская армия могла бы покинуть территории Восточной Европы, не оставляя после себя альтернативной системы контроля над государствами. В 1946 г. *The Economist* высказывал рекомендации, следуя которым, по мнению издания, англо-американская политика могла привести к сепаратным мирным соглашениям Советского Союза с Венгрией, Румынией и Болгарией:

...если бы эти соглашения привели к выводу русских оккупационных сил, это оказало бы, пускай частичный, но позитивный эффект на демократические процессы или, по крайней мере, способствовало бы толерантности в этих странах. [20.04.46: 627].

Более поздняя публикация в журнале *The Economist* была посвящена конференции министров иностранных дел:

...министры иностранных дел разобрали завалы по многим вопросам, и на уступки пошли, как и предполагается, все стороны. Бевин согласился с условием, гарантирующим вывод союзнических сил из Италии в сроки не более девяноста дней с момента подписания мирного договора, а Молотов, в свою очередь, дал аналогичные гарантии относительно Болгарии. [29.06.46: 1040]

Среди сдерживающих факторов, посредством которых западные державы могли бы побудить Политбюро к отступлению из Восточной Европы, *The Economist* видел следующие: Политбюро придавало высокую ценность согласованным мирным договорам и пошло бы на уступки, чтобы заключить их; осуществляя свою деятельность, по крайней мере, на территории Европы, Советское руководство ощущало бы определенные ограничения, вытекающие из содержания мирных соглашений в результате западной их интерпретации. По мнению *The Economist*, эти факторы играли важную роль и могли повлиять на распределение сил в регионе. Политбюро, вероятно, не разделяло эту точку зрения. В 1946 г. *The Economist* писал о задержке в разработке мирных соглашений с европейскими сателлитами Германии:

Очевидно, что оставить семь государств Европы без четкого политического и экономического каркаса означало бы подвергнуть серьезному риску перспективы переустройства и восстановления этих стран. [25.05.46: 826]

Данное утверждение преувеличивало роль мирных соглашений в построении «четкого политического и экономического каркаса», существовавшего в Восточной Европе под контролем Политбюро.

В той же статье издание писало о возможности заставить Политбюро занять приемлемую позицию по европейским мирным соглашениям путем угрозы со стороны Запада заключить сепаратные договоры. Однако позже *The Economist* комментировал этот вопрос следующим образом:

Заключение сепаратных соглашений с Италией, а также с Германией и Австрией (со стороны Западных держав) еще больше развязало бы руки русским на их собственных территориях и избавило бы от чувства оказываемого на них давления (которое они, должно быть [*sic*], испытывают в настоящее время) с целью сдерживания и принуждения к примирению [там же]

В том же году *The Economist* предсказывал последствия явно неудачной попытки Политбюро и Запада договориться об условиях мира в Европе:

Тогда советская зона в Европе, действительно, стала бы замкнутым миром. Каким бы значительным ни было западное влияние в восточной Европе сейчас, последовало бы его принудительное устра-

нение. Существование различных политических партий, уровень свободы прессы (который очень высок по русским стандартам), возможность въезда-выезда для журналистов и гостей с Запада – все эти преимущества могут быть смыты волной военного психоза, вызванного полным разрывом в отношениях России с западными странами... [01.06.46: 875]

The Economist предсказывал и противоположный сценарий:

...прежде всего, улучшение отношений внутри Большой тройки дает надежду на восстановление конституционной формы правления и законных оппозиционных сил в Восточной Европе. [04.05.46: 707]

Однако в своих прогнозах издание *The Economist* весьма переоценивало то значение, которое Политбюро придавало «законным» препятствиям в осуществлении принципа преследования, равно как переоценивало и степень зависимости успешного применения этого принципа от предположений насчет неизбежных кризисов в отношениях между странами. В действительности же Политбюро, вероятно, твердо намерено двигаться вперед как можно дальше, невзирая на то, близок или далек момент, когда пологие склоны последних захваченных высот смогут быть использованы для атаки противника.

В той же самой статье издания *The Economist* особенно ясно высказывалось мнение о том, что на поведение Политбюро существенное влияние может быть оказано не столько предельным, сколько умеренным давлением:

Допустить разрыв отношений означал бы оставить все попытки использовать западное влияние и давление на советскую политику в России или где-либо еще, в то время, как на Западе вряд ли в полной мере осознают, насколько большие изменения претерпела политика русских. [01.06.46: 875]

Это загадочное высказывание не получило дальнейшей расшифровки. В аналогичном ключе издание утверждало:

По острому вопросу о независимости Дуная переговоры сдвинулись с мертвой точки благодаря предложениям Великобритании и России, согласно которым четыре державы официально заявили бы о своей убежденности (Российская версия) или решении (Британская версия) в пользу того, чтобы Дунай был открыт для торговли всех стран. [29.06.46: 1040]

И вновь в статье имплицитно высказывается мысль о том, что западные методы давления, уступающие по силе своего воздействия ультиматуму или военной атаке, могли бы побудить Политбюро к отказу от тотального контроля над Дунаем в пределах советской сферы влияния.

Наступление и отступление. Я склонен полагать, что экспансионистские амбиции Политбюро носят неограниченный характер и нацелены, главным образом, на расширение и усиление собственной власти. В то время, как

издание *The Economist*, говоря о наступательной политике Политбюро после Второй мировой войны, склонно считать его цели реальными и ограниченными. Так в 1946 г. журнал писал о конференции министров иностранных дел Большой четверки:

Вероятно, ни разу еще министры иностранных дел не садились все вместе за стол переговоров, чтобы предельно честно обсудить, в чем заключаются неотъемлемые интересы каждой из сторон или выяснить, возможен ли такой социальный и политический порядок в Европе, с которым все были бы согласны. ... между сферами российских интересов и сферами интересов Великобритании и США существует общее пространство, в котором можно достичь практических решений и прийти к компромиссу. [20.04.46: 627]

Вероятно, ни разу еще министры иностранных дел не садились все вместе за стол переговоров, чтобы предельно честно обсудить, в чем заключаются неотъемлемые интересы каждой из сторон или выяснить, возможен ли такой социальный и политический порядок в Европе, с которым все были бы согласны.

И более конкретно:

Относительно разграничительной линии Италия находится западнее, но также и достаточно близко к ней, что в некоторой степени оправдывает российские интересы в делах этой страны. Поэтому, возможно, есть смысл в том, чтобы пойти на некоторые уступки по определенным вопросам и согласиться с взглядами России. К примеру, она могла бы получить репарации... [там же]

Позднее *The Economist* иногда давал противоположную оценку экспансионизму Политбюро. В 1948 г., обозревая ход переговоров в Берлине, издание писало:

Они развеивают последние надежды на возможность уговорить русских договориться мирным путем. Они будут говорить и пройдут все стадии переговорного процесса, но они не идут на уступки сами, а каждая уступка являет собой лишь прелюдию к дальнейшим требованиям. [25.09.48: 481]

Наступательные попытки Политбюро склонны иметь как агрессивную, так и оборонительную мотивацию. Кажется, что порой *The Economist* ощущал необходимость выбирать одно из двух, либо выбор был слишком труден. Об этом свидетельствует следующий отрывок из номера журнала от 16.03.46 г.:

Конечная цель российской политики, проводимой в Персии, остается загадкой. Что это – излишние амбиции? [407]

С другой стороны, в номере журнала от 30.03.46 г. Отмечалось, что Политбюро максимизировало бы свои шансы на получение нефтяной концессии в северном Иране путем вывода оттуда своих войск в обещанные сроки:

Наиболее вероятные причины отказа Москвы от этого пути кроются, во-первых, в опасениях Политбюро того, что британская, а точнее, англосаксонская экономика завладеет Персидским заливом (и, как следствие, по крайней мере, потенциаль-

ное, получит контроль над Персидским правительством), а во-вторых, в страхе того, что эта волна направится на север и перерастет в прямую угрозу Баку [482]

В том же номере говорилось и о

...неуверенности в том, что в действительности движет российской политикой в Персии: либо это не дающая покоя мания преследования, либо часть более крупного плана по использованию ООН в качестве прикрытия истинных намерений, которые, какими бы ограниченными ни были, носят агрессивный характер. Это всегда было и продолжает оставаться основным неразрешенным вопросом [481]

В 1947 г. *The Economist* писал о создании Информбюро коммунистических и рабочих партий (Информбюро), высказывая точку зрения, близкую следующему пониманию вопроса:

Что это? Объявление войны или демонстрация готовности к обороне?

Само существование этих альтернатив произрастает из крайнего затруднения, которое испытывает западный мир, пытаясь понять советскую стратегию. События прошлого года могут быть интерпретированы по-разному. Возможен вариант, при котором напуганная Россия в ужасе возводила укрепления... Марксистская теория заставляет русских верить в ту Америку, которая только и ждет подходящего момента для военного вторжения (имея в своем арсенале атомную бомбу). Из этого понимания и вытекают все следствия...

Тем не менее, каждый элемент данной стратегии может быть интерпретирован в абсолютно противоположном смысле. Согласно Маркеу, его учение несовместимо с каким-либо другим (ортодоксальным) ...русские навязывают Восточной Европе свои правила. Они уничтожают всякую оппозицию... Они яростно оспаривают доктрину Трумэна и План Маршалла, поскольку последние ограничивают амбиции... В конечном итоге, Информбюро будет использовать все средства пропаганды и оказывать необходимое давление с целью подавить любые попытки некоммунистического переустройства.

Но какая из версий верна? Сложность в том, что истинны обе... Следовательно, аналитическим путем составить эффективное руководство по российской политике не удастся никогда. [11.10.47: 591]

Однако последнее умозаключение представляется нелогичным выводом.

Утверждение о том, что Политбюро намерено и будет осуществлять наступление до тех пор, пока не упрется в запретительные ограждения, неоднократно, и я считаю, корректно аргументировалось журналом *The Economist* на протяжении всего рассматриваемого исторического периода. В 1946 г.:

Конечная цель российской политики, проводимой в Персии, остается загадкой. Что это – излишние амбиции? Или, что представляется более вероятным, решительное стремление укрепить занятые позиции в полной уверенности, что ни американская, ни британская общественность не потерпит вступления в войну? [16.03.46: 407]

Однако Политбюро, вероятно, не разделяло мнение издания *The Economist* о высокой степени влияния западной «общественности» на правительства этих стран. В 1948 г. издание писало:

... Если бы советские руководители считали, что при любых действиях с их стороны они не столкнутся с какой-либо оппозицией на западе, они также поддались бы соблазну собственного расширения. [25.09.48: 482]

Согласно предлагаемому здесь пониманию, было бы более корректно сказать, что в указанной ситуации Политбюро ощущало бы необходимость расширения. В 1950 г.:

Если бы Атлантический пакт был аннулирован, Америка вывела бы свои войска и отказалась от своих интересов, а «нейтральная» Германия и «нейтральная» Европа остались бы один на один с Советским Союзом, все последние исторические события наводят на мысль о том, что эти страны повторили бы судьбу президента Бенеша... [27.05.50: 1154]

Сопутствующая точка зрения о том, что, наткнувшись на запретительные препятствия, Политбюро прекратит наступательную активность, также широко, но не всегда, признавалась изданием *The Economist*. В 1946 г. журнал перечислял и следующим образом комментировал примеры агрессивных шагов Политбюро:

Как можно в сложившейся ситуации притворяться уверенными в том, что русские желают дружественного сотрудничества? Что можно сказать о политике, основанной на непреодолимой враждебности и неумолимых подозрениях? Зачем же тогда Бевин и Бернс отправляются в еще одно бесполезное паломничество? Не лучше ли было бы для Великобритании и Америки взглянуть фактам в глаза и, оставив попытки достичь так и недостигнутого соглашения, сконцентрироваться на собственных правах и интересах?

Реакция эта, однако, стала бы следствием не государственной прозорливости, но раздражения, а раздражительность намного повышает ставки. [20.04.46: 626]

Имплицитный смысл заключается в том, что вероятность агрессивного шага со стороны Политбюро будет снижена вследствие «дружественной» реакции его цели. В схожем ключе *The Economist* высказывался в той же статье:

Именно в этом году, когда армии противоборствующих держав не до конца демобилизованы, необходимо сдерживать угрозу войны. [Там же]

Таким образом, издание не признавало, что незавершенность демобилизации на Западе еще более снизила вероятность войны в 1946 г., которая в любом случае была невысокой. Тем не менее, несколько позднее *The Economist* высказывал противоположную (я считаю более корректную) точку зрения:

Аргумент в пользу независимого шага со стороны Запада (по вопросу Европейских мирных соглашений, заблокированных Советским Союзом)

следует из выдвигаемой даже в последнюю минуту инициативы обеспечения и проведения согласованной политики... Инициатива эта основана на предположении, что серьезная угроза со стороны Америки прекратить попытки переговоров и, если потребуется, заключить сепаратный мир, встряхнет русских и заставит осознать, как далеко они зашли, испытывая терпение своих союзников... В таком случае стороны могли бы вернуться за стол на конференции 15 июня в полной готовности вести переговоры на основе реальных уступок и соглашений. [25.05.46: 826]

И вновь немного позже *The Economist* отмечает некоторое «ослабление в сложившейся международной ситуации» и указывал на одну из его причин:

...вероятно, возрастающая уверенность русских в том, что «наступательная политика» в Средиземноморье с учетом враждебного англо-американского фактора и ожидаемой выгоды не оправдала бы предпринимаемые риск и затраты. Исходя из этого, русские постепенно оставляли свои претензии на мандат для Ливии, базы на островах Додеканес и на исключительный контроль над Югославией через Триест в Адриатическом море. [06.07.46: 8]

Тем не менее, как говорится в статье,

Скорее всего, они будут ожидать равного смягчения давления в Восточной Европе и с англо-американской стороны.

Данное предположение не только переоценивало озабоченность Политбюро умеренным «давлением», оказываемым тогда на Восточную Европу Западом, но, говоря о ситуации, как о *quid pro quo* (услуга за услугу), затемнял факт того, что Политбюро прекратило наступление ввиду возникших на пути превосходящих его силы препятствий. Поэтому, утверждение, сделанное в последующем выпуске журнала, представляется более корректным. В журнале *The Economist* обсуждалось то, как на Парижской конференции министров иностранных дел Политбюро оставило попытки расширения за пределы сферы, которые фактически были установлены Ялтинским соглашением:

Вероятно, ни Великобритания, ни США не начнут войну, скажем, из-за Триеста, но риск полного краха сотрудничества между союзниками, способного привести к ядерной войне с преимуществом на стороне Запада в той же мере оказывал сдерживающее воздействие. [13.07.46: 42]

И вновь теперь уже термин «сотрудничество» наталкивает на ложный смысл. Несколько позднее, *The Economist* утерял четкое осознание того, что непреодолимые препятствия, существование которых может при определенных обстоятельствах быть успешно обозначено путем выражения или симулирования «гнева» или «контробвинений», являются единственным средством, противодействующим наступлению Политбюро:

Господин Джордан, представлявший Новую Зеландию, на прошлой неделе стал выразителем всеобщего раздражения среди делегатов Парижской

мирной конференции от того, что называют «пиратскими» методами российского блока... Однако миротворческая деятельность требует от политиков работы на результат без оглядки на часы. С тактической точки зрения, нетерпение подобно катастрофе, потому что оно дает преимущество стороне, которая не торопится достичь соглашения, и в результате торопливая сторона либо идет на излишние уступки, либо впадает в гнев и позволяет себе бесполезные упреки по поводу того, что она рассматривает как умышленное затягивание переговорного процесса.

Мирная конференция должна протекать без суеты, как это происходило в прежние времена... Многое следует исправить в настроениях сторон в Люксембурге, а миру было бы намного спокойнее, узнай он о том, что вместо очередного раунда идеологических препирательств, министры иностранных дел провели день, купаясь в Сене, или были замечены на каруселях в Винсенсе. Перспективы мирного урегулирования были бы намного ярче, если бы делегаты вместо того, чтобы думать, успеют ли они закончить работы до сессии ООН, были бы полны готовности к не одному месяцу умелого, усердного, бесстрастного ведения политической игры, перемежаемой таким разнообразием развлечений, какие только может предложить Париж. [24.08.46: 288]

Тем не менее, ближе к концу года в тон высказываемой здесь точке зрения, *The Economist* скажет об уступках СССР на конференции министров иностранных дел в Нью-Йорке:

Возможно, это объясняется традиционными методами российской дипломатии, но русские не перестают торговаться до последнего, пока не станет ясно, что оппоненты больше не уступят ни на йоту. Затем, на этой стадии переговоров, российская сторона идет на зачастую неожиданные уступки. Возможно, Молотов наконец-то убедился в том, что ни Бевин, ни Бернс более не уступят. Поэтому он сдался. [07.12.46: 899]

Подобным же образом *The Economist* высказывался в 1948 г.:

...возможно, необходимо сохранять твердость позиций вплоть до стадии реального риска, прежде чем российские представители в Берлине смогут проинформировать Москву о том, что они достигли мертвой точки... [03.04.48: 535]

Складывается впечатление, что проводя подобную тактику «твердость» позиции была бы лишена очевидного «риска».

Признавая этот факт, *The Economist* на протяжении всего рассматриваемого периода писал о целесообразности недвусмысленно и заблаговременно указать Политбюро, какие наступательные шаги с его стороны приведут к войне. В 1946 г. издание писало:

Слабость западных держав до сих пор проявлялась в том, что они, как представляется, не определились, в чем заключаются их главные интересы или, по крайней мере, не проявили должной приверженности к их достижению. Результатом послужило продвижение русских в нейтральную полосу международных споров и дальше в зону опасного сближения с передовой Запада. Теперь единствен-

ный способ избежать прямого столкновения – это заявить о том, где это столкновение было бы неизбежно... Если Бевин и Бернс смогли бы внести эту долю ясности в отношении Великих держав, риск того, что они споткнутся друг о друга и начнут противоборство во тьме, значительно снизится. [20.04.46: 627]

В 1948 г.:

...наибольшие надежды на мирное сосуществование Западные державы связывают с отчетливым представлением об обстоятельствах, при которых русская сторона могла бы начать войну... Должна проходить четкая линия, а мир, включая и самих русских, необходимо убедить в том, что любое посягательство встретит предельное сопротивление. [25.09.48: 482]

С другой стороны, *The Economist* менее прозрачно высказывался о том, что только путем ультиматума или атаки можно уговорить Политбюро хоть на сколько-нибудь ослабить контроль над какой-либо сферой его влияния. Из этого следует, что с 1945 г. Политбюро ни разу не было готово пойти на снижение своего потенциала или уменьшить контроль над Восточной частью Германии на каких бы то ни было предложенных Западом условиях. Тем не менее, в 1946 г. *The Economist* писал следующее:

Первый залп, открывающий дискуссию министров иностранных дел о Германии, был сделан Молотовым... судя по большинству пунктов его выступления, их содержание не должно затруднить создание объединенной комиссии... Как только русские согласятся допустить объединенную следственную комиссию не только к военным учреждениям, но также к военным заводам, механизм, вероятно, сможет быть запущен. [13.07.46: 48]

А через неделю издание писало следующее:

По-прежнему политика организации западных зон (Германии) в изоляции от Востока более предпочтительна образовавшемуся на неопределенный срок политическому вакууму, в котором русские, по существу, в пределах своей зоны поступают, как хотят, но налагают запрет на британскую и американскую политику на Западе. Между тем, однако, им (Западным державам) стоило бы пересмотреть вопрос о том, возможно ли достичь какого-либо соглашения с русскими, возможен ли компромисс.

...Молотов хочет установить централизованное правительство (в Германии), объединенный Рейх ... и провести разоружение. Бевин и Бернс хотят получить долгосрочный контроль над разоружением Германии. На самом деле, по вопросу разоружения основное разногласие состоит в том, что Бернс предложил контролировать двадцать-пять лет, а Молотов – сорок. [20.07.46: 84]

В 1947 г.:

Эмпирический, чтобы не сказать противоречивый, характер русской дипломатии, вероятно, проявился более очевидным образом за последние недели, чем когда-либо. Одно время казалось, что ос-

нову советской дипломатии составляли согласие и понимание. Уступки русских в соглашениях по государствам-сателлитам, согласованная повестка дня перед встречей в Москве, неоднократные интервью Сталина прессе, выдержанные в примирительных тонах – все это не только способствовало разбору залежавшихся дипломатических завалов 1946 г., но и подарило новые надежды на мирное урегулирование германского вопроса...

Однако за последний месяц, обращаясь именно к этой проблеме, Россия предстала двуликим Янусом, показав отвратительную гримасу. [15.02.47: 271]

Касательно предстоящей конференции министров иностранных дел в Москве издание писало:

Англичане и американцы намерены получить от русских конкретный ответ на вопрос, намерены ли последние соблюдать Потсдамское соглашение, будут ли продовольствие и промышленные ресурсы Германии объединены с западными. [08.03.47: 316]

Тем не менее в 1947 г. *The Economist* высказался о *de facto* состоявшемся разделении Германии:

В этой приводящей в уныние ситуации нет ничего особо нового. Тактика русских преследовала те же цели с момента прекращения огня в 1945 г. Но Великобритания и США сохраняли надежды на более масштабное сотрудничество, что препятствовало выстраиванию новой политической линии и вставляло палки в колеса мысли. Государственный переворот в Праге должен раз и навсегда прогнать идею о том, что русские лидеры с их сегодняшними настроениями способны разделить свою политическую и экономическую власть над чем бы то ни было. [28.02.48: 332]

Но в 1949 г. *The Economist* вновь перестал осознавать того, что отступление Политбюро может быть вызвано лишь крайними мерами, использование которых журнал не рассматривал:

...награда (стран Запада) ... теперь отчетливо виднеется на горизонте – вся Германия для Запада. [14.05.49: 875]

В 1950 г. реализм (согласно моему толкованию) вновь отразился в дискуссиях о возможностях объединения и нейтрализации Германии:

Не имеет смысла предполагать, что русские готовы ликвидировать свое полицейское государство. Их скрытая цель – расширить зону своего контроля. [08.04.50: 754]

К 1950 г. журнал *The Economist* намного передвинул позиции, занимаемые им в 1946 г., связав возражения Советского Союза против механизма международного контроля над ядерным оружием с советской скрытностью. Теперь издание в более полной мере осознавало тщетность каких-либо других мер сдерживания Политбюро, кроме предельного на него давления.

...скорее всего, на встрече в Москве русские будут настаивать на «государственном суверените-

те» и не примут каких бы то ни было незваных инспекторов на свою землю. Однако в последнее время наблюдались признаки того, что не все в советских правящих кругах разделяют единое мнение, как это постулирует коммунистическая теория, и, возможно, если мнение мирового сообщества за пределами России будет в пользу международного инспектирования ядерных вооружений, то даже НКВД не сможет противостоять внешнему влиянию. [12.10.46: 572]

Переговоры с врагом. Тот факт, что Политбюро в отличие от определенных правительственных органов Запада, не склонно сентиментальничать в отношении «соглашений» или «урегулирования» долгое время, о чем свидетельствуют приведенные выше отрывки статей, оставался непризнанным или невыраженным изданием *The Economist*. Ниже следует еще один пример из журнала *The Economist* от 1946 г., содержащий высказывание о Парижской конференции министров иностранных дел:

...нельзя сказать, что единственным направлением работы Парижской конференции было маневрирование с целью занять выгодное стратегическое положение перед будущим конфликтом. Под конец прошлой недели министры иностранных дел снова впали в неформальный стиль переговоров, что через два дня дало удивительные результаты... На самом деле, казалось, что механизм искренних переговоров вновь заработал. [18.05.46: 790-791]

Таким образом, даже когда издание акцентировало внимание на крайней сложности и редкой возможности вести «искренний диалог» с Политбюро, *The Economist* не мог признать нереальность таких переговоров. Это подтверждается в следующем отрывке:

Все надежды на то, что взаимные уступки открывают новую стадию искренних переговоров, были, тем не менее, разбиты, когда Молотов отказался рассматривать... Вследствие чего конференция вновь оказалась в состоянии трупного окоченения. [Там же]

Однако осенью 1948 г. *The Economist* писал следующее:

...то, о чем годы назад немногие догадывались, что было очевидным для многих позже, теперь было доказано общественности, а именно, то, что договориться с русскими коммунистами невозможно. Причем новость была в том, что теперь это доказано, но не сам факт. Более того, важно заметить, что доказано именно то, что русские не заинтересованы в международном согласии. Никогда ранее не было больше доказательств того, что они, действительно, намерены воевать. [02.10.48: 521]

А в 1950 г. издание писало:

Ошибочность идеи ограниченного соглашения [по контролю над вооружениями] на данном этапе заключается в предположении того, что Советский Союз заинтересован в дружественных отношениях. Он занят созданием мирового коммунистического порядка, а достигнутые и проваленные соглашения считаются лишь средствами достижения конечной цели. [18.02.50: 353]

Участвуя в переговорах с осени 1945 г. до весны 1950 г., Политбюро, вероятно, считало незначительными потери от неудачи заключить соглашение – всего лишь срыв наступления за Ялтинские и Потсдамские позиции, которые в любом случае Политбюро не рассчитывало значительно улучшить путем дипломатии (так что в случае успешных переговоров выгода была бы тоже несущественной). *The Economist* же обычно придавал большое значение успеху или неудаче на международных конференциях и считал, что подобным же образом расценивает переговоры и Политбюро. Так весной 1946 г. издание высказывалось о соглашениях, едва затрагивающих мировое распределение сил, придавая им высокую важность:

По крайней мере, впервые кажется, что между двумя Великими державами наступает оттепель. Вслед за Лондонским тупиком и рождественскими разочарованиями Москвы весенний Париж обещает нечто более благоприятное... Впервые в своей истории Совет безопасности принял практически единогласное решение по одному из противоречивых вопросов. 28 апреля десять из одиннадцати членов совета проголосовали за принятие австралийской резолюции, которая еще раз декларирует осуждение Великими державами режима Франко и назначает комитет по расследованию, представляет ли правительство Франко угрозу международному миру и безопасности, и насколько эта угроза существенна. Русские решили не блокировать эту резолюцию, используя свое право вето, и предложение создать следственный комитет было автоматически принято как злободневный процедурный вопрос. Все понимали, что на самом деле вопрос был существенный, однако если рассматривать его под таким углом, воздержание русских при голосовании равнялось бы вето. Казалось, что лучше было бы не заострять внимание на этой аномалии...

По другую сторону Атлантики на конференции в Париже русские в новых для них примирительных тонах уже разгребли завал, тормозивший Лондонскую конференцию – вопрос участия Франции в дискуссиях о всех мирных договорах, а также предложили объездной путь в решении другой проблемы – будущего Триполи...

К чему такие перемены? Почему столь затяжная и тупиковая ситуация нашла такое мягкое решение? Трудно найти адекватную причину... Если впустить на мгновение долю оптимизма, не витает ли в этой новой атмосфере отношений надежда на то, что нависшая сразу после войны напряженность начинает ослабевать? [04.05.46: 703]

а также:

...аргументы в пользу предотвращения разрыва отношений между союзниками неоспоримы. Принятие окончательный разрыв в отношениях, разделение послевоенное устройство на два мира – русский и нерусский – должно усилить трение и соперничество между странами, и если печальная история прошлого чему-нибудь учит, то такой сценарий, в конце концов, закончится войной. [25.05.46: 826]

С другой стороны, согласно Политбюро, сама структура той эпохи знаменовала «окончательный разрыв» «двух миров» с «постоянным трением» между ними. Был «разрыв» или нет, по вероятным оценкам Политбюро, это не оказало бы значительного влияния на военный исход кризиса в отношениях. Именно такое отношение к ситуации *The Economist* выразил в отдельном абзаце весной 1946 г.:

...предположения о том, что неудачные попытки договориться по мирным соглашениям означают неизбежную и скорую войну между Востоком и Западом, производят мелодраматичный и даже абсурдный эффект. Это никаким образом не изменит существующий баланс сил, от которого зависят шансы на мирный и военный исходы. [01.06.46: 875]

Тем не менее, вскоре *The Economist* вновь в свойственной изданию манере высказался, придавая высокое значение успехам и неудачам в переговорном процессе между Политбюро и западными странами:

Наконец, спустя месяцы безрезультатных переговоров, кажется, главы внешнеполитических ведомств весьма близки к согласию по проекту итальянского соглашения...

Послабление международной обстановки еще более ощутимо в сравнении с атмосферой пессимизма и военного психоза, воцарившейся после провала первой майской конференции в Париже. Тогда казалось, что никакими дипломатическими средствами и последними запасами доброй воли не удастся уберечь Европу от распада на два враждебно настроенных лагеря, а международное сообщество – от пагубного разделения на «два мира». Тем не менее, получив новые инструкции, министры вернулись в Париж и проявили на обновленной конференции наибольшую за последние девять мрачных месяцев открытость и способность пойти на компромисс. [06.07.46: 8]

а также:

Что можно сказать о достигнутых договоренностях, которые теперь должны стать предметом обсуждения на мирной конференции? Более всего обнадеживает и заслуживает внимания не столько их содержание, сколько само существование этих договоренностей. Тупикивость ситуации настолько затянулась и еще белее омрачалась кажущейся непроходимостью и отсутствием какого-либо выхода, что умение дипломатов найти при всем при этом компромисс и сохранить окно дипломатических возможностей открытым, а нации, хоть и номинально, в числе объединенных, заслуживает признательности. [13.07.46: 42]

И следующий отрывок:

...Перспективы мира во всем мире не будут столь яркими, если на предстоящих переговорах Великие державы попросту не смогут договориться. [13.07.46: 43]

В отношении дискуссий о Германии на Парижской конференции издание писало следующее:

Невыносимое упрямство и скрытность русских, очевидно, ближе к завершению дискуссий породило в Бевине и Бернсе отчаянное желание любой ценой освободиться от вызывающего у них негодование союзника. Однако два фактора, должно быть, удерживали их от немедленного прекращения отношений. Во-первых, это суровые перспективы альтернативной политики. [20.07.46: 84]

Поскольку:

...терпеливое ведение переговоров в рамках стран Большой четверки было единственным способом не дать соперничеству Великих держав перерасти в угрожающие всем боевые действия. [19.10.46: 611]

Однако позднее в том же году *The Economist* следующим образом высказывался о рассматриваемой ситуации:

В ходе переговоров может случиться так, что одна сторона не захочет покупать или продавать товар на условиях, отличных от ее собственных. В таком случае другая сторона должна будет либо принять ее условия, либо отменить сделку. В сложившейся международной ситуации необходимо принимать в расчет возможность того, что советские руководители посчитают, что смогут из отсутствия какой-либо сделки извлечь большую выгоду, чем Запад. [30.11.46: 863]

Или, скорее, больше, чем Запад, возможно, рассчитывает.

Участвуя в переговорах, Политбюро рассматривает проблемы не с точки зрения их «преимуществ», а с точки зрения власти. Такого рода подход *The Economist*, казалось, долгое время расценивал как аномальный. В 1946 г. издание высказывалось следующим образом:

...уровень подозрительности вырос настолько, что ни один вопрос не рассматривается со стороны его преимуществ. [18.05.46: 790]

Позднее в том же году *The Economist* писал о проектах соглашений со странами сателлитами Германии следующее:

Каждое условие соглашения обсуждалось не как элемент рациональной системы Европейского порядка, а как пешка в игре между Востоком и Западом... [14.12.46: 939]

Согласно Политбюро, для переговорного процесса естественно употребление враждебной риторики, после чего соглашение все же может быть достигнуто. Однако, как неоднократно отмечал *The Economist*, между уровнем выраженной враждебности и успешностью переговоров прослеживается негативная корреляция. Так, в 1946 г. *The Economist* писал:

Вероятно, ни разу еще министры иностранных дел не садились все вместе за стол переговоров, чтобы предельно честно обсудить, в чем заключаются неотъемлемые интересы каждой из сторон или выяснить, возможен ли такой социальный и политический порядок в Европе, с которым все были бы согласны. Слишком разные темпераменты делегатов явно усложнили эту задачу, а взаимные подозрения и враждебный настрой, видимо, достигли уровня,

когда договориться просто невозможно. [20.04.46: 627]

а также:

Министры вернулись в Париж, и предварительные схватки предрешили исход всего соревнования не в пользу соглашения. [22.06.46: 999]

Через неделю *The Economist* отмечал определенный компромисс, достигнутый сторонами на конференции, но признавал следующее:

Но все же, несмотря на перечисленные компромиссы, нужно признать, что психологические предчувствия еще сильны. На смену явно выраженной доброжелательности первых дней быстро пришло раздражение и разочарование. В подобной атмосфере терпеливый и скрупулезный поиск компромисса нарушает несдержанный поступок, что сводит весь поиск на нет. [29.06.46: 1040]

И вновь:

Идет лишь вторая неделя Парижской мирной конференции, но уже в первые дни, начиная с церемонии открытия, ощущалась атмосфера странного и, на первый взгляд, сбивающего с толку психоза – психоза непрерывного и неослабевающего соперничества между державами Запада и Россией. [10.08.46: 217]

То, что для Политбюро представлялось сущностью мировой политики той эпохи, здесь кажется внезапным приступом «психоза». Согласно Политбюро, оказываемое на партнеров по переговорам давление (за исключением политики *quid pro quo*) является единственным способом выгодным для себя образом повлиять на их поведение. Однако в 1946 г. *The Economist*, доказывая Политбюро преимущества «политики терпения» перед «политикой разрыва», писал:

...возможно, время покажет, что ценой огромного труда согласованное решение может быть принято. [01.06.46: 875]

Имеется в виду, как представляется, что с помощью «труда», нежели оказываемого «давления» Политбюро может измениться. Например, хоть сколько-нибудь снизится уровень его «подозрительности».

В том же году *The Economist* подтверждал, что в результате конференции министров иностранных дел мог бы быть найден компромисс по вопросу итальянских репараций Советскому Союзу, добавив при этом:

И уступки по этому пункту, возможно, облегчили бы будущую работу по решению других более сложных вопросов повестки дня. [22.06.46: 999]

Однако на данном этапе, как и всегда, представляется ясным тот факт, что подобное утверждение основано на предположении о поведении советских руководителей, которое расходится с тем, что я называю операционным кодом Политбюро.

Конечно, имеет право на существование точка зрения, согласно которой выдвигаемые мной гипотезы против комментариев журнала *The Economist* ошибочны и двусмысленны. Тем не менее, остается справедливым тезис о том, что эффективность внешней политики зависит от точности предположений, сделанных одним участником мировой политики относительно поведения других.

Возможно, основные цели американской внешней политики остались теми же, что и семь лет назад, но средства достижения этих целей претерпели большие изменения. Причиной тому послужила смена позиции Советского Союза.

Как было показано в настоящей статье, одним из наиболее сложных вопросов внутренней повестки дня Запада был и до сих пор остается вопрос адекватного построения операционного кода его антагониста. Настоящее исследование являет собой попытку доказать, что построение подобного кода не должно осуществляться лишь при необходимости в условиях конкретной ситуации либо становиться предметом интуитивных догадок, какими бы озаряющими они ни были. Операционный код должен выявляться в результате непрерывного исследования, что увеличило бы шансы избежать опасного соблазна смотреть на других сквозь свой собственный образ.

© Белов Е.С. (перевод), 2009

Кейлз Р. М.

Каламазу, Мичиган, США
Перевод Ворожцовой О.А.

**ЯЗЫК ПЕНТАГОНА –
ЭТО РАЗНОВИДНОСТЬ НОВОЯЗА**

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

Аннотация. В статье рассматривается сходство между «языком Пентагона» и новоязом, описанным Дж. Оруэллом в романе «1984». Это сходство проявляется в обилии эвфемизмов, эллипсисов и аббревиатур.

Ключевые слова: новояз, Пентагон, язык военных, Оруэлл.

Сведения об авторе: Р.М. Кейлз.

Место работы: Университет Западного Мичигана.

Сведения о переводчице: Ворожцова Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков.

Место работы: Нижнетагильская государственная педагогическая академия.

Контактная информация: 622031, Свердловская обл., г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, д. 57.
E-mail: olga19@yandex.ru.

Keils R. M.

Kalamazoo, Michigan, USA
Translated by Vorozhtsova O.A.

**PENTAGON ENGLISH
IS A SORT OF NEWSPEAK**

ГЧТИ 16.21.27
Код БАН 10.02.19

Abstract. The paper reveals a close similarity between Pentagon English and Newspeak described in George Orwell's novel *Nineteen Eighty-Four*. The similarity is based on the abundance of euphemisms, ellipses, abbreviations.

Key words: newspeak, Pentagon, military language, Orwell.

About the author: R.M. Kelis.

Place of employment: Western Michigan University.

About the translator: Vorozhtsova Olga Alexandrovna, candidate of philology, associate professor of the chair of foreign languages.

Place of employment: Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Academy.

Роман «1984» Джорджа Оруэлла на протяжении многих лет воспринимался читателями как попытка показать преумножающиеся симптомы извращения власти, которые были характерны для свободных обществ того времени. Многие критики полагали, что это своего рода разоблачение досталинского режима. Спустя двадцать лет мы можем проследить параллели между английским социализмом (ангсоц) и современными бюрократическими обществами, так как достаточно хорошо знакомы с идеями Оруэлла. Критикам следовало бы быть внимательнее к языковой активности ангсоца (английского социализма).

Одна из характерных особенностей романа «1984» – это экспериментирование автора с языком. Новый язык (новояз) – это специальная модификация стандартного английского языка, разработанная для ангсоца. Подобный язык, язык правительственных министерств США, существует сегодня, существовал и до появления романа «1984». Возможно, он и повлиял на работу Оруэлла. «Даже в начале двадцатого века, пишет он в приложении к роману, употребление подобных слов и фраз было одной из характерных особенностей политического языка. Сокращения подобного вида чаще всего наблюдались в языке тоталитарных стран и организаций» (New York: Harcourt, Brace & World, 1949). Именно поэтому изучение языка наиболее оправдано в военной системе.

Язык Пентагона – это специальный диалект, используемый военнослужащими. Он сохраняет грамматику родственного языка – стандартного английского языка. Военный жаргон оказал значительное влияние на язык Пентагона, так как он проник в военные инстанции

от Белого дома до линий фронта. Мы видим, что диалект назван по подобию здания в форме снежинки (Newspeak). Диалект во многом определяет характер языка в правительственной сфере Вашингтонской бюрократии. Язык Пентагона характеризуется использованием акронимов, оригинальным превращением фраз новояза в сокращенные слова. Несмотря на значительную разницу, новый язык и язык генералов и солдат значительно схожи по форме и воздействию.

Так называемый В вокабуляр новояза сопоставим с языком Пентагона, так как в нем имеются слова, «преднамеренно построенные в политических целях» и используемые для того, чтобы выразить желаемое отношение к человеку, употребляющего их... Слова В вокабуляра – это особая словесная стенография, часто представляющая собой изложение ряда идей в нескольких слогах. В то же время новояз считается более точным и оказывает большее воздействие, чем обычный язык. Слова, составленные из А и С вокабуляров, используются для краткости и созвучности. Таким образом, словосочетание English Socialism (английский социализм) превратилось в Ingsoc (ангсоц = английский социализм). Для правильного употребления данного диалекта необходимо понять его структуру. Перевод на стандартный английский язык обычно возможен, но требует значительное перефразирование, при котором теряется «определенный подтекст». Так, например, сокращение HUD соответствует выражению *Department of Housing and Urban Development* (Министерство жилищного строительства и городского хозяйства). Ранее это неизвестное понятие звучало как название

варварского племени древней истории. Ироническое значение, передаваемое акронимом, обособляет гражданина от власти и мешает пониманию функций государственной власти. Поэтому граждане не имеют возможности критиковать государственные органы.

Подобные синтаксические игры характерны для вооруженных сил, хотя во многих случаях и правительство склонно к ним. В военных словарях, периодических изданиях, сообщениях и директивах можно найти много терминов, отражающих особенности В вокабуляра. Словосочетание *Commander In Chief, United States Air Force in Europe* (главнокомандующий Воздушных сил Соединенных Штатов в Европе) превращается в **CINCUSAFE**, которое читается и произносится как "sink-you-safe". Данное произношение желательно, но часто это простой набор первых букв, что значительно упрощает работу машинистки. Например, **CBR**, *Chemical, Biological and Radiological warfare* (химическое, биологическое и радиологическое оружие) ранее писалось для чтения как **CEBAR**. В некоторых случаях подобное сочетание сохранилось и произносится как "see-bar". В сообщениях используются прописные буквы, так как оборудование телетайпа не имеет букв нижнего регистра. В других примерах строчные буквы часто используются отдельно или совместно с прописными.

Любой из акронимов уменьшает возможность передачи определенной информации и искажает полноценное значение фразы до пустого выражения. Рассмотрим, например, выражение из военного лексикона: **PLOP** – *Pressure Line of Position* (линия перехвата). Если военнослужащий на протяжении нескольких лет регулярно употребляет определенный набор акронимов, он начинает мыслить этими словами, тем самым отстраняясь от живого языка. Это сходно с тем, если бы вы обращались к своему сотруднику по инициалам. Подобный процесс частично объясняет, почему многие авиаторы, когда их спрашивают о бомбардировке во Вьетнаме, заявляют, что приказы есть приказы, не принимая во внимание моральную сторону вопроса.

Ослабление значения слова за счет употребления акронимов – значимое явление в новом языке. Это отвлекает говорящего от поиска смысла во фразе, что могло бы причинить вред государственной власти. «Новояз был специально разработан для того, чтобы уменьшить размах мысли, пишет Оруэлл, и эта цель была косвенно достигнута путём сокращения выбора слов до минимума». Исторический пример подобного рода, сделанный для того, чтобы понять и облегчить коммуникацию, согласно источнику, – это таблица, опубликованная в словаре военных терминов. Словарь подготовлен объединенным комитетом начальников штабов для совместного использования в вооруженных силах (Washington: Public Affairs Press, 1963).

Изучение данной таблицы позволит понять природу языка Пентагона.

НЕ рекомендуется для использования	рекомендуется для использования
accidental war – неожиданная война	accidental attack – неожиданная атака
all out war – мировая война	general war – общая война
catalytic war – каталитическая война	catalytic attack – каталитическая атака
controlled reprisal – управляемый захват	controlled response – управляемый ответ
controlled war – контролируемая война	limited war – локальная война
local war – локальная война	limited war – локальная война
nuclear equipoise – ядерный баланс	nuclear stalemate – ядерный тупик
partisan warfare – партизанская война	guerilla warfare – партизанская война
peripheral war – периферийная война	limited war – локальная война
preemptive war – война с преимуществом	preemptive attack – наступление с преимуществом
recuperation – возмещение	recovery and reconstruction – восстановление, реконструкция
spasm war – разгар войны	general war – общая война
total war – всеобщая война	general war – общая война
unlimited war – бесконечная война	general war – общая война
unpremeditated expansion of war – непредумышленное расширение войны	escalation – обострение войны
unpremeditated war – случайная война	accidental attack – неожиданная атака

Оруэлл приводит еще один пример: «*Comintern* (коминтерн) – слово, которое можно произносить не задумываясь. В то время как *Communist International* (Коммунистический Интернационал) – выражение, над которым следует задуматься, хотя бы на некоторое мгновение, прежде чем произнести». Например, *Browning Automatic Rifle* (автоматическая винтовка) превращается в **BAR**, *Died of Wounds* в **DOW**. В данном примере мысли, которые могли бы причинить моральный вред, остаются скрытыми для родственников и друзей военнослужащего. Эвфемизм, языковая окраска – неотъемлемые составляющие всего военного словаря.

Несмотря на популярность языка Пентагона, большинство служащих оканчивают службу, не зная всех терминов, даже тех, которые непосредственно ими употребляются в деловых поездках. Следующая выдержка из отчета демонстрирует чрезвычайно высокое использование аббревиатуры:

PAC AFM 39-9, the fol AMN having enl this sta this date in AF for a period of four (4) yrs in gr AB, AFSC: 00010, asg Hqs Mil Tng Ctr Lackland

AFB, Texas. TO will issue nee T/meal tickets. REPT NLT 2400 hrs 30MAY61. Mov of DEPN & HHG at Govt exp not auth.

Перевод данного сообщения выглядит следующим образом:

Pursuant to authority contained in Air Force Manual 39-9, the following airmen having enlisted at this station on this date in the Air Force for a period of four years in grade Airman Basic, Air Force Specialty Code: 00010, are assigned to Headquarters, Military Training Center, Lackland Air Force Base, Texas. Travel Officer will issue the necessary travel and meal tickets. Report not later than 2400 hours, 30 May 1961. Movement of dependents and household goods at Government expense is not authorized.

В соответствии с указаниями, содержащимися в распоряжении Воздушных сил 39-9, следующие пилоты, завербованные в Воздушные силы в данный пункт на определенную дату сроком на 4 года по классу «Основы авиатехники», специальный код Воздушных сил 00010, приписаны в штаб, Центр военной подготовки, авиационная база Лэклэнд, Техас. Ответственное лицо выдаст талоны на проезд и еду. Доклад не позже чем через 2400 часов, 30 мая 1961. Передвижение служащих и вещей не допускается.

Данный пример показывает не только стандартное использование сокращений, но и значительное количество сокращенных простых слов. Кроме этого, отсутствуют вспомогательные глаголы и артикли, что является характерным для военной грамматики. Таким образом, большинство военных акронимов используются как существительные, чаще как имена собственные. В некоторых случаях возможно употребление имён прилагательных и сведение целых предложений к акронимам.

Следующий пример показывает, что часто в отчётах употребляются термины, истинное значение которых неизвестно, например, **DALVP**. Сокращение часто переводят как дни, предназначенные для отпуска: в распоряжениях встречается в следующем виде «**30 DALVP**». В словаре лексики воздушных сил данное понятие трактуется следующим образом:

Delay enroute [is] authorized chargeable as ordinary leave provided it does not interfere with reporting on date specified and providing individual has sufficient accrued leave.

Задержка в пути рассматривается как обычный отпуск в том случае, если не совпадает с отчётной датой, а у человека есть достаточно накопленных дней.

Полное сложное предложение (я добавил скрытый вспомогательный глагол) сокращено до пяти букв. В данной аббревиатуре можно проследить основное преимущество и один из недостатков языка Пентагона – краткость наряду с неясностью. Аббревиатура выглядит следующим образом «30 дней DALVP».

Нибел Флетчер и Чарльз Бейли II в романе «Семь дней в мае» высмеивают подобное незнание сокращений и последствия, к которым это приводит. Специальная подрывная группа из старших офицеров и гражданских лиц была создана с целью захвата правительства. Группа под названием ECOMCON свободно упоминалась в официальных сообщениях и распоряжениях (ее членство было распространено во всем мире), но никто, кроме членов тайной организации, не знали значения слова. Президент и другие члены правительства посвятили много времени для раскрытия этой организации. Традиционность оригинальных акронимов Оруэлла повлияла на характеры героев Нибела. Язык и небрежность, вызванная отсутствием чувства языка, оказали влияние на крах правительства, которое и раскрыло заговор.

Подобно униформе употребление особого диалекта выделяет говорящего от незнакомого с языком. Среди пользователей языка Пентагона существует особое сообщество, для которого данный язык – распространенный способ общения по службе. У военных не возникает желание юмористического использования сленга, особенно в том случае, если объектом являются сама служба. Перед любым человеком, не связанным с военной деятельностью, предстает пласт профессионального сленга или сленга, принадлежащего определенной группе или организации. Вот несколько ярких примеров из словаря военной лексики:

SNAFU: *Situation Normal – All Fouled Up*: нормальная ситуация – все испорчено (так расшифровывается в словаре военной лексики, написано буквами нижнего регистра).

FIGMO: *Fuck It – Got my orders*: отвалите – получите свои заказы. Данное выражение используется человеком, который передает приказы или распоряжения, обычно в течение шестидесяти дней, и тем, кто отвечает за качественное исполнение обязанностей на посту. Часто этому предшествует употребление в течение месяца следующего выражения.

IHTFP: *I Hate This Fucking Place*: я ненавижу это чертово место. Еще один пример высокомерного и труднопроизносимого приветствия. Говорящий просто называет буквы.

Цель подобного сленга – высмеять военный язык, но эффект во многом больше, чем простое неуважение. Обратите внимание, что все примеры являются полными предложениями, допустимо отсутствие подлежащего или формы глагола *be* (быть), что является типичным для разговорного английского и военной грамматики. Возможно, образование сленга в языке Пентагона более продуктивно и совершеннее, чем создание новых слов и фраз в официальном языке. Данное предположение требует дополнительных доказательств. Если коллоквиализм считать элементом нового языка, прогнозируя, что в ходе истории он может стать

частью стандартной языковой системы, то когда-нибудь военнослужащие смогут общаться двух или трёхсложными словами. Предложения для описания подобных ситуаций могут стать ненужными, как например, с выражением **DALVP**.

Классический пример перехода жаргонного слова в общеупотребительное – сокращение **GI** (солдат), аббревиатура времен Второй мировой войны. В военных словарях **GI** часто маркируется как сленг, сокращение запрещено для служебного пользования. Данная аббревиатура произошла от выражений *Government Issue* (казначейская эмиссия), *General Issue* (генеральное возражение), в особых случаях это соответствует понятию *Galvanized Iron* (гальванизированное железо). Сленговые выражения часто представляют собой этимологические загадки. Военные используют подобное выражение не только по отношению к пище, одежде и другому (как например, прилагательное *GI beans* – голы солдат), но и к выражению различных расстройств (существительное во множественном числе: «*I've got the GIs* – У меня диарея») с ироническим оттенком по отношению к себе. Когда сленговое выражение заимствуется из языка Пентагона, его значение сильно не меняется, а для представителя группы наоборот усиливается. Независимо от того, известен перевод фразы или нет, её значение понятно даже новичкам. Никакое другое понятие, как, например, *government issue*, не передает значение более точно. Отсутствие аббревиатуры **GI** в официальном вокабуляре позволяет сохранить его уникальное значение и разнообразные коннотации. Официальные словари стремятся зафиксировать значение в пределах одного слова и не допустить лингвистической игры. Самый разнородный слой любого языка – разговорный, так как в нем отсутствуют все искусственные границы.

Очевидно, что язык Пентагона безобиднее, чем любое политическое сознание. Безобидность языка Пентагона кроется в его стратегическом различии с новоязом. Замысел Оруэлла состоял в том, чтобы заменить один язык на другой за шестьдесят шесть лет. Дети, родившиеся в последнем поколении, будут знать только новый язык и лишь отчасти будут знакомы со старым языком (стандартным английским языком). Именно в этом случае они смогли бы выражать идеи, провозглашаемые английским социализмом. Бэнжамин Ли Ворс полагал, что восприятие и осознание реального мира обусловлено в значительной степени свойствами родного языка, то есть языка, который знаком с детства. В случае если прежний язык полностью исчезнет, то для первого поколения гово-

рящих на новом языке (стр. 2050) их предки будут восприниматься как иностранцы.

Несмотря на отсутствие взаимопонимания между гражданским и военным обществами, мы не наблюдаем языкового барьера между ними по трем причинам. Во-первых, если язык Пентагона был бы отдельным языком со своей грамматикой, он не мог бы стать родным языком, так как изучается только взрослыми. Он стал бы вторым языком; в этом случае гипотеза Ворса неверна. Во-вторых, язык Пентагона – это не язык; это – диалект, территориально незакрепленный и используемый людьми, которые всегда в действии. Как диалект, так и его носители зависят от родного языка. В обоих случаях необходимо наличие родного языка как базы для формирования определенного мировоззрения (исходя из гипотезы лингвистической относительности Ворфиана).

В-третьих, если две причины, указанные выше, верны, есть основание считать, что эффект Ворфиана не столь закрыт, как некоторые считают. Корпорация Рэнда говорит о том, что «родной язык в действительности влияет на то, как человек воспринимает и постигает мир; но это влияние скорее неоднозначно и заранее не предопределено; оно не накладывает непреодолимого барьера на взрослого говорящего», который является носителем своего родного языка.

Нет необходимости поднимать тревогу и кричать о помощи, когда взрослые подобным образом экспериментируют с языком. Наоборот, это во многом объясняет широкую критику и юмор в отношении языка Пентагона. В итоге, это своего рода сочетание элементов трагедии в мягких формах и элементов комедии, которая в течение многих столетий является показателем способности человека действовать эффективно. Язык Пентагона – это сочетание трагических и юмористических элементов. До тех пор, пока общество открыто всему абсурдному – черта, которая господствует во всех военных ведомствах, – будут существовать угрозы, подобные тем, с которыми мы встречаемся в романе «Семь дней в мае». До тех пор, пока существуют критики, члены общества не превратятся в рабов, несмотря на вновь появляющиеся угрозы для языка и политики. Итак, можно с уверенностью сказать, что нам повезло, так как большинство офицеров, вступающих сегодня в американские ведомства, это лица с высшим образованием. Исследования продолжают под руководством Министерства обороны (DOD – Department of Defense), а в школах изучаются разнообразные предметы, которые несколько десятилетий назад едва ли могли удовлетворить интересы военных стратегов.

© Ворожцова О.А., 2009

РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Будаев Э.В.

Нижний Тагил, Россия

ДИСКУРС И ПОЛИТИКА

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. Рецензия на книгу *Discourse and Politics* / Ed. by G. Álvarez-Benito, G. Fernández-Díaz, I. Ínigo-Mora. – Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2009. – 248 p.

Ключевые слова: дискурс-анализ, политический дискурс, политика

Сведения об авторе: Будаев Эдуард Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков.

Место работы: Нижнетагильская государственная педагогическая академия.

Контактная информация: 622031, Свердловская обл., г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, д. 57.
E-mail: aedw@rambler.ru.

Budaev E.V.

Nizhny Tagil, Russia

DISCOURSE AND POLITICS

ГСНТИ 16.21.27

Kod BAK 10.02.19

Abstract. Book review: *Discourse and Politics* / Ed. by G. Álvarez-Benito, G. Fernández-Díaz, I. Ínigo-Mora. – Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2009. – 248 p.

Key words: discourse-analysis, political discourse, politics

About the author: Budaev Eduard Vladimirovich, candidate of philology, associate professor of the chair of foreign languages.

Place of employment: Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Academy.

В современной науке анализ политического дискурса представляет собой междисциплинарное направление исследований, связанное с лингвистикой, семиотикой, психологией, политологией, социологией и др. Эта междисциплинарность обуславливает разнообразие теоретических подходов к дискурс-анализу и широкий диапазон используемых методов, что способствует все большей популяризации этого направления не только в рамках политической лингвистики. Такая ситуация инициирует попытки систематизировать теоретическую мозаичность, сложившуюся в политическом дискурс-анализе. Одна из таких попыток была предпринята в коллективной монографии «Discourse and Politics», опубликованной издательством «Cambridge Scholars Publishing» в 2009 г.

Монография состоит из четырех разделов, соответствующих определенной сфере анализа политического дискурса. Разделы разбиты на главы, каждая из которых представляет собой самостоятельное исследование.

Первый раздел «Стратегии политического дискурса» (Political Discourse Strategies) содержит восемь исследований. В первой главе (Japan in Transition: Talking Styles Among Prime-Ministers in Post-War Japan) Ш. Азума анализирует стратегии вежливости, которые используются политиками для противодействия дискурсивным стратегиям, представляющим угрозу для их репутации. Материалом для исследования послужили парламентские тексты выступлений японских премьер-министров в 1945-2006 гг. Ш. Азума выдвигает гипотезу, согласно которой в японском политическом дискурсе в последние полвека возникает и усиливается новый тип речевой стратегии, основывающейся на понятии солидарности. Эта стратегия позволяет редуцировать психологическую дистанцию между обществом и политиками, создать положительный имидж политиков и привлечь к их идеям внимание большего количества слушателей.

Совсем иной материал для изучения выбрал автор второй главы М. Дуфур (Catechism Meets Science and Politics). Исследователь обратился к текстам католических катехизисов и вопросников на научные и общественные темы, выпущенных во Франции в 17-18 вв. Между этими тематически далекими, но жанрово схожими изданиями, автор усматривает сходство, проявляющееся в политической идеологизованности и общности используемых персуазивных стратегий.

Отправной точкой для следующего исследования послужила теория концептуальной метафоры. М. Мехиас-Борреро, основываясь на идее Дж. Лакоффа о двух моделях семьи в американском политическом дискурсе, проследил актуализацию этих метафорических моделей в президентских выборах в США в 2004 г. Если Дж. Керри предпочитал актуализировать метафоры, относящиеся к «модели воспитывающего родителя», то для дискурса Дж. Буша была более характерна «модель строгого отца».

В четвертой главе К. Илие сконцентрировала внимание на анализе пояснительных замечаний (parentheticals) в дебатах британского парламента и шведского риксдага. Исследователем выделены основные функции пояснительных замечаний в политической коммуникации, рассмотрена роль пояснительных замечаний в реализации сентенциональных и межсентенциональных стратегий планирования, экспликации, оправдания и оценки.

В следующей главе (Memory, Gender and Speech Quotations in Parliament: A Comparison of British and Spanish Cases form a DP Analysis) испанские исследователи А. Карранса-Маркес и М. дель Мар Ривас-Кармона проследили, как политики используют прямое и косвенное цитирование в парламентских дебатах. Изыскание основано на сопоставительном изучении дебатов по вопросам домашнего насилия в британском и испанском парламентах с позиции дис-

курсивной психологии. Исследователи показали, что в обоих парламентах политики чаще прибегали к косвенному, чем к прямому цитированию, при этом мужчины-политики чаще использовали цитирование для привнесения негативных оценок, а женщины – позитивных. К межкультурным различиям авторы относят тот факт, что испанские парламентарии обращались к текстам философов и гуманистов, в то время как их британские коллеги проявляли полное равнодушие к текстам такого рода, предпочитая цитировать юристов и политиков.

Социопрагматический подход представлен А. Фетцер в главе «Political Interviews in the Media: The Public-Private Interface». Немецкая исследовательница рассмотрела интеракционную организацию политических интервью: дискурсивные идентичности, топики дискурса, коммуникативные стратегии, стилистические характеристики, систему смены ролей (взятия коммуникативного хода).

Критический дискурс-анализ применили М. дель Мар Ривас-Кармона и А. Карранса-Маркес (Ideological Discourse Strategies and the Formation of Identities in Spanish Political Debates on the Process of European Construction). Изучив выступления в испанском парламенте, лингвисты выделили четыре основные стратегии испанского парламентского дискурса: легитимации, делегитимации, консенсуса и поляризации.

Завершает раздел глава Л. Филардо-Льямас (Proposal for the Analysis of the Legitimatory Function of Political Discourse in the Northern Irish Context), посвященная изучению стратегии легитимации в североирландском политическом дискурсе. Основываясь на критическом дискурс-анализе по Т. ван Дейку, исследователь рассматривает легитимацию не просто как стратегию и способ ментального конструирования социально-политической реальности, а причисляет легитимацию к ключевым функциям политического дискурса.

Второй раздел посвящен вопросам взаимодействия вербальных и невербальных элементов политического дискурса. В последнее время это направление исследований все чаще называют мультимодальным анализом, в рамках которого все чаще удается показать зависимости между различными аспектами семиотического пространства политического дискурса. Так, И. Иньиго-Мора и Г. Альварес-Бенито сопоставили тексты интервью испанского премьер-министра с «невербальными сигналами»: жестами и «контактом глаз» с собеседником (Politicians, Gestures and Words: An Analysis of Televised Interview with J. Rodriguez Zapatero). Исследователи показали прямую зависимость между «контактом глаз» и тактикой «увиливания от ответа». Если политик избегает прямого ответа вопрос, он избегает «контакта глаз» с интервьюером. Схожую позицию заняла К. дель Солар-Вальдес (The Speech-Gesture System in the European Parliament), проследив связь между вербальными и невербальными компонентами политического дискурса британских и ис-

панских членов Европарламента. Основываясь на количественном анализе, К. дель Солар-Вальдес приходит к выводу, что идеологические взгляды играют более дифференцирующую роль, чем межкультурные различия.

Третий раздел, озаглавленный как «Методы анализа» (Methods of Analysis), открывается работой Г. Альварес-Бенито и К. дель Солар-Вальдес («Appollo-I: An Annotation Tool for the Analysis of Political Language and Oratory»). Авторы рассматривают возможности использования в дискурс-анализе специальной компьютерной программы Appollo, позволяющей проводить корпусный анализ конкордансов, и иллюстрируют возможности программы на примере исследования интервью Б. Клинтона. Отличительной чертой программы является возможность исследовать не только собственно тексты, но и одновременно отслеживать невербальные компоненты дискурса (при наличии видеозаписи).

Завершает раздел статья П. Булла (How to Analyse Political Interviews), рассмотревшего прагматические характеристики радиоинтервью с британскими политиками. Особое внимание исследователь уделил классификации ответов, выделив континуум промежуточных форм между полным ответом и отсутствием ответа: имплицитный ответ, неполный ответ, прерванный ответ. Также автор насчитал 35 способов «не отвечать на вопрос», используемых современными британскими политиками.

Последняя глава рассматриваемой монографии представлена исследованием Г. Фернандес-Диас «Building and Exploiting a Political Language Corpus». Для анализа политического языка автор обратился к эвристикам корпусной лингвистики, рассмотрев два корпуса политических текстов: идиолектный и тематический. Первый корпус был составлен из текстов одного конкретного политика – Х. Соланы, второй включал в себя тексты, принадлежавшие разным политикам, но посвященные одной теме – правам человека. С помощью анализа конкордансов удалось проследить, какие политические лексемы характерны для политического языка конкретного политика, а какая лексика присуща политическому языку, используемому для обсуждения определенной проблемы в европейской политике.

Главная цель коллективной монографии «Discourse and Politics» заключалась в том, чтобы проанализировать взаимодействие между политикой и дискурсом в различных методологических ракурсах и проследить, как это взаимодействие проявляется в различных культурах и языках. Решить столь широкую задачу в рамках небольшой монографии едва ли возможно, но осветить некоторые области политического дискурс-анализа авторам удалось. В первую очередь это касается таких направлений как анализ стратегий политического дискурса, изучение вербальных и невербальных средств политического взаимодействия, корпусное исследование политических текстов.

© Будаев Э.В., 2009

Веснина Л.Е., Григорьева Н.И., Тарасенко Е.О.
Екатеринбург, Россия
МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ ШКОЛА
ДЛЯ МОЛОДЕЖИ
«ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ»
(Екатеринбург, октябрь 2009)

УДК 364-12
ВВК Ш 42.14

Аннотация. В статье представлен отчет о проведении международной научной школы для молодежи «Политическая коммуникация».

Ключевые слова: политическая коммуникация, язык СМИ, современный политический дискурс, политическая метафора.

Сведения об авторе: Веснина Людмила Евгеньевна, ассистент кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, к. 285.

E-mail: levesna@yandex.ru.

Сведения об авторе: Григорьева Надежда Игоревна, ассистент кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, к. 285.

E-mail: levesna@yandex.ru.

Сведения об авторе: Тарасенко Елена Олеговна, студент кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, к. 285.

В период с 5 по 8 октября 2009 года в городе Екатеринбург при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы проходила вторая сессия международной научной школы для молодежи «Политическая коммуникация». В рамках первой сессии школы ведущими мировыми специалистами по политической коммуникации были проведены специализированные лекции-доклады, касающиеся вопросов восприятия России в западном политическом дискурсе, методологии и методики исследования политической коммуникации, а также прагматических аспектов и методики определения характера воздействия политической коммуникации на общественное сознание; состоялись консультации по проблемам политической коммуникации, ориентированные на планирование индивидуальной научной работы молодых специалистов в данной сфере. В межсессионный период молодые специалисты занимались самостоятельно в соответствии с планами индивидуальной работы, одобренными ведущими специалистами на первом этапе. Вторая сессия стала заключительной в международной научной школе для молодежи «Политическая коммуникация» в целом.

Vesnina L.E., Grigorieva N.I., Tarasenko E.O.
Ekaterinburg, Russia
INTERNATIONAL SCIENTIFIC SCHOOL
«POLITICAL COMMUNICATION»
FOR YOUNG SCHOLARS
(Ekaterinburg, October 2009)

ГСНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.19

Abstract. The article tells about the international scientific school «Political communication» for young scholars.

Key words: political communication, language of mass media, modern political discourse, political metaphor.

About the author: Vesnina Ludmila Evgenievna, Assistant of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Place of employment: Ural State Pedagogical University, pr. Kосмонавтов 26, k. 285.

About the author: Grigorieva Nadezhda Igorevna, Assistant of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Place of employment: Ural State Pedagogical University, pr. Kосмонавтов 26, k. 285.

About the author: Tarasenko Elena Olegovna, Student of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Place of employment: Ural State Pedagogical University, pr. Kосмонавтов 26, k. 285.

Участие во второй сессии приняли 91 человек из разных стран мира (США, Швейцария, Сербия, Польша, Казахстан, Турция, Россия) и различных городов России (Москва, Кемерово, Сургут, Ижевск, Томск, Новокузнецк, Барнаул, Саратов, Уфа, Челябинск, Нижний Тагил, Новоуральск, Екатеринбург). В течение четырех дней проводились семинары и практикумы, на которых молодыми специалистами были сделаны сообщения о самостоятельной работе и защищены подготовленные в межсессионный период рефераты. Своего рода итогом этой сессии стали лекции-доклады ведущих специалистов о перспективах развития соответствующего научного направления и возможных индивидуальных программах участия в нем молодых специалистов – участников проведенной научной школы. В качестве ведущих специалистов в этот раз выступили: доктор философии, профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе (США), член правления риторической ассоциации США Андерсен Ричард; доктор философии, профессор Лозаннского университета (Швейцария) Серио Патрик; доктор филологических наук, профессор Уральского государственного педагогического университета (Россия), заслуженный деятель науки РФ и почетный работник высшего профессионально-

го образования Чудинов Анатолий Прокопьевич.

В первый день сессии состоялись практикумы, коллоквиумы и семинары, проводимые в малых группах ведущими специалистами по политической коммуникации: обсуждались такие актуальные темы политической коммуникации, как применение языковых средств манипулирования при создании образа политика в современном дискурсе; агрессивность политической коммуникации в ходе предвыборной борьбы; «малые» информационно-психологические войны; эмотивная лексика в контексте политического общения; невербальное общение политиков; гендерные особенности политического дискурса и многие другие. Молодые ученые имели возможность получить ответы на интересующие их вопросы не только от непосредственных участников школы, но также и от крупнейших специалистов в области политкоммуникации, которые не принимали личного участия в организации занятий, но выразили готовность к сотрудничеству посредством Интернет (доктор философии, профессор Цюрихского университета (Швейцария) Вайс Д.; доктор философии, профессор университета Глазго (Великобритания), всемирно известный специалист в области политической коммуникации Данн Дж.).

Второй день был посвящен защите рефератов, подготовленных молодыми учеными в межсессионный период школы. Спектр тем, разрабатываемых молодыми специалистами в области политической коммуникации, широк: «Афоризмы в политическом дискурсе США и России», «Законы власти в рекламном дискурсе», «Японо-китайские кодексы политической борьбы», «Предвыборные технологии в российском политическом дискурсе», «Агитационная речь как средство политического пиара», «Государственный и политический PR», «Ирония в политическом дискурсе», «Прецедентные феномены в политической рекламе» и так далее. Данные темы получили поддержку ведущих специалистов на первом этапе сессии, так как являются перспективными направлениями современных лингвополитических исследований и соответствуют проблематике международной научной школы «Политическая коммуникация».

Следующий день молодые ученые слушали лекции-доклады ведущих специалистов о перспективах развития политической коммуникации и коммуникативистики. В частности, Серрио П. затронул в своей лекции вопросы соотношения языка, дискурса и идеологии; доклад Андерсена Р. был посвящен анализу языка политики и особенностям политической коммуникации в США; Чудинов А.П. осветил проблемы отечественной и зарубежной политической метафорологии. Молодые ученые, работающие в рамках данных направлений политической коммуникации, имели возможность еще раз услышать ответы на интересующие их вопросы.

Заключительный день второй сессии стал подведением итогов работы международной научной школы для молодежи «Политическая коммуникация», было проведено анкетирование и тестирование, посредством которых осуществлялся анализ эффективности освоения молодыми исследователями лучших научных и методических отечественных и мировых достижений в области политкоммуникации.

По результатам проведенной научной школы опубликованы два сборника тезисов «Политическая коммуникация», куда вошла 91 публикация участников школы очной и заочной форм; на сайте ГОУ ВПО «УрГПУ» размещены отчеты о стажировках молодых ученых – участников научной школы в научно-образовательных центрах по направлению научной школы «Политическая коммуникация»; всем участникам данного научного мероприятия выданы удостоверения о повышении квалификации или дипломы участников школы по программе «Всероссийская научная школа для молодежи «Политическая коммуникация»» в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России».

Кроме этого, статьи, отражающие содержание научной школы, рекомендованы к размещению в российских и зарубежных журналах.

По итогам школы на сайте Уральского государственного педагогического университета размещена база данных о молодых ученых – участниках научной школы, с указанием решаемых ими научных проблем, электронных адресов и ведущих публикаций, там же представлены аналитические материалы о кадровом резерве по направлению «Политическая коммуникация».

Результаты работы научной школы для молодежи могут быть использованы для подготовки предложений по созданию условий для оптимизации политической коммуникации в России, по корректированию образа России в зарубежных СМИ на основе представления соответствующих материалов зарубежным специалистам по коммуникативистике, связям с общественностью и журналистам; для получения полной и достоверной информации о текущем состоянии и перспективах политической коммуникации в России и других государствах, о проблемах восприятия образа России в зарубежном политическом дискурсе.

Участники школы выражают слова благодарности Министерству образования и науки Российской Федерации, которое предоставило значительные средства для проведения научной школы для молодежи.

Более подробную информацию о деятельности и участниках научной школы для молодежи «Политическая коммуникация» можно найти на сайтах Cognitiv.narod.ru и Philology.ru.

© Веснина Л.Е., Григорьева Н.И., Тарасенко Е.О. 2009

Ворошилова М.Б., Чудинов А.П.
Екатеринбург, Россия

МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ
КОММУНИКАЦИЯ»
(Екатеринбург, сентябрь 2009)

УДК 35.077.5
ВВК 4214

Аннотация. В статье представлен отчет о проведении международной научной конференции «Современная политическая коммуникация».

Ключевые слова: политическая коммуникация, язык СМИ, современный политический дискурс, политическая метафора.

Сведения об авторе: Ворошилова Мария Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, к. 285.
E-mail: shinkari@mail.ru.

Сведения об авторе: Чудинов Анатолий Прокопьевич, проректор по научной и инновационной деятельности, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой риторики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, оф. 219.
E-mail: ap_chudinov@mail.ru.

Voroshilova M.B., Chudinov A.P.
Ekaterinburg, Russia

INTERNATIONAL
SCIENTIFIC CONFERENCE
“MODERN POLITICAL COMMUNICATION”
(Ekaterinburg, September 2009)

ГСНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.19

Abstract. The article reports about the international scientific conference “Modern Political Communication”

Key words: political communication, language of mass media, modern political discourse, political metaphor.

About the author: Voroshilova Maria Borisovna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Contact information: 620017, Ekaterinburg, pr. Kosmonavtov 26, k. 285.

About the author: Chudinov Anatoly Prokopievich, Vice-rector for Academic and Innovative Activities, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

С 22 по 24 сентября 2009 года в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Уральский государственный педагогический университет» при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда проходила Международная научная конференция «Современная политическая коммуникация».

В конференции приняли участие 104 ученых из России, Болгарии, Латвии, Украины, Казахстана. Необходимо отметить обширную географию участников Международной научной конференции, среди которых были и представители зарубежных научных школ, и ведущих российских.

В конференции приняли активное участие такие зарубежные авторы, как Цонева Лиляна Михайлова (Болгария, Великотырновский университет Святых Кирилла и Мефодия), Клочко Надежда Николаевна (Латвия, Латвийский университет), Михайленко Валерий Васильевич (Украина, Буковинская государственная финансовая академия) и 4 представителя Республики Казахстан: Калкабекова Джемма Болатовна (Казахстанский государственный университет имени Ш. Уалиханова), Жикеева Айгуль Римжановна и Шумская Элина Николаевна (Костанайский филиал Челябинского государственного университета), Осипова Маргарита Вячеславовна (Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова).

Среди российских исследователей были представители следующих региональных научных школ: Москва (Шмелева Елена Яковлевна, Борисова Елена Георгиевна, Кара-Мурза Елена Станиславовна), Санкт-Петербург (Курнос Дмитрий Дмитриевич, Потсар Анна Никитична, Дунев Алексей Иванович), Омск (Иссерс Оксана Сергеевна, Тихонова Светлана Александровна), Кемерово (Керимов Руслан Джаванширович, Пименов Евгений Александрович, Пименова Марина Владимировна, Кондратьева Ольга Николаевна), Челябинск (Кошкарова Наталья Николаевна, Наумова Ирина Александровна, Фоминых Сергей Сергеевич, Белов Евгений Сергеевич), Тверь (Бушев Александр Борисович), Пермь (Гуреева Анастасия Михайловна, Карпова Татьяна Борисовна, Плотникова Александра Васильевна, Гуляева Татьяна Валерьевна, Пермякова Татьяна Михайловна, Мишланова Светлана Леонидовна, Данилевская Наталия Васильевна, Котюрова Мария Павловна), Казань (Кузнецова Юлия Евгеньевна), Хабаровск (Потапчук Елена Юрьевна), Барнаул (Карпушева Анна Васильевна, Артемова Ирина Юрьевна), Волгоград (Карякин Александр Вячеславович), Саранск (Кручинкина Нина Дмитриевна), Ставрополь (Халатян Анжела Борисовна), Уфа (Иванова Светлана Викторовна, Садуов Руслан Талгатович), Воронеж (Кашкин Вячеслав Борисович, Шилихина Ксения Михай-

ловна), Саратов (Балашова Любовь Викторовна, Дементьев Вадим Викторович), Тюмень (Сухарева Ольга Эдуардовна).

Программа конференции была составлена не вполне обычно. Специфической её чертой было сочетание традиционных (пленарное заседание, круглый стол) и оригинальных форм работы, например, организация работы мастер-классов.

Участники конференции представляли свои исследования в форме развернутых стендовых докладов. Ведущий мастер-класса ознакомился с текстом доклада и в определенное время встречался с докладчиком. Во время встречи могли быть заданы вопросы, сделаны замечания, рекомендована дополнительная научная литература, дана оценка сделанного, определены перспективы дальнейшего изучения проблемы и тому подобное. Подобная организация работы на конференции позволила превратить её в своеобразную «школу молодого специалиста», что было обусловлено составом участников, половина которых были студенты, аспиранты и молодые кандидаты наук.

Программа конференции была составлена таким образом, чтобы пленарные заседания оставляли достаточное количество времени для других видов работы. Среди других форм работы можно выделить презентацию новой литературы, индивидуальные и групповые консультации, не включенные в официальную программу, но постоянно вспыхивающие дискуссии по отдельным вопросам проблематики конференции.

На пленарных заседаниях выступали наиболее авторитетные профессора и докторанты, представляющие теоретические доклады. Максимальное внимание участников вызвали следующие пленарные доклады

1. Чудинов Анатолий Прокопьевич (доктор филологических наук, профессор Уральского государственного педагогического университета) «Теория и практика политической коммуникации».

В выступлении были представлены основные проблемы современной политической коммуникации, охарактеризованы ведущие подходы к их решению в отечественной и зарубежной политической лингвистике, выделены ведущие научные школы.

2. Михайлова Ольга Алексеевна (доктор филологических наук, профессор Уральского государственного университета им. А.М. Горького) «Толерантность и интолерантность в российской политической коммуникации».

Автор показывает, как развивались идеи политической толерантности в отечественном политическом дискурсе, выделяет различные подходы к пониманию толерантности и интолерантности, обосновывает необходимость дальнейшего развития идей толерантности

3. Шмелева Елена Яковлевна (кандидат филологических наук, научный сотрудник Института Русского языка РАН) «Политическая лексикография и проблемы русского языка как государственного»

Автор обратился к истории проблемы о необходимости государственного языка, рассмотрел функции государственного языка и охарактеризовал дискуссию в современных СМИ, связанную с утверждением Министерством науки и образования списка рекомендуемых словарей русского языка

4. Кара-Мурза Елена Станиславовна (кандидат филологических наук, доцент факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова) «Речевое преступление как проявление конфликтности политической коммуникации».

Речевые преступления рассмотрены с позиций теории и практики лингвистической экспертизы. Охарактеризована современная судебная практика использования лингвистической экспертизы в делах о защите чести и достоинства, о клевете, об оскорблении, о разжигании межнациональной розни.

5. Кобозева Ирина Михайловна (доктор филологических наук, профессор филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова) «Лингвистический анализ политического дискурса»

Представлены ведущие методологические проблемы исследования метафоры в политическом дискурсе. Автор подчеркивает, что стертые метафоры не представляют при анализе значительного интереса, намного важнее рассмотреть потенциал «живых» метафор.

6. Пименова Марина Владимировна (доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой Кемеровского государственного университета) «Политические метафоры: особенности публицистического дискурса 2005 и 2009 гг.»

Сопоставлены закономерности использования политических метафор в российском политическом дискурсе 2005 и 2009 гг., выделены ведущие сферы-мишени и сферы-источники, сделан вывод о значительном снижении агрессивности метафор.

7. Пименов Евгений Александрович (доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой Кемеровского государственного университета) Антропоморфизм власти (особенности концептуального анализа)

Рассмотрена тенденция представления государственной власти как живого человека, выделены ведущие модели антропоморфной метафоры в современном политической дискурсе

8. Дементьев Вадим Викторович (доктор филологических наук, профессор, Саратовского государственного университета) Образы старых и новых «хозяев жизни»: концепты светский и гламурный в современном русском языке
Продемонстрировано, что образы новых русских в современных СМИ способны вызывать негативные чувства у читателей, что приводит к развитию агрессивности. Выделены ведущие маркеры старых и новых «хозяев жизни» в современных СМИ.

9. Балашова Любовь Викторовна (доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой Саратовского государственного уни-

верситета) Образ России в зеркале концептуальной метафоры (на материале политического телешоу «К барьеру»).

Рассмотрены метафорические модели, которые в совокупности представляют образ современной России в телекоммуникации.

10. **Клочко Надежда Николаевна** (доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой Латвийского государственного университета) *Quid hoc hominis est? // Что это за человек? (этнокультурный портрет президента Латвии В. Вике-Фрейберги)*.

В ярком эмоциональном докладе охарактеризованы лингвополитические проблемы современной Латвии. Проанализирован дискурс и речевой портрет президента Латвии В. Вике-Фрейберги). Выделены некоторые закономерности развития политического дискурса в странах Прибалтики

11. **Будаев Эдуард Владимирович** (кандидат филологических наук, докторант Уральского государственного педагогического университета) *Лингвистическая советология в годы холодной войны*.

Охарактеризован один из этапов развития лингвистической советологии – научного направления, в рамках которого западные ученые анализировали советский политический дискурс.

На секционных заседаниях и «круглых столах», в стендовых докладах на конференциях были представлены следующие аспекты современной политической коммуникации.

Направление «Общие проблемы политической коммуникации»: Речевые приемы коррекции модели мира адресата в политическом дискурсе (Боярских О.С.); Авторитет ученого и частный случай расширения значения слова и сферы его употребления в современной общественно-политической жизни (Еремина С.А.); Языковая политика в Республике Казахстан (Жикеева А.Р.); Культурно-языковой знак как единица лингвокультурологического исследования политического дискурса (Иванова С.В.); Фамильярность как характерная черта современного российского политического дискурса (Каблуков Е.В.); Проблема факта в политической коммуникации (Манаенко Г.Н.); О динамической модальности в политическом дискурсе (Михайленко В.В.); Прецедентность как составляющая речевого портрета (Нахимова Е.А.); PR-дискурс как часть современного политического дискурса (Нечаева Е.А.); О современных лингвистических терминах языковой игры в политической речи (Садыхов Р.Р.); Какого цвета кризис в России? (Суспицына И.Н.).

Направление «Политическая интернет-коммуникация»: К вопросу о развитии жанра официального веб-сайта в современном политическом дискурсе (Артемова И.Ю.); Образ России в зеркале концептуальной метафоры (Балашова Л.В.); Блогосфера: особенности политического дискурса (Бушев А.Б.); Персональные сайты пермских политиков глазами лингвиста (Карпова Т.Б.); О чем говорит «золотая середина» медиа-политического текста?

(Марьянчик В.А.); Интертекстуальные игры в медиа-политическом дискурсе (Фокина О.В.).

Направление «Политическая коммуникация в печатных СМИ»: Политика противопожарной безопасности в СМИ (Багичева Н.В., Черник В.Б.); ИмPLICITное представление политического в таблоидных изданиях (Вепрева И.Т.); Реализация образовательной политики в британских и российских СМИ (Гуреева А.М.); Ирония в политическом интервью (Шилихина К.М); Формирование современного образа России в текстах зарубежных СМИ (Левин Ю.Э.); «Молочный конфликт» между Россией и Белоруссией в освещении СМИ: от войны к миру (Тагильцева Ю.Р.); Слова президента: к вопросу о языковом взаимодействии Николая Саркози и современного французского общества (Филатова К.Л.); Отзоонимные прилагательные в современных СМИ (Цыганкова А.В.).

Направление «Речевая агрессия в политической коммуникации». В рамках данного направления обсуждались также и проблемы лингвистической экспертизы: Лингвистическая экспертиза: опасность семантической валентности (Антонова Ю.А.); Коммуникативные стратегии и тактики в дискурсе «восьмидневной войны» (Данилевская Н.В.); Дискурс извинения в японо-китайский отношениях по вопросу военного конфликта в Нанкине (Завьялова Н.А.); Речевая агрессия как следствие агональности политического дискурса (Карякин А.В.); Конфликтное коммуникативное поведение собеседников в политическом интервью (Кошкарлова Н.Н.); Дискурс-анализ межкультурного конфликта (Пермякова Т.М.); Манипулятивный потенциал когнитивных нарушений в политическом дискурсе (Садуов Р.Т.); Время сновидений: нарратив войны в латышской политической логосфере (Самойлова К.А.).

Направление «Политическая коммуникация в сопоставительном аспекте: Представление национальной идентичности в американском официально-политическом дискурсе (Гуляева Т.В.); О структуре имиджа лидера в американском политическом дискурсе (Карпушева А.В.); Праворадикальный политический дискурс современной Великобритании (Курнов Д.Д.); Репрезентация слота «деятельность компании» в англоязычных бизнес-новостях (Плотникова А.В.); Социальная политика здравоохранения: анализ американских и русских блогов (Полякова С.В.); Англоязычные политические аббревиатуры в русском политическом дискурсе (Ракитина Н.Н.); Подходы к убеждению в западной коммуникативистике (Сухарева О.Э.); Концептуализация зла в политическом дискурсе России и США (Тихонова С.А.); Некоторые особенности концептов президент и president (Хренова А.В.); Болгарские выборы на фоне глобального кризиса (Цонева Л.М.).

Направление «Текст в политической коммуникации»: Любите ли вы демократию? (Оценочный потенциал общественной лексики) (Борисова Е.Г., Некрасова К.И.); Речевое воздействие комикса как средства политической

коммуникации (Григорьева Н.Ю.); Языковые средства выражения оценки в современном российском официальном политическом дискурсе (Дементьева М.К.); Интент-анализ грамматических категорий в политических текстах (Дунев А.И.); Языковые средства оценки общественно-политической жизни в России (Зайцева Е.Л., Харитоновна Л.А.); Стереотипы в предвыборных текстах (Ильина О.В.); Политический подтекст околонучных текстов, адресованных в управленческие структуры региона (Каксин А.Д.); Стилистическая модальность текста политической направленности (Котюрова М.П.); Фразеологические вкрапления как средство создания выразительности в речи современных политиков (Крапотина Т.Г.); Фреймы низкой степени имплицитности в дискурсе костанайских политиков (Осипова М.В.); Персуазивные риторические средства в политических плакатах (Фоминых С.С.)

Направление «Историческая динамика политической коммуникации»: «Кремлевский репортаж» начала XXI века: метаморфозы жанра (Иссерс О.С.); Концепт «власть» и специфика его реализации в текстах Древней Руси (Кондратьева О.Н.); Концепты «Власть», «Страх» в политическом дискурсе сталинской эпохи (Коробкова О.М.); Краткий сравнительный анализ отражения концепта «Власть» в русском фольклоре и сознании современного человека начала XXI века (Кузнецова Ю.Е.); О принципах типологии советизмов (Купина Н.А.); Советские прецедентные феномены в рок-альбоме Е. Летова «Красный альбом» (Чемагина А.В.).

Направление «Метафорический образ современной политической коммуникации»: Метафорическая модель «Мигрант – это раб» (Веснина Л.Е.); Образ молодежи в политической коммуникации КПРФ (Григорьева Н.И.); К вопросу о метафоре сосед в публицистическом дискурсе Казахстана (Калкабекова Д.Б.); О лингвистическом исследовании политической метафоры (Керимов Р.Д.); Метафорический образ Грузии на британских сайтах (Красильникова Н.А.); Метонимия в политических текстах (Кручинкина Н.Д.); Лошади в политическом обзоре (Макеева С.О.); Оценочная метафора в фельетонах на политические темы (Никонова Ю.И.); Роль метафоры в политической коммуникации (Потапчук Е.Ю.); Стертая антропоморфная метафора как средство формирования языковой политической модели мира (Салдецкая О.И.); Прецедентные феномены со сферой-источником «политика» в рекламном дискурсе (Чистова С.С.); Казахстанская монархическая метафора (Шумская Э.Н.).

Своего рода итогом проведения научной конференции стало решение о выделении перспективных направлений в исследовании современной политической коммуникации. К числу направлений, дальнейшее рассмотрение которых позволит решать актуальные пробле-

мы данной области науки, отнесены следующие.

1. Исследования в области теоретических основ политической лингвистики.

2. Исследование исторической динамики политической коммуникации, в том числе языка советской эпохи в его сопоставлении с современной политической коммуникацией.

3. Исследования отдельных языковых уровней политического языка. Значительный интерес представляют исследования, ориентированные на изучение отдельных уровней современного политического языка (фонетики, лексики, фразеологии, синтаксиса). Следует учитывать, что каждый новый поворот в историческом развитии государства приводит к языковой «перестройке», создает свой лексико-фразеологический тезаурус, включающий также концептуальные метафоры и символы.

4. Исследования, связанные с противопоставлением описательного и нормативного подхода к изучению политического языка. В первом случае авторы фиксируют новые явления, не стремясь при этом дать им позитивную или негативную оценку. Во втором случае новые явления «подвергаются досмотру» с позиций традиционной речевой нормы.

5. Исследование жанров и стилей политического языка. Важно полнее охарактеризовать специфику отдельных жанров и стилей политического языка.

6. Исследование коммуникативных стратегий и тактик.

7. Осмысление и уточнение методов исследования политического языка. Очень разнообразна методология лингвистического анализа современного политического языка: с этой точки зрения выделяются исследования, выполненные с использованием методик, характерных для когнитивистики, лингвокультурологии, лингвистики текста, социолингвистики, риторики и культуры речи.

8. Сопоставительные исследования. Сопоставление политической коммуникации различных стран и эпох позволяет отчетливее «свое» и «чужое», случайное и закономерное, «общечеловеческое» и свойственное только определенному типу дискурса.

Разумеется, представленные направления не исчерпывают всего богатства теории и практики политической коммуникации и не ограничивают творческую инициативу специалистов.

По результатам научной конференции был подготовлен сборник научных трудов «Современная политическая коммуникация», ознакомиться с которым можно на сайте cognitive.narod.ru.

Участники школы благодарят Российский гуманитарный научный фонд за оказанную финансовую поддержку, позволившую организовать столь необходимую и интересную встречу ученых.

© Ворошлова М.Б., Чудинов А.П., 2009

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узко специализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах. Рукописи принимаются на русском, английском, немецком, французском, испанском языках, по согласованию с редакцией возможно представления рукописей и на иных языках. Публикация статей производится на русском языке. Перевод осуществляется сотрудниками журнала за счет средств редакции.

Авторы, предлагающие статьи для публикации должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы.

1. Политическая коммуникация. Включает статьи, посвященные институциональной и личностной политической коммуникации. Политическая коммуникация понимается широко, т.е. и как коммуникация, в которых политики выступают как адресанты или адресаты, и как коммуникация, связанная с политическими проблемами в рамках политического медийного, научного или иного дискурса.

2. Язык – общество – политика – культура. В этом разделе представлены статьи, в которых исследуются проблемы взаимодействия языка, общества, культуры и политики, в том числе имеющие важное социальное значение вопросы медиалингвистики и рекламной коммуникации. Подобные исследования, разумеется, связаны с социальной жизнью и политической культурой общества, но уже не настолько непосредственно, как публикации, включенные в первый раздел.

3. Классика политической лингвистики. В данном разделе представлены исследования, созданные на предшествующих этапах развития политической лингвистики и сохраняющие свою научную значимость в современных условиях.

4. Хроника. Рецензии. Письма в редакцию.

Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам. Ежегодно мы ждем от потенциальных авторов статьи объемом от 6 до 30 страниц (двенадцатый кегль, до 40 строк на странице) до 1 февраля, 1 мая, 1 сентября и 1 декабря. Единственное ограничение – статьи должны полностью соответствовать проблематике сборника. Наиболее интересные статьи печатаются вне очереди.

Все статьи, представленные в журнал, направляются на рецензирование. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензента. В случае отрицательного решения автору направляется копия рецензии.

Мы не платим гонораров, но и не берем с авторов деньги за подготовку статьи к публикации и тиражирование сборника. Это относится ко всем авторам, в том числе к начинающим исследователям (аспирантам и др.).

Журнал выходит ежеквартально. Срок выпуска каждого номера – не более двух месяцев. Наш журнал своевременно рассылается всем отечественным и зарубежным авторам.

Статьи печатаются именно в том варианте, в каком они присланы автором, который несет полную ответственность за содержание статьи и ее оформление. Редакция не считает нужным оплачивать работу литературного редактора и корректора. Поэтому вся ответственность за содержание и оформление статьи лежит на авторе.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Контакты. Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны (343) 2357612 (кафедра); (343); 3361592 (проректор по научной и инновационной деятельности А.П. Чудинов). Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ar_chudinov@mail.ru.

Наш журнал включен в Каталог Роспечати и можно оформить подписку на него в любом почтовом отделении России (индекс 81955).

Наш журнал включен также в международную систему научных журналов (ISSN), где имеет индекс ISSN 1999-2629.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, т.е., помимо основного текста, содержать следующие сведения, представленные на РУССКОМ и АНГЛИЙСКОМ языках.

1. СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

- фамилия, имя, отчество автора полностью (если авторов больше чем один, указываются все авторы);
- должность, звание, ученая степень
- полное и точное место работы каждого автора в именительном падеже. Важно четко, не допуская иной трактовки, указать место работы каждого автора. (Если все авторы статьи работают или учатся в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора отдельно);
- подразделение организации
- контактная информация (e-mail, город, корреспондентская контактная информация) для каждого автора

2. НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

3. АННОТАЦИЯ

4. КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

5. НАЛИЧИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ТЕМАТИЧЕСКОЙ РУБРИКИ (КОД)

- УДК и/или ГРНТИ, код ВАК по разделам номенклатуры научных специальностей
- либо другие библиотечно-библиографические классификационные и предметные индексы;

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ 7.0.5.-2008.... Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ:

Адорно Т. В. К логике социальных наук // Вопр. философии. 1992. № 10. С. 76–86.

Crawford P. J., Barrett T. P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // Ref. Libr. 1997. Vol. 3. № 58. P. 75-85.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000).

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве / отсосе // Теплофизика и аэромеханика. 2006. Т. 13. №. 3. С. 369-385.

Кузнецов А. Ю. Консорциум – механизм организации подписки на электронные ресурсы // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. – М.: Науч. мир, 2003. С. 340-342.

МОНОГРАФИИ:

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки: учеб. для вузов. 2-е изд. – М.: Проспект, 2006. С. 305–412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Сарат. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1999. 199 с.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000)

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: Автореф. дис. ... канд. техн. наук. – Новосибирск, 2000. 18 с.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: Дис. ... канд. полит. наук. – М., 2002. С. 54–55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ:

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: ИМЭМО, 2007. 39 с.

ПАТЕНТЫ:

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. – Ярославль, 2003. 350 с.

Марьинских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11-12 сент. 2000 г.). – Новосибирск, 2000. С. 125-128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ:

Официальные периодические издания : электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005–2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинава Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 21.10.03. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?номер=366> (дата обращения: 17.04.07).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.08).

Литчфорд Е. У. С Белой Армией по Сибири // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения 23.08.2007).